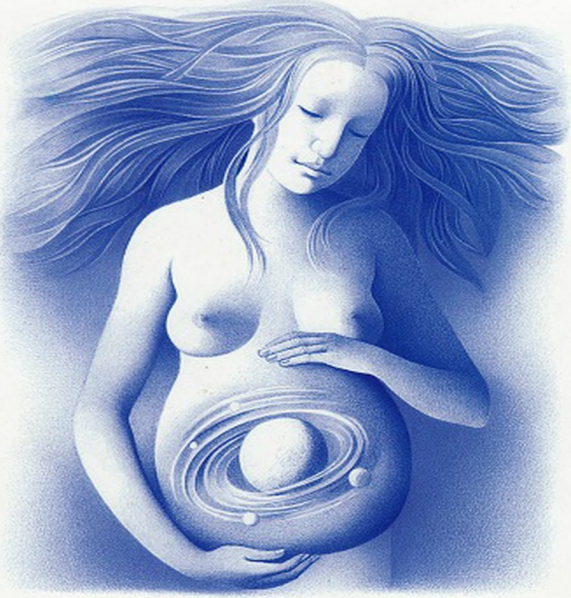
НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ 2007

ДОРИС

ЛЕССИНГ

ШИКАСТА



КАНОПУС В АРГОСЕ: АРХИВЫ

издательство амфора

Шикаста
Дорис Лессинг

Аннотация
Дорис Лессинг. Шикаста

Аннотация

Роман «Шикаста» открывает знаменитый «космический» цикл, состоящий из пяти книг и повествующий о противоборстве трех могущественных космических империй — Канопуса, Сириуса и Путтиоры. Одно из лучших произведений Дорис Лессинг, лауреата Нобелевской премии в области литературы за 2007 год.

Дорис Лессинг
Шикаста

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. ОСНОВАННЫЕ НАЛИЧНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ ДЖОХОРА (ДЖОРДЖА ШЕРБАНА). 87-ГО ЭМИССАРА IX СТЕПЕНИ ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Моему отцу, час за часом, ночь за ночью любовавшемуся звездами над нашим жилищем в Африке. «Что ж, — бывало, говорил он, — коли уж людям суждено разнести Землю вдребезги, то, по крайней мере, останется все это, откуда мы спустились сюда».

От автора

Когда я только начинала писать «Шикасту», то полагала, что, завершив эту цельную, самостоятельную книгу, закрою затронутую в ней тему. Однако в процессе работы над книгой возникли замыслы иных историй, наметки иных сюжетов; одновременно рос и рабочий азарт, не позволявший успокоиться на достигнутом. Становилось ясно, что я изобрела, — или открыла для себя — новый мир, в котором судьбы планет (не говоря уж о людях) лишь мелкие эпизоды в

эволюции космоса, выраженной в соперничестве и взаимодействии великих галактических империй: Канопуса, Сириуса, враждебной им империи под названием Путтиора с преступной планетой Шаммат. Я почувствовала, что способна экспериментировать, придерживаясь в то же время традиционной творческой технологии. Следующая часть цикла «Канопус в Аргосе», «Браки между Зонами 3, 4 и 5», получилась скорее мифом, басней — и одновременно, как это ни странно, отличалась большим реализмом.

В наше время то и дело слышишь, что писатели вынуждены взламывать рамки реалистического изложения, так как окружающая нас действительность становится день ото дня все более дикой, фантастической, невообразимой. Когда-то — и не так давно — литераторов обвиняли в преувеличениях, в склонности к экскурсам в невероятное; теперь же они сами жалуются, что никакое воображение не способно угнаться за постоянно меняющейся реальностью.

Вот вам пример: сочиняя «Воспоминания выжившей», я «изобрела» животное — нечто среднее между собакой и кошкой, а затем прочитала, что биологи и впрямь экспериментируют с подобного рода гибридом.

Да, я уверена, что не только сочинитель может подключиться к «сверхразуму», либо к «первичному сознанию», либо к «неосознанному» — да к чему угодно! И не сомневаюсь, что это может привести к каким угодно «совпадениям» или к сколь угодно невероятным последствиям.

Изменяется и старый добрый «реалистический» роман, изменяется под влиянием жанра, обычно обозначаемого как «космическая фантастика». Кое-кто этим недоволен. Помню, как-то раз во время поездки по Соединенным Штатам мою лекцию однажды прервала дама-профессор, председательствовавшая на той встрече. Ее, пожалуй, единственный недостаток — слишком глубокая погруженности в академические традиции. Она заявила: «Будь вы моей студенткой, я бы таких фантазий с вашей стороны ни за что не допустила». Я же не устаю повторять, что научная фантастика, космическая фантастика — самая своеобразная отрасль литературы, жанр наиболее изобретательный и остроумный. Фантастика оживила литературу вообще. Я не устаю обвинять академические круги как в зажиме, так и в игнорировании литературы подобного рода — хотя по природе своей именно к такому подходу они, эти круги, и призваны. Признаю, что моя

позиция с течением времени тоже приобретает прискорбные признаки ортодоксальности.

Полагаю, в корне неверно ставить «серьезный» роман на одну полку, а фантастику — на другую.

Очень интересное явление эта фантастика: научная, космическая… Оно возникло словно бы в результате взрыва, ворвавшись к нам из ниоткуда, как всегда случается, когда человеческий разум получает толчок к расширению, на этот раз — к звездам, к галактикам и кто знает куда еще. Произведения фантастов открыли нам глаза в новый мир, в новые миры, указали на то, что происходит, указали на новые, нехоженые пути, описали наше отвратительное настоящее давным-давно, в бытность его еще будущим, когда господа официальные научные чины авторитетно заявляли, что, мол, то-то и то-то (ныне повседневная банальность) совершенно невозможно по таким-то и таким-то причинам. Фантастика взяла на себя неблагодарную роль всеми презираемого незаконнорожденного отпрыска, имеющего наглость указывать уважаемым сводным братьям и сестрам на то, чего они не отваживались или не желали замечать в силу своей респектабельности. В произведениях писателей — фантастов древнее наследие изучается

с не меньшей смелостью, чем футуристические прогнозы. Сколь многим мы им обязаны!

«Шикаста», как и многие иные сочинения этого жанра, исходит из Ветхого Завета. Мы привыкли отмахиваться от Ветхого Завета по той смехотворной причине, что Иегова, он же Яхве, ведет себя не как сусальный благотворитель. Герберт Уэллс совершенно справедливо указывает, что когда человек кудахчет Богу свое бесконечное «дай-дай-дай!!!», он ведет себя, как мелкая шавка, пытающаяся пристроиться к грозному льву темной ночью. Или что-то в этом роде.

Священная литература всех народов во многом схожа по своим базовым принципам. Ее и вправду можно принять за продукт единого разума. И вполне возможно, что мы ошибаемся, списывая ее как ископаемую окаменелость.

Даже оставив вне поля зрения попол-ву, религиозные традиции догонов, историю Гильгамеша или иные подобного рода (я иной раз гляжу на молодежь и гадаю, ценят ли они то, что сейчас на любом углу можно купить эти и иные сокровища… и долго ли продлится такое время), — так вот, оставив все это в стороне и ограничившись лишь нашим традиционным наследием, можно найти много интересного, читая Ветхий Завет,

включающий, естественно, Тору евреев и апокрифы, а также многие другие источники, в свое время проклятые, объявленные еретическими или просто несуществующими. Плюс к тому Новый Завет. Плюс Коран. Есть, правда, и такие, кто всерьез верит, что на Среднем Востоке была лишь одна Священная Книга.

Дорис Лессинг, 7 ноября 1978 г.

Джохор был выбран как наиболее типичный из всех наших эмиссаров на Шикасте.

Послов и экспертов там побывало великое множество, самых различных узких специализаций.

Записи Джохора способствуют воссозданию общей картины обстановки на Шикасте.

Пособие предназначено для студентов первого года обучения, специализирующихся на истории Канопуса и его колоний.

Из записей Джохора

На многие планеты меня посылали. Всего навидался. Участвовал и в экстренных, чрезвычайных

миссиях, и в тщательно запланированных, расписанных по пунктам программах. Не однажды пришлось мне испытать горечь поражения, стать свидетелем окончательного крушения надежд, надежд иногда радужных, обоснованных. Блестящее развитие, прекрасные промежуточные результаты и вдруг — баста! Ритм исчез, движение замерло. Дальнейшее — молчанье.

Но одно дело — смириться с внезапной катастрофой, и совсем другое — долгие годы, многие века и тысячелетия терпеть безнадежность без просвета, без света в конце бесконечного тунеля.

Разочарование можно измерить количественно и подразделить качественно. И из этих градаций можно извлечь определенную пользу, найти им практическое применение. Склад ума исполнителя, регистрирующего эти оценки, — благодатная почва для исследователя.

Невелика моя роль в корпусе персонала, узок крут моих обязанностей. Это не означает, однако, что нет у меня обычного для каждого исполнителя права сказать: «Хватит! Невидимые, неписаные, негласные правила запрещают». Правила, продиктованные Любовью. Таково мое ощущение, и многие со мной солидарны. Но есть

в Колониальной Службе и такие, кто придерживается иной точки зрения. Одна из целей моих при этой систематизации мыслей, выходящей, возможно, за рамки необходимого, — оправдать точку зрения, как я полагаю, большинства, заключающуюся в том, что Шикаста стоит наших забот, наших усилий.

Постараюсь изложить все четко и ясно. Придут после меня другие, прочтут мои записи, как я читал записки предшественников. Не дано мне предугадать, как воспримет мои записи тот, кто прочтет их через десяток тысяч лет.

Все течет, все меняется. В этом ни у кого нет сомнений.

Из всех моих миссий посольство на Шикаете — наихудшая. Не утаю, я почти не вспоминал о нем до самого последнего времени. Не хотел вспоминать. Мало радости вспоминать о неприятном.

Всегда Вселенная наша отличалась гадостным характером, всегда оставалась подверженной катастрофам, катаклизмам, резким изменениям. Вымученная радость изливалась из сущности, впихиваемой в новые формы. Но Шикаста, бедная Шикаста… Нет, даже думать не хотелось о ней больше, чем необходимо. Я не стремился встречаться с коллегами, посланными туда — а

очень многие снова и снова посещали эту планету, писали отчеты, составляли доклады. Никто не может обвинить Канопус в недостатке внимания к злосчастной Шикаете, и посланные туда относились к своим обязанностям ответственно, добросовестно. Шикаста все время оставалась на нашей повестке дня. На нашей космической повестке дня. Да и трудно было о ней забыть, она все время мелькала в новостях. Но я не интересовался новостями. Сдал отчет — и все, хватит. И когда меня снова послали туда во Время Разрушения Городов, для сбора информации на месте, я держался в рамках порученной задачи.

И вот, после длительного интервала — неужто и вправду прошли многие тысячи лет? — я оживляю память, восстанавливаю события, и эти попытки найдут отражение в записках, которые вам предстоит прочитать.

Из заметок о планете Шикаста

«РУКОВОДСТВО ДЛЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ»

Шикаста — наиболее богатая из всех планет, которые нами колонизированы частично или полностью. В особенности это относится к фор-

мам жизни, их потенциальному многообразию и изобилию. Этим качеством Шикаста отличалась всегда, вне зависимости от множества изменений, которые она претерпела или, если выразиться точнее, от которых она пострадала. Все на этой планете проявляется в крайних, утрированных формах. Взять, к примеру, ее гигантоманию. Вдруг по всей Шикаете распространились во множестве гигантские организмы. Затем гигантомания сменялась «миниатюризацией». Или же эти две тенденции перекрывали одна другую, накладывались. Не раз случалось, что одни обитатели Шикасты занимали на планете места в сотни раз больше, нежели другие. И, соответственно, настолько же больше поглощали пищи. Во взаимосвязи биологические виды поглощали друг друга, паразитировали один на другом, меняли баланс планеты. Каждая форма жизни пользуется какими-то другими, питается ими, поддерживается ими и, в свою очередь, питает и поддерживает другие формы. Существа-обитатели этого могут не замечать. То есть они концентрируются на тех, которых используют, но могут не замечать тех, кто пользуется ими.

Снова и снова нарушался баланс, следовали катастрофы, Шикаста фактически лишалась жиз-

ни. И опять жизнь расцветала, и опять загнивала — и так без конца.

Планета эта славится контрастами, противоречиями. Напряжения — ее характерная черта. Ее сила и ее слабость.

Послы, которых отправляли на Шикасту, должны были иметь в виду, что они не найдут здесь того, к чему привыкли на других планетах и подсознательно склонны ожидать также на этой; что вместо длительного почти неизменного *состояния* их ожидает динамичный *процесс.*

Обратимся к примеру: можно задержаться у модели Шикасты, масштаб 3, то есть примерно в теперешнюю величину (доминантные виды в половину канопианского размера). Сфера эта, которую вы видите так же, как она видна на картографических приборах, диаметром со среднего представителя доминантного вида. Видно, что ббльшая часть сферы обильно смазана жидкостью. Распространение жизни зависит от этой жидкости. Эта планета не знает жизни в форме мелкой дряни, расползшейся по ее поверхности, она, как нам известно, слишком себя для этого уважает. Это, однако, не тот аспект, который мы сейчас рассматриваем. Смысл упражнения в том, чтобы понять, что распространение органики

на Шикаете зависит от мазка жидкости на ее поверхности, который в момент смахнет любая бродячая звезда или комета. Чему, вообще-то говоря, тоже имеются прецеденты в истории Вселенной.

Другой пример: приспособьтесь к различным формам бытия на разных концентрических оболочках вокруг планеты, которых всего шесть. Ни одна из них не потребует от вас особенных усилий, вы быстро проникаете туда и выходите оттуда. За исключением оболочки, или круга, или Зоны 6, последней, которую следует изучить детально, ибо в ней надлежит оставаться для выполнения различных порученных вам задач. Зона богата всякого рода опасностями, неприятностями, которых, однако, легко избежать, что подтверждает и тот факт, что за все время мы не потеряли здесь ни одного посла из многих сотен, даже самого молодого и неопытного. Неподготовленного Зона 6 осыпает множеством неприятных сюрпризов, задержек, утомляет и истощает. Причиной этого являются сильные эмоции, выражающиеся в «ностальгии» — тоске по тому, чего не существует, или не существует в представляемой и желаемой форме. Здесь стаями толкутся химеры, призраки, фантомы, полуфор-

мы и недоформы, но если не терять бдительности и постоянно быть начеку, все эти трудности разрешимы.

Еще один пример: вы пожелали ознакомиться с фокусировками, потребными для рассмотрения обитателей Шикасты. Все доступные на Шикаете размеры представлены в помещениях 1 — 100 отдела 31, от масштаба электрона до доминанта. Различия здесь поразительны и опасны. В масштабе электрона Шикаста покажется пустым пространством, заполненным легкими дымками, мельчайшими вибрирующими частицами, разделенными невообразимыми пространствами. Если удалить промежутки между электронами, крупнейшее здание Шикасты сожмется до размеров срезанного ногтя. Эксперименты со звуком на Шикаете для неподготовленного опасны. Цветовая гамма Шикасты новичка просто сбивает с толку.

Подводя итог, можно сказать, что ни одна из знакомых нам планет не отличается столь мощными и грубыми уровнями вибрации, как Шикаста, и влияние любого из этих уровней на существа остальных планет чревато искажением восприятия и способностей суждения.

Из записей Джохора

Когда мне сообщили о предстоящей миссии, уже третьей по счету, не ожидалось, что я проведу много времени в Зоне 6. Но тогда еще не было известно, что Тофик запутался и что его работа падет на плечи других, в том числе, и по большей части, на мои. И сделать это надлежало быстро, так что не было у меня времени на воплощение и на вырастание во взрослый организм, чтобы выполнить все свалившиеся неожиданно задачи, связанные с неудачей Тофика. Наш персонал на Шикаете и без того перегружен, никто толком не подготовлен к тому, чтобы перенять его задания. К сожалению, не всегда понимают, что кадры не взаимозаменяемы. Опыт набирается в разных областях, в разной степени. Мы можем начать вместе, в одинаковых условиях, на одной планете, скажем на той же Шикаете, и поначалу исходная разница между нами окажется не больше, чем между новорожденными щенками одного помета, но пройдет какая-нибудь сотня лет, не говоря уж о тысяче, и вот мы уже настолько же отличаемся друг от друга, насколько отличаются одна от другой снежинки. Если кого-то из нас выбирают для какой-нибудь планеты, то руководствуют-

ся при этом определенными соображениями: Джохор хорош для такой работы, Назар для другой, тогда как Тофик наилучшим образом приспособлен для выполнения специфической долгосрочной задачи, с которой, пожалуй, кроме него, никто и не справится. И замечу вскользь, как бы в сторону, что мучили меня сильнейшие сомнения. Очень часто меня и Тофика считают чуть ли не близнецами. Не совсем, конечно, но вроде того. Мы с ним уж сколько дружим, сколько раз нас обоих выбирали, когда надо было отобрать наилучших… Сколько раз мы работали вместе, на разных планетах, как братья, как партнеры на всю жизнь. Без колебаний мы приняли бы ответственность друг за друга. И все же много энергии потратил я, готовя себя к этой миссии. Не хотелось мне ид ти путем Тофика, брата моего. Не описать моей реакции на необходимость задержаться в Зоне 6. Помню я, какое это место, как ослабляет оно разум, подрывает уверенность, заполняет мечтами, тоской, жаждой исполнения давних надежд — а кто хоть на что-то не надеялся в своей жизни! Но судьба наша — снова и снова подвергать себя риску, опасностям, искушениям. И нет иного пути. Нет, не хочу я в Зону 6. Был я там дважды: первый раз еще новичком, в составе

спецкоманды Первого Времени, затем послом в Предокончательный Период. И все меняется, абсолютно все, все.

Зоны с Первой по Пятую я миновал, выведя входы на минимум. Бывал я и там, места по меньшей мере терпимые, а то и вовсе неплохие, ибо обитатели их пробили себе путь из миазмов Шестой, преодолели тяготение и притяжение Шикасты. Но они в этот раз вне моего интереса, и ничего, кроме мигания и мелькания форм, ощущений, изменений, ударов жара и холода, щелчков возбуждения я не ощутил. Вскоре по своим ощущениям я догадался, что приближаюсь к Шестой. Можно было мне ничего не сообщать, я внутренним чувством понял это, с внутренним вздохом мог сказать: «Ну-ну, Шикаста, вот и ты, опять ты…»

Сумерки души, туман тоски, вакуумная тяга эмоций… Каждый шаг через силу, как будто за лодыжки меня держали какие-то невидимые существа, отягощали своим немалым весом. Наконец я отделался от дымки, и там, где в прошлый раз видел зеленые луга, прозрачные ручьи, пасущиеся стада, нашел лишь выжженную сушь. Два плоских черных камня обозначали Восточные ворота, при них собрались души-бедолаги,

рвущиеся вон с Шикасты, лежавшей за ними, отделенной от них пыльными равнинами Зоны 6. Не видя меня, но ощутив мое присутствие, они слепым стадом стали напирать вперед, крутя головами, стеная, гримасничая. Я все еще не показывался, и они затянули унылый гимн, который я сразу вспомнил, ибо слышал его в Зоне 6 тысячи лет назад:

Спаси меня, Господь,
Любовь моя с Тобой,
Спаси меня, Творец,
Твоя любовь со мной.
Глаз Господа Следит за мной.
Освободит меня,
Уплатит выкуп мой…

Я тем временем рассматривал лица собравшихся. Многих я знал, они не изменились, если не считать печати горя. Помнил я их здоровыми, бодрыми, крепкими животными еще по Первому Времени. А вот и старый друг мой Бен, потомок Давида и Саис. Он настолько сильно ощущал мое присутствие, что вытянул в мою сторону руки, ожидая прикосновения моих. По лицу его текли слезы. Я проявился в том виде, в каком он запом-

нил меня в последний раз, покрыл его ладони своими, и вот он уже плачет в моих объятиях.

— Наконец, наконец-то, — всхлипывал он. — На этот раз за мной. На этот раз пришел мой черед…

Остальные напирали, стремились ко мне, растворяя меня своим стремлением. Я почувствовал, как из меня вытягивают суть мою, и отступил, и отпустил руки Бена, но он не перестал причитать; да и все они ныли, причитали:

— Так долго, долго, долго… Когда же, наконец…

— Скажи мне, почему ты еще здесь? — пронзил я его вопросом, и все замолчали, а Бен заговорил.

Но сказал он мне лишь то же, что говорил и в прошлый раз. И остальные плакались, и я ощутил, что уловлен Шестою зоной, и существо мое бродило нетерпением и страхом, ибо вся работа моя предстоявшая звала меня, и не мог я освободиться. И снова они повторяли то же самое, как будто и не стоял я здесь же в прошлый раз, как будто и не помнили они об этом. И развернулись они, и пересекли равнину, и ступили на Шикасту, некоторые из них недавно, другие сотни и тысячи лет назад, и попались они, засосало их, сломалась их воля, и вышвырнуло их обратно на это место, к Восточным воротам. Пробуют снова, и снова неудача, и снова здесь они. Падают духом

они, но иные находят в себе силы, ступают на Шикасту и выбивают из нее свой приз — избавление от нее навеки. Но снова и снова маячат бледные призраки, причитают, булькают болотной трясиной, стонут ночным ветром в тщетной надежде на «них». «Они» придут, спасут, заберут из этого ужасного места, утащат прочь, как кошка-мать спасает свое потомство, уносит в зубах в безопасное местечко. Идея спасения, поддержки извне культивируется, процветает у этих Врат Спасения, ее сила и хватка меня просто бесит, выводит из себя.

— Бен, — сказал я, обращаясь через него ко всем. — Ты должен попытаться снова. Другого пути нет.

Но он исходил слезами, мольбами, приводил доводы, убеждал — я попал в эпицентр ливня слез и урагана вздохов.

Он не сдавался, и я не мог его в этом винить. Снова и снова маячил Бен в ожидании у «ворот» Шикасты, и когда подходила его очередь, он уверял себя, что уж в этот-то раз…

Но, лишь покинув Шикасту после месяцев, лет или целой жизни ожидания, лишь пройдя через Восточные ворота, он вспоминает, зачем пришел. Он собирался спасти себя при помощи ужасов

и опасностей Шикасты, кристаллизоваться в стойкую субстанцию, которой ничто не страшно, но, опомнившись, осознал, что снова растратил жизнь на пустяки, провел ее в слабости, в бессилии и забвении. Снова и снова, так что не мог теперь оглядеться без ужаса, не мог заставить себя пристроиться к толпам душ, ожидающих у входов Шикасты шанса на возрождение. Нет, он уже оставил надежду. Как и все здесь, Бен обречен ждать, пока «они» заберут его отсюда. Обречен ждать меня. И потому он меня не хотел отпускать.

Я сказал то, что говорил ему ранее, что говорил всем им ранее:

— Все вы должны перейти долину и терпеливо дожидаться своей очереди. Теперь уже так долго ждать не придется, ибо Шикаста наводнена душами, они рождаются во все большем количестве. Идите, ждите и не теряйте надежды.

Шум вокруг меня поднялся неимоверный.

— Говорят, сейчас все гораздо хуже! — кричал Бен. — Все хуже и все труднее! Если у меня не получилось тогда, как я осилю теперь? Да не могу я…

— Ты должен, — сказал я и принялся прокладывать себе дорогу сквозь толпу.

Бен разразился раскатами хриплого хохота.

— Шагаешь гордо и уверенно! Всегда прав, приходишь и уходишь, когда захочешь, а нам-то каково? — Он вперил в меня обвиняющий взор.

Я прошел сквозь них и, отойдя подальше, обернулся. Толпа вопила, придавленная горем. Бен сделал шаг, отделился от общей массы. Еще шаг. Я указал ему на долину. Он собирался попытаться. Он шагал в мучительную даль долины.

Уходя, я вновь услышал их пение.

Глаз Господа Следит за мной.
Освободит меня,
Уплатит выкуп мой.
Здесь я стою
И не могу иначе.
Спаси, Господь,
И моему ты внемли плачу.

И далее в том же духе.

Уже истощенный печалью, самой бесполезной из эмоций, я продвигался по покрытой толстым слоем пыли равнине. Пересекая пересохшие каналы, используя в качестве дороги высохшие русла рек, я вспоминал былые травы, зеленые кусты, ручьи и реки. Кузнечики и цикады, пе-

реливы горячего света на голом камне — скоро завершится превращение этой местности в пустыню. Мысли мои обратились к тому, что встретится мне на Шикаете.

Вдали обозначилась какая-то сросшаяся с камнем фигура. Я приблизился к женщине, сидящей на низком валуне, согбенной горем, погрузившейся в него настолько, что приближения моего она не заметила, так и сидела неподвижно, пока я ее не поприветствовал. Подойдя вплотную, я узнал Рилу, в последний мой визит осаждавшую с толпою Восточные ворота.

Она подняла лицо — скорбное, окаменевшее.

— Знаю, что скажешь мне, — произнесла женщина, почти не шевеля губами.

— Бен опять пытается, — сказал я. Но, обернувшись, Бена не увидел. Лишь пыль красноватой пеленою колыхалась в воздухе над сухой, изломанной ветром травой. Не меняя выражения лица, Рила посмотрела в направлении моего взгляда. — Он там, поверь.

— Какая разница. Бесполезно. Уж я ли не пыталась.

— Собираешься сидеть здесь до скончания времен?

Ничего не сказав в ответ, она вернулась к

исходной позе, замерла. Себе она казалась опустошенным тяжелым сосудом, статичным, неподвижным. Я же видел в ней опасный вихрь или водоворот, видел себя, полупрозрачного и тонкого, клонящегося к ней, затягиваемого в воронку.

— Рила, у меня работа.

— А как же. Разве ты что-то другое скажешь?

— Рила, иди отыщи Бена.

Я продолжил путь. Долго не оборачивался. Не отваживался, боялся, что втянет меня, засосет; что побегу к ней. Знал я ее, хорошо знал. Знал, какие качества заперты в ней отчаянием. Рила не глядела мне вслед. Ее взгляд устремился на пыльную равнину, на которой, как предполагалось, находился Бен.

Я оставил ее.

И сбился с пути. Память о последнем посещении не помогла. Не могла помочь, потому что слишком велики оказались изменения. Изменилось все. Я искал жилища гигантов. Видеть их не хотелось, ибо знал я, что увижу признаки прогрессирующего вырождения. Но встреча с гигантами — лучшее средство выйти на Тофика. Состояние Тофика, как пленника Врага, должно отличаться — и не могло быть иным — переиз-

бытком самоуважения, гордости, заносчивости, глупости. Выйти на контакт с Тофиком можно было при помощи таких же качеств. Значит, гиганты. Что и следовало доказать.

В отдалении, ближе к пустынному горизонту громоздились скалы, голые, черные, похожие на грозящие кому-то в небе кулаки. Кому грозили они? Облакам? Облака облика не менее жуткого: пурпурные, неподвижные, жирные, тяжкие тучи. Недвижные скопления туч. Песчаная пыль под ними кажется живее, колышется в воздухе тучей саранчи. Мертвый мир. Моя тень тянется следом, макушкой тычется в горизонт, лягает меня пятками, зацепить стремится, с ног сбить. Колючие скальные пики от дальнего горизонта дотягиваются до меня, норовят всадить верхушки в живот, промахиваются… острые пики памяти. Одна из теней мертвее, чем другие. Она — то и приходит в движение, отделяется от остальных… Группа гигантов. Слабею, истекаю печалью, силу сердца всасывает пыльный песок.

Где? Где былое величие?

Высокими они были — что ж, рост, пожалуй, не уменьшился. Но суть и сила их исчезли. Длинные, тощие, шаткие призраки-прислонюхи, стремящиеся опереться о воздух, неуклюжие, пустоликие,

сливающиеся с пыльной завесой. Приближаясь, эти нескладные явления вырастали числом и ростом. Навстречу шагали представители племени, которое я когда — то, в прошлое посещение, пытался предостеречь и поддержать. Впустую, как оказалось. При виде их не смог я удержать горестного вопля, отозвавшегося таким же, как мне сначала показалось, воплем толпы гигантов. Но нет, они всерьез считали, что испустили грозный боевой клич. Наивная публика. Что-то смехотворное сквозило в их грозных жестах. Они рванулись ко мне, чтобы размозжить меня своими костями, смешать с пылью, но выставленная мною вперед Сигнатура сдержала их. Не сразу они разглядели, распознали ее сияющий образ, туго ворочались мысли, долго рылись гиганты в памяти. Но вот они кончили недоуменно чесаться и переглядываться, вот уже окружили меня, около двух сотен пустынных призраков. Узнаю когда-то царственные лики, ныне изношенные, затертые маски.

Нелепо потоптавшись, они двинулись обратно, заключив меня в центр своей компании, повлеклись к скалам, среди которых расположился воздвигнутый ими замок, конгломерат башен грубых очертаний, почти не напоминавших о

грандиозных сооружениях Первого Времени. Меня подмывало спросить: «Вы всерьез воображаете, что эта дикость чем-то похожа на то, в чем вы обитали когда-то, когда были самими собой?»

Они ввели меня в длинный зал. Стены из неотесанного камня, грубые стулья и парадные, тронные кресла. Гиганты расселись, попытавшись позами изобразить величие. Тяжкие хламиды свои они явно полагали роскошными царственными одеяниями. Тускло сверкала всяческая мишура: короны, диадемы, скипетры, державы, церемониальные мечи и иная подобная дрянь. Где они разжились этим хламом? Отважились проникнуть на Шикасту!

С трудом я сдерживал себя от проявления скорби о потере всего, что означало Первое Время. Удерживая перед собою Сигнатуру, я спросил гигантов, как им жилось с тех пор, как я покинул их. Молчание. Они ерзают, переглядываются, поворачивают физиономии ко мне, отворачиваются от меня… Замечаю, что черты их различаются с трудом, вглядываюсь. Блестящие черные лики с оттенками коричневого, проблесками желтого, кремового, бежевого… Трудно различить. Более сотни их здесь, на стульях, на тронах, но меньше, чем *тогда.* Вижу пустые стулья. Число пустых

сидений, кажется, возрастает. Занимавшие их фигуры тают в сгущающихся сумерках. Свет исходит лишь от Сигнатуры, да и жизнь здесь теплится, кажется, лишь в ней одной. Гиганты тощи, серы, нематериальны, почти прозрачны. Кажется, смена позы сидящего ведет к его исчезновению. Неловкий поворот — и громадный коричневый муж в нелепом одеянии превращается в брошенный на спинку кресла плащ, а сверкающие глаза его, ищущие в моем лице ответа на вопросы памяти, оказываются драгоценной дрянью, ювелирными поделками, сверкающими на потасканной тиаре, косо нахлобученной на венчающий вырост спинки этого кресла. Они рассеивались и растворялись под моим взглядом.

— Где ваша воля к победе? — спросил я их. — Где боевой порыв?

Змеиный шип заполнил зал, они задергались, завертелись, лишь Сигнатура сдерживала их порыв уничтожить меня на месте.

— Ш-ш-шикас-с-с-ста…. - слышал я шипенье, наполненное ненавистью, отвращением, но более всего — смертельным ужасом.

Что-то вспоминалось им из того, чем они когда-то были, Сигнатура вызвала в их головах эти воспоминания. Немного вспоминалось, но нечто

возвышенное, великолепное. Нечто верное, неоспоримое. Они знали, во что превратились их потомки. По лицам их было заметно, что даже слово «Шикаста» вызывало мучительные ощущения.

— Буду сидеть тут с вами столько, сколько понадобится, чтобы посетить Шикасту, — сообщил я гигантам.

Снова движение, топот, как будто забили копытами испуганные кони.

Согласно долгу своему, я сказал им, даже зная, что они меня не станут слушать — они в состоянии были слышать, иначе я не стал бы тратить зря свои отнюдь не бесконечные запасы энергии — я сказал им:

— Идите со мною. Я помогу вам. Я сделаю все, чтобы помочь вам добиться своего, пробить себе дорогу.

Они замерли без ответа, без движения, призрачно серея в полутьме.

— Что ж, — сказал я тогда. — Вы должны сидеть здесь, пока я не вернусь. Лишь при таком условии это путешествие возможно.

Окруженный этими вместилищами тлена, поддерживаемый их немыслимой надменностью, я смог пронзить туман, отделявший меня от реаль-

ности Шикасты, смог приступить к поиску друга моего Тофика.

Однако следует сначала упорядочить воспоминания о моем посещении Шикасты — тогда Роанды — еще в Первое Время, когда эта раса являла собою надежду и гордость Канопуса. Использую также и иные записи о визитах на Шикасту в Эпоху Гигантов.

Миллионы лет Шикаста представляла собою одну из сотен планет, за которыми велось наблюдение. Она рассматривалась как обладающая определенным потенциалом, ибо история ее изобиловала внезапными скачками, периодами быстрого развития, столь же быстрой деградации, недолгими периодами застоя. Всего от нее можно было ожидать. В один из периодов стагнации планета подверглась длительному облучению взорвавшейся в Андаре звезды. На нее спустилась экспедиция, обнаружила плодородные болота, однородную стабильную растительность, в которой шныряли грызуны, сумчатые, а кое-где, на редких участках посуше, встречались и обезьяны. Недостатком планеты оказалась краткость жизни ее обитателей. Наш соперник Сириус насадил там кое-какие виды живых существ, и они не вымерли, однако нормальные в иных условиях

сроки жизни в тысячи лет у адаптировавшихся к новым условиям экземпляров усохли в жалкие несколько годичных циклов. Я, разумеется, имею в виду масштабы времени, принятые на Шикасте. На Канопусе и Сириусе специалисты обсуждали перспективы использования планеты. Со времени Великой Войны между Сириусом и Канопусом, покончившей со всеми войнами между нами, во избежание столкновения интересов регулярно проводились — и до сих пор проводятся — соответствующие конференции, поддерживаются контакты.

Так вот та конференция не пришла к определенным заключениям. Неясно было, к чему в конечном итоге приведет облучение. Сириус и Канопус согласились выжидать и наблюдать. Исследовали планету и обитатели Шаммат, хотя об этом мы узнали лишь позже.

Почти сразу наши наблюдатели сообщили о резком изменении видов. Особенно бурно мутировали обезьяны, причем наряду с уродливыми отклонениями появлялись и многообещающие. То же происходило и с растительностью, с насекомыми, с рыбами. Соблазненные уникальными возможностями планеты, мы назвали ее Роандой, что означало «плодородная, цветущая,

изобильная».

Однако поверхность ее по-прежнему оставалась сплошным болотом, над которым бродили туманы и лили дожди. Нет более унылых мест, чем такие сверхвлажные планеты. Теплая водица, топи да трясины, тучи да озера — их обычно неохотно посещают. Но климат менялся. Участки суши росли, хотя из космоса планета по-прежнему казалась туманным шаром. Еще одна нежданная вспышка облучения, и полюса замерзли, покрылись шапками льда, вобравшего массу воды из атмосферы. Роанда превращалась в весьма удобную для обитания планету с обширными поверхностями суши и водой, удерживаемой в стабильных границах, сосредоточенной в морях или текущей по руслам рек и протоков.

Сириус и Канопус оживленно обсуждали судьбу планеты. Сириус желал получить южное полушарие для осуществления сравнительных экспериментов, которые собирался проводить там параллельно с иными колониями. Нас больше интересовало северное, потому что здесь сосредоточились бывшие «обезьяны», выросшие по сравнению с предками своими втрое-вчетверо и проявлявшие наклонности к прямохождению. Замечались у них и обнадеживающие сдвиги

в области интеллекта. Наши специалисты прогнозировали быстрое развитие этих существ до вида ступени А (примерно за пятьдесят тысяч лет — если, конечно, не случится чего-либо непредвиденного). Продолжительность их жизни также возросла в несколько раз, что безмерно обнадеживало.

Канопус решил развивать Роанду по плану наибольшего благоприятствования. Это объяснялось и привходящими обстоятельствами. Другая наша колония доживала последние тысячелетия. Через двадцать тысяч лет ожидался сдвиг с орбиты одной из комет с сопутствующим внесением нестабильности в нашу систему (см. карты и диаграммы от 67М до 93М, ареал 7Д3 в здании планетария). Если к тому времени удалось бы довести Роанду до приемлемого состояния, она могла бы занять место обреченной планеты, будущее которой в точности совпало с предсказаниями. Ныне она мертва.

Таким образом, мы нуждались в Роанде не через пятьдесят, а через двадцать тысяч лет. Как обычно, объявили конкурс, выбрали в Колонии 10 вид, отлично проявивший себя в симбиотическом развитии.

Разумеется, виду этому полагалось отличаться

определенными качествами, предпосылками успешного внедрения в новые условия. Прежде всего, он должен был отличаться склонностью к приключениям. Ведь, зная общее направление развития, невозможно с точностью прогнозировать детали взаимодействия двух биологических видов. Не скрыли от переселенцев и того, что Роанда по природе непредсказуема, подвержена рискам, изменениям. Никто не знал, как изменится их срок жизни в новых условиях. Если вдруг сократится до роандийских норм, то эксперимент можно считать сведенным к самоубийству вида.

Однако на то время выбранный вид отличался завидным здоровьем, интеллектуальной динамичностью, опытом участия в подобных экспериментах.

Небольшие группы добровольцев из Десятой колонии расселились в разных частях северного полушария Роанды. Общее число их доходило до тысячи, мужского и женского пола. И почти сразу бросилась в глаза разительная успешность эксперимента. Оба вида прекрасно взаимодействовали, взаимовлияние вызывало энтузиазм. Ввиду генетической несовместимости отсутствовала инстинктивная взаимная агрессивность. Мы на Канопусе не уставали радоваться, поздрав-

ляли друг друга. В течение двадцати тысяч лет раса бывших обезьян достигла бы запланированного уровня, а развитие переселенцев из Десятой колонии вообще взрывало все мыслимые рамки.

Я опишу ситуацию, какой она виделась через тысячу лет после поселения на Роанде вида из Колонии 10.

Прежде всего, местные жители. Здесь ничего примечательного, такое мы многократно наблюдали ранее в иных местах.

Существа эти уже передвигались на задних конечностях, превратившихся в нижние. Руки их приспособились для выполнения многочисленных универсальных задач и для использования инструментов. Они сознавали свое значение, собственную ценность, как и все существа, способные манипулировать окружающей средой в целях выживания. Занимались охотой, наблюдались зачатки земледелия. Ростом достигали среднего теперешнего жителя Шикасты; причем наблюдалась тенденция к увеличению. Головы их покрывал длинный прочный волосяной покров, на теле росла короткая густая шерсть. Жили они малыми группами, разбросанными по местности, к контакту не стремились, конфликтов избегали. Срок жизни составлял около ста

пятидесяти лет.

Значительная часть первых поселенцев из Десятой колонии умерла вскоре после переселения — не вопреки ожиданиям, хотя причины этого типа смерти не выяснены. Рожденные на новом месте сравнялись с родителями ростом и иными габаритами, еще не выйдя из детского возраста. Эта тенденция продолжала усиливаться, вид настолько быстро крупнел, что почти сразу они усвоили самоназвание «гиганты». Разумеется, они питали всякого рода опасения. Сложения пропорционального, были они темнокожими, черными либо темно — коричневыми. Кожа отличалась здоровым блеском. На теле у них волос не было вообще, на голове очень мало, ногти на руках и ногах практически отсутствовали, на их месте кожа лишь слегка утолщалась. Насчет ожидаемой продолжительности жизни судить пока было рано. Были среди переселенцев индивиды цветущего возраста, были совсем юные. Мягкий климат Десятой колонии не требовал одежды, ею пользовались там лишь в церемониальных целях. На Роанде гиганты обзавелись одеждой, которую принялись изготовлять из местных растительных материалов, очень скоро отказавшись от поставок с Канопуса.

С местным населением отношения у них сложились в высшей степени удовлетворительно для обеих сторон. Гиганты обучали аборигенов правильно обходиться с растениями и использовать животных без нарушения равновесия в природе, развивали их язык. Они закладывали основы для развития искусств и наук, хотя время для запуска программы ускоренного развития еще не подошло.

С учетом столь благоприятного развития примерно через семь тысяч лет с Канопуса отправили миссию для определения, не настало ли время установить Смычку для запуска Программы ускоренного развития.

Вот выдержки из их доклада (№ 1300, Роанда)

ГИГАНТЫ

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ жизни: в условиях Колонии 10 жили до 12–15 тысяч лет. Опасения, что новые условия сократят срок жизни, оправдались. Сначала продолжительность жизни уменьшилась до 2 тысяч лет, но затем наступило улучшение, сейчас эта цифра колеблется между 4 и 5 тысячами с тенденцией к повышению. Как обычно, не обошлось без аномалий. Некоторые без видимых причин умирают преждевременно.

Отклонений, которые можно было бы назвать дегенеративными, не встречается (см. ниже, раздел «Габариты»). Предсказать, кто умрет в 200 лет, а кто проживет до 5 тысяч, также не представляется возможным. размер: вдвое больше, чем по оставлении Колони 10. Сильные, хорошо сложены, выносливые. Встречаются отклонения в виде тощих, изможденного вида созданий, неуклюжих в движениях и, наоборот, весьма тучных и мощных, так что, если сопоставить индивидов этих двух крайних типов, трудно поверить, что они принадлежат к одному виду. цвет кожи: темно-коричневый, до черного, встречаются более светлые индивиды до светло-коричневого и даже кремового оттенков. умственные способности: в общем улучшены симбиозом. Уровень практического интеллекта не ниже, чем в Колонии 10, высшие уровни стимулируются в большей степени, что позволяет лишний раз убедиться в успешности эксперимента.

АБОРИГЕНЫ

продолжительность жизни: возрастает, хотя и не столь быстро, как у гигантов. Составляет около 5 тысяч лет, если не считать смертей от несчастных случаев. Как и гиганты, могут уми-

рать от воздействия крохотных организмов, как местных, так и космического происхождения. Признаков дегенеративной болезни не наблюдается. размер — вдвое меньше гигантов, около восьми — девяти футов. Наблюдается уменьшение оволосения. Волосяной покров на голове по-прежнему обильный, выделяются брови. Сложения крепкого, черты грубые, выраженные. Заметны черты животного происхождения. Глаза почти у всех карие. Обращает на себя внимание общее сходство их по всему северному полушарию. цвет кожи: от кремового до коричневого, чаще всего теплый светло-коричневый. умственные способности: ни следа высшего интеллекта, но практический интеллект развивается даже лучше, чем прогнозировалось, что является здоровой основой для осуществления Программы ускоренного развития.

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Отношения между гигантами и аборигенами доброжелательные. Поддерживаются постоянные контакты поверхностного характера. Гиганты вмешиваются лишь в случае, если, по их мнению, местные нуждаются в указаниях. Гиганты проживают не ближе, чем в сотне миль от

подопечных. Поселения их удобные, но рассматриваются как временные, экспериментальные, базовые для следующей фазы. То есть все здания, растения, ирригационные сооружения носят опытный характер. Приятно отметить, что следов дегенеративной болезни не выявлено. Не отмечено зданий, сооружений, процессов, служащих иной цели, кроме подготовки Смычки и ввода Программы ускоренного развития. Поселения разбросаны на максимальном удалении с учетом геофизического фактора. Поселения местных более грубы, особенно с точки зрения Программы космического выравнивания, хотя вполне удовлетворяют насущным требованиям населения, с устремлениями, превышающими достижение лишь физического комфорта. Это обстоятельство более, нежели остальные, подталкивает нас к мысли, что не следует медлить со Смычкой. Иные жилища украшены узорами живописного и рельефного характера по стенам, кровлям; то же относится к предметам обихода (посуда, ткани и прочее). Орнаментация эта, благодаря руководству гигантов, поддерживается в пределах потребности фазы, хотя вскоре неизбежен дисбаланс.

Охота более не является главным источни-

ком пищи. Развито земледелие, выращиваются различные зерновые культуры, тыквенные, лиственные растения. Развивается животноводство. Нужды в ирригации практически не наблюдается, вода имеется в изобилии, хотя гиганты полагают, что в более жарких центральных областях следует приступить к строительству ирригационных сооружений.

Наш доклад можно назвать констатацией успеха.

Мы считаем, что условия для установления Смычки сложились. Гиганты ее с нетерпением ожидают. Никоим образом не жалуясь и не желая ускорить процессы, которые не следует ускорять, они чувствуют себя исключенными из системы галактики. Никто из них лично не помнит о системе галактических контактов, о свободном потоке информации между планетами — последний из первых поселенцев Десятой колонии недавно умер — но генетическая память их сильна, а все предпосылки для установления Смычки налицо.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ходят устойчивые слухи, формализованные также в виде легенд, песен и сказок аборигенов и распространяющиеся в ходе встреч при охот-

ничьих и иных походах, что «там, на юге» живут весьма воинственные враждебные племена. Гиганты посылали экспедиции на два основных континента, но обнаружили лишь процветающие виды, высаженные Сириусом. Этой теме посвящена отдельная часть доклада. Напрашивается вывод, что эти слухи распускаются руководством программы Сириуса, чтобы предостеречь наших подопечных от проникновения на их территорию. Гиганты это понимают и, в свою очередь, создали собственный эпос, направленный на улаживание отношений с южным полушарием.

Все это не выходит за рамки допустимого, но есть еще одно тревожащее обстоятельство. Как среди местных, так и среди гигантов распространяются устойчивые слухи о шпионах. Шпионы эти не приближаются к поселениям гигантов, но часто появляются среди аборигенов по всему северному полушарию. Сначала гиганты считали, что шпионов с целью сбора информации засылают колонии Сириуса, но теперь склонны полагать, что среди этих лазутчиков имеются также и подданные иной империи. Они остерегаются делать определенные заключения, но подчеркивают, что эти существа отличаются

не столько внешностью, сколько поведением, проявляя симптомы дегенеративной болезни. На основании всего услышанного мы склоняемся к заключению, что ощущается присутствие Шаммат.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

1. Смычку вполне можно начинать. Условия для этого оптимальны.

2. Не следует упускать из виду возможность внезапных скачкообразных изменений, присущих этой планете.

3. Следует запросить Сириус, не обнаружены ли шпионы Шаммат на их территории.

4. Необходимо попытаться выяснить, что именно интересует Шаммат. На этой планете для Шаммат нет места.

Вскоре после этого с успехом инициировали Смычку, потребность в послах и миссиях отпала. Разум гигантов — их коллективный разум — стал частью коллективного разума системы Канопуса, сначала робко коснувшись, затем влившись в этот мощный мыслительный поток. С Роанды поступали лишь добрые вести. Хроники тех времен — сплошь отчеты о почти десяти тысячах лет достижений, свершений, успехов.

Пожалуй, ни одна из наших колоний не добива-

лась таких успехов. Шпионам в этой оптимистической картине просто места не оставалось, они куда-то пропали. На Канопусе склонялись к мнению, что их устранила внезапность скачка, что они не смогли вынести вибраций смены обстановки, хотя не исключалась и возможность того, что они эволюционировали и влились в общую систему, способствуя обогащению ее спектра.

Теперь нам приходится смотреть на вещи несколько иначе. Вопрос не в том, чтобы найти виноватого — такой подход лишь отвлекает, уводит в сторону от сути. Необходимо выяснить причину, чтобы сделать соответствующие выводы и избежать повторения ситуации в дальнейшем. Главную причину катастрофы следовало искать в самом этом слове, в его середине: кат-астр-офа. Астральный сдвиг непредсказуемого характера послужил причиной несчастья. Зная, в общем, что Роанда может подвергнуться самым неожиданным воздействиям, этого мы, разумеется, предусмотреть не могли. Если бы не этот звездный сдвиг, все происки действия агентов Шаммат остались бы без последствий.

Но почему мы не знали об их присутствии?

Вина частично наша, канопеанская. С Сириусом мы продолжали поддерживать отношения на

прежнем уровне, обмен информацией не прекращался. И на Шикаете, тогдашней Роанде, Сириус вел себя не хуже, учитывая менее высокий уровень развития его империи. Но именно этот более низкий их уровень и оказался ключом к этой и другим проблемам Роанды-Шикасты. Сейчас, разумеется, все выглядит по-иному. Следует помнить, что мы, слуги Канопуса, тоже развиваемся, меняемся; изменяется и наша точка зрения на вопросы (см. «Историю империи Сириуса»).

Короче говоря, о Шаммат тогда никто толком и не думал. Теперь легко сказать, что мы ошибались. Но ведь казалось, что Сама Путтиора старалась держаться в стороне. Еще бы, союз Канопуса и Сириуса — с этим шутки плохи. В нашей части галактики царили мир и гармония, никто не отважился бы бросить нам вызов.

Возможно, общая ошибка для видов, процветающих в мирной обстановке, — невнимание к тому, что вне их мирных границ господствует иной тип мышления. Нельзя сказать, что Канопус не обращал никакого внимания на Путтиору, на беспорядки в ее системе, тем более для нас неприятные, что они разительно напоминали беспредел, творившийся когда-то на Канопусе. Но Путтиора нигде не совала нам палки в колеса.

Почему тогда Роанда должна была стать исключением?

И мы продолжали пренебрегать опасностью со стороны Шаммат. То, что Путтиора решила обосноваться на пустынной скалистой планете, всегда казалось нам необъяснимым, хотя поговаривали, что Шаммат выбрали пристанищем бежавшие с Путтиоры преступники, что Путтиора не обращала на них внимания, пока не стало уже слишком поздно. Мы не знали тогда, что Шаммат грабит и тащит к себе все, что попадает под руку, как наживается она на бандитской добыче. Когда планета Шаммат уже превратилась в мощное пиратское государство, мы все еще полагали ее лишь позорным придатком к кошмарной, но, к счастью, весьма отдаленной Путтиоре.

А что же гиганты, существа с развитым интеллектом, полностью контролировавшие все в нашей части Роанды?

Повторюсь: очевидно, умы, процветающие в мирных благоприятных условиях, невосприимчивы к иному типу мышления, направленному на воровство, грабеж, разрушение. Колония 10 всегда оставалась местом мирного развития, сотрудничества, ее обитатели настраивались исключительно на мирное взаимодействие с

другими. И на Роанде переселенцы тоже не встретили никакой угрозы. Теперь мы полагаем, что в переизбытке добра есть зародыш зла, и во всех колониях внедряем элемент угрозы, отравляющий атмосферу триумфа и всеобщего счастливого оглупления.

Не случись этого несчастья, мы, возможно, и не знали бы о присутствии Шаммат на Роанде. Ибо Шаммат преуспевает лишь там, где нарушается равновесие, где намечаются прорехи, трещины, зияющие бреши в строящемся здании всеобщего благополучия.

Ничто не предвещало кризиса. Но баланс системы Канопуса неожиданно нарушился. Следовало немедленно определить причины этого. И причиной оказалась Роанда. Она вышла из фазы, и дисбаланс постоянно возрастал. Смычка функционировала все хуже. Внутренние силы Роанды подвергались воздействию извне — и мы стали искать, откуда именно. Влияние шло от звезд, нарушение равновесия которых Роанда, вследствие своей гиперчувствительности, ощутила первой. Роанду надо немедля спасать, откорректировать, вернуть в фазу — такова была наша первая реакция.

Но вскоре оказалось, что это невозможно. Ро-

анда не могла удержаться в нашей системе. Не система выталкивала Роанду, а Роанда вырывалась из системы. Что ж, значит, необходимо смягчить процесс, задержать… — приблизительно так мы рассуждали.

Роанда тогда пребывала в длительном периоде стабильности. Сколько он еще продлится, мы знать не могли, но следовало обеспечить сохранение достигнутого до момента, когда космические силы снова придут в норму. Что этот момент наступит, мы не сомневались.

Но тут случилось нечто гораздо худшее. Нарушился обмен информацией. Потоки с Роанды как будто взбесились. Стало ясно, что ими кто-то манипулирует. Ранее, при полностью функционирующей Смычке, такое было не возможно, но теперь…

На нас градом посыпались события и известия. С Сириуса поступила информация о Путтиоре, о ее внезапном усилении, о возросшей ее агрессивности. Среди сообщений наших шпионов из империи Путтиоры привлекали внимание сведения о Шаммат. Этот воровской притон проявил себя вдруг, как разбушевавшийся пьянчуга, бесстыжий, наглый, распоясавшийся. Шаммат использовали слабину на Роанде, ныне неза-

щищенной… Неужели знали о надвигающейся катастрофе заранее? Нет, это невозможно. Ведь даже мы, с нашей передовой технологией, и то не смогли этого предсказать.

Для Роанды наступили тяжкие времена.

Следовало немедленно откомандировать туда эмиссара.

И сейчас я опишу Роанду, какой нашел ее в ходе первого своего посещения.

Но прибыл я уже на Шикасту, на раненую, изуродованную планету. Название ее к тому времени уже изменилось.

Могу ли я сказать, что пишу это «с удовольствием»? Ретроспективная эмоция из времен до поступления дурных вестей. Роанда доставила всем нам много радости, вызывала исключительно положительные эмоции. К тому же Роанда должна была заменить собою обреченную планету, с которой уже эвакуировались обитатели, переправлялись в иные места проживания.

Канопус я оставил в состоянии смятения, почти паники. Выношенные, лелеемые и успешно выполнявшиеся планы срочно перекраивались, перечеркивались, заменялись. Переполох царил во всех головах, не исключая и моей. В таком же состоянии я ожидал застать и Шикасту.

Некоторым утешением служило то, что прошлые достижения не выдумка, что достигнутое достижимо и может быть повторено в иных условиях в иное время. Во дни несчастий и разочарований такие мысли помогают держаться наплаву.

Ко времени несчастья в северном полушарии планеты проживало не более шестидесяти тысяч гигантов и около полутора миллионов местных. Планета выглядела прекрасно, процветала. Вода, которая, если ее выпустить, возродила бы болота, концентрировалась вокруг полюсов. Казалось, ничто не предвещало изменений.

Северную и умеренную зоны покрывали густые леса, населенные множеством разнообразных животных, отличавшихся от тех, которых я застал там во время позднейших визитов. Опасности для обитателей эти животные не представляли. Поселения как гигантов, так и аборигенов встречались и на крайнем севере, но в основном все жили в средних широтах, отличавшихся прекрасным климатом.

Города находились там, где согласно планам располагались наборы камней, вдоль силовых линий планеты. Планировка городов не отличалась от общепринятой, известной по другим

колониям. На этой планировке основывалась также и система Смычки Канопуса с Роандой… с бедной теперешней Шикастой.

Перемещение и выравнивание камней первоначально выполнялось исключительно гигантами, сила которых позволяла им с легкостью справляться с этой работой. Но взаимопонимание между гигантами и местными, а также стремление местных приобщиться к богам, к божественному, с которым они считали связанными все эти процедуры с камнями, послужили причиной их участия в работах.

Местные не считали гигантов богами. Эту стадию они переросли. Смычка повысила их интеллект, который теперь уже чуть ли не равнялся интеллекту гигантов до Смычки.

Города строились на линиях, определенных опытным путем в период, предшествующий Смычке. Строились они из камня и смыкались с каменными конструкциями передающих систем Смычки. Города, городки, села с домишками из глины, дерева и иных растительных материалов не могли влиять на процесс передачи или возбуждать нежелательные колебания. Именно по этой причине во время подготовительной фазы гиганты отказались от камня в качестве

строительного материала и жили в домах из материалов органических. Когда Смычка стала реальностью, города выстроили заново из камня, и гиганты научили этому искусству местных, ныне, увы, это искусство забывших. Имелось в виду, что позже, когда гиганты отбудут к новому месту приложения своих талантов, местные, развившиеся до более высокого уровня, смогут со всем справляться самостоятельно.

Местных учили также поддерживать контакт с Канопусом, с Праматерью, с Держателем, с Другом, с божествами.

Их учили, что, если содержать камни в порядке, позволяющем Силам расти и убывать, и если города содержать соответственно Необходимости, то можно ожидать, что они, когда-то бродившие по лесам и прыгавшие по веткам, станут людьми, смогут следить за собою и за вверенным им миром, который им оставят гиганты.

Города все отличались один от другого, как отличались местности, в которых города сооружались, как отличались потоки и силы в этих местностях. Строились города на равнинах, у источников, на морских берегах, в горах, на плоскогорьях, в жарких зонах и во льдах, но всегда отвечали Необходимости. Каждый представлял

собою математический символ либо фигуру, и математику школьники изучали, путешествуя. Прибыв с наставником, к примеру, в город Квадрат, они повсюду впитывали в себя квадратность. То же и с ромбом, с треугольником и так далее.

Формой города управляли, разумеется, не только в плане, но и в объеме. Круглость, гексагональность, дух четверки, иного числа соблюдались и выражались в объемах и в ритме жизни.

Водоток в городе и вокруг него формировался согласно Необходимости, так же размещался огонь — именно огонь, не тепло. Тепло поставлялось в виде горячего пара и нагретой воды. Местные приписывали огню божественную природу.

Каждый город представлял собою законченный артефакт, в котором ни одна мелочь не оставалась без внимания: все, включая обитателей, учитывалось, принималось во внимание, все функционировало, как единый организм. Ибо некоторые по темпераменту своему лучше всего подойдут к круглому городу, другим больше понравится в треугольном и так далее. Развилась даже целая наука, как правильно распознать в раннем возрасте, к какому городу подходит данный индивид. Здесь сталкивались разные

интересы, ибо могло случиться так, что у членов одной семьи оказывались различные склонности. И даже влюбленные — если можно применить этот термин для обозначения отношений, неизвестных обитателям Шикасты — могли прийти к выводу, что им следует расстаться по причине несхожести темпераментов. И расставались, ибо каждый понимал, что само существование его зависит от подчинения великому Целому, и что это подчинение не есть форма рабства, которого на планете не знали, но источник его собственного здоровья, залог будущего, развития, прогресса.

Обе расы к тому времени уже жили вместе, хотя смешанных браков не было, они объективно исключались. Рост гигантов не превышал восемнадцати футов, а местные не достигали и половины этого. Гиганты к тому времени уже сильно различались по цвету кожи, типу лица и сложения. Иные рождались черными, как первые поселенцы. Были и светло — коричневые. Встречались бледнолицые с голубыми глазами, которые поначалу вызывали беспокойство и даже неприятие. Местные тоже сильно разнились цветом кожи, а еще больше — цветом волос, от черных до каштановых. У гигантов волосы на голове иной раз густели, возможно, вследствие

особенностей климата. Голубоглазые гиганты часто пламенели светло-желтыми волосами, что считалось в высшей степени неприятной чертою, почти несчастьем.

Отношения полов в обеих расах сильно отличались. Гигантессы при сроке жизни в четыре-пять тысяч лет рожали за свою жизнь одного-двух детей, а то и вовсе не рожали. Вынашивали младенцев от четырех до пяти лет. Вне родов и ухода за детьми гигантессы выполняли ту же работу, что и гиганты, в основном, не физического характера, чаще всего по поддержанию в норме параметров обмена между их планетой и Канопусом. Секс для гигантов не был столь значащей частью жизни, как у местных. Всевозможные эмоции, связанные с половым влечением, проявлялись лишь в периоды воспроизводства, в иное же время эмоции их направлялись на высшие цели.

Аборигенов поощряли к воспроизводству. Жили они около тысячи лет, но планета могла принять намного больше. В перспективе планировалось двадцать миллионов аборигенов при неспешном увеличении их числа. Соответственно планировалось сооружение новых городов, исполнение Необходимости. Желавшие иметь де-

тей и получившие на это одобрение могли рожать несколько раз на протяжении первых ста лет жизни. После этого возраста сексом занимались лишь для развлечения, ради удовольствия да чтобы дать выход излишку энергии. Дегенеративной болезни, как мы ее определяем, не существовало. Погибали, разумеется, от несчастных случаев, как гиганты, так и аборигены, иной раз и от вирусов, от которых защиты не существовало. Смерти учитывались в программе воспроизводства.

Сам я на планете появился при помощи наших наиболее скоростных средств перемещения, хотел проверить Зону 6, но сначала ознакомиться с ситуацией на самой планете лично, так сказать, на собственной шкуре. Решено было, что я появлюсь там в облике аборигена, так как в качестве следующей моей задачи намечалась помощь аборигенам после отбытия гигантов. Это решение, разумеется, наиболее верное. Остальные варианты имели плюсы и минусы. В ретроспективе я вижу, что мне следовало как можно скорее приступить к выполнению программы, но сначала предстояло акклиматизироваться. Не мог я сразу появиться ни в одном из городов с их специфическими вибрациями, не пострадав физически. Различиями между Канопусом и Ро-

андой пренебречь невозможно, никто из послов не мог приступать к работе сразу по прибытии. Но положение оказалось хуже, чем мы полагали. И продолжало быстро ухудшаться.

Космический корабль приблизился к оконечности главного материка с северо-запада, прошел над горами, лесами и долинами, которым предстояло превратиться в пустыни, миновал несколько городов, и я подумал, что, интересно, будут рассказывать заметившие нашу сияющую сферу обитатели другим, не наблюдавшим этого редкого небесного явления.

Тогда я еще не решил, с какого города начать. Произвел замеры на восточном берегу материка. Команда корабля тем временем тщательно исследовала местность. Мы не хотели никого пугать. Если нас увидят, то обязательно решат, что какие-то инопланетяне захватили аборигена. Сложно было оценить характер изменений и их масштаб. Я решил начать с города Квадрата, над которым мы пролетели. Он остался в неделе ходьбы — как раз достаточно для того, чтобы привыкнуть к Роанде. Я уже отпустил было корабль, когда понял, что воздух планеты изменился. Причем внезапно. Снова вычисления. Квадрат не подошел. Я отдал новые распоряжения, мы

опять поднялись, направились на юг через Большие горы, где, как я знал, находился передатчик Шаммат. Я его уже почувствовал. Меня высадили к востоку от области больших внутренних озер. Я снова провел замеры, и снова та же картина: только я решился в пользу города Овала к северу от самого северного озера, как атмосфера опять изменилась. Но я уже отослал корабль. До города Круга, в который мне предстояло прибыть, не одна неделя ходьбы. Слишком долго.

Город Круг находился на высоком плато к югу от больших внутренних озер. Он не входил в число административных или силовых центров, но таких центров и не было на Роанде. С другой стороны, помимо выгодных вибрационных характеристик этот город отличался и выгодным географическим расположением, ибо находился в центре. Отсюда проще распространять информацию. Кроме того, высота его и резкость атмосферы дольше сохранят город от того, что ему предстоит — во всяком случае, я на это надеялся. И еще я надеялся, что не приключится новый сдвиг, который сделает город Круг для меня неподходящим.

Следовало решить проблему времени. Я приблизился к лошадям, пасущимся на горном

склоне, остановился и молча воззрился на них, призывая на помощь. Сначала они не решались, но потом одна подошла ко мне и позволила влезть на спину. Я направил ее на юг. Табун последовал за нами. Мы покрыли значительное расстояние, и я стал беспокоиться о состоянии жеребят, которые не отставали и, казалось, даже получали удовольствие от долгой прогулки: ржали, пускались наперегонки. Наконец мы доскакали до еще одного стада лошадей, я спешился. Мой скакун подошел к самому мощному коню нового табуна, объяснил ему ситуацию — и снова меня везут к югу. Так повторилось еще и еще, с передышками, когда я спал, прижавшись к лошадиному боку. Странствие это продлилось неделю. Подошла пора использовать собственные ноги. Я поблагодарил лошадок, они ткнулись в меня своими мягкими губами, заржали и загрохотали обратно к пастбищам.

Далее я следовал пешком по живописной саванне с одиночными деревьями, сочными травами, ароматными цветущими кустами. Множество птиц, летающих стаями. Стая — единый организм с коллективным разумом, как и сообщество людей. Состоящая из множества единиц, каждая со своим мозгом и душою, как и люди.

Повсюду животные, дружелюбные, любопытные, подходящие ко мне, чтобы поприветствовать, готовые помочь, показывающие, где удобнее отдохнуть. Иной раз я отдыхал в тени кустов вместе с оленями или с тиграми. Жаркое, но не иссушающее солнце — до Событий, которые его слегка отодвинули, — более близкая, более яркая луна того времени, мягкие ветры, изобилие фруктов, орехов, ручьи и речки со свежей прохладной водой… Я путешествовал по раю, друг среди друзей, там, где теперь ветер шуршит песком по скалам и сланцам. Всюду руины, и в каждой горсти песка, брошенной ветром тебе в лицо, крупицы городов, названий которых нынешние жители Шикасты не помнят, о существовании которых даже не догадываются. К этим забытым городам относится и Круг.

Все время я наблюдаю, всматриваюсь, вслушиваюсь, но следов влияния Шаммат пока что почти не заметно. Чувствуется, однако, что гармония Роанды нарушена грядущими невзгодами.

Путешествие увлекло меня, хотелось, чтобы оно длилось вечно. Прекрасна эта старая Роанда. За все время своих странствий не находил я планеты столь приятной, приветливой, обращающей тебя к себе самому, околдовывающей,

соблазнительной. Очаровывала эта страна, как чарует улыбка или легкий смех, как будто говорящий: «Что, удивлен? Да, я такая! Да, я подарок. Да, без меня можно обойтись, я щедрость бытия, и я во всем, во всем…» Но все, что меня окружало, увы, обречено было исчезнуть. Каждый шаг по упругой теплой почве, под пышной сенью широколиственных лесов, среди буйно разросшихся кустов, казалось, сопровождался еле слышным шепотом: «Прощай, прощай, Роанда, прощай…»

Город Круг заявил о себе тихой мелодией. Я сначала услышал город и лишь потом, всмотревшись, обнаружил его строения. Гармония математики выплеснулась в мелодию, поглотившую меня, чуть не заставившую забыть о происках Шаммат. Мелодия притягивала не меня одного: к городу стремились животные, вслушивались, замирая на долгие минуты, лениво бродили вокруг. Я расположился на отдых под большим деревом, привалился спиной к его стволу и вскоре проснулся в окружении семейства львов: трех взрослых и нескольких малышей, каждый из которых превосходил меня размерами. Взрослые улеглись рядом, задумчиво глядя на меня янтарными глазами, малыши принялись возиться, прыгали через меня, кувыркались, пока

взрослые их не отозвали.

Лес редел, между деревьев появились каменные конструкции. Давно я не видел Камней, с интересом осматривал выполненные из них правильные геометрические построения. В камнях вокруг других городов, которые я проходил или огибал, толпились привлеченные их гармонией животные, но здесь, возле Круга, они остерегались туда заходить. Музыка, если это слово можно применить к звуковому фону камней, здесь звучала слишком громко, зверье как будто натыкалось на невидимый забор. На птиц, впрочем, запретительное действие этой незримой изгороди не распространялось, их пение и чириканье вплеталось в мелодию камней.

Проход сквозь каменный пояс мне удовольствия не доставил. Там уже чувствовалась подступающая болезнь. Но Камни сплошным кольцом окружали Круг и вывели меня к спокойной реке, кольцом охватывавшей город. Ее рукава сначала расходились, обнимая городскую застройку, затем сливались в обширном озере, из которого вытекали два потока — на восток и на запад. На берегу реки ожидали ялики, скифы, каноэ, и я без проблем переправился через реку. На противоположном берегу музыка Камней

смолкла. Сменившее ее молчание оказалось такой глубины, что поглощало звуки шагов, стук строительных инструментов, голоса.

На берегу перед закруглением построек раскинулись огороды, окружавшие город. В них трудились огородники, мужчины и женщины, естественно, не обратившие на меня никакого внимания, ибо я ничем от них не отличался. Облик их производил приятное впечатление: выразительные смуглые лица, открытые воздуху конечности, одежда по преимуществу синего цвета. Синий здесь преобладал не только в одежде, прекрасно сочетаясь с голубизной безоблачного неба.

В городе Круге не было ничего некруглого. Круглый в плане и четко очерченный, он не мог разрастаться за свои границы. Круглы его постройки, накрытые полусферами куполов; цвета стен и кровель нежные пастельные, кремовые, розоватые и голубоватые, желтоватые и зеленоватые, оживляемые ярким солнцем. Город окружала кольцевая дорога, обсаженная деревьями, вдоль которой тянулись огороды. Народу на улицах немного. Раз я заметил группу беседующих в саду, и снова привлекли мое внимание их сила, здоровье, спокойная уверенность. Эти

люди не выглядели слабее огородников, так что напрашивался вывод об отсутствии различий между физическим и умственным трудом. Не останавливаясь, я поприветствовал их, и они ответили на приветствие. И снова я обратил внимание на здоровый блеск их коричневой кожи, на их большие, по большей части карие глаза. Все женщины тут были с длинными, чаще каштановыми волосами, украшенными цветами и листьями. Одежда в основном состояла из брюк и туник, синих с белой отделкой.

Облик города менялся. На очередной изогнутой улице, более оживленной, я увидел множество лавок, открытых рынков, торговых палаток и ларьков. Эта улица оказалась тоже кольцевой, идущей по всему городу параллельно первой кольцевой, которую я уже миновал. И на всем своем протяжении она была полностью посвящена торговле. Еще здания, еще улица, полная ресторанов, садов, кафе. Народу много, чуть ли не толпы, но толпы жизнерадостные, дружелюбные. Кажется, сам воздух здесь пропитан юмором, и никакой суматохи. Несмотря на неизбежный шум, глубокая тишина, поразившая меня с самого начала, не нарушается, внутренняя музыка не гаснет, звучит без помех. Гармония сохраняется.

Новые улицы, тоже кольцевые. Я приближаюсь к центру, но не замечаю признаков помпы, грандиозности, мании величия, свойственных дегенеративной болезни. Здания в центре столь же пропорциональны, сложены из того же золотисто-бурого камня, что и на окраинах. В этом городе ребенок, привезенный на экскурсию родителями, не почувствует себя в чуждой среде, не ощутит себя ничтожеством рядом с подавляющими гигантоманией сооружениями, не ощутит себя раздавленным пятою Авторитета. Напротив, во всем полное соответствие, равновесие между личностью и средой.

Акклиматизацию я не завершил, на меня накатила печаль, и не мог я с нею совладать. Усевшись возле круглого бассейна, в центре которого бил фонтан, я наблюдал за играющими детьми, за болтающими женщинами, беседующими мужчинами, за смешанными группами из женщин и мужчин. Народ стоял, сидел, прогуливался. Жара смягчалась фонтанами и цветами, легкий воздух плато проветривал легкие. И все пропитывал ясно читающийся подтекст Необходимости: приливы и отливы, вибрации Смычки, обнимавшие население и город, реки и озера, плато и всю планету.

Но я уже ощущал иные вибрации, зачатки распада, приближение начала конца.

Гигантов я еще не видел, но где-то они должны были находиться. Спрашивать я не хотел, чтобы не обнаружить себя пришлым, не возбудить раньше времени беспокойства. Я отправился далее и вскоре обнаружил двоих гигантов мужского пола. Оба чернокожие, в голубых одеждах свободного покроя, похожих на одеяния местных. Они измеряли вибрацию колонны, сделанной из черного отполированного до зеркального блеска камня. Для выполнения этой задачи они пользовались незнакомым мне прибором из дерева и красноватого металла. Колонна стояла вертикально на пересечении двух улиц и, несмотря на необычный здесь черный цвет, не вносила в городской пейзаж мрачной ноты, ибо отражала голубое небо, голубые одежды гигантов и их черные лица.

Признаюсь, что я несколько насторожился, ожидая их реакции на приближение местного. Напомню, что я появился на планете в обличье аборигена. Естественно, что отношения учителя и ученика отличаются своей спецификой и определяются множеством факторов. Вообще, подозрительность является неотъемлемой чер-

той моей работы. Я всегда должен быть готов к обнаружению признаков Болезни. Итак, я остановился в нескольких шагах, глядя на гигантов снизу вверх, дожидаясь окончания их работы. Закончив, они повернулись, чтобы уйти, и с высоты своего немалого роста заметили меня. Разом их лица осветила вежливая улыбка, искренняя и радушная, они кивнули мне и двинулись прочь, не нуждаясь во мне и не ожидая, что я, в свою очередь, испытываю в них какую-то потребность.

Отсутствие высокомерия и снисходительности в их поведении меня вполне удовлетворило, и я представился, сказав им, что я Джохор и прибыл с Канопуса.

Гиганты уставились на меня, несколько ошеломленные.

Лица их не столь привлекательны и свободны от напряженности, как лица аборигенов, которых я наблюдал на всем пути к центру. Конечно, нелегко чувствовать себя дома в окружении столь отличающихся от тебя существ, всегда требуется усилие для того, чтобы приспособить свое ощущение допустимого. А они столкнулись с еще большим! Гиганты, конечно, канопианцы по складу ума, но увидеть перед собою гражданина Канопуса — не каждому такое выдается на его

веку. Обычно общение ограничивается обменом информацией. А тут неожиданно привычное течение повседневности нарушается, и самый обычный с виду абориген оказывается официальным лицом из Центра! К удивлению своему, я тоже смутился и ощутил в себе прилив какой-то детскости. Захотелось того, чего мне вовсе не требовалось: чтобы они поддержали, подняли меня, приласкали — это чувство тут же сменилось во мне стыдом и даже возмущением. Конфликт разных уровней сознания, памяти и реальности, углубил мою скорбь, опечалил еще больше — ведь с нерадостными вестями я прибыл. В довершение всего я почувствовал физическую слабость. Следовало бы, конечно, провести больше времени в Зоне 6, как следует подготовиться. Гиганты заметили, что мне нехорошо, хотели меня поддержать, но я, не желая этого, ибо их прикосновение не дало бы ребенку во мне успокоиться, опустился на плинт колонны. А затем я поднял голову и, глядя на громадные фигуры, деревья за которыми казались ненамного выше, заставил себя произнести:

— У меня новости. Плохие новости.

— Нас оповестили о твоем прибытии, — ответил один из них.

Я медленно переваривал его слова, маскируя промедление своею слабостью.

Что они уже знают? Что Канопус позволил им узнать?

Дело не в том, что мозг гигантов не в состоянии мгновенно усвоить информацию, полученную от канопианского мозга — или наоборот. Нет, все гораздо тоньше и своеобразнее.

Цель фазы развития Роанды, предшествующей Смычке, — создание, если можно так выразиться, сил планеты посредством симбиоза гигантов и аборигенов, для того чтобы в дальнейшем включить это физическое образование, планету Роанда, в систему Канопуса. В течение этой фазы, закончившейся намного скорее, чем ожидалось, обмен информацией между Роандой и Канопусом носил характер эпизодический.

С установлением Смычки силы, вибрации — терминология, конечно, не отличается точностью — планета Роанда влилась в канопианскую систему из множества звезд и планет.

Но момент Смычки не ознаменовался мгновенным и полным слиянием разума гигантов и разума Канопуса. Отныне Роанда стала частью Канопуса, но ничто не приходит само собой. Функционирование Смычки зависит от постоян-

ного эксплуатационного обслуживания. Прежде всего, наблюдение за Камнями, их позиционирование и репозиционирование — тонкие, прецизионные операции, весьма трудоемкие. Далее, строительство городов, развитие инфраструктуры, привлечение и обучение туземцев и поддержание гармонии, синфазности со сложной системой, с «вибрациями» Канопуса.

Мощь системы поддерживала планету, новоприобретенные способности планеты подпитывали систему, вносили свою лепту в достижение первейшей цели галактического развития — создание и развитие Сынов и Дочерей Целесообразности.

Этот сущностный взаимообмен, разумеется, представляет собою процесс архисложный. «Совокупление разумов» между планетой Роанда и системой Канопуса не означает, что каждая мысль, возникшая в голове любого жителя системы, мгновенно становится достоянием всех остальных жителей системы и, в частности, планеты Роанда. Общим достоянием является сеть, средство обмена, база для него, сама по себе вовсе не статичная, постоянно развивающаяся и претерпевающая изменения как в силу своего естественного развития, так и вследствие

изменения системы, усиления или ослабления передаваемых этой сетью потоков. Если, к примеру, один индивид желал соединиться с другим, то контакт устанавливался через систему, которая постоянно регулируется, настраивается и без этой настройки функционировать не может. В процессе данной регулировки может быть определено, что по системе передавать, а что нет. В силу этого гиганты, оставаясь частью «разума» Канопуса, сети обмена, могли не узнать того, чего, по мнению Канопуса, им знать не полагалось. Да и условия для обмена не всегда оставались оптимальными. К примеру, более сотни лет возмущения в одной из звездных систем препятствовали полноценному функционированию канала между Канопусом и Роандой. Мощные энергетические потоки проходили беспрепятственно, тогда как информационные пакеты подвергались воздействию помех, искажались и даже полностью уничтожались.

— Вы измеряли вибрацию колонны с какой-то целью? — спросил я наконец гигантов.

— Да.

— Заметили отклонения?

— Да.

— Имеете какое-либо представление о харак-

тере этих отклонений? — Конечно же, меня волновали происки планеты Шаммат. От того, что я узнаю, зависит планирование будущего, но даже выискивая возможность перевести разговор на Шаммат, я понимал, что тема эта пока что отдаленная, второстепенная. Поняв, что надо действовать безотлагательно, я преодолел слабость, выпрямился, уверенно глядя на гигантов.

— Нам сказали, что прибудет посол Джохор и что мы должны подготовиться к кризису.

— И всё?

— И всё.

— Значит, сейчас они еще больше боятся, что противник перехватит информацию, чем когда я отбывал, — произнес я с некоторым ожесточением, переводя взгляд с одного гиганта на другого.

Слова «противник» они как будто не заметили. Как будто я его и не произносил. Я понял, что эта слабость является результатом нашего недочета.

Даже сообщая о недостатке, причем существенном, я не могу не отметить, сколь выдающимися качествами обладала эта раса, гиганты, вскоре прекратившая существовать, по крайней мере, в своем прежнем виде. И дело не в их физическом облике, не в силе или величине. Работал я с крупными расами и ранее. Размеру не все-

гда сопутствуют иные качества. В гигантах же было нечто незабываемое, какое-то величие и великодушие, масштаб и широта понимания, превосходящие все встреченное мною ранее у других видов. Необъятная сдержанность их соответствовала необъятной тишине, окутывавшей этот город. Тихая сдержанная сила служения всему лучшему, что существует и что может появиться. Зоркие глаза их задумчивы, наблюдательны, красноречиво повествуют о сцеплении с силами, намного превосходящими те, о которых может лишь мечтать большинство иных существ. Нет, конечно, и аборигены Роанды производили весьма сильное впечатление, и в их глазах отражались ум, наблюдательность и бездна доброго теплого юмора. Но здесь я встретился с чем — то намного большим. Я смотрел в их лица и чувствовал отзвук, созвучие, резонанс. Я физически ощущал лучшее, чем обладал Канопус. Я понимал, что где эти существа, там справедливость и истина — проще не скажешь, не помыслишь.

— Тебе, пожалуй, нужен отдых? — спросил один из них.

— Нет, нет! — закричал я, пытаясь внушить им, насколько важно то, о чем мы говорим. — Нет, я должен немедленно с вами переговорить, до-

ложен рассказать вам, хоть даже и здесь, прямо сейчас, и вы расскажете это всем!

Я увидел, что они поняли наконец, что происходит нечто ужасное. И еще раз убедился в их внутренней силе. Взаимопонимание между ними не нарушалось ни на миг. Гигантам ни к чему было обмениваться взглядами, жестами, многозначительно поджимать губы, кивать головами.

Мы стояли на перекрестке улицы и бульвара, который мягко сворачивал в сторону, к группе больших белых зданий.

— Лучше собрать Большую Десятку, — сказал один из гигантов и тут же отправился в направлении этих зданий, шагая так быстро и таким широким шагом, что фигура его на глазах уменьшалась согласно законам перспективы и пропорции между человеком и окружающей его средой.

— Меня зовут Джарсум, — представился оставшийся гигант и повел меня в том же направлении, умеряя шаг, сообразуясь с моими физическими возможностями. Видно было, что ему не впервой шагать рядом с аборигеном, из чего можно было заключить, что межвидовое общение на Роанде процветало.

Мы подошли к отмеченным мною ранее белым

зданиям, и я убедился, что, несмотря на свои внушительные размеры, они не действовали на зрителя подавляюще. Внутри я, однако, испытал некоторую неловкость, ибо мебель в зале, куда меня ввел Джарсум, была рассчитана на гигантов, до сидений стульев мне трудно было бы дотянуться подбородком. Джарсум тотчас использовал какой-то прибор для передачи указаний, чтобы для меня подготовили в одной из самых маленьких комнат стол, стулья и кровать, рассчитанные на туземца. Но даже в самой маленькой комнате мебель эта выглядела комично, теряясь в громадном объеме помещения.

Зал же, в который мы прибыли, использовался для конференций. Вскоре туда вошли десять гигантов, рассевшихся на полу. Для меня подготовили штабель каких-то тряпок такой высоты, чтобы голова моя оказалась на одном уровне с головами гигантов. Они молчали, предоставив мне возможность начать речь. На лицах их читалась озабоченность, но не более того. Я оглядел эти величественные физиономии и подумал, что никто полностью не защищен против шока и что нужно раскрывать тему постепенно, шаг за шагом.

Мне предстояло сказать, что их история завершена, что пришел конец их блестящему

развитию, которое они полагали лишь начинающимся. Как личностям им будущее не закрыто, они переселятся на другие планеты. Но со здешним их существованием в привычных для них формах, увы, покончено.

Можно довести до сведения индивида, что он или она умрет, и тот, кому это сообщили, смирится с неизбежным. Даже если и дети его умрут, пусть абсурдной и жестокой смертью, вид все же продолжит существование. Но если прекращает существование вид, раса, племя, если их существование подвергается сомнению — это сложно воспринять без коренного пересмотра всех основных жизненных позиций.

Осознавать себя как индивида — в этом суть дегенеративной болезни. Каждый гражданин империи Канопуса приучен ценить себя как личность лишь в той степени, в какой он пребывает в гармонии с общим Планом, с Эволюцией. То, что я собирался сказать, должно было ударить по тому, что каждый из нас ценил превыше всего, ибо слабое утешение заявить: вы не умрете физически, как личности.

Для местных же вообще надежды не оставалось, разве что чахлая вероятность того, что далекое будущее когда-нибудь принесет избавление.

Целью существования гигантов, смыслом их бытия стала забота о туземцах, сделавшихся как бы их вторым «я». А теперь перед туземцами замаячила перспектива вырождения… Гиганты оказались в положении более здорового близнеца, которого акушер может спасти во время родов за счет гибели второго.

Я должен был все это им сказать.

Я им это сказал.

И ждал, пока они это воспримут.

Помню, как я сидел там, словно курица на яйцах, в смешном гнезде из тряпья, чувствуя себя пигмеем, следя за их лицами, в особенности за лицом Джарсума, ибо был поднят до его уровня. Помню, как он выделялся из остальных. Поразительно резкие черты лица с драматическими обводами, четким рельефом; глаза его сверкали из-под тяжко нависающих бровей, скулы выступали оборонительными редутами. Читалась в нем сила внутренняя, а физическая сила и так была очевидна. Но сила начала убывать у меня на глазах. И не только его сила убывала. Все присутствующие ослабли. Нет, выдержка их не пострадала, они не могли позволить себе такого нарушения управляющих всеми нами правил поведения. Но лица их увядали, отражали отток

силы. И я подумал: уловили ли там, на Канопусе, этот момент, показывающий, что я выполнил свою задачу? Выполнил лишь частично, но наихудшее позади.

Я ждал. Требовалось время, чтобы усвоить сообщенную мной информацию. Время шло… Шло…

Все молчали. Сначала я думал, что молчание — следствие боли, причиненной моим сообщением, но вскоре понял, что присутствующие ждут, пока все услышанное ими достигнет сначала остальных гигантов города Круг, а затем, конечно, в ослабленной, упрощенной форме, может быть, не более, чем в виде ощущения угрозы, опасности, и гигантов всех Математических Городов. Высокий цилиндр, в котором мы сидели, представлял собою передающее устройство, работающее, когда внутри находились от десяти до двенадцати гигантов, имеющих навыки обращения с подобной аппаратурой, приобретаемые в процессе специального обучения.

Функционировала эта система передачи примерно так же, как и система обмена между Канопусом и Роандой. Существовала сеть, позволяющая обмениваться информацией в определенной форме, в определенном виде. Формализованная информация при соблюдении определенных

процедур проникала из голов находящихся в цилиндре-передатчике в головы других гигантов в этом, а затем и в других городах.

Пока мы сидели в молчании, выполнялись именно эти процедуры. Определялся эмоциональный фон, если слово «эмоции» подходит для тех более высоких чувств и переживаний, которые охватили членов Большой Десятки, производились базовые вычисления, накладывались друг на друга передаваемые новости.

Я тем временем наблюдал, разглядывал присутствующих. Внимание мое привлекла одна из членов Большой Десятки, особа женского пола, весьма странного облика по любым стандартам. Ростом она на добрую пядь — по масштабам гигантов — превосходила самого высокого из остальных членов совета, сложения однако была весьма хрупкого, тонкокостная, и плоть кости ее почти не обременяла, в общем, худа чрезвычайно. Мертвенно белая ее кожа местами отливала синевой. Я такой кожи не встречал нигде в нашей галактике и с первого взгляда ощутил отвращение. Но уже второй взгляд вызвал сомнения, затем мне это странное явление даже понравилось, и наконец я совсем запутался, не понимая, нравится она мне или нет. Равно-

душным гигантесса меня, во всяком случае, не оставила. Глаза ее поражали небесной голубизной. Волос на голове, как и у всех гигантов, очень мало, золотистый пушок. Интересным отличием оказались длинные роговые или костные выросты на концах пальцев, напоминающие когти, какими щеголяли предки нынешних туземцев Роанды. Пытаясь установить родословную этой гигантессы, можно было долго ломать голову. Очевидно, ей и самой мысли подобного рода покоя не давали. Слишком уж она выделялась на фоне присутствующих черно — и коричневокожих здоровяков с черными, карими, в лучшем случае темно — серыми глазами. Она не могла не чувствовать себя здесь чужеродным элементом. Не улучшала положения и ее явная слабость, почти изможденность, этой женщине, пожалуй, и на ногах-то держаться было трудно. Сказанное мною вызвало видимые признаки расстройства лишь у нее одной. Гигантесса все время вздыхала, голубые глаза ее беспокойно блуждали, она то и дело кусала тонкие красные губы, рот ее походил на свежий порез. Но и она пыталась сдерживать чувства, сидела привалившись спиною к стене, разглаживая голубую ткань брюк или сложив пальцы на коленях.

Выждав достаточную паузу, я дополнительно сообщил, что причиной кризиса является неожиданное смещение звезд системы Канопуса. Реагировали они снова весьма сдержанно: сдержанная обеспокоенность, сдержанный непроизвольный протест.

Все мы дети звезд и их сил. Они создают нас, мы влияем на них, мы все — участники пляски, от которой никогда никакими усилиями не можем отделиться. Но взрываются боги, заблуждаются боги, растворяются боги в облаках рассеянного газа, съеживаются и расширяются, и чего там только с ними еще не приключается… И тогда мельчайшие частицы их сути могут позволить себе выразить своими микросредствами — не протест, нет, но мельчайшую дозу полноценной иронии; да, именно так: со всем должным уважением могут они состроить на физиономии мягкую гримасу иронии.

А для туземцев и эта возможность закрыта. Они не способны воспринять события на уровне, доступном гигантам. Основные жертвы этого небесного ляпсуса, этой непредвиденной галиматьи, звездного сдвига не смогут даже узнать достаточно для того, чтобы обреченно покачать головой и пробормотать сквозь сжатые губы:

«Что ж, им-то там хорошо…» или «Ну, вот, опять! Так я и знал… Да-а, кому пожалуешься…».

Господам галактик, сканирующим скопления звезд на звездных волнах, прыгающим по планетам и закручивающим хвосты комет, не след удивляться, если они в ответ на свое: «Ох-х, маху дал… Кто ж мог такого ожидать от мирной звездульки!» — воспримут невоспринимаемую простым слухом микрореакцию: «Мы могли ожидать, ваше-ство, мы, мелкие ничтожества, часть ваша преходящая, как и вы наша часть…»

Я уже упоминал в самом начале, что избегал вспоминать о своем первом визите на Роанду. Когда память моя приближалась к запретным областям, я насильно разворачивал ее в ином направлении. Повторяю, то был наихудший случай за всю мою долгую службу послом.

Не припомню, сколько времени мы провели тогда, сидя в зале-цилиндре, полдня, день… Мы переглядывались, думали о будущем, пытались друг друга подбодрить своей стойкостью. Далекий городской шум поглощался тишиной и пропорциями здания. В залитый солнечными лучами двор выбежали двое детей гигантов, принялись бегать, прыгать, весело смеяться. Их веселость мучительно контрастировала с нашим

настроем, и белая гигантесса сделала детям знак удалиться.

Наконец Джарсум сказал, что на сегодня достаточно, для лучшего восприятия следует прерваться до завтра. Гиганты предполагали также обсудить, что и как следует сказать туземцам, да и стоит ли их информировать вообще. Мне предоставили возможность ознакомиться с отведенным для меня помещением, сообщили все необходимые подробности, условия приема пищи, возможности досуга… все в высшей степени приятно, удобно… Но сердце мое разрывалось, и я знал, что гиганты чувствуют себя еще хуже. Отчаяние и пустота, заполнявшие меня, усиливались сознанием отчаяния и пустоты, заполнявших сердца гигантов.

На следующее утро в зале-цилиндре я снова встретился с десятью гигантами. Ни одного из вчерашних я не увидел и этому не удивился.

Что будет с местными, когда гиганты покинут планету? Как переживут они этот шок? Что изменится в их поведении? Что случится с животными, появившимися здесь уже после гигантов? Планировалось, что животными будут заниматься туземцы? Что произойдет теперь, как туземцы будут относиться к животному миру планеты?

Все эти темы обсуждались в то утро. Тема планеты Шаммат напрашивалась, ее давно пора было затронуть, но я все медлил, сам себе удивляясь, однако дожидаясь соответствующего сигнала, завуалированного запроса от них, от гигантов. Однако и это заседание завершилось, со мною вежливо распрощались, и я решил прогуляться по городу, вернуться туда, где можно найти туземцев. Город выглядел по-прежнему цветущим, совершенно нормальным, обыденным. Я передвигался от группы к группе, иногда заговаривал с пешеходами, мне отвечали. Сначала я представился прибывшим из города Полумесяца, но скоро выяснил, что странствия у них не диво, и, не желая разоблачения, выдавал себя после этого за приехавшего из города Овоид, что на крайнем севере. Об этом городе я слыхал лишь, что он находится «на краю света», так что вряд ли у жителей Круга установлены с ними крепкие связи. Я развлекал слушателей рассказами о снежных бурях и ледяных полях и пытался выяснить, знают ли местные что-либо о Шаммат, слышали ли они какие-либо истории на эту тему, чуяли ли что-либо и все в таком духе. Однако ничего я так и не обнаружил, лишь однажды внимание мое привлекло замечание мамаши, сидевшей на

скамье сквера с двумя все время вздорившими детьми.

— Экие вы дрянные в последнее время.

Это замечание удивительно перекликалось с моим душевным настроем. Я тут же вернулся в свою комнату с ее высоченным потолком и прижавшейся к полу меблировкой — и как раз вовремя: меня почти сразу пригласили в трансляционный цилиндр.

На этот раз хоть один из гигантов оказался мне известен по прежним встречам: присутствовал Джарсум. Я намеревался рассказать наконец о Шаммат, что и сделал без промедления.

— Я собираюсь поведать вам нечто еще худшее, особенно с точки зрения коренных жителей. У планеты появился враг. Знали ли вы об этом?

Молчание. И снова слово «враг» от них как будто отскочило, как будто растаяло в атмосфере. Совершенно не за что зацепиться! Странное ощущение для индивида, привыкшего размышлять и действовать в традициях вечного балансирования на проволоке, дышать договорами и переговорами, оперировать дипломатическими уловками, заниматься политиканством, постоянно сталкиваться с галактическим злом, пытаясь защитить от его воздействия галактическое доб-

ро. Здесь я встретился с народом, для которого не существовало не только понятий «зло» или «враг», но даже и слов «оппозиция», «противостояние».

— Но вы должны, в принципе, представлять, что такое враг, что враги существуют в природе. Они существуют, и с этим следует считаться! — проповедовал я. — Силы Зла существуют и в нашей галактике, причем такие, с которыми необходимо считаться, которых следует остерегаться, держаться начеку…

Гиганты переглянулись, и это рефлекторное действие еще раз продемонстрировало мне их слабость. Они пытались вызнать друг у друга, что бы это могло быть такое — «враг»? Но, позвольте, ведь их сообщения в начале нашего эксперимента с Роандой упоминали толки и слухи о шпионах. Неужели наличие шпионов не подразумевает в представлении этих наивных существ наличия врагов?

Так или иначе, передо мной был вид, по какой-то причине совершенно неспособный оперировать понятием враждебности. С трудом верилось в такое. Ни на одной другой планете я с этим еще не сталкивался.

— Джарсум, когда мы беседовали возле колон-

ны, ты сказал мне, что обнаружены какие-то отклонения. Что ты при этом имел в виду?

— Колебания потоков, — ответил Джарсум, не раздумывая. — Мы их и раньше отмечали, уже несколько дней. Легкие колебания вследствие наводок замечались и раньше, но никогда еще не были они такого характера. А теперь ты объяснил их причину.

— Но в этом кроется больше, чем я рассказал.

Снова легкое движение, переглядывание, вздохи.

Я вкратце рассказал гигантам об империи Путтиоры, о ее колонии под названием Шаммат.

Нельзя сказать, что они не слушали, но явно что-то случилось у них со слухом.

Я повторил, подчеркнул, выделил. Шаммат, Шаммат, Шаммат… Шаммат засылал агентов на эту планету. Есть ли сведения о чужих на планете? Об активности, вызывающей подозрения?

Глаза Джарсума неуверенно скользнули по стенам. Встретились с моими. Ускользнули прочь.

— Джарсум, — сказал я, — неужели вы не помните, что предки ваши, даже отцы, подозревали, что на планете действуют враждебные элементы?

— Южные территории давно уже сотрудничa-

ют с нами.

— Я не их имею в виду.

Я старался излагать кратко и доступно. Сказал, что Роанда вследствие изменения влияний ближайших звезд испытает недостаток топлива. Да, я это уже им говорил. Но на планете Шаммат узнали об этом обстоятельстве и уже перекрывают потоки и силы.

Роанда, ныне Шикаста, сломленная, ограбленная, подобна богатому саду, зависящему от источника вод, на первый взгляд, неистощимого. Оказалось, однако, что ресурсы воды не столь уж и неисчерпаемы. Сад мог бы зачахнуть, но слабого потока энергии с Канопуса хватило, чтобы поддержать Шикасту и уберечь ее от гибели. Но к этому слабому потоку присосалась Шаммат. И мы не знаем, каким образом, хотя определить это жизненно необходимо.

Мы считали, что при минимальной поддержке наш «сад» не пропадет. Но для того, чтобы обеспечить такую поддержку, необходимо выявить врага, определить точку приложения его усилий.

Никакой реакции. Во всяком случае, не такая, какой я ожидал.

— С одной стороны, — настаивал я, — чем

больше деградируют туземцы, чем больше они ослабеют, тем лучше для Шаммат. Понимаете? Чем хуже связь между Канопусом и Шикастой, тем лучше для Шаммат. Шаммат не может паразитировать на здоровом организме. Добро для них яд. Качество Смычки было гораздо выше их возможностей. Они выжидали и дождались своего момента. И уже воруют энергию, уже наживаются на ворованном, но если мы не поймаем их, будет еще хуже. Понимаете?

Нет, они не понимали. Не могли понять.

Гиганты не могли усвоить понятия паразитизма, воровства. Возможно, что-то исчезло из их генетической структуры, хотя как могли произойти такие изменения — неясно. Во всяком случае, как я ни старался, не смог я донести этих истин до гигантов. Оставалось попытаться самому.

Первым делом я попробовал пробить глухую оборону Джарсума, оставшись с ним после сеанса передачи. От него я получал любую требуемую помощь, любые разъяснения, кроме касающихся Шаммат.

Сеанс передачи прошел, как обычно. Объявили тему, все присутствующие удержали ее в сознании, обсудили вслух, молча, затем задумались. Тема в сознании каждого выкристаллизовалась,

обогатилась, затем последовали технические процедуры, и тема достигла сознания гигантов в других городах.

Я внес предложение, чтобы вслед сообщениям для проверки направили гонцов. Откуда известно, что теперь происходит с силой потоков? Можно было направить лучших бегунов. Но гиганты меня не поняли. Они не желали меня понимать.

— Так никогда не делали, — был их ответ.

— Да, но обстоятельства изменились.

— Нет, лучше выждать.

Снова они не слышат.

Пришло сообщение с Канопуса о прибытии транспортных средств для вывоза гигантов, прислали график с указанием, дат, времени, мест.

— Джарсум, нужно поторопиться. Мы не можем долго ждать…

Но Джарсум, кроме непонимания, проявил упрямство и даже подозрительность.

Я оказался свидетелем начала. Гиганты подверглись влиянию. Они изменились.

А я? Подействовало ли на меня? Изменился ли я? Появилось головокружение. Иногда я вдруг ощущал, что очнулся, как будто вынырнул из облаков.

Не ожидал я, что придется сделать это так скоро, но ничего не оставалось кроме как вынуть Сигнатуру из тайника, спрятать ее под туникой, обвязав вокруг предплечья. Сознание очистилось, и я понял, что изменился, сам того не заметив. До меня дошло, что скоро я один на всей Шикаете сохраню способность здраво мыслить и действовать.

Гиганты, не имевшие представления о своем состоянии, продолжали контролировать свои города.

Я обнаружил, что не все гиганты подверглись влиянию в равной мере. Некоторые все еще отличались остротой ума и осознанием ответственности. Увы, Джарсум к ним не принадлежал. Он поддался почти сразу. Я не знал, как с этим бороться, да и не пытался. Слишком занят был более насущными проблемами, пытался воздействия на тех, которые приходили в трансляционный зал, где они казались более здравомыслящими, нежели вне его.

Именно во время сеанса передачи я осознал, что ситуация изменилась самым неприятным образом. Внешне все проходило по-прежнему, но гиганты стали беспокойны, глаза их блуждали, стекленели, они заговаривались. Затем однажды

утром один из них вдруг вспылил, взорвался гневной тирадой, заявляя, что никуда не поедет. Лиха беда начало! Таким образом возник прецедент. Спор во время сеанса оказался для гигантов вещью настолько небывалой, что они на время протрезвели. Друг мой Джарсум, например, явно очнулся. Он, правда, ничего не сказал, но сидел, молча сосредоточиваясь. Другой гигант выступил против бунтаря, хотя и не высказываясь в пользу оставления планеты, касаясь, в основном, его манеры спора. Первый кричал, что «это очевидно», что уходить — глупо. Джарсум сидел, погруженный в борьбу с собою. В спор вступил кто-то еще, и тут Джарсум тоже не выдержал, и его голос потонул в общей неразберихе разногласия.

И так вот, не по дням, а по часам, все на Шикаете разваливалось, дела шли через пень-колоду. Снаружи слышны были возбужденные голоса, как будто ссорились дети. Внутри сплошной беспорядок, обстановка не лучше. Присутствующие жестикулировали, перебивали друг друга, старались привлечь внимание к своим словам. Сформировались две фракции: первая призывала сохранять спокойствие, убежденность и мобилизовать внутренние силы; и вторая, из тех, которых «несло», возглавляемая Джарсумом

— тот кричал, что «пусть они хоть весь космофлот сюда направят», а он все равно с места не сдвинется. Эта фракция одержала верх.

Пришлось вмешаться. Для этого я положил руку на Сигнатуру и использовал ее. Я сказал, что решившие остаться проявляют акт Непослушания, нарушая законы Канопуса.

Присутствующие разразились аргументами, пустились в рассуждения, утверждая, среди прочего, что, если они останутся, все получится гораздо лучше, ибо туземцами должен кто-то управлять, и не кто-нибудь пришлый, а они, знающие местные условия. И если Канопус предает туземцев, то они, гиганты, не желают в этом участвовать.

Я возразил, что если гиганты, даже часть из них, останутся, то план Канопуса окажется под угрозой. Что гиганты не смогут управлять, ибо лишены ресурсов — уже лишены. И их поведение лишний раз это доказывает. Однако они уже забыли, кем они были, вжились в новые манеры поведения.

Я указал на то, что неповиновение плану всегда и везде являлось первым проявлением дегенеративной болезни. Оглядевшись в поисках благородства и понимания, я таковых не обна-

ружил. Лица гигантов приобрели выражение строптивое, вздорное, глаза горели беспокойным огнем.

В спорах прошли и следующие дни.

Я со своей спрятанной Сигнатурой старался успевать везде. Неимоверных усилий стоило мне отправлять космофлоту Канопуса сообщения о ситуации, о том, что придется спорить, убеждать гигантов, а то и применять насилие. Отношение ко мне стало таким, что я опасался умышленного искажения сообщений до неузнаваемости, однако впоследствии выяснилось, что передача информации оказалась успешной. В большинстве городов, во всяком случае, поняли, что надвигается кризис и что приближаются звездолеты. Эвакуация прошла отнюдь не так гладко, как замышлялось. В каждом городе возникали споры, гиганты отказывались покидать планету, приходилось убеждать, уламывать, кое-где даже принуждать при помощи войск.

Конечно, сразу я обо всем этом узнать не мог, впоследствии мне пришлось реконструировать точную картину.

В Круге Джарсум возглавил группу, которая наотрез отказалась от эвакуации ценою полного самоотречения. Он и его единомышленники,

разумеется, знали, что рискуют собою, своими душами, но все же решили остаться. В их числе была и та невероятно высокая белая гигантесса, отличавшаяся причудливой красой, а также ее отпрыски, блиставшие самым странным набором физических характеристик. Она мотивировала свое решение тем, что с такими физическими данными жизнь для нее ни на какой другой планете все равно невозможна.

Я спросил женщину, чем объясняется ее уверенность, указав на то, что в галактике уживаются самые разные существа. Но она просто заявила, что «знает» это. Она всю жизнь прожила чужой, среди существ, резко отличавшихся от нее.

Тем временем мы ожидали прибытия космолета. Не утихали и споры о том, какую информацию и в какой форме следует довести до аборигенов.

Гиганты относились к своим бывшим подопечным с какой — то нездоровой страстью, коренным образом отличающейся от прежней спокойной доброжелательности. То и дело передо мной возникали трагические маски Джарсума или какого-нибудь его соплеменника, безмолвно упрекавшие меня в черствости, жестокости, бесчувственности и так далее. Обсуждение любого практического вопроса постоянно прерывалось

тяжкими вздохами, возведением очей к небу (потолку), невнятным укоризненным бормотанием. Несмотря на это, я смог обеспечить распространение среди туземцев ряда песен и историй, посвященных изменению ситуации. По городам северного полушария отправились гонцы с поручением рассказать представителям туземцев, что близится время испытаний, тягот и лишений и что им следует набраться терпения и ожидать дальнейших известий.

Гиганты должны были это сделать, и они это сделали. Туземцы привыкли видеть в них своих наставников. Но песни говорили о том, что гиганты покидают планету.

Распростерли они крылья, в небеса они взлетели,

Прочь несутся, нас оставив, наши верные друзья,

Наша верная опора.

Улетают, оставляют нас надолго, сиротливых,

Скорбь сдавила наши плечи…

И далее в том же духе.

Я, конечно, предпочел бы иную текстовку, но гиганты стремились устами туземцев выразить

свое возмущение принудительной высылкой.

Я без спешки, осторожно продолжал налаживать контакты с туземцами. Интересно, что поначалу гиганты поддавались негативному влиянию легче, чем аборигены, которые этого влияния длительное время как будто бы и вовсе не замечали. Более сложная структура психики гигантов оказалась и более хрупкой. Это давало мне определенную фору во времени. Очевидна, однако, и сложность моей задачи: я должен был сообщить этим несчастным, что вследствие стечения обстоятельств, к которому они совершенно непричастны, обстоятельств, на которые они не могут оказать никакого влияния, эти бедняги превратятся в нечто меньшее, чем их собственные тени. И они должны это принять. А ведь они хуже гигантов подготовлены к восприятию дурных вестей. И чем более детальной, подробной была информация, тем больше я мог рассчитывать на ее искажение. Разум их готов был к искажению того, что я скажу, к переработке сказанного мною, по мотивам сказанного мною.

Ситуация, схожая, скажем, с той, когда кому-нибудь совершенно здоровому заявляют, что он вскоре станет идиотом, но, тем не менее, должен запомнить некоторые интересные факты, а

именно (и далее следует длинный перечень).

Однажды утром примерно треть гигантов исчезла неизвестно куда. Оставшиеся послушно собрались к месту посадки космолетов, которые вскоре и появились. Несколько тысяч гигантов погрузились в три больших корабля, и вот уже в городе не осталось гигантов.

Аборигены следили за снижением звездолетов, за их загрузкой, затем проводили взглядами сияющие межзвездные машины.

Распростерли они крылья, в небеса они взлетели, Прочь несутся, нас оставив, наши верные друзья, — понеслось вдогонку пение, и еще несколько дней подряд туземцы толпились возле стартовых площадок, вглядываясь в небо. Конечно же, они ожидали скорого возвращения своих друзей гигантов. Толки о возвращении быстро вылились в соответствующие мелодии.

Возвращайтесь поскорее, наши верные друзья,

Мы за радостною встречей о разлуке вмиг забудем...

Куда девались мятежные гиганты, я так и не смог выяснить.

Туземцы очень быстро заняли все здания, в

которых жили, отдыхали и работали гиганты. Это действие нарушало городские правила, на что я не преминул обратить их внимание. Они относились ко мне как к определенного рода начальству, хотя, конечно, не столь авторитетному, как их гиганты. Однако в тогдашнем их состоянии не были они способны воспринимать информацию. На голос здравого смысла, на искренность туземцы реагировали тупым непониманием, уклончивостью, а то и хмурым агрессивным набычиванием — первые признаки дегенерации.

Сказитель и песнопевец Давид стал мне другом — во всяком случае, хоть как-то реагировал на мое присутствие. Он еще в какой-то мере себя осознавал, и я обратился к нему с просьбой — наблюдать, что вокруг происходит, и сообщить мне, когда я вернусь из путешествия в соседний город. Полумесяц — так назывался этот город — находился возле одного из внутренних озер, в месте, где было меньше всего приливов. Он также прильнул к большой реке, огибавшей его плавной дугой, но лишь с одной стороны. В открытую сторону убегали улицы, подобно струнам лиры, вдоль улиц тянулись сады. Музыка этого города отдавала гармонией лиры, однако, приближаясь, я уже издали воспринял фальшь звучания,

резкие ноты и хрипы несогласия, разброда, не предвещавшие ничего доброго.

Прекрасный город Полумесяц выстроили из белого и желтого камня, изобильно орнаментированного по стенам, кровлям, по мостовой. Преобладающие цвета одежды — ржаво — бурый и серый, оттеняемые зеленой листвой и сияющим небом. Туземцы здесь напоминали чертами лиц и сложением туземцев Крута, но оказались сплошь желтокожими брюнетами. В нормальном состоянии я их не застал, к моему прибытию процесс распада уже достаточно продвинулся. И здесь я пустился на поиски кого-нибудь, чей мозг еще сохранил способность здраво мыслить, трезво оценивать ситуацию. Песни и сказания уже достигли этого города, здешние аборигены тоже наблюдали за отбытием гигантов в сияющих звездолетах, навевавших мысли о чем-то потустороннем.

…Я попросил друга моего общаться с жителями, убеждать их, призывать быть терпеливыми, не принимать решений необдуманных, поспешных, не поддаваться панике и страху. Я живо описал упомянутые явления в качестве нелепых, абсурдных.

Я решил вернуться в Круг. Если песни и сказа-

ния уже достигли этого города, то они должны были распространиться и на другие, а это уже начало. В то же время я все более остро чувствовал опасность, чувствовал приближение чего-то неотвратимого. Следовало как можно скорее вернуться в город Круг. Чуял я это, но почему — не знал, пока не приблизился к Кругу.

Приблизился я к городу со стороны, противоположной той, откуда прибыл в Крут впервые. Так же шагал я по светлому жизнерадостному лесу, который вблизи Камней сменился посадками грецкого ореха, миндаля, абрикосов, гранатов. Животных и здесь было немало, но все какие-то испуганные, настороженные. Опасливо косясь в сторону города, они фыркали и трясли головами, как будто отгоняя от себя назойливых мух. Очевидно, их раздражали какие-то пока не воспринимаемые мною звуки. Вскоре, войдя в Камни, и я услышал доносящуюся из города режущую ухо какофонию. У меня закружилась голова, к горлу подкатывала тошнота. В воздухе висело что-то зловещее. Не знаю, сказалась ли задержка коррекции Камней, влияние смещения звезд, уход гигантов и занятие их домов туземцами, но когда я достиг внутренней стороны, диссонанс настолько усилился, что птицы, летящие

к Камням, резко сворачивали в сторону. Сама синева неба казалась угрожающей, запятнанной, враждебной.

В городе всюду толпились туземцы, скапливались группами, разбегались, скапливались снова, двигались с улицы на улицу, из сада в сад, от окраин к центру, как будто кого-то или что-то искали, но не могли найти, и это их чрезвычайно раздражало. Группы эти как будто стремились не замечать одна другую, сталкивались, пихаясь локтями, как будто все стали чужаками, даже врагами. Кое-где даже вспыхивали драки. Ссорились взрослые, и дети им подражали. Звучали гневные крики. Золотисто-коричневые стены уже изгадили уродливые спешно выполненные надписи, пятна грязи. Дети увлеченно таскали землю с клумб и пачкали стены. Они как будто выполняли поставленную кем-то задачу, но и у них вид был беспокойный, ищущий. Если жители Круга достаточно побегают по городу, с места на место, если достаточно стен будет изгажено, достаточно они раздадут и получат тычков в бока, достаточно наорутся друг на друга — тогда то, что они ищут, будет найдено. Так казалось мне, стороннему наблюдателю, судорожно вцепившемуся в Сигнатуру, чтобы сохранить жизнь.

Но эти бедняги не понимали, *что* утрачено, *чего* они ищут.

Утечка увеличилась катастрофически, истощение достигло продвинутой фазы, судя по тому, что творилось на улицах.

Остался ли в городе хоть кто-либо незатронутый всем этим? Способный если не понимать, то хотя бы слушать…

Я вглядывался в лица, ища в глазах остатки здравого смысла, пытался заговаривать с горожанами, но глаза, лишь недавно дружелюбные, спокойные, нервно дергались прочь или смотрели насквозь, меня не видя. Я искал рассказчиков и песенников, обычных сборщиков и распространителей информации, нашел одного, другого. Оба как будто не понимали, чего я от них добиваюсь. Я спросил, нравятся ли народу их песни, и они задумались, как будто перестраиваясь на иную волну. Затем увидел Давида, сидевшего на бортике загаженного мусором городского фонтана, услышал полуразборчивый речитатив, обращенный к плававшим в бассейне рваным упаковкам:

Исчезли в прошлом золотые времена,
Давно забыли мы гигантов мудрых

имена…

А ведь не прошло и трех десятков дней, как гиганты покинули город!

Он изливал продукт своего творчества, народ задерживался возле него на некоторое время, вслушивался, выражение на лицах на некоторое время слегка изменялось. Я решил использовать его как фокусирующую точку, остановился рядом.

— Друзья, друзья! — воскликнул я. — Послушайте меня! Вспомните меня! Я Джохор, посол Канопуса…

Слушать меня они не стали. Неспособны они были ничего услышать. Глаза их направились на меня — не враждебно, а равнодушно, как на пустое место — и дернулись далее, глаза их и сами люди.

Я присел рядом с Давидом, сказителем и певцом, замолкшим от моего выкрика и теперь сидевшим молча, обхватив колени мощными коричневыми руками, погрузившись в свои думы.

— Помнишь ли меня, Давид? Я с тобой много раз беседовал, в последний раз месяц назад. Просил тебя оглядываться вокруг и рассказать мне, когда я вернусь, что здесь происходило. Вот я вернулся. Из Полумесяца, соседнего города.

Белые зубы его сверкнули широкой улыбкой, теплой и обаятельной, как и ранее, но меня он, похоже, не признал.

— Мы друзья, ты и я, — втолковывал я ему.

Но Давид тоже не пожелал меня слушать. Встал, потянулся и отправился прочь, как будто меня и не видел.

Я же стоял, не зная на что решиться. Ясно, что дела идут хуже, чем предусматривал прогноз экспертов Канопуса. Моя связь с Канопусом прервалась, даже Сигнатура не помогала. Приходилось решать самому, но информации для принятия решений недоставало. Например, я ничего не знал о происходившем в южном полушарии, на территории Сириуса. Куда девались исчезнувшие гиганты? Полностью ли и бесповоротно деградировали туземцы или есть надежда на улучшение, хотя бы частичное? Какова ситуация в остальных городах?

В течение нескольких часов я ничего не предпринимал, ограничиваясь наблюдением за ситуацией, которая за это время лишь ухудшилась. Затем я двинулся по городу, не переставая наблюдать, накапливать впечатления. К этому времени нарастающие вибрации города и Камней уже причиняли ощутимый вред. То один, то

другой туземец испускал крик боли или хватался за голову с видом несколько удивленным. Физическая боль оказалась им в новинку. Иным за всю жизнь не приходилось с нею встречаться. Кто-то мог нечаянно сломать руку или ногу, порой налетали болезни, но настолько редко, что память о таких происшествиях стиралась. Головная боль, зубная боль, боль в суставах, нелады со зрением, слухом — весь этот печальный перечень обусловленных дегенерацией пороков организма оставался для них неведомым. И вот, навалилось: то и дело кто-то из туземцев хватался за голову, за грудь, сгибался от боли в животе, не понимая, что же это с ним приключилось.

Следовало убрать их отсюда. Взять и сказать им, что надо покинуть этот прекрасный город, его синхронизированные сады и улицы, отражающие движение звезд, казалось мне невозможным. Но они должны были это сделать, если не хотели сойти с ума. А некоторые уже обезумели. Кто-то хватался за трясшуюся голову, не понимая, что с ним случилось, издавал дикий вопль, пускался бегом неизвестно куда, как будто убегая от догонявшей его боли. Кому-то удавалось найти местечко, где дисбаланс вибраций ощущался меньше. Такие затихали в своих вновь обретен-

ных убежищах, отказываясь покидать их.

Давно я уже себя так не чувствовал, с того раза, как посетил подобным образом пораженное место, колонию, которую должна была заменить Роанда.

Я нашел Давида. Он лежал лицом вниз, уткнувшись в мостовую, зажав ладонями уши. Я заставил его усесться и рассказал, что ему следует сделать. Он вяло поднялся, разыскал друзей, жену, взрослых детей и их детей. Я обратился к группе из примерно пятидесяти аборигенов, и Давид по моим словам составил песню. Лица слушавших меня искажали гримасы боли, некоторые стонали, стояли, опираясь на стены, или лежали, не в силах стоять. Я умолял их немедленно покинуть город, чтобы не погибнуть от усиливающейся вибрации. Я пообещал, что если они выйдут за пределы круга Камней в саванну, то боли прекратятся. Но сквозь Камни нужно пробежать быстро. И перед тем, как уйти, я просил их передать все сказанное мною как можно большему числу встреченных, чтобы спасти как можно больше народу.

Речь моя сопровождалась криками протеста, неверия, отказа. Они рыдали, стонали, выли. Уже тысячи затронутых вибрациями валялись на

мостовой.

Неожиданно те, кто слушал меня с самого начала, сорвались с места и понеслись к окраине города. По мере приближения к Камням боль усиливалась настолько, что некоторые не выдерживали, поворачивали обратно, бросались в реку, чтобы утонуть и покончить с мучениями. Но другие, сжав головы руками, держась за животы, обхватив торсы, пригнувшись, как будто близость к земле могла облегчить страдания, выбегали за заколдованный круг и, сразу ощутив облегчение, падали на траву, чтобы отдышаться, прийти в себя, насладиться отсутствием боли.

Они кричали оставшимся, звали их за собой. Некоторые слышали и слушались, бежали за круг Камней. Я ходил среди оставшихся, убеждал, предупреждал. И вскоре город покинули все. Они оставили дома, обстановку, пищу, одежду, оставили свою культуру, цивилизацию — все, чего добились в процессе развития. Они толпились в траве под деревьями, окруженные животными, удивленно озиравшими их умными, понимающими глазами.

Некоторые, оправившись, забегали обратно, в окраинные сады и огороды, собирали овощи и фрукты, терпя, сколько могли, пока боль не ста-

новилась невыносимой. Иные, самые крепкие, добегали даже до домов, где собирали все, что могло помочь сохранить тепло и поддержать жизнь: одеяла, одежду, хозяйственные принадлежности. Эти экскурсии в город имели и оборотную сторону: некоторые, подвергшиеся страшной пытке Камнями, ощущали какую-то тягу, странное желание снова испытать то же самое.

В лесу сооружались убежища из ветвей и листьев, даже из утрамбованной земли. В керамическом горшке доставили из города огонь и культивировали его во вновь возникшем поселении — не побоимся этого слова — дикарей. Грандиозный костер обозначил центр стихийно возникшей деревни. Тут же разметили землю и приступили к устройству новых огородов. Попытки возродить городские мастерские и фабрики закончились неудачно, ибо исчезли потоки энергии и технология, которой ведали гиганты.

Животные бежали. Первые охотники убивали «дичь» просто подойдя к выбранной жертве и всадив в нее нож. Бояться звери не научились, теперь им приходилось наверстывать упущенное. Сначала на мордах жертв появлялось такое же удивленное, непонимающее выражение, как на физиономиях туземцев, впервые ощутивших

боль, ознаменовавшую конец Эпохи Гигантов — такое название утвердилось за пройденным этапом истории Шикасты. И вот узнавшие страх стада двинулись прочь, сначала нерешительно, затем сломя голову, грохоча копытами и ломая кусты.

Тем временем я понял, что следует попытаться посетить все другие города, где, как я надеялся, инстинкт заставит население искать спасения за пределами кругов Камней. Возможно, осталась какая-то доля коллективного разума, достаточная для того, чтобы показать в иных местах, что происходило в Круге. В сопровождении Давида и еще нескольких туземцев я отправился прежде всего в Полумесяц, на подходах к которому мы встретили группы аборигенов, бродящих вне города по плодородным полям дельты большой реки. Они сообщили, что город «заполонен демонами», но многие жители остались там, ожидая возвращения гигантов. И некому было сказать им, что надо бежать. Те, кто спасся, строили шалаши из камыша, готовили землю для весеннего сева и посадок. Животные и здесь сбежали; мы встретились со стадами и стаями четвероногих, спасавшихся от смертоносного города и от двуногих существ, вдруг ставших смертельными врагами.

Мы прошли по городам планеты, разделившись на группы. Квадрат и Треугольник, Ромб и восьмиугольный Октагон, Овал и Прямоугольник — и так далее, мало ли геометрических фигур. На обход этот ушел полный оборот Шикасты вокруг своей звезды, да и в составе групп произошли изменения. Некоторые решили поселиться с группами, которые им приглянулись; другие отстали из-за болезней, кто-то и умер; иным понравилось какое-то встреченное на пути ненаселенное место. Но были и прибавления — из числа пожелавших отправиться на поиски приключений жителей других мест. Примерно сотня путешественников обошла Шикасту, найдя повсеместно одну и ту же картину: города превратились в ловушки и психушки. Оставшиеся в них, если не кончали жизнь самоубийством, становились идиотами.

Вокруг каждого города возникли поселения беженцев, живших в грубых хижинах и землянках, питавшихся, по большей части, мясом, добытым на охоте, занимавшихся также огородничеством и полеводством. Одевались они в шкуры, а спасенную из города одежду, не сговариваясь, превратили в нечто священно-ритуальное. Сказители распевали о богах, которые научили их

всему и которые непременно вернутся. Предусмотренный с самого начала мотив «второго пришествия» повсеместно прочно зацепился в памяти.

Вернувшись к Кругу, мы проинспектировали Камни. Вибрации настолько усилились, что селения отодвинулись подальше. Возле Камней увядала даже растительность. Даже птицы не отваживались залетать туда.

Особенно бросалось в глаза обилие детей. Предохранительные меры забыты, никто больше не определяет, кому следует иметь детей, а кому не рекомендуется становиться родителем. Короче, пользоваться сексом разучились. И если раньше умиравший до тысячелетнего возраста считался невезучим, то теперь ясно было, что срок жизни потеряет стабильность. Уже умирали и молодые, очень молодые, дети и новорожденные. Такая ситуация сложилась на Шикаете через год после крушения Смычки.

Но, во всяком случае, виду не угрожало вымирание. Из городов спаслось достаточно населения, чтобы жить и размножаться. И я знал, что с течением времени — примерно через три-четыре сотни лет, точнее определить никто не брался — города и крути Камней разрушатся под дей-

ствием природы и непогоды, превратятся в груды развалин, не обещающих ни вреда, ни пользы.

Наступала финальная фаза моей миссии.

Прежде всего, следовало определить, куда скрылись мятежные гиганты. У меня уже возникла догадка на этот счет. Будучи в Шестиугольнике, к северу от Больших гор, я заметил издали что-то вроде поселения, о котором никто не знал, однако народ там пугал друг друга байками о громадного размера призраках, «ростом с дерево».

Опять я решил взять с собой Давида. Можно было сказать, что он понимал, что происходит. Но можно было сказать и что он *не* понимал. Я мог ему что-либо объяснять, он внимательно слушал, понимающе кивал, хмурил лоб, поджимал губы — всячески и весьма живо реагировал. Но через несколько минут, упоминая только что подробно разъясненную деталь, я вдруг обнаруживал в его глазах полное непонимание, а изумленные вопросы заставляли усомниться, помнит ли он свое имя. Давид выглядел так, как будто находился под воздействием какого-то сильного наркотика. В то же время он усваивал информацию, иногда ссылаясь на услышанное в позднейших разговорах. Казалось, что часть его понимает услышанное, а другая ни слова не

слышит. Или же — никогда я не встречал более такого — наступали периоды, когда Давид все детально воспринимал, сменявшиеся периодами отсутствия контакта и восприятия, а то, что он говорил, казалось произнесенным какой-то ирреальной его частью. Как будто сам он стоял, связанный и с кляпом во рту, а за него отвечал — или говорил — какой-то чревовещатель.

Когда я пригласил Давида сопровождать меня, он ответил, что не хотел бы оставлять без присмотра свою младшую дочь. Ни разу до этого он не упоминал ни о какой дочери. Где же эта дочь? — Да, там… у друзей, должно быть. Он за ней ухаживает? Давно он с ней виделся? Давид кивал, жестикулировал, оживленно объяснял, что дочь его девочка хорошая, самостоятельная и в присмотре не нуждается. Так я впервые встретился с типичным для Шикасты отсутствием интереса к судьбе потомства.

Дочь его, Саис, крупная особа со светло-коричневой кожей и густой гривой бронзовых курчавых волос, оказалась существом оживленным, бойким. Она едва вышла из детского возраста, но, действительно, в присмотре не нуждалась. Иначе и быть не могло. Казалось, она ничего не помнила о жизни с родителями в Круге. О матери Саис

вспоминала, как будто та умерла давным-давно, а оказалось, что несчастная женщина погибла лишь недавно во время охоты на оленя. Она наткнулась на пару затаившихся тигров, забивших ее своими громадными лапами. Саис, похоже, не имела представления о том, что еще год назад такая ситуация была немыслимой. Тигры, по ее мнению, всегда были врагами охотников.

Так или иначе, Саис согласилась отправиться с нами.

Впервые я высадился из космолета к северу от Больших гор, на востоке центрального материка. Оттуда отправился на запад. Теперь мы шли в обратном направлении, двигаясь с юга от массива Больших гор. Предгорья этих гор намного превышали самые высокие горы южного полушария. Приходилось не идти, а постоянно карабкаться, взбираться и спускаться — с горы на гору, с хребта на хребет, с гряды на гряду. Сверху мы увидели мертвый Шестиугольник с окружавшими его поселениями, разглядеть которые с этой вершины не представлялось возможным. Зато я увидел нечто неожиданное. Далеко внизу, в ущелье, возвышалась блестящая, по всей видимости, металлическая колонна, либо столб. Это сооружение каким-то образом связано с Шаммат, понял

я. Зрительный образ подтверждался недобрым ощущением. Не желая подвергать опасности Давида и Саис, я решил позже вернуться к колонне без них.

Мы спустились, держась подальше от зловещей колонны, и вот, стоя на склоне очередного горного пика, я увидел то, что искал. Странного вида поселение, выстроенное не в целях обеспечить себе прибежище, не для тепла или иной понятной цели, а как самовыражение искалеченной памяти.

Высокий цилиндр без крыши, но с несколькими древесными ветвями вместо нее. Угловатая, похожая на изуродованный куб постройка зияет громадным проломом. Кривой пятистенок, чудом еще не развалившийся. Сооружения всевозможных форм, но ни одно не закончено. Материалы взяты в Шестиугольнике. Что ж, для гигантов тащить тяжелые камни за несколько миль — работа вполне посильная.

Что управляло ими? Что помнили они о старых городах? Как объясняли они себе излучения, воздействию которых подверглись?

Спускаясь по лесистым склонам, я рассказывал Давиду и Саис о гигантах. Скоро мы увидим очень высоких, очень сильных существ, но это не боги

из сказаний и баллад. Нам нужно соблюдать осторожность, потому что они могут на нас напасть.

Таким образом я пытался подготовить своих спутников к тому, чего опасался. Но как объяснить им, что такое рабство? Они никогда не слышали, даже не подозревали, что могут существовать на свете племена настолько дегенерировавшие, что будут презирать других лишь из-за внешнего несходства с ними.

Мы спустились наконец, в долину, продолжая путь к хаотическому поселению. Все гиганты находились внутри своих построек. Приблизившись, мы выкрикнули приветствия, и они робко показались наружу. Высунули носы, увидели, что пришельцев лишь трое и ростом они хозяевам по пояс. Один из гигантов расхрабрился и выказал признаки живейшего возмущения наглым вторжением чужаков, другие подхватили. Нас завели в какое-то подобие хлева, сложенного из камней настолько небрежно, что сквозь кладку виднелась окружающая местность. Среди них оказался и Джарсум, причем в качестве главаря или вождя. Он меня не узнал. Рядом с ним с видом королевы выступала белая гигантесса. Она оглядела нас презрительно и демонстративно зевнула. Они вдвоем уселись, остальные гиганты с видом слуг

столпились за ними и вдоль стен. Грустно было глядеть, как Джарсум и его подруга кривлялись, принимая величественные позы, задирая носы и ревниво поглядывая по сторонам. Давид и дочь его смутились, ибо такого еще не видывали.

Я сказал Джарсуму, что я Джохор, старый друг его, и он наклонился ко мне, вглядываясь, хмурясь и не зная, что на это ответить. Я представил ему Давида и Саис, объяснил, что мы прибыли из Круга, с его старой родины. Никакого Круга он не вспомнил, вопросительно уставился на белую гигантессу, небрежно развалившуюся на стуле. Но ни она, ни остальные гиганты о Круге не вспомнили. Позже я узнал, что не все гиганты пришли из Круга, были и приблудные, которых привел к группе какой-то древний инстинкт.

Белолицая гигантесса пристально рассматривала нас, особенно крепкого Давида и его пышущую здоровьем дочь. Она наклонилась к Джарсуму и что-то ему прошептала. Теперь и Джарсум внимательно осмотрел трех существ, вдвое меньших его ростом, с разными чертами лица и разного цвета кожей.

Насмотревшись, он объявил, что разрешает нам остаться и работать на них.

Тогда я помянул Канопус. Самое время.

Что-то в них всколыхнулось. Джарсум и белая гигантесса переглянулись, затем повернулись к остальным.

— Да, Канрпус, — повторил я. — Канопус. — И замолчал, ожидая реакции.

Не дождавшись, я объяснил, что они не могут преступать законов Канопуса, а первый его закон гласит, что ни одно живое существо не может порабощать другие живые существа.

Против этого они ничего не возразили.

Я попросил у них приюта на одну ночь.

Гиганты ответили, что все помещения заняты, но на самом деле они хотели скорее от нас избавиться. Слишком сложную задачу для них мы представляли.

Я сказал, что мы переночуем снаружи, под деревьями, а утром вернемся для беседы. По их реакции я увидел, что они готовы были выгнать нас силой, и указал на то, что Канопус требует, чтобы странников снабжали пищей и ночлегом.

Это им не понравилось. Гиганты явно злились и, пожалуй, не остановились бы и перед убийством, однако смелости у них не хватало. Мы же трое стояли, ждали, наблюдали. Я, подавляя страх, поскольку сознавал опасность, Давид и Саис — с любопытством, ибо опасности не чув-

ствовали. И я еще раз увидел, что эти туземцы лучше гигантов, ближе к камням и почве, к растениям и животным. Основа их прочнее, чем у гигантов. Во всяком случае, у этих, отбившихся от основной массы.

Гиганты все же дали нам пищу. Пища животного происхождения, значит, они где-то охотятся, хотя животных мы при приближении к их поселению не заметили.

Мы улеглись неподалеку под деревьями. Давид и Саис заснули, я бодрствовал. Уже давно стемнело, на небе сияли звезды, когда я услышал шаги. И заметил черный силуэт, закрывавший звезды. К нам крался Джарсум. Он остановился в нескольких своих — или во многих наших — шагах, всмотрелся, ничего не увидел, подошел поближе. Заметив, что я не сплю, он усмехнулся. Странная у него была улыбка. Молча развернувшись, Джарсум ушел, уже не скрываясь, хрустя ветками и спотыкаясь о камни под ногами.

Утром мы втроем отправились к Шестиугольнику, дошли до линий его камней. Вибрации здесь оказались слабее, чем в других местах. Возможно, они ослабли со временем, а возможно, из-за того, что гиганты утащили какое-то количество камней.

Удивило нас то, что за нами увязалось несколько гигантов. Как оказалось, они шли в том же направлении, вовсе нас не видя или не обращая внимания. Они забрели в гущу Камней и принялись вертеться там, пританцовывая воздевая руки, как будто подставляя их под поток невидимого водопада. Очевидно, они наслаждались воздействием полей каменного пояса. Однако полезным для здоровья такое занятие назвать никак нельзя. Поэтому я отговорил Давида и Саис от подражания им, к чему у моих спутников явно проявилась наклонность.

Гиганты тем временем вылезли из Камней и, все еще подергиваясь, пошатываясь, совершенно одуревшие, направились обратно.

Мы тоже вернулись в поселение и попали на пир. Гиганты поглощали жареное мясо, пели, плясали. Я напомнил им о нашем присутствии, попросил фруктов и пригласил Джарсума удалиться со мной под деревья для беседы. Он последовал за мною, но как будто пьяный или сонный.

Я снова упомянул Канопус.

Он слушал, но слышал ли?

Вытащив Сигнатуру, я предъявил ее Джарсуму. Не хотелось мне этого делать, ибо заметил я, что

Сигнатура в последнее время тоже пошаливает, мощность ее меняется и наблюдаются отклонения режима.

Да, он вспомнил Сигнатуру. Кое-что он помнил. Красные пьяные глаза прищурились, дрожащие руки вытянулись вперед…

И тут Джарсум сделал то, чего я никогда не видел на Роанде. Он простерся ниц и посыпал голову песком. Давид и Саис тут же повторили эту процедуру — увлеченно, с удивившей меня рьяностью.

Я повел их обратно, велев Джарсуму собрать всех. Пришлось, однако, подождать, пока вернутся те, кто отправился танцевать среди Камней.

Когда все собрались, я выступил перед ними, поднял Сигнатуру, сверкнул ею для вящего эффекта, осветив ее сиянием их испуганные лица.

Я сказал, что Канопус запрещает им приближаться к Камням. Это приказ. И я еще раз сверкнул Сигнатурой.

Я сказал, что Канопус запрещает использовать друг друга или других существ в качестве слуг, разрешая это только, если к этим слугам относятся как к равным.

Я сказал, что Канопус запрещает убивать животных, кроме как для пропитания, но и в этом

случае без жестокости и лишь в меру необходимости. Они должны выращивать растения, фрукты и орехи, сказал я им.

Я сказал, что к плодам земли следует относиться бережно, брать лишь необходимое, не более.

Нельзя применять насилие друг к другу.

И никогда, никогда не приближаться к старым городам, не использовать их камней для строительства, и не ходить танцевать в Камни, ибо это вредит им, и Канопус скорбит об этом.

Убрав Сигнатуру, я подошел к распростертым ниц Джарсуму и белой гигантессе, и сказал:

— Прощайте. Я ухожу, но вернусь к вам. А вы помните законы Канопуса.

И я ушел вместе с Давидом и Саис, ушел, не оглядываясь, и спутникам своим запретил оглядываться, чтобы не ослабить воздействия, которое и без того полагал весьма недостаточным. Когда мы углубились в чащу на склоне предгорного холма, я спросил своих спутников, что произошло.

Оба молчали. Они еще не опомнились.

Я настаивал, и Давид сказал, что я знаю что-то, называемое Канопус.

Может быть, с Саис получится лучше?

Я попытался еще раз. Подождал, пока мы че-

рез гряду холмов вышли в живописную долину, пронизанную прозрачными ручейками, и снова спросил, поняли ли они, что случилось с гигантами.

Давид мрачно глянул на меня, как бы говоря, что от него хотят непосильного. После этого отвернулся к яркой птице, усевшейся на ветку неподалеку.

Саис внимательно смотрела на меня.

— Что ты знаешь о Канопусе? — спросил я ее.

Она сказала, что Канопус — сердитый такой, который не хочет, чтобы кто-то плясал в Камнях. Он не хочет, чтобы охотники убивали больше животных, чем нужно. Он не хочет…

Она аккуратно повторила все, чего не хочет Канопус, и я решил сконцентрироваться на ней. Мы шли и шли, я учил Саис, а Давид, отец ее, иногда слушал, шагая молча, иногда уставал и принимался напевать, чтобы развлечь себя, повторяя на разные лады:

— Канопус запрещает… Канопус не желает… Канопус разрешает… Канопус ожидает… Канопус… Канопус…

Так мы шли день за днем среди предгорных холмов и долин Больших гор, пока не почувствовал я, что Шаммат приближается. И понял я, что

должен отпустить от себя этих двоих.

По этому поводу я устроил торжественную и несколько устрашающую церемонию. На них возложил я задачу, весьма важную и для меня лично, но в первую очередь важную для Канопуса. Этим двоим предстояло идти по Шикасте от поселения к поселению и нести всем слово, которое я провозвестил гигантам. Саис отвел я роль глашатая, а Давиду — ее охранителя. Я вручил Саис Сигнатуру, сказав, что они должны почитать ее больше… чего? Жизни? Но они не привыкли к этой единице ценности, так как смерть для них не представляла чего-то ощутимо близкого, того, что носишь всегда с собой. Эта вещь принадлежит Канопусу, сказал я. Это часть сути Канопуса, и ее следует охранять, даже если рискуешь потерять самого себя. Так я попытался приблизить к их пониманию понятие смерти, чтобы повысить бдительность.

Саис спрятала Сигнатуру в пояс, почтительно положив на это место руку и внимательно меня слушая.

Я сказал им, что когда они войдут в селение, прежде всего следует ей говорить о Канопусе, и если ее послушают, донести до жителей весть Канопуса и оставить селение. Только в том слу-

чае, если ее не захотят слушать или если ей и отцу будет угрожать опасность, следует показать Сигнатуру. А когда они обойдут всех, обращаясь и к встреченным охотникам в лесах, и к одиноким крестьянам и рыбакам, они вернут Сигнатуру мне.

Затем я медленно и обстоятельно коснулся концепции стоявшей перед Саис задачи, чтобы закрепить уже сказанное ранее в ее уме, чтобы оно не выскользнуло и не угасло. Ее странствие, сказал я, все совершенное ею, общение с Сигнатурой, выявит в ней то, что сейчас скрыто, недоступно. А когда я покину Шикасту — тут я впервые сообщил им, что покину планету — она будет отвечать за поддержание Закона. Я увидел на лицах своих спутников признаки паники, их испугала мысль, что я удалюсь, но я сказал, что сейчас, во время своего путешествия, за долгие месяцы, они научатся обходиться без меня. Наши пути разошлись, я смотрел им вслед и внушал им свою волю. Сначала шепотом, потом все громче, я произносил: «Сможешь, сможешь, Саис, ты сможешь…» — наконец я уже кричал это ей вслед. Я понимал, что не увижу обоих по меньшей мере в течение года Шикасты.

Пришел черед передатчика Шаммат.

Если я и был когда-нибудь в раю, то именно там. Ни туземцы, ни гиганты в этой местности не бывали. Иным деревьям в девственном лесу далеко за тысячу лет. Везде цветы, ручьи, ручейки. Птицы и звери не опасались нового незнакомого животного, без страха приближались ко мне, для компании.

Ночевал я возле ручья, и если чего и боялся, так это как бы на меня кто в темноте не наступил. Тигры и львы не знали, что я их добыча. Стада слонов приветственно поднимали хоботы и, трубя, проходили своей дорогой.

Медлил я, выжидал, общался с животными неспроста. Я не был более вооружен Сигнатурой и должен был противостоять мощи Шаммат.

Сначала предстояло найти передатчик, и это оказалось делом непростым. Я чуял его со всех сторон. Да, я видел его сверху, с горного пика. Что же, снова карабкаться в горы? Нет, не хватало сил. Почувствовав сильнейшую усталость, я прилег под деревом, покрытым белыми цветами с бодрящим запахом, и заснул. Проснулся я, ощутив рядом чье-то присутствие. Открыв глаза, увидел, что ко мне наклонилось косматое существо, размером с туземца, но более мощное. Вероятно, побочная ветвь развития. Существо

враждебности не проявляло, жевало какой-то плод, улыбалось и совало мне такой же. Подкрепившись, мы приступили к общению. Собеседник мой владел зачатками речи, далеко ушедшей от хрюканья и лая. Мимика и жесты его напоминали принятые у туземцев, так что мы нашли общий язык и скоро я уже смог дать ему понять, что ищу штуковину, для Больших гор новую, чужую, Он, казалось, понимал все, и тогда я ему сказал, что штуковина эта нехорошая. Он явно испугался, но страх преодолел и с деловым видом поднял меня с травы. Превосходство в силе, казалось для него достаточным основанием, чтобы защищать меня и покровительствовать мне. И мы отправились в путь.

Штуковина эта оказалась дальше, чем я предполагал. Мы все время поднимались, добрались до снегов и снова спустились. Ночью я замерз, и мой новый друг, которого грела густая шерсть, соорудил импровизированный шалашик и согревал меня своим телом. Он добывал плоды и орехи, предложил мне и какие-то листья, но их я разжевать не смог, и он с аппетитом съел их сам.

Самочувствие мое, однако, ухудшалось; появились сомнения, смогу ли я выполнить задачу. Проводник мой тоже чувствовал себя все хуже.

Он понимал, что идти далее не следует, и пытался меня остановить. Я сказал ему, что должен идти туда и предложил подождать меня чуть подальше, в более здоровой местности, но он отказался и последовал за мной. Пейзаж устрашающе изменился. Деревья сломаны, скалы разбросаны без видимого смысла. Ужасная вонь, то и дело мы натыкались на кости и трупы животных, убитых ради убийства, убитых и оставленных валяться. Да, это Шаммат.

Я приказал своему другу остаться, дальше не ходить. Ему это пришлось не по душе, он пытался меня задержать, но я лишь поджал губы, отвернулся и решительно зашагал дальше.

Взойдя на очередной гребень, я огляделся. Внизу долина, вокруг высокие пики, увенчанные сияющими снежными коронами. И сильнейшее ощущение Шаммат.

Все в долине переломано и перепорчено. Я понял, что это именно та долина, которую я видел сверху, однако никак не мог обнаружить колонну. Но я чувствовал ее присутствие. Здесь она, здесь! Ее волны и импульсы били меня, качали, я едва держался на ногах. Чтобы не упасть, схватился за надрубленное на высоте моего роста и упавшее, не отломившись от остатка ствола, молодое дере-

во. До боли в глазах всматриваясь в долину, я все не мог обнаружить колонну, которая — никаких сомнений! — пряталась где-то там, внизу и посылала смертельные импульсы, пронизывавшие мое тело. Я обратился мыслями к Канопусу, взывая о помощи. «Помогите!» — безмолвно вопил я, стремясь определиться в этой опаснейшей ситуации, поддерживая мысли, упорядочивая их в канал, и вскоре ощутил втекающий по этому каналу ручеек поддержки. Слегка оправившись, я увидел колонну. Она мелькала, проявляясь на краткий миг и снова исчезая. Узкая фонтанная струя проявлялась и пропадала, проявлялась и пропадала. Как будто воздух пульсировал, разрежался и сгущался. Теперь я понял, в чем дело, понял и то, что увидел бы колонну и раньше, если бы только эта идея пришла мне в голову. Я узнал это вещество. Мобилизовав все оставшиеся силы, я двинулся к тому месту, где то появлялась, то снова пропадала эта металлическая игла.

Я остановился в нескольких шагах. Подойти ближе невозможно, сдерживает барьер.

Вещество это изобретено — или открыто — на Канопусе совсем недавно, называется оно эффлюон-3. Именно поэтому я никак не ожидал встретить его здесь. Ведь это невозможно! Пут-

тиора намного отстает от Канопуса в области науки и техники. О Шаммат и говорить нечего. Следовательно, секрет этот украден с Канопуса.

Эффлюон-3 способен притягивать, преобразовывать и отсылать свойства согласно запрограммированной последовательности. Это чувствительнейший и сильнейший проводник, не нуждающийся для своего производства ни в какой аппаратуре, возникающий путем особой концентрации сознания и некоторых весьма непростых умственных операций. Так что Шаммат или Путтиора украли у нас не предмет, не вещество, а навык. На эти темы размышлять я, однако, не был в состоянии, едва удерживая ускользающее сознание. Кроме того, на повестке минуты стоял более срочный вопрос. Эффлюон-3, в отличие от эффлюона-2 и эффлюона-1, недолговечен. Это всего лишь катализатор, усилитель, ускоритель, не более.

Тогда, со склона, я видел металлическую колонну, вещь прочную, долговечную, потому что ничего иного и не ожидал увидеть. Но на деле это оказалось чем-то, чего согласно природе своей здесь скоро не будет. Однако маловероятно, что Шаммат могла пойти на риск возмездия от нас, от Сириуса, да, пожалуй, и от Путтиоры, ради

какого-то преходящего выигрыша.

Но ошибки не было. Мысль о таком методе пришла в голову одному из моих коллег на Канопусе, и я неоднократно наблюдал подобные «колонны» сгущающегося воздуха в процессе экспериментов. Это ничто иное, как эффлюон-3, и через год этой колонны здесь не будет.

Я ощутил, что ноги подо мной обмякли, я упал на колени и прополз несколько шагов, удаляясь от гибельного места. Странно, что в иных условиях это явление могло приносить добро и здоровье. Но в голове моей сгустился мрак, я успел почувствовать, как из ушей по шее потекла кровь, и рухнул. Снежные пики, солнечные склоны, расколотые деревья закачались, закружились, и я потерял сознание.

Долго я там не пробыл и, вне всякого сомнения, пришел бы мне конец, если бы не мой новый друг, следивший за мною издали, с гребня. Опасаясь за свое состояние, он стоял, держась за дерево. Увидев, как я сначала рухнул на колени, а потом и вовсе ткнулся в землю физиономией, он бросился, тоже напрягая остаток сил, выручать меня. До меня он добрался ползком, схватив за лодыжки, перевернул на спину, чтобы не повредить лицо, и поволок за собою. Оттащив подальше, он поднял

меня и понес прочь. Когда я очнулся, он лежал рядом без сознания. Пришел мой через помогать ему, и я принялся растирать его могучие плечи и руки изо всех своих слабых сил. Когда он наконец очнулся, мы, поддерживая друг друга, удалились от опасного места. Он привел меня в свою пещеру, теплую и уютную, с постелью из сухих листьев и запасами сушеных фруктов. Знал он и огонь, так что скоро мы отогрелись, пришли в себя.

Но пока я оставался без сознания, меня посетило видение, прояснившее секрет колонны Шаммат. Передо мною предстала старая Роанда, цветущая, сияющая, гармоничная, словно образцовая планета в учебном планетарии. Серебристая связь любви соединяла ее с Канопусом. Но на планету пала тень. Мрачная маска, изъеденная язвами, с тусклыми туманными глазами. Руки, похожие на зубастые пасти, протянулись к планете, острые когти вонзились в нее, и гармония исчезла. Руки отрывали от планеты куски и набивали ими рот мертвой маски, не знавшей насыщения. Затем эта морда превратилась в почти невидимый передающий луч, высасывающий доброту и силу, а затем луч этот исчез, и я наклонился ближе, чтобы узнать, что произошло, что все это означало, что вообще могло означать. И я увидел, что обита-

тели Шикасты изменились, приобрели свойства жадного всасывающего луча, передающей колонны. Шаммат внедрилась в природу обитателей Шикасты, и они превратились с передающие устройства, питающие Шаммат.

Таков был мой беспокойный сон, так я понял, почему Шаммат нуждалась в колонне столь недолгое время.

Несколько дней я прожил у своего нового друга, набираясь сил, восстанавливая здоровье. За это время он, как смог, рассказал и объяснил мне все, что знал сам. Дрожа и озираясь, поведал, как Большая-Пребольшая Штуковина свалилась в долину с неба, как выскочили из нее ужасные существа — тут он весь затрясся — и принялись крушить все вокруг. Они подожгли лес и пустили огонь по склонам, они убивали все живое, убивали для развлечения. Они ловили животных и мучили их… Он смотрел в пламя своего очага, и слезы текли по его мохнатым щекам.

Много ли их было?

Он разжал обе ладони один раз, затем второй и, после некоторого колебания, вспоминая и осваивая новый способ мышления, третий. Три десятка.

И долго они здесь пробыли?

О, ужасное, ужасное, долгое-долгое время… Он прикрыл глаза лапами, принялся растирать их ладонями, подвывая от ужаса. Да, и его они изловили, посадили в сделанную из ветвей клетку, издевались, смеялись, тыча в него сквозь прутья заостренными палками. Он раздвинул шерсть на боках, показал зажившие шрамы. Но он сбежал, да еще и выпустил из клеток всех других пойманных птиц и зверей, и все сбежали, и, как я и сам смог заметить, больше не вернулись в эти места. Сам он однажды ночью, тайком, подполз поближе, взобрался на гребень, но ничего не увидел, зато почувствовал себя нехорошо, очень нехорошо, и понял, что место это проклято.

А Большую-Пребольшую Штуковину, которая свалилась с неба, он видел? Может быть, даже и потрогал?

Нет, нет, слишком страшная это вещь. Круглая она, шар — он развел руки, обхватив невидимую сферу. Громадная, больше его пещеры. И — тут он снова всхлипнул — ужасная, ужасная…

Больше он ничего не смог мне рассказать.

Но и этого хватило.

Я сказал своему новому другу, что надо мне отправиться далеко-далеко от этих мест. «Далеко-далеко» оказалось ему непонятным. Он захотел

меня сопровождать и действительно отправился со мной, но с каждым днем пути становился все более молчаливым, робким. Одиноким чувствовал он себя вдалеке от родных мест. Но сознавал ли он, что одинок? Где остальные существа его племени? Ведь были же они? Да, были, много, много… Он снова принялся манипулировать ладонями: раз, другой, еще, еще… Много было, много, но все они умерли от болезни, и остался он один. Есть ли еще его народ в горах, он не ведал. Мы карабкались по горам, вверх и вниз, к снегам и обратно к зелени долин; затем горы остались позади, нас встретила пышная зелень нетронутого леса, прерываемого цветущими кустами пустошей; далее начинались душистые джунгли, а за ними, далеко на юге, раскинулось море. О море он не слышал, а из моих разъяснений ничего не смог уяснить.

Мне предстояло вернуться к поселению туземцев, бежавших из Круга, чтобы встретиться с Саис и отцом ее, Давидом. Я уговаривал своего косматого друга следовать за мной, так как рассчитывал, что туземцы с ним подружатся. Саис, во всяком случае, примет его радушно. Но когда мы подошли к холмам, за которыми простирались джунгли, он помрачнел, постоянно отворачивал-

ся от меня, артистически представляя ситуацию таким образом, будто это я отворачивался от него. Время от времени он подбегал ко мне, хватал за руку, шел рядом, держась за мою руку, как будто удерживая, сдерживая меня. Слезы вытекали из его больших карих глаз и терялись в густых зарослях на щеках, капали на грудь. Он то принимался стонать, то издавал рык, иногда спотыкался, падал, вскакивал — вел себя очень беспокойно. Наконец он остановился, уставившись на меня, закричал вслед мне, выкликая прощальные приветствия, служившие призывом: Не уходи! Вернись! Я оборачивался, махал ему руками, пока он не превратился в крохотную точку под деревьями, которые тоже казались маленькими с разделявшего нас расстояния. Так он вернулся к своему одиночеству.

В поселении туземцев я появился после полугодового отсутствия. Конечно, беспокоился за Саис и Давида, но от них новостей не поступало. Их, казалось, уже забыли. Я сладил себе укрытие из бревен и земли и временно осел здесь с туземцами, пытаясь информировать их о Канопусе, учить, как следует вести себя, чтобы ограничить влияние Шаммат. Но они ничего не могли усвоить.

Практические навыки эта люди, однако, воспринимали лучше. Я освежил в их памяти забытые азы земледелия и животноводства, показал, как приручать коз, как изготавливать из их молока масло и сыр, научил, как добывать из растений волокна и как делать из них ткань, как эту ткань окрашивать. Показал, как лепить кирпичи и как обжигать их. Все это туземцы знали на протяжении тысяч лет, но прочно забыли за несколько прошедших месяцев. Иногда они насмешливо, не веря, наблюдали за моими усилиями, а затем удивлялись, восхищенно цокали языками, пробуя сыр, щелкая ногтями по обожженным горшкам или поглаживая свежевыделанную кожу.

Саис и Давид вернулись через два года после того, как расстались со мной. Я увидел их, когда они входили в поселение. Тяжело пришлось им в странствиях, и сюда они возвратились, не теряя бдительности. И не зря. Все здесь, не исключая и родни, их забыли. Оба загорели, кожа их обветрилась. Саис выросла, но была все-таки значительно ниже отца. Вообще у туземцев прослеживалась тенденция к снижению роста.

За эти два года они посетили большинство поселений. Шли пешком, путешествовали на

спинах животных, на реках и озерах использовали лодки, нигде не задерживались дольше чем на день. Рассказывали людям о Канопусе, наблюдали и применяли Сигнатуру лишь в случае крайней необходимости.

Дважды их прогнали, не слушая, пригрозив смертью, если вернутся.

Видели они и покойников. Ни страха, ни печали, вспоминая мертвых, не выказывали. Так же, как смерть матери вызвала в свое время у Саис не скорбь, а какую-то озадаченность, вид трупа, гнившего на лесной полянке, или группы людей с покойником на носилках вызывали у них попытки осознать, вникнуть, понять. Я пытался втолковать им понятие смерти, но тщетно, ибо их сильные здоровые тела твердо знали, что впереди многие сотни лет жизни, и грубый голос тела заглушал робкий шепот нетвердого, ослабленного потрясениями разума. Округлив глаза, как бы все еще сами не веря в такую бессмыслицу, они сообщали мне, что видели трупы убитых в драках. Да, да, подумать только, бывают люди, которые убивают друг друга!

В некоторых селениях все или почти все, в особенности старики, пристрастились к посещению Камней. Ужасные ощущения, которых сначала

боялись, стали для них необходимостью.

Однако нельзя сказать, что повсеместное повторение моих наказов прошло бесследно. Почти везде люди запомнили слова двух странных пришельцев, повторяли их, передавали друг другу. Канопус не велит держать рабов, Канопус запрещает нам… Канопус хочет…

Саис снова и снова повторяла заветные слова и слышала, как их повторяют другие; как люди повсюду шепчут, кричат, декламируют, распевают:

Канопус нам велел не драться, не ругаться…

Канопус приказал любовью развлекаться…

Саис за эти два года выросла во всех отношениях. Отец ее остался все тем же добродушным весельчаком, неспособным ничего удержать в голове, но дочь свою он все время охранял и защищал, потому что «Канопус так велел». Хотя мыслительные способности Саис, разумеется, тоже пострадали во время «беды-невзгоды», как часто обозначал катастрофу фольклор, она осталась рассудительной девушкой, чему в немалой мере способствовала и Сигнатура, хранившаяся в ее поясе. Саис сохранила способность слушать,

и я часто беседовал с нею, терпеливо пережидая моменты, когда мозг ее отключался, замыкался на себя, глаза на некоторое время пустели. Затем она как будто встряхивалась, брала себя в руки, и беседа продолжалась.

Однажды она, без напоминаний с моей стороны, вернула мне Сигнатуру. Саис радовалась, что смогла ее сохранить, и печалилась, расставаясь с нею. Я принял священный символ, хотя и временно, о чем она, разумеется, не догадывалась. Я сказал, что ей предстоит еще узнать много важного, что ее деятельность только начинается. Ведь вскоре мне предстояло покинуть Шикасту, а Саис — остаться хранителем Истины на планете.

Она заплакала, заплакал и Давид, отец ее. Да и мне самому стоило больших усилий сдержать слезы. Этим несчастным существам предстоял долгий, тяжкий, опасный путь по жизни, всех тягот которой они не могли себе представить.

Я дал им отдохнуть, оправиться от странствий, затем вывел на площадку между хижинами, где горел центральный костер, положил наземь между нами Сигнатуру, приучая Саис и Давида спокойно сидеть и слушать. Так поступал я каждый день, и остальные видели это, и дивились, и подходили поближе, прислушиваясь. Затем

я пригласил всех, кто не был занят на охоте и в сторожевом оцеплении, всех свободных от иных дел, собраться на центральной площадке, и народ племени — ибо теперь это сообщество можно было называть племенем — ежевечерне слушал меня в течение часа или около того. Я хотел научить их слушать, воспринимать информацию на слух, ибо они полностью забыли это искусство. Ничего не осталось в головах туземцев из того, чему их обучали гиганты. Они понимали лишь то, что видели. Качали головами, наблюдая, как я тру кожу камнями, взбалтываю кислое молоко в процессе получения масла. По вечерам, однако, они охотно внимали пению Давида о «прежних временах», подтягивали, мурлыкали себе под нос, пели сами…

Таким образом, каждый вечер на закате, сразу после вечерней трапезы, я говорил, а они слушали, и даже всплывало в их головах что-то из прошлого, и они как будто отвлекались куда-то, глазами искали что-то в сгущавшихся сумерках. Как я все это смогу описать дома, на Канопусе?

Рассказывал же я им следующее.

До Катастрофы, в Эпоху Гигантов, которые были им друзьями и наставниками, обучили их всему, что они могли усвоить, жизнь на Шика-

ете представлялась сплошным наслаждением, ибо была лишена опасностей и невзгод. Канопус снабжал Шикасту прекрасным бодрящим воздухом, поддерживавшим всех в добром здравии и заставлявшим людей любить друг друга. Из-за несчастливого стечения обстоятельств этот поток полезного воздуха ослабел, сузился до ручейка. Эта дыхательная субстанция сложного состава называлась ВС — вещество самочувствия. Такое сокращение я предложил туземцам для легкости восприятия и запоминания. Ручеек ВС, достигавший планеты, позволял им развиваться, не давал скатиться обратно к первобытному уровню. Именно ВС обеспечило их умственное превосходство над остальным животным миром, подчеркивал я, обращаясь к слушателям, поэтому они должны относиться к этому веществу с почтением.

Характер отношения их к ВС имел существенное значение, ибо возможно и неверное использование этого воздуха, употребление во вред. Именно остерегаясь этого, не должны они возвращаться в руины старых городов, поэтому недопустимы танцы в Камнях. Никогда ничем не следует себя одурманивать, ни в коем случае. Узкая струйка ВС проникала на Шикасту с Ка-

нопуса, и подобное продолжалось бы вечно, это Канопус гарантировал Шикаете. Более того, через некоторое время — я не стал упоминать тысячелетия — ручеек этот вырос бы в мощный поток. Потомки нынешних обитателей планеты смогли бы купаться в этом потоке, плескаться в нем, словно в озере. Но если нынешние обитатели не сохранят себя, не будет у них и потомков. Если те, кто слушает мои слова, не остерегутся, сделают ложные шаги, совершат ложные поступки, то опустятся они на четвереньки, вновь обратятся в бессловесных тварей. Нельзя с головой нырять в субстанцию Шикасты. Нельзя использовать друг друга. Нельзя, как звери дикие, жить лишь для того, чтобы есть да спать да снова есть. Нет, часть времени своего нужно посвятить мыслям о Канопусе, мыслям о ВС, о веществе, давшем все, чем мы обладаем.

Дальше — хуже. Живут на свете и враги Шикасты, злобные враги Канопуса, ворующие ВС. Они давно поработили бы обитателей Шикасты, если бы могли. Чтобы добиться своей цели, они поощряют то, чего не приемлет Канопус. Им нравится вредить, причинять боль, они используют друг друга, они поощряют эти гадостные свойства в обитателях Шикасты. Для того чтобы

перехитрить своих врагов, обитатели Шикасты должны любить друг друга, помогать, соблюдать равенство, не брать чужого… Изо дня в день рассказывал я им это, и Сигнатура лежала на земле, распространяя сияние, замещая исчезающее с небосвода свечение дня, дополняя свет колеблющихся языков пламени костра.

Саис стала моей преданной помощницей. Она проводила дополнительные занятия с небольшими группами, вела индивидуальные беседы, разъясняла, отвечала на вопросы, пела сочиняемые Давидом песни, оды и баллады.

Я сказал Саис, что, когда здешний народ достаточно утвердится в знании, им с Давидом следует снова пуститься в путь и учить, проповедовать, повторять снова и снова, добиваясь не только, чтобы ее услышали — что само по себе весьма непросто — но и чтобы усвоили, запомнили, соблюдали…

Пришла пора покинуть поселение, направиться в Зону 6. Перед всеми собравшимися я вручил Сигнатуру Саис, объявив ее хранительницей знания.

Разумеется, я не говорил, что Сигнатура поддерживает поток ВС с Канопуса на Шикасту, но понимал, что скоро об этом пойдут толки и все

они в это уверуют. Так или иначе, символ упрочит позиции Саис.

Затем я объявил, что возвращаюсь на Канопус, но однажды приду к ним снова.

Рано утром, с восходом солнца я покинул селение. На деревьях пели птицы, блеял увязавшийся за мною козленок. Я пощекотал его мордочку пальцами, а затем хлопнул в ладоши, отгоняя его обратно, и направился к реке, к месту самого мощного ее течения, где она разливалась вширь и углублялась, где тело мое унесет вдаль и никто из селения его не сможет обнаружить.

Я вошел в поток и поплыл к середине.

Возвращаюсь к описанию визита моего Последних Дней.

В силу необходимости Тофик должен был родиться как представитель одной из немноголюдных, рас планеты, среди бело- или бледнокожих, населяющих северные широты. Город, который он избрал для своего рождения, находился не на месте какого-либо из Математических городов Великого Времени, хотя некоторые из современных городов и выстроены на древних руинах — само собой разумеется, без учета влияний и возможностей этих мест. Местность эта была, прямо скажем, не ахти. Низина, по большей ча-

сти болота, так и не осушенные ни временем, ни усердием населения. Климат влажный. Почва, вечно пропитанная влагой, что очень раздражает. Не слишком благоприятное место для Высоких Энергий, хотя для каких-то целей оно оказалось подходящим, и его временно использовали. Избранный Тофиком город — главный на острове, по размерам небольшом, но нахрапистом, задиристом, с загребущими аппетитами. Вследствие этих своих качеств островок завладел значительной частью поверхности планеты, хотя в дальнейшем вынужден был от владений своих отказаться.

Тофик родился Джоном. Он часто использовал это имя в ходе своей карьеры: Жан, Йон, Син, Яхья, Хан, Иван и прочая, и прочая. И вот он Джон Брент-Оксфорд. Родителей Тофик выбрал из здраво-честной среды, стоявших на лестнице социальной иерархии не слишком высоко и не слишком низко, что имело существенное значение в том обществе, поделенном на многочисленные касты, классы и прослойки: причем все они друг к другу относились ревниво, подозрительно, недоверчиво.

Тофик должен был овладеть навыками, при помощи которых разные, зачастую враждующие

индивиды или группы индивидов управляют собой и взаимоотносятся с иными личностями или группами таковых. Навыками этими Тофик, разумеется, овладел. Он искусно прошел сквозь молодые годы, в раннем возрасте обратил на себя внимание. Как в верхних слоях общества многообещающие молодые люди обращают на себя внимание тех, кто ничего не знает, но всегда лишь «берет на себя смелость предположить», так и в нижних слоях перед многообещающими молодыми людьми открываются определенные возможности. Джон с самого детства привлекал внимание «влиятельных персон», как выражаются шикастяне. Влияния эти, однако, могут быть характера весьма различного.

В этот коварный и постыдный, а главное — продажный век молодой человек не избежал давления с разных сторон (чаще всего стремились его столкнуть с пути праведного), давления этого бедняга наконец не выдержал и к двадцати пяти годам ему поддался. Нельзя сказать, что он наивно не ведал, что творит. В молодости шикастяне часто испытывают прозрения, моменты незамутненного мышления, недоступные особам более зрелого возраста. Тофик сохранял в каких-то закутках сознания представления о своем

«предназначении» к чему-то не всегда ясному. Порывы и ощущения его, поначалу чистые, в более зрелом возрасте списывались как «непрактичные». То, что он ясно осознавал свои мотивы и поступки, иллюстрируется его примирительным смехом, которым он иной раз сопровождал признания, что, видишь ли, «не смог устоять», мол, «искушение оказалось слишком сильным». Слова эти не носили выраженной связи с царившими в обществе нравами, что лишь усиливало его смех. Смех прокламировал то, что он смешон, а внутри его все же грызли сомнения, беспокоил сделанный им выбор… и все в таком духе.

Роль Тофика в нашей программе работы с охватившим Шикасту кризисом требовала присутствия его в определенном месте в определенное время. Его устремления должны были быть направлены на занятие определенной — немаловажной — должности в законотворческой системе не только его страны, но в Совете организации, созданной рядом северных стран, долгое время одна с другой враждовавших, изуродовавших добрую часть планеты, а впоследствии как бы взявшихся за ум. Тофик должен был оказаться вроде как эталоном, личностью надежной, честной, незапятнанной. В эпоху всеобщей кор-

рупции, персональной и коллегиальной, ему предстояло прославиться своей неподкупностью, надпартийностью, откровенностью.

Однако, едва лишь вылупившись из стен последнего своего образовательного учреждения (разумеется, элитного, инкубатора лидеров), он свернул в неверном направлении. Вместо поступления на стартовую должность в вышеупомянутый Совет он завербовался в правовое агентство, известное тем, что испекло нескольких политиканов.

Как раз окончилась Вторая мировая война (термин, принятый на Шикаете, см. «Историю Шикасты», тома с 2955 по 3015, «Век Разрушения»). Тофику довелось принять в ней участие, стать свидетелем жестокости, разрушений, страдания. Как и многие другие, он не избежал влияния увиденного и пережитого. Он видел себя в решающей роли, в совершенном согласии с планом, но умом его завладела сильнейшая из ложных идей тех времен — политика. И если бы он, хотя бы, стремился к власти, делая из нее культ, еще бы куда ни шло. Нет, он вообразил себя поборником добра ради добра, он стал идеалистом. Это слово обозначает тех, кто стремится к справедливости, а не к удовлетворению собственных потребно-

стей за чужой счет.

Замечу в скобках, что те же устремления были присущи и значительному числу других наших граждан тех времен. Они следовали ложным, вредоносным путем, воображая, что они лучше других, тех, кто неприкрыто стремится набить собственную бездонную утробу, что они лучше знают, как справиться с практическими потребностями планеты. Они воображали, что их эмоциональная реакция на страдания Шикасты дает достаточную квалификацию для врачевания этих страданий.

С термином «политика» связаны такие производные, как «политические партии» и «политические программы». Почти все без исключения окунувшиеся в политику неспособны мыслить категориями взаимодействия, взаимовлияния различных сект («партий»), волей-неволей входящих в большее целое, в нацию, и далее — в группы наций, население планеты. Вступающий в «политику» напяливает шоры ослепляющей уверенности в исключительную непогрешимость, «правильность» определенной точки зрения. Придя к власти, такая секта («партия») почти всегда ведет себя так, словно владеет монополией на истину, и ее точка зрения — единственно верная.

Единственная «хорошая». Когда Джон выбрал секту, он руководствовался идеалами Высокого, Доброго, Вечного. Он видел себя своего рода спасителем, лидером нации. С момента поступления в свою юридическую фирму он практически не встречался с людьми, мыслящими иначе, чем он. Наш персонал время от времени пытался на него повлиять, косвенно, разумеется, да куда там! Наши цели и образ мышления погрузились в его сознании настолько глубоко, что Тофик натыкался на них лишь во сне да в редкие минуты сомнений и тяжких раздумий.

Пришлось его временно списать со счетов. В случае, если он, Тофик — так решили на Канопусе — в результате каких — либо пока что непрогнозируемых процессов вдруг опомнится, «придет в себя» — такой и много подобных оборотов были в ходу на Шикаете, где в то время мы терпели существенные потери, дожидаясь, пока тот или иной исполнитель «придет в себя», «прозреет» и так далее — тогда можно будет к нему вернуться. Кадров у нас не хватало, силы рассеивались, а ситуация на планете складывалась — хуже некуда.

Одной из моих задач было наблюдать за Тофиком, оценивать его состояния и, по возможности, тактично напоминать о его миссии.

Тофику немногим более пятидесяти, то есть уже более половины жалкого отрезка, отведенного на жизнь шикастянам, позади. Оказалось, правда, что ему суждено было прожить несколько больше среднего срока. В возрасте семидесяти пяти лет его назначили представлять интересы пожилых людей. Почтенный представитель, ничего не скажешь.

Дом Джона Брента-Оксфорда находился в респектабельном районе города, образ жизни его можно было назвать умеренным, не чрезмерно вызывающим для ареала его проживания, хотя, как он сам с удивлением узнал позже, с точки зрения глобальной почтенного юриста можно было обвинить в преступной и постыдной распущенности, в бездумном расточительстве. Семей у него было всего две. Первая жена с четырьмя его детьми жила в другом районе, сам он жил со второй и еще двумя детьми. Все его дети росли испорченными, неприспособленными к ожидавшему их впереди. Жены посвящали свою жизнь поддержке горячо любимого супруга, его амбиций. Обе подпали под его влияние в такой же мере, как и многие другие, имевшие с ним дело. Этот человек всегда провоцировал окружающих на то, чтобы занять по отношению к нему опре-

деленную позицию: вызывал либо восторг, либо ненависть. Джон Брент-Оксфорд влиял на людей, склонял к добру или к злу, изменял их жизнь в хорошую или плохую сторону. Сочетанием противоположностей он напоминал выгоревший лес: почерневшая земля, сплошное разорение, и затем буйная свежая зелень, новые возможности, новые виды растений и животных…

Внешностью Джон Брент-Оксфорд не выделялся. Темные волосы, темные глаза, возможно, сохранившие что-то от далеких предков-гигантов, бледная кожа гигантов-альбиносов, крепкое сложение, напоминающее мне аборигенов Шикасты. И множество других примесей. Эксперименты Сириуса, шамматские шпионы … Да мало ли кто еще.

Как и все общественные деятели той поры, обладал он двоякой личностью: на публику и для частного потребления. Это вполне отвечало принципиальной невозможности говорить правду тем, кого представляешь. Убежденность, мотивированность, шарм составляли его рабочий инструментарий. Эти и иные методы общения в иных областях галактики, на других планетах назвали бы лживостью, лицемерием, посчитали бы презренными или даже преступ-

ными, но на Шикаете они превозносились как первейшие признаки слуги народа. Разумеется, не о нем одном можно было так отозваться, теми же качествами обладали и его соратники, а также противники из других политических сект. Кажущиеся противоположности оказывались на поверку неразличимыми близнецами.

В фигуры национального масштаба Джон выдвинулся с сорока лет, не в силу компетентности или лучшего понимания положения нации, а просто потому, что оказался в нужное время в нужном месте. Конечно, он не был обделен способностями, но они в его выдвижении никакой роли не играли, да и в иных аспектах он ими воспользоваться не мог, ибо чувствовал себя связанным и вынужден был эти способности подавлять. Порой Брент-Оксфорд даже не разбирался, какими талантами он одарен и к чему они могли бы послужить. Эта неуверенность и внутреннее беспокойство заставляли его припадать к бутылке, погружаться в глубины цинизма и самоуничижения. Он понимал, что уважают его не за то, что достойно уважения, и уважают его не те люди, которых он «представляет». Они могут что-то сделать — даже и немало (делать, могут бороться, могут пойти на преступление, чтобы

продвинуть к власти «своего» представителя, но после этого не считают себя ответственными за свой выбор. Ибо характерной чертой весьма извилистого разума обитателей этой планеты является способность лезть в драку за свои мнения и убеждения, от которых они через год, месяц, а то и через несколько минут с легкостью отрекутся.

Установив местоположение Тофика, я устроился, обосновавшись в Зоне 6 таким образом, чтобы наблюдать, собирать информацию, а по возможности и повлиять на него, как раз когда он вступил в период напряженной эмоциональной активности.

Для Джона Брент-Оксфорда наступило время выбора, время решений. Он переживал это как еще один кризис. Политическая секта, которую он представлял, как раз потеряла власть. Собственно, они уже не в первый раз после Второй мировой войны (мы на Канопусе называем ее Второй интенсивной фазой Войны XX века) вылетели из правительства, и не это беспокоило его в первую очередь. На Джона давили (по нашей инициативе) с целью вернуть его в юридическую фирму, чтобы он укрепил свою репутацию среди законников. Он смог бы с легкостью решить несколько интересных дел. Ему также

предлагали работу в Совете северных стран, но эта высокая должность отпугивала его, ибо Брент-Оксфорд знал, что окажется не на месте, не сможет должным образом отстаивать интересы белых народов, которым грозило истребление. Не хватало ему квалификации для этой работы. С нашей точки зрения эта работа грозила ему личной катастрофой.

Того же мнения придерживалась и его последняя жена. Она не пылала к супругу страстью преданной секретарши. Как, впрочем, и первая жена. Обе вышли за Джона, привлеченные его скрытым потенциалом, и обе разочаровались, когда он этот потенциал не использовал. Причины разочарования они, однако, не осознали, что вело к разного рода переживаниям, не слишком скрываемым от окружающих. Его второй брак дышал на ладан. Из-за чего воспоследовали и нервные срывы. (См. «Историю Шикасты», том 3012 «Психическая нестабильность в Век Разрушения», часть пятая, «Общественные деятели».) Брент-Оксфорд вышел из депрессии и стоял на пороге новой. Подвергался лечению. Большинство политических деятелей нуждались в психиатрической поддержке вследствие специфики их активности, извращенности процесса труда,

процесса принятия решений, мыслительного процесса.

Я наблюдал за ним в течение нескольких дней. Брент-Оксфорд уединился в большой комнате под крышей своего дома, где он обычно работал и куда никто из семьи не заходил. Поскольку он оставался один, то на показной шарм внимания не обращал. Джон нервно вышагивал взад-вперед, прическа растрепалась (в ту эпоху большое внимание уделялось состоянию волосяного покрова головы), покрасневшие глаза блуждали по сторонам, не в состоянии сфокусироваться. Он в подпитии, не то попросту вульгарно пьян. Пьет уже не первый день. Иногда на ходу издает стоны, покачивается, морщится, как будто бы от боли. Вот он уселся, обнял торс руками, перехватил руки, схватившись за плечи; рухнул на диван, мгновенно заснул… Чуть ли не сразу проснулся, вскочил, снова зашагал. Джон Брент-Оксфорд решился. Работа в Северном блоке ему подходит. Он сознает и не сознает, что совершает ошибку. Его рациональное «я» видит новые возможности, ничего, кроме возможностей для его самовыражения… Для его амбиций, прячущихся за лозунгами «Прогресс!», «Справедливость!» и т. п. Он видит, как расширяется и крепнет Северный блок ко все-

общему удовлетворению. Но для всех очевидно, что мировой порядок трещит по швам. Проблемы не только всего мира, но даже одной страны невозможно решить партийными наскоками, с партийных позиций — а кто способен на иной подход? Меньшинства, пусть даже влиятельные, могут взывать к Джону, к Тофику, на иное они не способны… Но и он не способен преодолеть шаблоны партийного мышления. Он вспоминает о семье. Не хочется, чтобы и этот брак распался. Не хочется разочаровывать младших детей, как он в свое время разочаровал старших. Он боится потомства своего — общая черта того времени. Но об этом позже.

Однако, оставшись членом местного парламента, Джон Прент-Оксфорд не сможет не ощутить разочарования.

Вскочил — пробежался — уселся — замер — закачался — вскочил — пробежался — улегся — вскочил… В результате этой бешеной активности он заметил еще одну возможность. Вернуться в юридическую контору, заняться практикой, там открываются новые перспективы… но нет, нет, а как же мировые масштабы, свет юпитеров, высокие трибуны? И все же… И все же… Ведь это было запланировано для него, было запланиро-

вано им самим до появления на Шикаете.

Вот тут-то я и вмешался.

Ночь, тишь, с улицы не доносится ни звука. Домашние машины приучены вести себя скромно, соблюдать тишину. В доме ни звука. Источник света лишь один, неяркая лампочка в углу комнаты.

Его глаза снова и снова возвращаются туда… От усталости и алкоголя он туго соображает.

— Тофик, — говорю я. — Тофик, вспомни! Попробуй вспомнить.

Все это, разумеется, обмен мыслями. Он не шевельнулся, но напрягся, опомнился, прислушался. Глаза настороже. В этих темных глазах, ставших вдруг задумчивыми, я узнаю своего друга, своего брата.

— Тофик, то, что ты сейчас думаешь, верно. Этого и держись. Так и действуй. Еще не поздно. Политика — тяжкая ошибка. Политика не для тебя. Не ухудшай ситуацию.

Он все еще неподвижен. Слушает. Вслушивается каждой частицей своего «я». Осторожно повернул голову — я вижу, он ожидает, что увидит кого-то или что-то в сгустках теней. Смутно вспоминает меня. Но никого не видит, как ни всматривается в утлы. Нет, он не испуган.

Однако неожиданность вторжения действует на него. Он встал, сел, улегся — заснул мгновенно.

Он спит, и я ввожу в его сознание сон.

Мы с ним в проекционной планетария на Канопусе. Просматриваем события на Шикаете. Миллионы, миллионы, миллионы жалких бедолаг, бедных дикарей с катастрофически коротким сроком жизни, с жалкими каплями ВС на громадные массы, исчезающее малые брызги истинных чувств… Оба мы потрясены судьбой Шикасты, охвачены жалостью к планете, к ее обитателям, половина которых даже питаться как следует не в состоянии. Оба мы видели Шикасту в иные времена, и Тофик чаще, чем я. Мы вместе в проекционной, потому что его пригласили, а от таких приглашений не отказываются. Хотя… (см. «Историю Канопуса», тома 1, 752 и 357, «Разногласия по поводу Шикасты, бывшей Роанды», Введение.)

Тофик лежит на своей постели. Сон чуть не разбудил его, но он, почти проснувшись, снова заснул, полностью истощенный.

Ему снится голая равнина с пестрыми горами, под ярким недобрым небом, все очень живо, вызывающе прекрасно, убедительно, но пустынно. Города умерли, ядовитые пески засыпали

их. Голод, болезни, смерть обнажили равнину. Красота ее основана на смерти, но пропитана стремлением, желанием, ложной потребностью, излученными Шестой зоной и вызывающими весь этот кошмар, заставляющий его вздрогнуть, застонать, вскочить и побежать к графину. Стакан за стаканом опрокидывает он в глотку, проливает воду мимо рта, снова пускается в странствие по комнате. Ночь отступает, небо светлеет, а он все шагает, шагает, шагает… Протрезвевший, но больной.

Следует принять решение. Причем немедленно, не то он не выдержит.

Весь день он не выходит из комнаты. Жена поднимается к нему с подносом, он благодарит ее, но так небрежно, что она утверждается в решении развестись. К пище он не прикоснулся. Глаза его теряют жизнь. Стекленеют. Наливаются кровью. Он бросается на диван, засыпает, просыпается, вскакивает. Страх. Он боится встретить меня, своего друга, брага, свое второе «я».

Он в ужасе от Канопуса, который был его домом, его глубинным «я».

Когда он снова погрузился в сон, я послал ему сон о нас, о его друзьях. Он улыбнулся. Заплакал. Он говорил с нами, с самим собой.

Проснувшись, он сошел вниз, сказал жене, что решился. Теперь он займется очень важным делом. С женой он беседовал как политик, с ничего не говорящей фальшивой вежливостью.

Но я знал: то, что я ввел в сознание Тофика во время сна, останется с ним и изменит его. Я предвидел, что в предстоящее страшное время я встречусь с ним, и он услышит от меня четко выверенные действенные слова. И он вспомнит. Враг — ибо он превратился в нашего врага — снова станет другом.

«История Шикасты», том 3012, «Век Разрушения»

ВВЕДЕНИЕ (отрывок)

В течение двух предыдущих столетий территории северо-западного побережья самого крупного материка Шикасты (именуемого Основным Материком) достигли технического преимущества над всеми остальными пространствами суши планеты и, пользуясь этим, покорили военными средствами или иными способами множество культур и цивилизаций. Население этих прибрежных окраин отличалось выраженной нечувствительностью к достижениям иных культур,

беспрецедентным за всю предыдущую историю разумной жизни на планете пренебрежением к ним. Причиной этого стало неблагоприятное стечение следующих обстоятельств.

1. Народы, здесь укоренившиеся, лишь недавно миновали стадию варварства.

2. Правящие классы этих народов, накопив значительные богатства, не ощущали никакой ответственности за судьбу неимущих классов, так что территории северо-западных оконечностей Основного Материка (ОМ), несопоставимо более богатые, чем остальная территория планеты, отличались вопиющим внутренним контрастом между богатством и бедностью. Исключение составил лишь краткий период между фазами 2 и 3 Войны XX века (см. том 3009 «Экономика изобилия»).

3. Материалистический характер местной религии, причиной коему, во-первых, географическое положение, во-вторых, повсеместное использование религии правящими классами в своих интересах (см. тт. 998 и 2041 «Религии как инструменты правящих каст»). По этим и иным причинам служители религии не только не смягчали жестокости и невежества соотечественников-завоевателей, но и сами прославились

неслыханными зверствами. Как минимум, на протяжении двух столетий меньшинство меньшинства белой расы, населявшей северо-западные окраины, господствовало над большей частью Шикасты, над различными расами, культурами, религиями, превосходившими своих господ по всем параметрам, кроме грубой силы. Подобно всем завоевателям древности, пришельцы с северо-запада Основного Материка опустошали завоеванные территории, но в отличие от остальных успешно убеждали себя, что делают это «во благо» завоеванных — не без помощи упомянутой выше религии.

Первая мировая война (обозначение, принятое на Шикаете; иначе — Первая интенсивная фаза Войны XX века) началась как свара внутри тех же Северо-Западных Окраин (СЗО) из-за заморских колоний. Она отличалась невероятным размахом неизвестной доисторическим дикарям варварской жестокости, а также глупости. Человеческая жизнь и ресурсы расходовались с невероятной даже для Шикасты легкостью. Характерно, что основная масса населения толком так и не поняла происходящего. Впервые была успешно использована пропагандистская машина, применялись методы индоктринации населения с помощью

средств массовой информации. То, что сообщалось населению, могло вообще не иметь никакого отношения к действительности. На обман накладывался самообман в беспрецедентных, нигде не виданных масштабах — за исключением, разве что, планет группы Путтиоры.

Война эта длилась около пяти шикастинских лет. Закончилась она эпидемией, убившей в шесть раз больше населения, чем сами боевые действия. На Северо-Западных Окраинах война убила практически целое поколение молодых людей. Но, пожалуй, наихудшим ее следствием оказалось усиление военных отраслей (механической, химической, психологической). Они заняли господствующее положение в экономике, а вследствие этого стали диктовать правительствам. Война понизила морально-этические стандарты, низвела «цивилизованный мир» (самоназвание тех же северо-западный территорий Основного Материка) до принятия варварского уровня норм поведения.

Эта фаза Войны XX века подготовила почву для следующей.

В некоторых областях Основного Материка, в частности, из-за тягот, вызванных войной, вспыхнули восстания, произошли революции, на

всем громадном протяжении от Северо-Западных Окраин до Восточного океана приведшие к коренным изменениям в образе правления. К этому периоду относится произвольная маркировка правительств, деление их на «хорошие» и «плохие» не по эффективности управления, а по иным утилитарным признакам. Главной причиной этому послужила все та же война: невозможно жить долгие, годы под воздействием лживой пропаганды и остаться в здравом уме и твердой памяти. (Это обстоятельство отмечали все наши эмиссары на Шикаете.)

Мыслительные процессы обитателей планеты, ввиду независящих от них обстоятельств никогда не отличавшиеся эффективностью, быстро ухудшались.

Период между концом Первой интенсивной фазы (ПИФ) и началом Второй интенсивной фазы (ВИФ) заполнили многочисленные мелкие войны, причем некоторые из них велись лишь для испытания оружия и отработки военных концепций. В результате штрафных мер, наложенных на одну из наций, проигравших Первую фазу, в ее государстве закономерно зародилась Диктатура. Северный Изолированный Континент (СИК), завоеванный эмигрантами

из Северо-Западных Окраин, с исключительной жестокостью уничтожившими тамошнее население, быстро усилился, а сами Северо-Западные Окраины слабели. С целью восполнить потери, нанесенные войной, усилилась эксплуатация колоний, расположенных, главным образом, на Первом Южном Континенте (ПЮК). Недовольное местное население ПЮК оказывало вооруженное сопротивление.

Две главные Диктатуры росли и укрепляли позиции. В обеих для подавления населения широко использовалась идеология. В обеих повсеместно применялись пытки, уничтожались инакомыслящие, истреблялись религии, местные культуры и целые народы. Обе плодили последователей и сторонников по всей Шикаете, рассматривали друг друга как носителей зла, хотя, по сути, представляли собою одно и то же, во всем являясь как бы зеркально симметричными.

Промежуток между Первой мировой и Второй мировой войнами составил чуть больше двадцати лет.

Следует особо отметить, что большинство обитателей Шикасты не могли осознать, что живут в годы столетней войны, которая приведет планету к практически полному разрушению. Мы подчер-

киваем это обстоятельство, потому что существу со здравым полноценным разумом, имеющему благоприятную возможность пользоваться благотворным влиянием вещества самочувствия, практически невозможно представить себе образ мышления обитателей Шикасты. Неужели когда уничтожаются достижения культуры, когда всюду бушует война, когда истребляются народы, когда все ресурсы наций используются исключительно для войны (для подготовки к войне, для пропаганды войны, для исследований в целях войны), когда мораль стремится к нулю, когда все покупается и продается, возможно верить, что «в общем — то» все в порядке?

Оказывается, возможно. В первую очередь, разумеется, верят в это живущие в богатстве, не знающие нужды — таких меньшинство. Но верят в это и миллионы, миллиарды голодных и нищих, перебивающихся случайными заработками.

Те, на кого возлагают задачу «сделать наконец что-нибудь», обычно состоят при идеологиях, подающих себя по-разному, но, по сути, совершенно одинаковых. Они суетятся, как друг мой, несчастный Тофик, выступают с речами, заседают за столами разной конфигурации, выпускают коммюнике, и все это якобы во имя масс, сознающих,

что все не так, что все вывернуто наизнанку, и втискивающих в себя веру, что все к лучшему в этом лучшем из миров, что все образуется, что все совершенно нормально и лучшего даже желать невозможно.

И не так уж трудно представить себе обитателя разрушенной войной страны, сидящего в полуразвалившемся подвале. Он только что сварил в ржавой жестянке на отдающей бензином воде из лужи суп из удачно пойманной крысы и теперь расплылся в счастливой улыбке, полагая, что все не так уж, в конце-то концов, и плохо.

Вторая мировая война длилась пять лет и во всех отношениях превзошла Первую. В ней получили существенное развитие все черты предыдущей бойни. Уничтожение живых существ приняло масштабы массового истребления гражданского населения в плановом порядке. Стирались с лица земли крупные города. Экономика промышленных районов и сельскохозяйственных ареалов полностью уничтожалась, широко применялась тактика «выжженной земли». Уцелевших в этой войне не было. Ибо уцелевшие претерпели необратимые изменения; об этом позаботилась пропаганда, настолько преуспевшая в достижении своей цели, что самые

прозорливые представители населения, столкнувшись с очевидными фактами, терялись в догадках, реальность это или фикция. Достигшая апогея своего развития ложь (приблизительный синоним пропаганды) стала формой правления, однако ложь пропитывала и все иные аспекты жизни планеты. Она прикрывала эксплуатацию колонизированных частей планеты, обеспечивала господство физических форм принуждения, и протест угнетенных выражался в столь же лживых формах.

После Второй мировой войны имели место на Шикаете многочисленные локальные конфликты, войны, вспышки насилия, акты геноцида на уже достигнутом уровне жестокости. Такое развитие событий нисколько не противоречило потребностям идеологии и нуждам военно-промышленного комплекса. Истреблялись «дикие» племена на Южном Изолированном Континенте (ЮИК), называемом также Вторым Южным (ВЮК). Восстания и конфликты в колониях и бывших колониях использовались крупными державами в своих интересах. В этот период серьезное внимание уделялось развитию средств психологической войны.

Здесь мы попытаемся обособить еще одну чер-

ту, немыслимую для нашего, канопианского, склада мышления.

Когда окончилась война или, иначе, фаза войны, отличавшаяся немыслимыми дикостью, варварством, жестокостью, почти все население Шикасты постаралось — с успехом — «забыть» либо исказить воспоминания. Война возвеличивалась, массмедиа взахлеб превозносили подвиги героев, помпезные военные мемориалы выскакивали на поверхности планеты, как грибы после дождя, событиям частного характера придавалось значение исторических свершений. Все это затрудняло, а для большинства населения и вовсе делало невозможным понимание процесса разрушения культуры. После каждой войны резко бросался в глаза очередной скачок к варварству, но способность прослеживать причинно-следственные связи в сознании населения Шикасты полностью атрофировалась.

После Второй мировой войны на Северо-Западных Окраинах и на Северном Изолированном Континенте пышным цветом расцвела коррупция, нормы морали как управляющий фактор жизни общества практически утратили значение. Две локальные войны Северного Изолированного Континента привели к полной

деградации его правительственных агентств, устраивавших вне пределов своей страны заговоры, физически устранявших лидеров движений и стран. Взяточничество, казнокрадство, злоупотребления повсюду — от вершины административной пирамиды и до ее подножия — стали нормой. Народ приучали жить, сосредоточившись на удовлетворении физических потребностей. Пропагандировались обжорство, бытовые удобства, излишества всякого рода, на удовлетворении их концентрировалась экономика (см. том 3009 «Экономика эпохи изобилия»). И никто не рассматривал эти отвратительные симптомы в качестве следствия войн.

Во время всего Века Разрушения наблюдались неожиданные метаморфозы. Вчерашние враги за ночь становились союзниками, заключались секретные пакты между странами, находящимися в состоянии войны. Такая перетасовка врагов и друзей наилучшим образом иллюстрировала доминирующее значение фактора войны ради войны. В течение этого периода каждый крупный город северного полушария жил, сдавленный тисками ужаса, под прицелом десятков единиц оружия, готового разразиться смертоносной грозой из космоса, из-под воды, из атмосферы,

с поверхности земли; способного в мгновение ока превратить его в выгоревшую пустыню. Многочисленные системы оружия управлялись устройствами, подверженными сбоям и неполадкам; известно, что несколько раз лишь чудом удалось предотвратить непоправимое. Машины — носители оружия сталкивались в воздухе, под водой, то и дело происходили опасные инциденты на сухопутных базах. Информация о случаях такого «чудесного избавления», однако, по большей части утаивалась. Глядя на планету со стороны, из космоса, можно было подумать, что она населена сумасшедшими.

На обширных территориях северного полушария, в особенности на Северном Изолированном Континенте, жизненный уровень массы населения соответствовал доступному когда-то лишь коронованным особам. Здешние бедняки жили комфортнее и изобильнее, чем миллионеры прежних времен. Даже сами граждане сознавали ненормальность сложившейся ситуации. Континент зарастал отходами жизнедеятельности городов, окруженных мусорными свалками, которые могли бы послужить источником жизни для миллионов неимущих в других частях планеты. Приезжие восхищались, возмущались,

недоумевали, но большинство полагало, что так все в идеале и быть должно.

Та доминирующая культура задавала тон всей Шикаете, ибо, независимо от идеологических ярлыков разных наций, все они были едины в преклонении перед наукой и технологией, перед техническим прогрессом, приносившим материальное благополучие, перед комфортом, обеспечивавшим легкость бытия. Истинные цели жизни, извращенные, даже у нас удерживаемые в поле зрения с таким трудом, такой высокой ценой, ими были прочно забыты, точнее, не были известны вовсе — что не мешало им эти цели высмеивать. Искаженные намеки на правду жизни сохранились на Шикаете лишь в некоторых религиозных верованиях. С планетой жители обходились не лучше, чем с истиной: грабили и разоряли ее, портили почву, моря, засоряли атмосферу… А пропагандистская машина без устали твердила: «Больше, больше, больше! Больше пейте, больше ешьте, больше потребляйте, покупайте, тратьте, гадьте!» Редкие голоса протеста терялись в бешеном рекламном вое, не могли противостоять процессам, приведенным в движение и подгоняемым алчностью. Недостатком вещества самочувствия.

Изобилием северного полушария жители его были затронуты отнюдь не в равной мере, вследствие чего менее имущие классы волновались. В богатых странах проживало также большое число темнокожих, потомков тех, кого предки нынешних белых использовали в качестве дешевой рабочей силы. На них тоже сказывалось благополучие богатых стран Шикасты, но в гораздо меньшей мере, нежели на коренных белых жителях. Зависть, а также недобрая память о завоевателях вызывали у чернокожих недобрые чувства к белым.

Превалирующим во всех местностях Шикасты, во всех странах стало все усиливающееся чувство недовольства. Рост недовольства определялся не только пропастью между бедными и богатыми, но и самим образом жизни, удовлетворявшим лишь физические потребности, оставлявшим в небрежении реальное, скрытое «я» потребителя, которое втаптывали в грязь как многочисленные инстанции общества потребления, так и сами его носители.

Оба южных континента раздирали войны и раздоры между черными, между черными и белыми, между племенами, между конфессиями. Множились хунты и диктатуры, уменьшались

площади лесов, исчезали виды животных и растений, истреблялись люди.

Войны, убийства, пытки, эксплуатация, подавление и насилие. И ложь, ложь, ложь… Исключительно во имя свободы, прогресса, равенства, демократии.

Главные идеологии Шикасты жонглировали красивыми словами — «экономическое развитие», «справедливость», «равенство», «демократия».

Не впервые уже за это ужасное столетие идеология процветания в момент экономического кризиса привела к власти в Северо-Западных Окраинах «левые» правительства, которые уверенно ввели эти страны в штопор хаоса и разрухи.

Бывшие эксплуатируемые радовались горестям бывших притеснителей, поработителей, презиравших их уже за темный цвет кожи и разрушивших их культуру, уничтоживших их духовные ценности, которые теперь предстали перед ними в ином свете… Однако было уже поздно, ибо они и сами к тому времени заразились идеологией потребления.

Северо-Западные Окраины ничто уже не в силах было спасти, они не могли решить накопившие-

ся проблемы. Здесь царил хаос: экономический, интеллектуальный, духовный — в точном, канопианском смысле. А пропаганда продолжала бушевать в средствах массовой информации.

Наступило время эпидемий, голода, гибели.

В пределах Основного Материка в смертной схватке сцепились две Диктатуры: одна возникшая еще в результате Первой мировой войны и вторая более молодая, восточная. В этот конфликт оказались прямо или косвенно вовлечены почти все страны Шикасты. Восточная Диктатура оказалась сильнее, ибо более старшая к тому времени уже ощутила влияние упадка. Ее империя трещала по швам, население проявляло недовольство, правящий класс утратил связь с народом. Процессы развития и распада, ранее занимавшие столетия, сжались здесь до нескольких десятков лет. Бурно растущее население Восточной Диктатуры заселило территорию старшей, а затем и Северо-Западные Окраины. Страна-победительница, как водится, прикрывалась щитом передовой идеологии, представлявшей собой, по сути, перелицованную и подогнанную по потребностям старую идеологию Северо-Западных Окраин. Новые господа, умные и хитрые, собирались надолго обосноваться на всей территории

Основного Материка, но время рассудило иначе.

Гонка вооружений на Шикаете продолжалась…

Одна из ошибок привела наконец к войне. Не прошло и суток, как все крупнейшие города планеты лежали в развалинах. Этот трагический результат неоднократно предсказывался, но влияние Шаммат было слишком велико.

И вот все города северного полушария разрушены. Однако на этот раз в отличие от Второй мировой войны, о скором восстановлении их не было и речи. Развалины дышали радиацией, да и восстанавливать разрушенное было некому. Секретное оружие вырвалось на свет, в небесах над развалинами разворачивались сражения, а в развалинах, проклиная богов и чертей, защитников и нападающих, умирали пережившие первые атаки.

В бетонных бункерах, вырытых глубоко под землей, защищенные от радиационной и химической опасности, выжили отдельные богатеи и недоумки из правящей элиты.

Остались в живых также и проживавшие в отдаленных редконаселенных местностях, на мелких островах, спасенные стечением обстоятельств.

Население южного полушария скосили эпидемия и радиоактивные осадки, заразившие почву и воду.

За какие-то десять-двадцать лет на Шикаете осталось лишь около одного процента былого населения. Вещества самочувствия, ранее рассеивавшегося незаметными брызгами, хватало теперь на всех выживших, и они пребывали в добром здравии. Уцелевшие огляделись вокруг и не поверили глазам своим. Что за безумие привело к такому результату — недоумевали они.

Ниже представлен доклад Тофика, Назара и Рости — членов Специальной комиссии по обследованию Шикасты.

(В эту комиссию входили первые послы Канопуса, побывавшие на планете после посещения ее Джохором во Время Катастрофы.)

Итак, Предокончательный Период. Краткий обзор.

1. Мы подробно осмотрели северное полушарие и встречались с представителями Сириуса, как постоянными, так и прибывшими в экстренном порядке. Обследованы также агенты Шаммат, без их ведома. Мы подтверждаем сообщения наших послов и местных агентов о неожиданных изменениях. По всей поверхности северного по-

лушария рассеяна раса «малышей» (приводим их общепринятое местное название). Состав тканей (кости, кровь, мышцы) указывает на Сириус в качестве места происхождения. Представители Сириуса подтверждают возникновение данной расы в ходе экспериментов, совпавших по времени с визитом Джохора во Время Расхождения. Большая часть северного полушария покрыта льдом, втянувшим массу воды, в результате чего уровень вод на Шикаете понизился; между пространствами суши, ранее разделенными водой, образовались перемычки, облегчившие повсеместное распространение «малышей». Представители Сириуса подтверждают их наличие в больших количествах также на обоих южных континентах и на гипоконтиненте.

2. Эти «малыши» могут быть ростом в пядь, однако могут достигать и четырех пядей, но не более. Внешность разного типа: могут быть усадистыми, плотными, почти квадратными, сильными, а могут отличаться хрупкостью и изяществом, даже красотой. Первый тип склонен к обитанию в подземных убежищах, пещерах, норах, очень глубоко, иногда настолько, что никогда или крайне редко показывается на поверхности. Они искусны в горном деле, выплавке металлов,

разведке недр; производят и используют железо, медь, бронзу, золото, серебро. Второй тип обитает на поверхности, в зонах растительности, в которой разбирается весьма тонко, или же тяготеет к воде, знатоком коей тоже является, или же к огню. Все «малыши» остерегаются более крупных обитателей Шикасты до такой степени, что в некоторых местностях кажутся существующими лишь в виде мифов и легенд. Но в других местах с ними установлены связи и производится обмен информацией и товарами. По нашему мнению, существа эти не обладают заметным эволюционным потенциалом. Они уменьшаются в числе и в размерах, большинство их уже перебралось в иные месте, но не в Зону 6, где они не чувствуют себя дома, а в Зоны 1 и 2.

3. Вследствие изменений полярных ледовых масс наблюдается миграция двух интересующих нас видов. Гиганты, селившиеся главным образом в горах и на плато Основного Материка, распространились к востоку и в больших количествах дошли до Северного Изолированного Континента, используя ледяные поля. Там они живут в хороших условиях. Рост их уменьшился до двух третей первоначального, срок жизни составляет порядка двух тысяч лет. Рост и про-

должительность жизни быстро уменьшаются.

Аборигены, селившиеся южнее и севернее гигантов, заняли места, оставленные гигантами и распространились далее к югу, вплоть до Первого Южного Континента, населив его север. Они тоже становятся меньше ростом, который сейчас сократился на одну треть по сравнению с последним визитом Джохора. Живут около восьмисот лет. Как и в случае гигантов, рост и продолжительность жизни быстро сокращаются.

4. Стало возможным спаривание между этими расами, причем потомки отличаются физическим здоровьем, крепкие, что особенно важно — живучие, хорошо переносят резкие климатические изменения, неприхотливы в пище. К примеру, гибриды могут жить у самых льдов. Умственными способностями родителей не превосходят, но достаточно изобретательны и, повторимся, отличаются высокой приспособляемостью — разумеется, не превышающей возможности получаемой дозы ВС.

Гибриды селятся вместе с аборигенами или возле них, гиганты сближение с ними не приветствуют, проявляя нетерпимость при индивидуальном и групповом общении, не перерастающую, однако, в открытый конфликт. Так называемые

«Правила Джохора» пока сохраняют свое сдерживающее влияние.

Эти три вида — мы предлагаем рассматривать гибрид в качестве нового вида — разводят животных в качестве пищи, средства транспорта и для использования в сельском хозяйстве. О металлах они почти не имеют представления, несмотря на дошедшие до них сведения о «малышах». Мы пытались поощрить их к контактам с «малышами» с целью научиться обращению, в первую очередь, с металлами.

5. «Законы Канопуса», заданные Джохором, консолидировались не только в этических структурах, но до некоторой степени даже генетически. Нарушения их вызывают неприятные ощущения, устраняемые при помощи процедур тоже малоприятных. Однако, как и прогнозировалось, действие этих Законов быстро ослабевает, не в последнюю очередь из — за постоянной активности агентов Шаммат. Психологический эффект от нарушений Законов облегчает работу агентов. Они уже добились введения человеческих жертвоприношений «в угоду богам». Эта практика распространяется. Шаммат поощряет анимализм, принятый в системе Путтиоры и, в частности, на самой Шаммат.

НАШИ РЕКОМЕНДАЦИИ

А) Усилить гены Канопуса в новом гибриде, по нашему мнению, имеющему повышенный потенциал мутации.

В) Сделать более частыми и регулярными посещения Шикасты нашими представителями. Мы понимаем, что воровство ВС не остановить, но попыткам Шаммат способствовать дегенерации видов можно противостоять.

Сообщение 99, докладывает Тофик

Означенные области осмотрел. Полярный лед отступает. Уровень океанов почти вернулся к прежнему.

Население сосредоточено по большей части в районе больших внутренних водоемов, где благоприятнее климатические условия, а также на островах в океане, разделяющем Северный Изолированный Континент и Основной Материк (отмечаю нестабильность островов). То есть, между 20 и 40 градусами северной широты согласно их картографической системе. Гибрид проявляет себя самым жизнеспособным из видов. Беспримесные гиганты и беспримесные аборигены уже остались в меньшинстве, живут раздельно. Гибрид между ними различий не

видит, те и другие для него гиганты. Гибрид с каждым поколением уменьшается в росте, силен, живуч, но по умственным способностям уступает предкам, обгоняет даже темпы деградации, заданные Шаммат. Отличается пытливостью и воинственностью.

Наблюдается накопление имущества и даже земли немногими за счет остальных, низводимых до положения слуг и рабов. Некоторые бегут к северу за отступающими льдами. Оттуда они устраивают вылазки на юг, воруют скот и урожай. Грабеж, воровство, конфликты повсеместны.

Действия инструкций Джохора и последующих послов почти не заметно.

Вокруг животных, а также различных объектов и артефактов сложилась система табу. Человеческие жертвоприношения и заклание животных совершаются самоназначенными жрецами, хранителями «божественного».

МОИ РЕКОМЕНДАЦИИ

А) Поддерживаю предложения комиссии по усилению генов Канопуса. Высказываются опасения, что на Шикаете уже слишком много видов. Могу предположить, что гибрид скоро станет доминирующим видом. Его дикость и склонность

к насилию следует ограничить, иначе на планете вообще никаких видов не останется. К примеру, «малыши» уже почти полностью вымерли за исключением крайнего севера, где их сохранению способствует климат. На них охотились ради забавы. Более ничего не требуется, чтобы убедиться, что влияние Шаммат — подавляющее.

Б) Мы постоянно получаем указания не обращать на себя внимания, оставаться незамеченными. Наша функция — почти исключительно наблюдение. Полагаю, следует перейти к активному вмешательству. При этом будет необходимо оперировать в рамках существующих мыслительных способностей объекта. Это означает использование уже имеющихся и, вероятно, создание новых религий.

Сообщение 102, докладывает Тофик

Увы, наши планы придется отложить. Еще раз доказана нестабильность планеты. Шикаста отклонилась от оси, вернувшись затем обратно. Экспертам для выяснения причин я уже доложил. Отклонение вызвало наводнения, ураганы, землетрясения. Затонул ряд островов. Предстоят изменения в климате. Шикаста слегка удалилась от своей звезды. Как это отразилось на Луне, пока

неясно. Много погибших, особенно в северном полушарии. Уничтожено несколько наблюдаемых культур, в том числе многообещающий Адалантер. Агент Назар, ныне резидент на Шикаете, вышлет отдельный отчет. Эти события, однако, не скажутся в целом на ситуации, так что рекомендации мои остаются прежними.

Сообщение 105, докладывает Тофик

Я доставил на Шикасту пятерых мужчин из Восточного сектора Канопуса и еще по пять с планет 19 и 27.

Свидетельств недавних неприятных событий незаметно, но численность населения снизилась.

Мужчин я разделил на пять групп и распределил следующим образом: к северу от Больших гор, к югу от них же, на крайнем севере Первого Южного Континента и еще две группы к югу от больших водоемов. С одной из них остался сам. Всем отвел по нескольку дней на акклиматизацию, прежде чем позволил им себя заметить.

Нашу группу я поместил на плоскую вершину возвышенности, рядом с космолетом. Эта плоская вершина в той местности почиталась святым местом.

Задачу нашу осложняло то, что не любая женщина подходила для совокупления.

Я вошел в контакт с питомицами старого Давидова рода, интересными в силу природного превосходства. Каждой сообщил «по секрету», что «высшие существа» снизошли из «вышних сфер», прельщенные ее красой. В результате все они прибыли на место и совокупились. Было их около пятидесяти, причем каждая полагала, что она единственная. Предполагалось, что они тоже по секрету доверятся знакомым, и слух о сошествии богов распространится. Но ажиотажа я не желал.

Очень скоро мы оказались в осаде рвущихся к богам женщин и ревнивых мужчин. По возможности скрытно мы вчетвером направились к космолету, однако две женщины последовали за нами и совокупились, несмотря на то что к числу избранных не относились. Планету 27, полагаю, к этой работе более привлекать не следует. Планета 19 проявила меньше рвения.

Подъем космолета мы осуществили перед этими двумя женщинами, которые, разумеется, рассказали соплеменникам о визите небесной колесницы.

Сообщение 111, докладывает Тофик

Я собрался выполнить первоначальный план: спуститься через Зону 6, воплотиться и визуализироваться в качестве наставника. План пришлось изменить после сообщений о чрезвычайных обстоятельствах на Шикасте.

Поэтому я снова спустился в космолете. Сообщения агентов подтвердились. Полярная шапка таяла быстрее, чем ожидалось. Вода поднималась, затопляя берега; небо заполнилось тучами, быстро набухавшими, поглощавшими свет и ухудшавшими настроение жителей, помрачневших, утративших живость восприятия.

Я без промедления осмотрел обозначенную область. Обнаружилось, что потомки самцов с планет 19 и 27, а также из Восточного сектора Канопуса соответствуют ожиданиям. Общая деградация остановлена. Возник модифицированный штамм гораздо лучшего качества. Деградации остальных, однако, к сожалению, не остановить, они дошли до жалкого состояния. Наши планы развития этого нового штамма ввиду неблагоприятного стечения обстоятельств придется отложить, но, полагаю, когда Шикаста оправится от невзгод, можно будет к ним вер-

нуться.

Из моих наблюдений следовало, что вот-вот разразится потоп. Облачная масса угрожающе набухала со дня на день. Я предупредил главу нового штамма (Давидова улучшенного), велев ему подготовиться к быстрой смене становища, к переходу на более высокое место, с семьей и с животными. Он сообразил, что я «откуда-то оттуда», как он это сформулировал. Легенда о «богах» пустила корни. Ее подтверждением служит более высокий интеллект нового штамма. Я велел ому также предупредить всех обитателей региона и тех, кто не останется глух, убедить соответствующим образом подготовиться. Мало кто к нему прислушался, сказался низкий уровень генного набора. Эта новая чрезвычайная ситуация является фактически непредусмотренным, но полезным средством сегрегации, отделения высших от низших. Следует обсудить это с послами в других подвергшихся угрозе местностях Шикасты. Полагаю, результаты этой дискуссии окажутся ценным подспорьем для освещения менталитета нового штамма и войдут в одно из следующих сообщений.

Давидова триба заблаговременно переместилась на возвышенное место. Потоп, согласно

информации, полученной от других послов, разразился одновременно надо всею Шикастой. В области, о которой говорится в данном сообщении, вода лила с неба в течение двух месяцев; затопило все, вода поднялась почти до вершин гор. Все произошло так быстро, что из низин не успели спастись ни высшие, ни низшие животные. Конечно, вода стекла в океан, его уровень повысился. Внутренние водоемы все сделались полноводнее и остались в таком состоянии.

Спасенное племя испытало сильнейший шок. Для их успокоения пришлось заключить с ними «пакт», что такого «божия наказания» более не воспоследует. Со своей стороны они должны были признать, что потоп произошел вследствие нагромождения грехов их, всяческих дурных поступков и помыслов. Они обещали впредь всегда прислушиваться к советам друзей — к нашим то есть. Советы будут поступать по мере необходимости.

Когда земля подсохла, им велено было вернуться на прежние места и жить там трезво, умеренно, друг друга не притесняя, бережно относиться к животным, жертвы богам приносить животными, но не людьми, и без жестокости. К сожалению, пришлось разрешить им жертвопри-

ношения. Слишком велико тлетворное влияние Шаммат. Я оставил им, как это и было предусмотрено, набор артефактов, предназначенных для усиления связи между ними и «иным миром».

Завершу сообщение просьбой личного характера. Если есть такая возможность, я бы желал в следующий раз направиться куда-либо в иное место, не на Шикасту.

Сообщение 159, докладывает Тофик

Со времени моего последнего посещения в области, затронутой потопом, возник двадцать один город. Пять из них велики, с населением не менее четверти миллиона человек каждый. Между ними ведется оживленная торговля, торговые пути достигают восточных рубежей Основного Материка, Северо-Западных Окраин, севера Первого Южного Континента и Северного Изолированного Континента.

Жизненные приоритеты — роскошь, расточительство; высшие цели почти полностью забыты.

Результатом экспериментов на обоих южных континентах явились многочисленные гибриды, о которых см. в сообщениях 153, 154, 155 миссии аналитиков населения.

Наихудшим является смешение с генетическим

фондом Шаммат, проводимое их агентами упорно и систематически. Шаммат ведет подрывную работу, внушая населению, что боги злоупотребляют ими, эксплуатируют их, отнимают у них то, что им принадлежит по праву, и что, используя определенные методы, они сами могут стать «как боги».

Это последнее убеждение стало в последнее время весьма популярным. Планируется неповиновение нам, восстание против нас. Эти несчастные намерены нас «превзойти». Они устраивают сборища, вибрации которых канализуются на Шаммат. Проводились ритуальные массовые забои скота, замечено исполнение ритуала Камней, введенного Шаммат.

Поддерживаю рекомендации по поражению их речевых центров, изложенные в докладах 153, 154, 155.

Представители известных нам регионов Шикасты предполагают собраться в Области Городов, чтобы обсудить, как им «стать богами». Им, однако, неизвестно, что председательствовать на этом собрании будет Шаммат.

Сообщение 160, докладывает Тофик

Ввиду экстренности ситуации пришлось воспользоваться звездолетом. Мы присутствовали на конференции в полном составе, все шестеро. Представились жителями Северо-Западных Окраин, затерялись среди множества других делегатов. Рекомендуемый прием сработал эффективно. Средство общения отказало, и теперь в Шикаете восемь основных языков, которые в дальнейшем, по законам неизбежного деления и дробления, разовьются в сотнй и тысячи языков и диалектов.

Повторяю свою просьбу перевести меня с Шикасты в любое иное место в рамках Колониальной Службы.

Сообщение 192, докладывает Тофик

Ввиду поступления от местных агентов сообщений о непригодности в настоящее время Области Городов обследованы Северо-Западные Окраины и Дальние Восточные Окраины. Северо-Западные Окраины отличаются суровым климатом, бедным растительным и животным миром, носят следы оледенения, население немногочислен-

но. Мы навербовали некоторое число местных агентов для создания каменных конструкций поддержания потока. На Дальних Восточных Окраинах условия лучше, почва богатая, население растет. Мы основали там несколько городков по нашим стандартам, подобрали население, устроили необходимые каменные конструкции и произвели посадки деревьев по предписанным образцам.

Я лично посетил эти области и города и подтверждаю, что влияние Шаммат столь сильно, что ничего хорошего ожидать не приходится. Подробно исследовав три города, я обнаружил не более сотни индивидов, хоть как-то отвечающих на наши вибрации.

В полном согласии с другими послами отмечаю, что расы, получившие генетические инжекции, с одной стороны, улучшаются, увеличивается их полезность для Канопуса, но, с другой стороны, они, увы, более подвержены всякого рода пагубным влияниям.

Тем не менее, поскольку установленные нами связи на Северо-Западных Окраинах и на Дальних Восточных Окраинах прервутся через 950 лет по их счету времени, целесообразно дальнейшее проведение генетических инжекций в Области

Городов в течение приблизительно 400 лет. За это время может развиться новый улучшенный штамм, который Шаммат не успеет испортить. Это согласно оптимистическому прогнозу, разумеется. Обращаю внимание евгенистов на мои выводы.

Сообщения 276 и 277 (совместная миссия эмиссаров Тофика и Джохора)

Докладывает Тофик

Посетил Северо-Западные Окраины. Наш персонал, установивший узор Камней и обучивший местных этому искусству, отбыл согласно указаниям на планету 35. Другие отправились в Область Городов для контактов с подходящими кандидатами.

Северо-Западные Окраины заселены редко, сплошь туземцами, население занимается земледелием и животноводством, уровень развития и производительность труда низкие. Наш персонал воздержался от внедрения передовых методов, ибо слишком часто результат оказывался обратным желаемому, приводил к усилению стяжательских инстинктов, к порабощению одних другими (см. сообщения о Дальних Восточных

Окраинах). Базовая единица общества — триба. Ландшафт скудный, неуютный. Народ здоровый, крепкий.

Имели место незапланированные случаи совокупления между нашим персоналом и местным населением. Их женщины грубоваты, но привлекательны. Потомство может улучшить породу, однако непредсказуемым образом. Местное население малорослое, волосы темные, жесткие; вводились гены от высоких, бледнокожих, серо- и голубоглазых (планета 14).

Посетил Дальний Восток. Деревни-аккумуляторы согласно инструкциям оставлены, скоро их поглотит растительность. Некоторые вопреки указаниям посещали их тайком для исполнения «священных ритуалов» — история повторяется. Предупреждены. Наш резидент прибегнул к угрозам. Эта практика ведет к ухудшению менталитета. Данные замечания относятся к деревням-аккумуляторам и их окрестностям.

В остальном — цивилизация, достигшая в развитии уровня G, растущая, распространяющаяся географически, занимающая юго-восточные острова. Сельское хозяйство развитое, стабильное. Разросшийся правящий класс, в прошлом эффективный, сознающий свою ответственность,

ныне выродившийся, погрязший в роскоши и пороках. Вскоре на них хлынут орды более примитивных завоевателей с севера, с северо-запада, из пустынь, в которых не осталось ни следа Математических городов или позднейших городов эпохи до ледникового периода. Таким образом, выродившаяся культура получит подпитку. Избранные индивиды проходят инструктаж по поддержанию контакта. Отобраны из числа крестьян и торговцев, никто из принадлежащих к правящему классу не подошел по своим качествам.

Землетрясение полностью разрушило города главного острова восточной окраины. Сельскохозяйственные угодья позволят восстановить хозяйство и культуру на некотором более низком уровне.

Встретился с представителями Сириуса. Они сообщают об успехах, особенно на Втором Южном Континенте. Туда ввезли животных, которые поразили наблюдателей темпами своего развития. Затем этих животных вернули на планету 3.

Представители Сириуса сообщили, что имели место незапланированные совокупления их персонала с этими животными.

Хочу воспользоваться случаем и предложить

евгенистам Канопуса при рассмотрении возможностей для Шикасты учитывать местные сексуальные особенности и наклонности. Я уже неоднократно выражал мнение, что упором на сексуальность в целях обеспечения выживания видов злоупотребляют. Этот вопрос обсуждался с представителями Сириуса, которые придерживаются того же мнения. Они тоже ставили такой вопрос перед своими евгенистами. Хочу обратить внимание, что у нас, как и в секторе Сириуса, редки случаи введения новых видов без внепланового совокупления.

Возможно, евгенистам Канопуса следует самим посетить Шикасту для личного исследования вопроса на месте.

Докладывает Джохор

Тридцать тысяч лет я не был на Шикаете. Точнее — 31505.

Как здесь темно! Движение затруднено, почва притягивает, засасывает, воздух давит, сжимает.

И в то же время воздух разреженный, бесплотный, влияния ВС почти не ощущается.

Здесь как будто все сжалось, сморщилось. Неужели эти карлики — потомки царственных гигантов, великолепных аборигенов? Так

дивлюсь я, глядя на суетящихся шмакодявок, живущих жалких восемьсот лет… вдох-выдох, вдох-выдох — и ты уже вырос; вдох-выдох… и вот уже помирать пора.

Наш персонал мужественно выполняет свои обязанности, сохраняет спокойствие и выдержку, но иногда, когда контраст слишком велик, наши агенты ужасаются. Лишь напряжение всех сил позволяет нам не хвататься в отчаянии за каждую мнимую возможность, за каждую мимолетную преходящую выгоду, готовую обернуться катастрофой — как это делают жалкие, лишенные сущности гномы, охотники за тенями, забывшие великую истину Канопуса. Они устремляют жадные взоры на Солнце, стремясь стащить его с неба, спрятать в свои кладовые, они тянут лапы к Луне, удалившейся от Шикасты за время моего отсутствия, они жаждут чего-то… Блики лунного света на листве… на воде… краткий миг молодости… все это причиняет им мучения, вызывает необъяснимый, непонятный им голод, и из груди их вырывается вой, складывается в песню, пропитанную тем же голодом, неопределимым и неутолимым. Этот голод правит ими, как невидимый король, они все — подданные невидимого королевства… И легко подпадают под влияние

агентов Шаммат, утоляющих этот голод дымом иллюзий.

Я побывал в Области Городов, там, где бывал ранее. Города Круг, Квадрат, Полумесяц исчезли, на их месте появлялись и исчезали другие города, снова и снова. Сюда наползали ледяные поля, таяли, заливая все вокруг водой, вода отступала, и вот опять вокруг зелень, плодородные почвы чередуются с пустынями, лесами, зелеными лугами, по которым лениво топчутся пасущиеся стада… Вспоминаю великолепное зверье Роанды, выродившееся в теперешних мини-львов, крошек-олешек, каких-то малюсеньких слоников, на которых эти микролюдишки поглядывают с опаскою, хотя тем, кто видел их предков, они кажутся милыми детскими игрушками, напоминающими настоящих обитателей природных просторов. Говорить о нынешних детях — одно расстройство, сердце разрывается. В прежние времена дети гигантов, дети туземцев рождались индивидуально, после долгих раздумий, от лучших родителей, подходящих друг другу; им предстояла долгая жизнь, в которой хватало времени на игры, на взросление, на созревание, на размышления. Теперь же эти крохи рождаются волею случая, от беспорядочных соитий, от

произвольных родителей; обращаются с ними кто хорошо, кто плохо, а кто и вообще никак; умирают, бедняги, как и рождаются, тоже по воле случая — да и все равно умирают почти сразу после рождения, ибо что это за жизнь! Куцый отрезок времени. И все же каждый рожденный несет в себе возможности развития, эволюции из полуживотного состояния в полноценное существо. В каждом скрыты многочисленные возможности, но лишь некоторые из них проявляются, не всегда и не полностью.

Нет, не люблю я общаться с их детьми. Печаль они навевают.

А женщины их, рождающие эти возможности, не имея о них представления?.. Слов нет.

А что еще приключится, прежде чем мы покончим с печальной историей Шикасты?..

Еще наступит время, когда и эта жалкая жизнь покажется долгой, когда невероятным покажется срок жизни в двести лет.

Нашим эмиссарам великодушно дозволяется выражать собственное мнение. И я прошу вас проявить великодушие и к ростку печали, который я ощущаю в себе, прошу не принять его за жалобу. Детям рока не надлежит жаловаться на движение звезд.

Голос мой, голос Джохора, доносится с этого забытого роком пункта мироздания, с Шикасты, но не жалуется он, а скорбит, как скорбят эти мелкие существа по своим умершим, прожившим не долее, чем когда-то жили мелкие насекомые, чувствовавшим не глубже, чем овцы в стадах гигантов и аборигенов.

Следовал я сегодня улицами города, стоящего на месте Круга. Кучей косятся строения, кривятся проулки, дырявые навесы торговцев столпились на рынках. Ни мастерства, ни знания не заложено в эти постройки, ни намека на здравый смысл. А лица на улицах, внутри строений и возле них! Купцы, содержатели притонов, менялы, иные достойные горожане… Как они обходятся друг с другом, как эти жертвы общаются между собой! Как будто рок их — приглашение обманывать, лгать, убивать, рассматривать каждого встречного как источник наживы. Как будто они живут на вражеской территории без надежды на лучшее.

Есть, правда, в этом месте и те, кто знает, что ждет их в будущем воздаяние. Но их очень немного.

Я сидел в точности в том же месте, где когда-то виделся с Джарсумом и другими гигантами, когда услышали они свой приговор и весть о судьбе

Роанды. Там, где стояло их здание, окруженное теплыми камнями их города, сейчас узкая улочка, облепленная грудами сотворенного из грязи и обожженного на солнце кирпича, сложенного в нелепые конструкции, и фасады домов столь же уродливы, как и лица их владельцев, и нутро их столь же уродливо, как и мысли населяющих этот город людей.

Не найдешь в этом городе пары глаз, которые глядят на вас искренне, без подозрений и страха, ищут в вас родство, а не отчуждение, выражают добрые чувства, а не вражду.

Ужасен этот город! Спросите ваших послов — они расскажут, что не лучше и другие города. В каждом вражда, направленная в себя и наружу. Жители все сплошь обманывают, враждуют, воюют, заключают договоры, размышляя, как и когда их нарушить, когда предать; они крадут друг у друга стада, имущество, захватывают людей и обращают их в рабство.

Есть богатые среди этих людей, но их мало, а остальные рабы и слуги, и пользуются ими, как скотом.

Женщины же — рабыни своей женственности, и дети для них менее важны, чем восхищение мужчин.

Мужчины трактуют женщин по красоте их, а дети для них — лишь инструмент и средство для продвижения своего имени, для увеличения имущества.

Секс их вымучен, изломан. Из-за отчаяния, вызванного краткостью их жизни, секс их пожран леденящий скудостью и алчностью пылающей.

Что делать с ними?

Что можно с ними сделать?

Как с ними поступать?

Только так, как следовало поступать с детьми Шаммат, блудницы позорной и постыдной…

Друг мой Тофик пустился в странствие к Северо-Западным Окраинам, сказав, что видеть более не может этого города.

Я и ваш постоянный представитель Уссел оставили города, отправившись в долины к пастухам. Мы странствовали от племени к племени, общались с людьми безыскусными, откровенными, живущими естественными потребностями и заботами. Я нашел потомков Давидовых, и они оказались честными, гостеприимными, а главное — открытыми истине.

Мы остались с племенем, более всего выделяющимся этими чертами, жили при них, как обычные странники, и когда с ними достаточно

сблизились и они предложили нам остаться у них навсегда, открылись этим людям, сообщили, что мы «не отсюда», что мы посланники. Они называли нас господами и государями, и эти титулы сохраняются в их преданиях и песнях.

Мы сказали им, что, если они будут строго следовать определенным правилам, сохраняя в памяти своей и своих потомков, что правила эти завещаны им господами, богами, то будут они спасены от дегенерации, от растления городского, к которому они и сами относились с отвращением, что дети их будут сильны и здоровы и не станут ворами, убийцами и лжецами. Эта сила, здоровье, связь с божественными источниками сохранятся до тех пор, пока будут соблюдаться завещанные нами правила.

Мы сообщили им пересмотренные правила существования: умеренность, воздержание от роскоши, простота, внимательность к ближним своим, недопустимость их порабощения и эксплуатации, забота о животных, забота о земле, а прежде всего кротость и послушание. Готовность внимать словам нашим.

Мы открыли самому уважаемому в их племени, по их понятиям уже весьма старому, что в жилах его течет «кровь богов» и потомство его всегда

близко к богам пребудет, если будет ходить путями верных.

Мы сделали возможным рождение у него двух сыновей, обоих облучили вибрациями Канопуса.

Затем мы вернулись в города, проверить, не найдем ли мы кого достойного. В каждом городе обнаружили мы очень малое число индивидов, открывших нам слух, и велели им покинуть города эти с теми, кто их послушает.

Снова отправились мы в степи к старику и стадам его. Дети его уже родились к тому времени. Мы сообщили старцу, что кроме его семьи, его племени и немногих иных избранных скоро никого в живых не останется, ибо города будут разрушены за злобность их. Ибо подпали они под врагов Господа, которые во все времена замышляли против Господа и улавливали сердца и умы созданий.

И он взмолился перед нами.

Другие добрые люди, которые из городов, тоже взмолились перед нами.

Не хочу на этом задерживаться.

Убедившись в безопасности тех, кого следовало спасти, мы дали сигнал космофлоту, и города в единое время перестали существовать.

Пустыня легла там, где цвели города.

Плодородные места с богатыми городами стали опаленной пустыней, над которой воздымаются столбы горячего воздуха, ибо нет там ни деревьев, ни травы, ни листка зеленого.

И снова видел я, как спасались стада, вскидывали головы животные, кричали, убегали прочь.

«История Шикасты», том 997,

«Период Общедоступных Предрекателей»

ВВЕДЕНИЕ (отрывок)

Конец этого периода можно определить с точностью до года, но вот начало его обозначить сложнее. К примеру, можем ли мы считать Тофика и Джохора глашатаями опасности? Во время каждого своего посещения они неустанно предупреждали всех, кто к ним прислушивался (возможно, лучше сказать — напоминали). Посещения следовали непрерывно, начиная с времени отступления льда, хотя и оставались «секретными», то есть общавшиеся с послом не подозревали, что перед ними представитель иной звездной системы. Однако все время на Шикаете оставался кто — то из эмиссаров или агентов, неустанно объясняющий, напоминаю-

щий, предостерегающий. Таким образом, можно утверждать, что Шикаста обеспечивалась общедоступными советниками все время, кроме весьма короткого промежутка в 1500 (тамошних) лет перед концом ее существования.

Но этот том посвящен периоду, начиная примерно за 1000 лет до первого разрушения, потопа, с городов процветающей зоны вокруг и к северу от Больших морей, до времени за 1500 лет до конца. Внимательное прочтение всевозможных доступных текстов поможет понять, почему именно в этот период мы считали необходимым постоянно посылать на Шикасту своих представителей. Ни в коем случае нельзя утверждать, что политика в отношении Шикасты менялась — это совершенно невозможно, наша долгосрочная политика остается неизменной. Нельзя также сказать, что общая дегенерация Шикасты оказалась неожиданностью. Разница между этим периодом и другими, скорее, в масштабе, в акцентуации. Если мы терпим цивилизацию за цивилизацией, культуру за культурой, несмотря на их низкий (по нашим стандартам) уровень, позволяя им коптить небо, загнивать и издыхать самостоятельно — либо уничтожая вследствие опасности, представляемой ими для остальной

Шикасты, для Канопуса и иных его колоний, если такое положение наблюдается в крупном масштабе, на обширных пространствах основной части суши, естественно, это следует отличать от ситуации, когда малочисленное население рассеяно по обширной территории, ведет натуральное хозяйство, когда единственный город обеспечивает все торговые функции — вместо скопления городов, объединенных под эгидой империи, когда один-два наших агента могут охватить все население в течение нечастых непродолжительных визитов.

На продолжении многих тысяч лет Периода Общедоступных Предрекателей можно наблюдать постоянное повторение ситуаций описываемым ниже порядком.

Нами наблюдалось или нам сообщалось, что связь между Шикастой и Канопусом ослаблялась, становясь ниже опасного уровня.

За этим следовали сообщения, что культура, город, племя, группа лиц, важных для нас, покидает нашу сферу влияния.

В силу необходимости укрепления ослабленных связей, возвращения избранных индивидов к пристойному образу жизни, регенерации и витализации областей, культур, городов на место

направлялся специалист, два, три — сколько необходимо. Случалось, что все они, за редким исключением, работали анонимно либо тайно, не проявляя своего присутствия.

Кто-то из них, пройдя через Зону б, рождался обычным способом у определенных заранее родителей, дабы сказанное им — обычно им — впоследствии возымело действие.

Что касается вопроса выбора пола, то тут можно заметить следующее. Разумеется, полностью развитый индивид у нас совмещает в себе, чтобы изложить это принятыми на Шикаете терминами, черты мужского и женского организмов. В нас нет преобладания того, что на более отсталых планетах называют мужскими или женскими характеристиками в части физиологии или характера. Некоторые послы проявлялись на Шикаете в женском обличье, но с момента отхода от Смычки и до тех пор, пока женщины и мужчины не стали равноправными и взаимная эксплуатация полов не ушла в прошлое, воплощение в особу подчиненного пола приносило агентам ненужные дополнительные трудности, осложняя выполнение и без того непростых задач. (См. гл. 9 данного тома, «Воплощение послов в женском обличье».)

Достигая в выбранной среде зрелости, наш посол добивался значительных успехов в поведении и в выбранной сфере деятельности, превосходя способностями обычных представителей местного населения. Он возбуждал в окружающих симпатию либо антипатию, которая затем перерастала в симпатию. Сплотившихся вокруг него индивиды образовывали ядро, используемое для усиления связи с Канопусом.

В ранние времена таких индивидов бывало весьма немало, они сплачивались в субкультуры либо, рассеиваясь среди населения, представляли собой закваску, поднимавшую массу до минимума принятых у нас стандартов отношения к жизни. С течением времени в связи с ростом населения и нехваткой вещества самочувствия, с одной стороны, и ростом влияния Шаммат — с другой, все меньше и меньше индивидов оказывалось в состоянии реагировать или удерживать долгое время уровень реакции. В большом городе, население которого практически поголовно погрязло в материальных ценностях, с трудом отыскивались один-два реципиента наших идей. Иногда их и вовсе не находилось, или же они выдыхались, даже погибали под давлением среды. Некоторые выживали лишь благодаря помеще-

нию в психиатрические стационары или сбежав в пустынные местности.

Случалось даже — правда, крайне редко — что сами послы становились жертвами столь неблагоприятной рабочей среды. В таких случаях их отзывали и отправляли на отдых и лечение на Канопус или на наиболее подходящую планету.

Во время обозреваемого периода на Шикаете процветали разного рода религии. Те из них, которые интересуют нас более всего, базируются на жизни или словесных формулировках наших послов. Фактически каждый из наших послов оставил после себя религию или культ.

Религии эти отмечала двухаспектность. Положительное воздействие выражалось в стабилизации культуры, смягчении нравов, укрощении пороков. Отрицательная сторона — в каждом случае аппарат религии, жрецы, священники и т. п. манипулировали основными постулатами религии, извращали их, насаждали ее жестокими средствами, формировали жесткие структуры с искусственной этикой, рассчитанные на распространение предрассудков и подавление здравого смысла. Эти структуры всегда враждебно относились к послам.

Религии всякий раз оказывались главным

препятствием на пути единения Шикасты с Канопусом. С другой стороны, клерикалы всегда охотно взаимодействовали с Шаммат, всякого рода церкви представляли собою готовые агентурные центры пиратской планеты.

За этот период не было агента или эмиссара, которому не приходилось бы тем или иным способом бороться с представителями «Бога», «богов» и тому подобного. Мы были вынуждены хитрить, искать обходные пути, а иногда и обезвреживать наиболее активных церковников. Часто наши послы подвергались преследованиям, иногда их убивали, а то и хуже — абсолютно все в их учениях извращалось. Иногда хватка религии оказывалась столь крепкой, что агентам приходилось избегать данной страны, а то и целого континента, и работать там, где условия были хоть сколько-нибудь сносными, с господствующей точки зрения — примитивными. То и дело случалось в истории Шикасты, что связь с Канопусом поддерживалась культурой, презренной с точки зрения властных структур, состоящих чаще всего из жрецов и военных, управляемых жрецами, или из военных и жрецов, служащих военным.

Долгие периоды истории Шикасты можно

определить следующей формулой: там-то и там-то сотня-другая, а то и горстка индивидуумов с неимоверными трудностями следовала стандартам Канопуса, спасая тем самым будущность Шикасты.

Чем дольше продолжался процесс, тем труднее становилось нашим агентам пробиваться сквозь препоны, выросшие из установлений, выросших из правил, оставленных предыдущими послами. Шикаста превратилась в окрошку из бесчисленных культов, религий, верований, предрассудков, убеждений. Каждый посол должен был учитывать, что при жизни его произнесенные им живые слова — если не взовьются дымом безудержной фантазии — закостенеют в догмы; каждый представлял, что его свежий, конкретный, гибкий метод, относящийся к насущной ситуации, еще до завершения работы подпадет под действие шикастинских законов и превратится в тяжкую обузу. Ему приходилось не только продираться через тысячи существующих формулировок, но и преодолевать свои собственные. Один из эмиссаров обрисовал ситуацию следующим образом: бежишь на пределе скорости наперегонки с собственными словами, тут же превращающимися во врагов и хватающими тебя за пятки. То, что

только что оыло живым, действенным, уже умерло и используется нежитью — агентами Шаммат, в ту эпоху распоясавшимися на Шикаете, наносившими наиболее ощутимый урон, грабившими планету практически без помех. Шаммат всегда присутствовала на Шикаете, так же, как и мы. Ее агенты покоряли целые цивилизации и считали себя успешными колонизаторами. Но полностью покорить планету не могли.

Главные религии последних дней все основаны послами I степени. Последняя из этих религий осталась несколько менее расколотой на ветви и секты, чем другие. Если изложить ее в популярной форме, то религия очень простая, эмоциональная; она базировалась на писании, нижний, стабилизирующий предел понимания которого — сплошь угрозы да посулы. На что еще могли реагировать обитатели Шикасты? Мало кто на планете мыслил категориями иными, чем личная выгода либо утрата. Если они в процессе длительного непростого общения приходили к пониманию, что требуемое от них находится вне выбора «дать — взять», то, разумеется, лишь на определенной стадии, ибо начальные притягательные стадии влияния Канопуса рассматривались так, как все рассматривалось на

Шикаете: как что-то даровое, получаемое без усилий.

Понятие долга практически было забыто, неизвестно. Обитатели Шикасты не могли усвоить, что что-то является необходимым. Настрой — схватить, заграбастать. Еще лучше — получить в подарок. Рука, протянутая открытой ладонью вверх — подай! — Шаммат. — Рука взметнувшаяся с растопыренными пальцами — отдай! Хватай! — Шаммат!!!

А ведь в ранние дни после катастрофы иной раз один из нас ходил в деревню, присаживался рядом с ними, говорил об их прошлом, о том, кем они были, о том, что из них может получиться, если они приложат определенные усилия, проявят понимание, понимание долга своего перед Канопусом, воспитавшим их, поддержавшим в темное время, защищавшим от Шаммат; о том, какой субстанцией они дышат, от кого ждать искупления… И они понимали, и задумывались о необходимости.

Но чем дальше, тем труднее становилось этого добиться, тем менее вероятен был подобный результат. Ближе к концу наш агент начинал работу, зная, что не день или месяц, а годы, если не вся жизнь его потребовалась бы, чтобы ста-

билизировать нескольких обитателей Шикасты, чтобы они хотя бы услышали обращенные к ним слова.

Хроники, мемуары, отчеты наших посланцев показывают, что хотя усилий прикладывается все больше и больше, они дают все менее значащий результат.

Горсть индивидов, вырванных из лап забывчивости — вот итог напряженных трудов десятков миссионеров разных степеней, ступеней, родов, специальностей, с опытом работы на многих планетах. Этой горсти достаточно, чтобы поддерживать связь, но какой ценой!

Сколь высока оказалась цена Шикасты, чего она стоила Канопусу!

Как часто послы возвращаются оттуда, поражаясь и ужасаясь увиденному.

Зарегистрированы дискуссии на тему, нужна ли нам Шикаста вообще. Стоит ли она этих попыток? Этот вопрос обсуждался и полномасштабной конференцией представителей Канопуса и колоний. Сформировалось устойчивое убежденное меньшинство, выступившее за отказ от Шикасты. В результате Шикаста окончательно заняла обособленное место среди планет-колоний. Служба на ней добровольна. Исключение составляют

лишь ветераны, работавшие с этой планетой с самого начала.

Сообщает Джохор

Прилагаю запрошенный Центром доклад, в котором отражены подборка индивидов (которые, не будь Тофик захвачен, пребывали бы в иной ситуации) и события (которые могли бы следовать в ином порядке). Не буду повторяться, говоря о роли, которую смог бы сыграть Джон Брент-Оксфорд.

Для контакта с данными индивидами я проникал на Шикасту через Зону 6 в разных точках, по большей части в границах обитания гигантов.

ИНДИВИД ПЕРВЫЙ

Рожденная в стране необъятных просторов и высокого неба, она с ранних лет ощущала себя как в тюрьме. Ей казалось, что память ее должна хранить воспоминания о большей глубине пространства, опыта и неба. Но память молчала. Окружающие поражали ничтожеством, карикатурностью. Ребенком она не могла поверить в серьезность взрослых, играющих в свои игры. Все сказанное и сделанное ими казалось ой

репетицией дрянной клоунады, исполняемой халтурно сделанными куклами. Пораженная гипертрофированной клаустрофобией, она отказалась от предлагаемого ей курса развития и как только встала на ноги, оставила семью и общество. Чем зарабатывать на жизнь — об этом она не думала. Перебравшись в другой город, она не обнаружила в нем никаких отличий. Город оказался как будто тем же самым: его жители, их поведение… Она снова сменила город, еще, еще, перебралась на другой континент. Ей показалось, что она разоблачила громадное общество заговорщиков. В то время как множество авторитетных источников убеждало ее, что здесь иная культура, у здешнего режима иная внешняя, внутренняя и экономическая политика, у здешних жителей иная психология, иная религия, она сама не нашла никакого различия. Разве что в языке. Да в некоторых несущественных мелочах. Чуть лучше отношение к женщинам — но за счет детей. Тут одних мосек лелеют — там другие кошки в почете. Но держатели кошек да мосек казались абсолютно одинаковыми. Ей казалось, что во всех городах живут одни и те же люди. Некто встреченный где-то — конкретно молодой человек в прачечной самообслуживания на углу

— оказался родственником друга семьи. И случай этот был вовсе не уникальным. Она снова уехала, выбрала «старое» общество — так называли этот тип жизни шикастяне. И действительно, ничего нового она в этом обществе не обнаружила, все оказалось то же самое, набившее оскомину. Зарабатывала она где придется, замуж не выходила, сделала три аборта, потому что не видела во встреченных мужчинах ничего достойного для передачи потомству. Да и кого тут встретишь? Кого нового? Ведь она попалась — так ей казалось — в какую-то матричную структуру, решетку; в кошмарах ей виделось, что гигантская паучья сеть уловила ее. И все этой сетью повязано, все повторяется, множится, мельтешит калейдоскопом одинаковых частиц и повторяющимся узором. И не вырваться из этой заколдованной сети. К тому же никому не пожалуешься. Того, что она видела, другие не замечали.

В одной из стран Северо-Западных Окраин она оказалась, предприняв определенные усилия на перемещение в пространстве, но, как она сознавала в душе, не тратя усилий на принятие решения. Она как бы выполняла давнишнее желание своего отца, который всю жизнь мечтал жить именно в этой стране и именно в этом го-

роде. Мечта его касалась и определенного образа жизни, ей в тот период времени недоступного, так что она заменила его более современным эквивалентом. Вскоре после переезда она отправилась к врачу, по адресу, ей ранее неизвестному, но когда остановилась перед дверью, вспомнила, что в детстве отправляла на этот адрес письма. Здесь жила ее тетка.

Она снова сбежала, на этот раз на самый север Северного Изолированного Континента, в крохотный городок, большую часть года покрытый снегом. Никто сюда не приезжал для развлечения. Фактически городок этот был рабочим поселком. Она устроилась продавщицей в лавку, обеспечивавшую трапперов и уцелевших индейцев. Казалось, нельзя найти ситуацию, более отличную от той, которую готовили ей детство и семья. Но однажды в лавку зашел врач, с которым она встречалась в родном городе пятнадцатью годами раньше. Ее с этим врачом объединяла ни к чему не обязывающая непродолжительная связь.

Снова бегство, на этот раз в Северо-Западные Окраины. В многомиллионном городе, в самом центре его вышла она из автобуса и зашла в какую-то забегаловку выпить чашку чаю. Внезапно

что-то укололо ее, она подняла голову — на нее с улыбкой смотрела девушка. Сестра врача, выгнавшего ее из заснеженного городка, работала в этом кафе официанткой.

Мир защелкнулся вокруг ее горла стальным ошейником. Она закричала, забилась, круша посуду и опрокидывая столы.

Принеслась полиция, ее доставили в лечебницу. Врачи не могли прийти к консенсусу относительно ее психического состояния, а администрация кафе предъявила иск. Подходящего адвоката для нее не нашлось. Если бы такой адвокат оказался под рукой, случай всколыхнул бы не одну страну.

Ее какое-то время продержали в стационаре, затем вызвали в суд, обязали оплатить нанесенный заведению ущерб. Какая-то добрая душа внесла за нее требуемую сумму. Из суда она вышла на улицу, но показалось ей, что шагает она по тюремному коридору. И даже много хуже, чем по тюремному.

Если бы ее защищал Джон (то есть Тофик), он бы смог внушить ей решимость высидеть определенное время спокойно, неподвижно, до тех пор, пока она ясно не увидит стен своей тюрьмы.

Я прописал альтернативный метод: непродол-

жительный приступ паралича, который врачи определили как истерический.

Лишенная возможности удрать, она провела какое-то время во внутренней борьбе, затем — в точности, как загнанный в угол сокол оседает, нахохлившись, в копну своих взъерошенных перьев, устремив взгляд на обидчика — уставилась на то, что приводило ее в ужас.

ИНДИВИД ВТОРОЙ

Унификация эмоциональных и мыслительных процессов достигла предельно возможных значений. Информационное варево из общего котла технические средства массмедиа поставляли в глаза, уши и носы потребителей к каждому дивану, к каждой кухонной плите, к каждому конторскому столу или иному рабочему месту, к каждой игровой площадке человеческого молодняка, по всей стране, по всем странам, невзирая на границы. Особое внимание — уж умышленно или нет — уделялось стандартизации программ для детей. Обсасывалось в них вроде бы «разумное, доброе, вечное» в виде, скажем, любви к братьям меньшим, но сам факт постоянной долбежки в одно и то же место, многократность повторения — все это приводило к устрашающим

результатам.

Всех увлекло чревовещательство. Особа, приятная во всех отношениях, творила себе двойника. Точнее говоря, двойника получало скрытое «я» этой приятственной личности, ибо творение ее могло иметь облик, скажем, приятного же с виду песика, обладающего характером и повадками жулика, мелкого воришки, беззастенчивого лгуна, хвастуна, обжоры. Крупных правонарушений этот двойник опасался, его поступки в насквозь коррумпированном обществе воспринимались как проявления юмора.

Дети идентифицировали себя с упрощенными «выдуманными» персонажами и воспринимались окружающими как таковые, как куклы, удобные для использования в качестве второго «я» хотя бы потому, что не требуют того уровня оценки, какой необходим в общении с персонажем равного уровня, «реальным».

Некая группа детей, не слишком избалованных вниманием занятых добыванием денег родителей, выдумала себе мирок, в котором каждый из них был именно куклой, щенком с типовым лихим именем Крутой Колли. Дети жили в своем мирке, подражая своему любимцу, усваивая его мелкие фокусы, ловкие финты — для этого нужно

было лишь протянуть палец да нажать на кнопку. От мелкого жульничества постепенно поднялись в своем развитии до уголовно наказуемого. Среди них выдвинулся лидер — бойкая девчонка одиннадцати лет, насадившая в коллективе определенного уровня дисциплину, следившая, чтобы ее подопечные не пропускали очередной серии проделок любимого персонажа и руководившая осуществлением вдохновленных им проделок. Так продолжалось три года, детишкам уже стукнуло тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. Они воровали с полок магазинов товары, взламывали дома и квартиры, чтобы обеспечить себя карманными деньгами, и каждый подвиг отмечали ритуалом, славящим их вдохновителя.

В ходе одного из взломов случилось убийство, так сказать, попутно, случайно, непредумышленно. Без цели и смысла.

Их поймали, случай получил широкую огласку. В медиа замелькали портреты юных героев, интерьер комнаты-храма Крутого Колли с его «иконами» и скульптурными изображениями (куклами). Как водится, малолетних преступников предъявили на освидетельствование врачам и психологам, которые установили, что «крутых колли» они изображали никак не более полови-

ны периода бодрствования, имея в «нормальной» жизни нормальные цели, выполняя нормальные функции, будучи нормальными личностями, совершенно несхожими с их групповыми ролями.

Последовало судебное разбирательство, также привлекшее повышенное внимание ввиду резкого роста детской преступности.

Девица-атаманша осознавала свою особую роль «мафиозной мамаши» и безмерно ею гордилась.

Будь Тофик на своем месте, он должен был бы выступить адвокатом этих детей, представить их жертвами индоктринации. С точки зрения защиты неважно, была ли эта индоктринация умышленной, продуманной акцией в рамках общей политики властей или же являлись непредумышленной. Иными словами, Тофик, он же Джон, должен был инициировать широкую кампанию с целью растормошить индифферентную публику, заставить ее обратить внимание на то, где, как и когда зарождаются подобные методы оболванивания населения.

Кроме того, возьмись Тофик за этот случай, его аура не могла бы не повлиять на молодых преступников. Он мог бы направить их развитие по пути, который бы вывел этих юнцов к истинной свободе выбора, кем стать в жизни и чем следует

пренебречь. И вот, столь важная возможность упущена!

Ныне то, чего может достичь один индивид, принято распределять между несколькими. Я постарался, чтобы юристы, защищавшие молодежь в суде, обладали по возможности подходящими личными и профессиональными качествами, проследил, чтобы каждый из подростков встретил интересных людей, способных оказать на них положительное влияние. Толковый советник службы по делам несовершеннолетних, умудренный жизненным опытом, проницательный надзиратель в тюрьме (трое попали за решетку), умный врач, сотрудник опекунской службы…

Времени на этих молодых людей я потратил больше, чем планировал, а итог усилий не слишком порадовал. «Атаманша» вышла из тюрьмы, по определению представляющей собою академию преступного мира, законченной уголовницей, но врожденная неординарность привела ее в одну из множества радикальных политических сект. Она погибла в ходе акции, которая, как водится, афишировалась как террористическая, на поверку же оказалась чьим-то коммерческим предприятием. Ей не исполнилось еще и двадцати лет. Работа с нею, таким образом, сможет быть

продолжена, лишь когда она поступит в Зону 6.

ИНДИВИД ТРЕТИЙ (ПРОФСОЮЗНЫЙ ЛИДЕР)

Типичный продукт Века Разрушения по всей Шикасте, с некоторыми вариациями (в данном случае — типаж Северо — Западных Окраин), в структуре общества играл определенную роль, весьма заметную. Функция его стабилизирующая, что многими воспринималось как парадокс, ибо идеологическим инкубатором типажа почти всегда служила философия полного экспресс-преобразования общества в некий образцовый «рай». «Святых» книг на эту тему издано за многие века предостаточно.

Родился этот гражданин в сумбурные годы, последовавшие за Первой мировой войной. Иные тогда купались в роскоши, большинство влачило полуголодное существование. С рождения и до взрослых лет он прожил, лишь изредка наедаясь досыта, лишь изредка отогреваясь до комфортной расслабленности, лишь изредка засыпая не под шум, доносящийся сквозь картонные стены и перекрытия многоэтажки, и, когда подрос, лишь изредка получая возможность что-то заработать. Трое детей в семье умерли от болезней, вызванных недоеданием. Мать в тридцать с небольшим

износилась, превратившись в старуху.

С тех пор, как он осознал свое положение в обществе — а произошло это в сравнительно раннем возрасте — он пребывал в состоянии недоверчивой растерянности. Пацан-недоросток бродил по улицам, подгоняемый голодом, холодом, горечью несправедливости, мечтами и видениями. Ему казалось, что каждый из встречных, взрослых и детей, обладает двойником, тем, кем бы он мог стать в иных условиях. Он мог безмолвно обратиться к прохожему: «Эх, бедняга, знаешь, кем бы ты мог стать? Не твоя вина, конечно…» Он глядел на анемичную сестру, работавшую с четырнадцатилетнего возраста, будущее которой, конечно, обещало беспросветную серость, знакомую по судьбе матери, и так же безмолвно обращался к ней: «Ты не знаешь, кто ты на самом деле, кем бы ты могла стать». Ему казалось, что он обнимает не только ее, но и всех бедных и страждущих. Он глядел на изможденные лица и украшал их своими видениями. «Вы несете в себе чудо! И не подозреваете об этом», — думал он. И он обещал, клялся им, клялся себе.

У него не укладывалось в голове, что такую страшную нужду приходится наблюдать в стране — он пока еще не мог охватить всего разнооб-

разия условий планеты — объявляющей себя процветающей, в стране, стоящей во главе мировой империи.

От сверстников он отличался начитанностью, так как отец его был доверенным лицом рабочих, по мере сил, остававшихся от основной работы. Выбор книг в доме не ограничивался детскими сказками да сентиментальными романами, и темы домашних разговоров охватывали не только пропитание и одежду для семьи.

Пять лет Второй мировой войны он провел в армии. Непонимание причин, по которым люди причиняли друг другу такие ужасные страдания, рассеялось. Много где пришлось ему побывать, многое повидал он за эти годы. Именно тогда он начал мыслить категориями планеты в целом, хотя и с ограничениями: темнокожих он исключал из своих ментальных калькуляций. Сказалось воспитание, приучившее его считать белых расой господ. Но всеобщее огрубление общества от него не укрылось и не оставило без влияния. Вещи, которых он в детстве не мог принять, теперь объяснялись для него человеческой природой, от которой никуда не денешься. Однако в планах на будущее он видел себя, по возвращении домой, представителем других, поддерживающим их,

направляющим, спасающим от неприятностей реальной жизни, которым он мог противостоять, а они не могли.

Вернувшись, он сразу же включился в «борьбу за интересы рабочего класса», как модно было тогда выражаться, и очень скоро выделился на этом поприще.

Период после окончания Второй мировой войны тоже отличался обнищанием, горечью, серостью. Страны Северо-Западных Окраин оказались физически и морально изношенными (см. «Историю Шикасты», том 3014, «Период между Второй и Третьей мировыми войнами», введение). Северный Изолированный Континент усилился и оказал поддержку странам Северо-Западных Окраин на условиях безоговорочного сотрудничества и военного союза. Военно-политический союз принес Северо-Западным Окраинам существенные материальные выгоды и по прошествии пятнадцати лет после окончания войны в этой части Шикасты царило процветание, моральный уровень населения отнюдь не повысившее.

Экономика Северо-Западных Окраин, как и Северного Изолированного Континента, базировалась на постоянном поголовном потреблении

без учета реальных потребностей. Еда, напитки, одежда, обувь, бытовые приборы, безделушки… пропаганда, принявшая форму торговой рекламы, вдалбливала в головы обывателей необходимость покупать, потреблять, расходовать, портить, выбрасывать, выбрасывать, выбрасывать, чтобы покупать, покупать и покупать. И это когда богатства планеты в целом уже истощались, а большинство ее населения жило впроголодь и даже умирало от голода.

Рассматриваемый индивид, сорока лет от роду, занимал влиятельный пост в рабочей организации. Главная его задача заключалось в том, чтобы представляемые им рабочие получали достойное вознаграждение за свой труд. Так сказать, задача-минимум. Далее, по возможности, «урвать кусок пирога побольше». Наконец задача-максимум, задвинутая на второй план, — перевернуть всю экономическую систему и учредить правление рабочего класса. Иной раз он вспоминал о себе и своих воззрениях в те годы, когда мальчишкой бродил по голодным улицам, районам голодного города. Новые возможности, открывшиеся преходящим процветанием, опьяняли. Все вдруг стало казаться возможным. Люди его уровня раньше и мечтать не смели о таком образе жизни. Девиз

«достойная заработная плата» казался теперь трусливым и мелким. И жизнь заботилась о все новых подтверждениях новым открывавшимся возможностям. Конечно, нельзя сказать, что рабочий класс вдруг сравнялся с богачами, но то, что миллионы людей смогли получить такие блага без всяких кровавых переворотов и потрясений основ, без революций, изумляло просто до глубины души. В этой атмосфере казалось, что впереди все новые и новые возможности, которым и конца не будет. Рабочий народ получал компенсацию за нищету родителей, дедов, прадедов, далеких предков, за унижения собственного детства. В душе шевелились мстительные чувства.

Но «век изобилия» не мог длиться вечно. Наш герой видел, что глобальные условия накладывали ограничения на развитие отдельных стран. Он не утратил широты кругозора, отличавшей его от большинства современников в молодости. Выделявшей его. Делавшей его одиночкой. И это его амплуа устраивало всех, служило службу общему делу. Там, где в ходе борьбы с тактическими целями сплачиваются группы, рассматриваются и ценятся качества каждого индивида.

Его ценили за склонность защищать точку зрения меньшинства, за наблюдательность, кри-

тичность, неброскость.

За честность.

Такая ему досталась роль.

Он этим все еще гордился, однако не мог не видеть, что любое слово можно нагрузить разными значениями. Он замечал, что люди слишком охотно хвалят его честность. Он видел в этих похвалах то, чем они и являлись: лесть.

«Честность» как прерогатива. Как его вотчина.

И «кроме честности, есть множество похвал». Похвалы все чаще принимали осязаемую форму. Так что же? Во-первых, это крохи в сравнении с тем, что сыплется на головы сильных мира сего. Да и кто не получает подарков? Мелкие крохи от пресловутого пирога. К тому же эти крохи предназначены не ему лично, а ему в качестве представителя рабочих, подчеркивают его роль и служат общему делу. Сомнения его донимали, он раздумывал, где кончаются подарки и начинаются взятки. О лести размышлял, о ее разрушающем влиянии, о ее покупательной способности. Лесть как валюта? Сомнений он не гнушался.

Под пятьдесят, земная жизнь пройдена на две трети, дети выросли. Дети, кстати, сплошное разочарование. Махровые эгоисты, рвачи, все гребут под себя, все для собственного удовольствия.

Ругая их, он не забывал о конфликте поколений, о вечном недовольстве родителей детьми. О недовольстве оправданном, мог он добавить самому себе, но не жене, находившей его трудным и неуживчивым. Но и гордился он ими невольно, этой гордости стыдясь, себя за нее презирая, но отмечая как положительное явление самую двойственность своей оценки. Как же, ведь потомки шагнули дальше по ненавистной, но неустранимой классовой лестнице клятого социума.

Критикуя детей, он одновременно критиковал и младших членов своего профсоюза, да и все новое поколение. А это уже явление нежелательное, изменой попахивает, предательством. Однако ни сердцу, ни мозгу не прикажешь, потока мыслей не прервешь. Даже мочевым пузырем не слишком-то распоряжаешься. Вернулся детский скептицизм — да он никуда и не исчезал. Вернулись, преобразившись, прежние мысли. Каким образом люди забывают, что творят? Хватают всё, до чего дотягивается рука, воруют, содеянного не стыдясь, напротив, видя в этой ловкости рук превосходство над всеми остальными. Не хотят понять, что легкость бытия преходяща, вызвана капризами конъюнктуры, что рано или поздно дутый пузырь экономического процветания

лопнет, забрызгав всех в разной степени. Попробуй, втолкуй это детям рабочих, ложившихся спать без ужина, детишкам, вымахавшим под потолок, так что отцы, а тем более деды им до плеча макушками не дотягиваются. Они забыли, что история рабочего класса этой страны — это история нищеты и лишений? Они, может быть, никогда не слыхали о прошлом?

Дни его проходили в постоянной активности. Приходилось заседать во всяких комитетах, вести переговоры, спорить, а то и ругаться с работодателями, убеждать с трибуны, ездить на конференции…

Чем он вообще занимался?

Тем ли он вообще занимался?

Где он оказался и где его мечты конца войны?

Иной раз во время какого-нибудь собрания он тайком, надеясь, что за ним никто не следит, наблюдал за присутствующими: за молодыми, за ровесниками, — и чувствовал себя чужаком среди них.

В течение всей жизни он хранил и лелеял ряд мыслей, воспоминаний прежнего времени, держал их в качестве эталона для сравнения и выверки текущих событий. После войны, еще только начиная свою заседательскую эпопею,

он вспоминал двоюродного брата, продававшего овощи с передвижного лотка на улице. Невыносимой оказалась борьба этого парня за выживание, не выдюжил он. С утра до позднего вечера стоял бедолага при своей тачке, в любую погоду, кашлял, дрожал, но держался. Запомнился ему настрой покойного родственника, схожий с мыслями школьника, сбитого с ног более сильным противником, знающего, что поднимется он лишь для того, чтобы снова растянуться на земле. Что-то вызывающее, какая-то бравада. Врешь, не возьмешь, я еще жив, я не сдамся! И бедная жертва, шатаясь, поднимается на ноги. Он испытывал ужас, глядя тогда на овощную тачку и на торчавшую рядом с нею тощую фигуру. Здесь, в конференц-зале он наблюдал ту же браваду, и это снова его ужасало.

Время изобилия!

В юности он точно знал, кто его противник. «Классовый враг»! Признак врага — ложь. Враг врал, изворачивался, жульничал. Когда речь шла о защите собственных позиций, враг не гнушался никакой ложью, не останавливался ни перед какой подлостью. В любом противостоянии представителей правящих классов и тех, кто выступал за миллионы угнетенных, первые выставляли

лоснящиеся лживой улыбкой физиономии и врали, врали, врали… Насмотрелся он на них в молодости, когда боролся с этими архиворами оружием фактов.

А теперь? Он покосился на трибуну, над которой парила, лоснилась лживая улыбка очередного борца за рабочее дело… тьфу!

Нет, они не победили, он и его коллеги, ни в чем не победили. Более того, бой окончен, и они потерпели поражение, ибо на их физиономиях играют те самые улыбки. Их захватили в плен те, против кого они дрались, те, которых они должны ненавидеть и которых ненавидели, пока не забыли, как это делается. Они чувствовали свое превосходство, знали, что за ними правда. Теперь они так же врут, блефуют и изворачиваются, как и все остальные. Где теперь их правда? А ложь и ныне там. Почему не врать, не хапать, что можно хапнуть, если все так поступают? Чем они хуже других?

Мысли изменника, констатировал он, подводя черту.

Он не мог думать иначе — не хотел думать так; он стыдился себя самого — и признавал свою правоту. Он не мог отделаться от своих мыслей…

Последовал нервный срыв. Озабоченные кол-

леги — облегченно вздохнув — предоставили ему годичный отпуск для поправки здоровья. Месяц за месяцем протекали в размышлениях, с жалким итогом в виде риторических фигур вроде: «Почему не вернуться к старым принципам?» или «Сколько можно терпеть это воровство, обман, коррупцию!» или «Да, да, все так, все верно…» Нахмуренные брови, красные от бессонницы глаза…

Жена его работала, работу ее он считал никчемной и отупляющей. Она же полагала, что без работы не сможет сводить концы с концами; он возражал, что зарабатывает столько, сколько не снилось ни его, ни ее родителям. Лучше бы она занялась чем-нибудь полезным.

Чем, к примеру?

Ну, пошла бы на какие-нибудь курсы. Или научилась бы какому-нибудь ремеслу.

Какому? А прежде всего — с какой целью?

Или основала бы какую-нибудь ассоциацию… скажем, в защиту прав… предположим, женщин или еще чьих-нибудь.

Она отмахивалась от его советов и продолжала работать, чтобы заполнить дом мебелью, которую он считал никчемной. Она без конца меняла одежду, занавеси, набивала морозилки на год

вперед, исходя из нужд громадной семьи.

Он отправился в рабочую поездку по стране, посетил старых друзей. Они все как будто подпали под влияние злых духов, как это происходит в сказках. Он их не узнавал. Они изменились? Или он изменился? Или он в них ошибался?

Он бродил по стране в поисках того пацана, которым был когда-то, когда каждый встречный казался ему лишь тенью того, кем смог бы стать. Он ясно видел возможности людей, видел то, что могло бы осуществиться. Или он все это выдумывал? Обман воображения?

Заехал в гости к сестре, не к той, любимой, которую он жалел, которая умерла от туберкулеза, а к другой, к младшей. Нашел женщину безмерно уставшую, ухаживавшую за мужем, весьма симпатичным господином, тоже утомленным, тихим, жену ценящим лишь за то, что от нее получал. Спать они отправлялись рано. Сестра вся поглощена своими кошками. Дочь ее переехала со своей семьей в Австралию. Главная забота в доме — ковер. Большой, во всю гостиную. Его пора сменить, но как подумаешь, какие с этим связаны хлопоты… Мебель двигать, рабочие придут… Да и к старому ковру она так привыкла! Поговорили. В основном, о войне, о которой у сестры сохрани-

лись теплые воспоминания: «Тогда все были так добры друг к другу!»

Вернувшись домой, он заявил жене, что хочет подать на себя в суд.

— Хочешь подать… что? Куда???

— Хочу притянуть себя к ответу.

— Всё, готов. Рехнулся.

И она отправилась сообщать друзьям и коллегам, что муж ее еще не вполне избавился от того, «что его удручает».

Он появился в своем союзе и сообщил, что собирается подать на себя в суд «от имени нас всех» и попросил коллег о содействии.

Что ж, они не стали спорить.

Но попробуй, найди, кто займется таким делом.

К этому времени необычные процессы перестали быть редкостью. То и дело отдельные личности и группы требовали осуждения чего-либо или кого-либо за какие-либо нарушения.

Наш друг желал от лица своего юношеского «я» призвать к ответу «я» состоявшееся, обвинить в растрате идеалов, видений, мечтаний, способности видеть в людях их потенции, ненависть ко лжи, лицемерию…

Он хотел, чтобы тот пылкий молодой человек,

чудесный голодный парень из прошлого, разоблачил, публично разнес в клочки то чучело, ту куклу, в которую его превратило безжалостное время.

Он пошел по юристам. Потом по юридическим конторам. По общественным организациям. Бесчисленное множество развелось всяких партий, групп, группировок, преследующих различные цели, реальные или надуманные.

Крупные политические партии, ведущие профсоюзы, правительственные органы настолько распухли, разрослись, запутались в бюрократической паутине, что не могли функционировать без постоянно возникавших и реорганизующихся рабочих групп, оказывающих давление в желаемом направлении. Без рабочих групп эти бегемоты ничего не способны были предпринять, они потеряли способность что-либо зачинать, могли лишь реагировать на давление, сопротивляться ему или неохотно уступать. Но все эти группы, иной раз преследующие восхитительные цели, в свою очередь, опутаны сетями идеологии и партийной принадлежности, и ни одна не отважилась взяться за столь неординарный случай, ни одна не способна разглядеть этого идеального молодого человека, истца по делу. Ему, разумеется,

сочувствовали, им восхищались. Или же, иной раз, он видел, что им желают заткнуть какую-то партийную протечку, использовать в своих целях. Он ходил по кабинетам, спорил, часто ожесточенно, аргументировал, убеждал. Сначала он рассматривал ожесточенность как признак внутренней силы, но затем появились сомнения. Подумалось: а что, если все, чем он восхищался в этом молодом человеке, в своем прошлом «я», было лишь нетерпимостью, энергией, направленной в узком, ограниченном направлении, на достижение неверно выбранной цели?

Инфаркт, затем второй — и всё.

Будь на месте Тофик, случай попал бы по адресу. Тофик не позволил бы этому процессу выродиться в рекламную акцию, в глупую выходку в погоне за рекордом. Он заставил бы задуматься целое поколение обитателей планеты, возбудил бы тысячи вопросов в миллионах голов, заставил бы молодежь осознать изменения, сдвиги времени в прошлом, которое кажется ей столь далеким.

ИНДИВИД ЧЕТВЕРТЫЙ (ТЕРРОРИСТ ТРЕТЬЕГО ТИПА)

(Примечание: перечень типов террористов этого периода приведен в «Истории Шикасты»,

том 3014, «Период между Второй и Третьей мировыми войнами».)

Эту молодую особу все звали Жжёнкой. Друзья, знакомые, коллеги — и весь мир в течение краткого периода, когда она прополыхала в эфире, на экранах и на первых полосах периодики.

Детство ее прошло в концентрационных лагерях, где умерли родители. Если из родственников кто и остался в живых, она их не искала. После лагеря ее удочерила бездетная пара, с которой девочка вела себя тихо, незаметно — тень, серый пепел, и никакого пламени. Они тоже представлялись ей тенями. Реально для нее существовали лишь те, кто прошел лагеря. Она поддерживала с ними контакт. Она считала их друзьями, потому что они представляли себе мир таким, «какой он на самом деле». В ней текла еврейская кровь, но своим еврейством она не интересовалась. По мере взросления на нее оказывали давление с целью заставить вести «нормальную» жизнь. Тогда-то она и назвала себя Жжёнкой. Она отказалась вывести лагерную татуировку. И все свои рубашки, футболки, свитера она отметила черным клеймом своего лагерного номера. В постели, где она с типичным для нее холодным равнодушием бросала вызов всему миру, она

хватала руку партнера — или партнерши, ибо оказалась бисексуальной — и с улыбкой прижимала его (ее) ладонь к своему предплечью, к лагерному клейму.

Она постоянно разыскивала людей, с которыми познакомилась в лагерях, находила их, знакомилась с другими бывшими узниками, с прошедшими лагеря беженцев, тюрьмы. Эти поступки считались «невозможными». Но только тогда она и оживала. Остальное время проходило как в летаргии. Она замышляла все более «невозможные» выходки. Год прожила в исправительной колонии в одной из стран Северо-Западных Окраин. Заключенные считали, что она заслана с какой-то политической целью, но она просто проверяла себя. С какой целью? Ее «историческая роль» еще не вызрела, но словарь пестрел политическими клише, по большей части левой ориентации, а также лагерным и тюремным жаргоном. Тогда будущее еще не вырисовывалось перед нею. Дома у нее не было, она скиталась по знакомым, по городам северо-запада. Останавливалась у граждан того же пошиба; иные из них работали регулярно, другие жили случайными заработками, не всегда легальными. Деньгами не интересовалась. Ходила всегда в брюках, футбол-

ках, свитерах, и если их не украшало клеймо, то на руке обязательно сверкал серебряный браслет с лагерным номером.

Ни изяществом сложения, ни красотой лица она не отличалась, внешность совершенно непримечательная, ничего демонического, но люди в ее присутствии ощущали некоторую неловкость. Она всегда владела собой и излучала враждебность. Оживлялась лишь в присутствии тех, к кому испытывала склонность, тюремных пташек да переживших концентрационные лагеря. Тогда она иной раз резвилась, как ребенок. Полностью во всех деталях ее обожженной биографии был осведомлен лишь один человек, имя которому Икс.

Когда отовсюду полезли на свет террористические группировки, состоявшие чаще всего из более молодых людей, чем Жжёнка, о ней уже ходили легенды. Ее считали опасной, «эксгибиционисткой», ее сторонились, но, тем не менее, на явках и конспиративных квартирах этих групп она то ожидалась со дня на день, то только что съехала; кто-то ее неплохо знал, кому-то она чем-то помогла. Один из авторитетов, известный как «лидер» — вообще-то такие титулы у этой публики не в почете, — о ней не распространялся,

но давал понять, что она лучше подготовлена, чем любой, кого он знал. Он даже привлек бы Жжёнку к участию в своей группе, преодолев сопротивление большинства.

Он утверждал, что в маскировке ей нет равных.

Как-то вечером она появилась в одной из явочных квартир в крупном промышленном центре Северо-Западных Окраин. Четверо молодых людей, два парня и две девушки, увидели перед собой жирноватую домохозяйку в аляповатой дорогой шубе, при дорогой, когда-то модной, но видавшей виды сумке, с глуповатой улыбкой на лице. Все четверо расхохотались. Она стала для них старшей сестрой, советчицей и наставницей на всю жизнь — это подразумевалось, ибо возврат к так называемой нормальной жизни никем из них не рассматривался.

Эта группа стала одной из наиболее успешных в среде террористов. Она действовала почти десять лет, прежде чем Жжёнка и еще восемь ее товарищей попались полиции. Члены группы всегда проявляли личную храбрость, действовали умело, ловко, быстро. Опасность нужна была им, чтобы ощущать, что они живы. Они причисляли себя к «левым», не особенно интересуясь

тем, что это такое, идеологических дискуссий не вели. Политические лозунги звучали в их среде гораздо реже, чем блатной жаргон.

Известности они не искали, но использовали ее, хотя вообще-то предпочитали работать скрытно. Большинство их «подвигов» не стали достоянием репортерской братии.

Чаше всего они шантажировали крупные фирмы или частных лиц с целью получения выкупа. Крупные суммы перечислялись фондам беженцев, выдавались пособия сбежавшим преступникам, стипендиями поддерживались студенты из лагерей беженцев, в разных странах мира снимались квартиры, служившие убежищами нелегалам, входившим в международную сеть. Помогали они и менее удачливым «коллегам» по промыслу. Шантажировали и похищали они и для получения информации, не всегда коммерческой. Так, однажды членам этой группы понадобилась информация военного назначения, и они завладели ею. Естественно, они умели изготавливать всяческие мины, бомбы, адские машины, приторговывали ими. Если кого-то из этих молодых людей спрашивали, почему они не употребят своих талантов на общее благо, спрошенный возмущался: «А чем мы, по-вашему,

занимаемся?». Они рассматривали себя как альтернативные органы власти.

Поймали их, как водится, случайно, и здесь не место описывать, каким образом.

Жжёнка и ее товарищи оказались за решеткой, против них выдвинули множество обвинений. Они убивали, но не ради получения удовольствия от убийства. Удовольствие — если этим словом можно описать то зудящее, звенящее возбуждение, которое они ощущали, искали, генерировали сами, приходило не от грубого акта, не в процессе убийства или пытки заложника, а от акта в целом, включая его планирование, подготовку и, конечно, осуществление.

ИНДИВИД ПЯТЫЙ (ТЕРРОРИСТ ДВЕНАДЦАТОГО ТИПА)

Икс родился в богатой семье, если это можно назвать семьей. Основы их состояния закладывались в годы Первой мировой войны на заводах, производящих вооружение. Родители его оба неоднократно вступали в брак, так что детство Икс провел, не зная семьи, проявил себя эмоциональным, склонным к самостоятельности ребенком. Отец его — которого лично он отцом не считал (Икс вообще родственными связями не

интересовался и не принимал их в расчет) — пугливый человечек, однако, один из богатейших на планете, умер от сердечного приступа, не дожив до седины. На образовательный уровень Икс не жаловался, им не хвастался, но свободно владел кучей языков, по выговору мог сойти за итальянца, немца, еврея, армянина, египтянина. Да и становился любым из них, в зависимости от потребности.

Такой талантливый и сообразительный молодой человек, разумеется, органически вписался бы в семейную машину смерти, однако не желал шагать ни по каким проторенным тропам.

В пятнадцать он, не отходя от родного очага, попробовал силы в шантаже, действуя при этом в рамках родственных кругов. Проявил себя тонким аналитиком, продемонстрировал холодную расчетливость, безразличие к личным переживаниям других. О людях судил по поступкам, чувства вины не ведал, как будто и слов таких не воспринимал. Людей своего круга тоже не воспринимал, считал их гнилью. Каким-то субститутом семьи стала для него террористическая «сеть».

Встреча со Жжёнкой произвела на него впечатление. Будучи младше на двенадцать лет,

Икс изучал ее деяния, как теологи долбят святые книги.

Первым террористом на его пути оказался случайный знакомый, безапелляционные высказывания которого казались ему верхом мудрости. Затем — Жжёнка.

В половую связь они вступили почти сразу же, ибо она не слишком привередничала в выборе партнера, следила, в основном, за регулярностью секса, как за приемом пищи. Его же привлекло соответствие предложенного ею характера процедуры его жизненной позиции: холодная эффективность, граничащая с извращенностью.

Теплых чувств он никогда ни к кому не испытывал, однако иной раз искренне восхищался кем-либо, превзошедшим его в чем-то. Тяги к вниманию общества, к шумихе вокруг его имени никогда не испытывал, ибо общество и его институты презирал. Однако после «дела», на которое не всегда шел в рамках «сети» (иногда действовал один или на пару, например, со Жжёнкой) и которое всегда затрагивало сеть предприятий его семейства, каждый раз оставлял метку: икс, как крестик неграмотного. Он и в постели со Жжёнкой вычерчивал этот крестик поверх ее клейма, особенно во время оргазма.

Его так и не поймали. Позже он вступил в международные полицейские силы, поддерживавшие порядок на Шикасте в ее последние дни.

ИНДИВИД ШЕСТОЙ (ТЕРРОРИСТ ВОСЬМОГО ТИПА)

Родителей этого персонажа в годы Второй мировой войны швыряли по лагерям разного типа. Отец его был евреем. То, что они выжили, уже относится к области «невозможного». Сохранились тысячи документов, подтверждающих реальность такого «невозможного», всегда связанного с жаждой жизни, выживания: силой воли, хитростью, смелостью и — непременно! — везением. Эти двое не оставляли пределов лагеря — в конце войны они попали в трудовой лагерь в восточной части Северо-Западных Окраин — в течение еще пяти лет после окончания боевых действий. Им некуда было приткнуться. Тогда и родился описываемый сейчас индивид, в обстановке крайней нужды, голода и холода. В «невозможных» условиях. Родился крохотным, ущербным, но «функционирующим». Больше у его родителей детей не было. Они исчерпали свои жизненные силы на нем, да и где и на что они выращивали бы его братиков и сестричек? С по-

мощью благотворительных организаций семья устроилась в маленьком городишке, отец стал промышленным рабочим. Жили очень экономно, хозяйствовали осмотрительно, знали цену вещам и как они достаются, чего стоит жизнь. Любовь родителей к сыну была формой благодарности за существование, в любви этой не было ничего бездумного, животного, инстинктивного. Любовь к сокровищу, спасенному — невозможным способом — от катастрофы.

Родители трудно сходились с людьми. Пережитое обособляло их, отделяло от соседей, из которых война выжала все соки, но которые хотя бы избежали лагеря. В разговорах родителей лагерная тема затрагивалась редко, но то, что ему довелось услышать, прочно оседало в его мозгу альтернативной реальностью. Что общего у двух бедных, но теплых и уютных комнаток с кошмаром, о котором вспоминали родители? Иногда в этом возрасте распухшее от простуды горло на всю жизнь оставляет шрамы в детской психике, прочно противопоставляет детей родителям.

Мальчик смотрел на родителей с ужасом. Может ли быть такое?

Здесь сошлюсь на реакцию индивида третьего (см. соответствующее место моего доклада).

Долгие годы он провел в наблюдениях за жизнью окружающих, задаваясь подобным вопросом, означавшим удивление: как люди мирятся с таким? Иначе: как человеческие существа могут обходиться друг с другом подобным образом?

В случае индивида шестого эта реакция гораздо шире, чем в случае индивида третьего, который видел свою и соседние улицы, расширял наблюдение на город, с трудностями аппроксимировал результаты на Северо-Западные Окраины, оставляя в стороне Основной Материк и весь мир. Годы потребовались, чтобы расширить границы наблюдений.

Но индивид шестой идентичен войне, он с нею слился, чувствовал себя ею, и война эта была процессом глобальным, запечатлевшись в его восприятии жизни взаимосвязанной либо хаотичной системой взаимоперекрывающихся процессов.

С момента, когда он начал мыслить самостоятельно, развитие событий представлялось ему иначе, чем предыдущему поколению. Для него не было понятия «виновная страна», не было для него проигравших и победивших наций. Одна нация не может полностью отвечать за то, что она творит, ибо существует не в вакууме, зависит

от других и взаимодействует с ними. Географическая зона, обозначенная на карте словом «Германия», ставшим ругательством, не может отвечать за массовые убийства и жестокости, которые она совершила. Одного дня в библиотеке хватило, чтобы понять, что у Второй мировой войны причин множество, что понятие «Вторая мировая война» объединяет все страны Северо-Западных Окраин и вытекает из понятия «Первая мировая война». Почему эти историки рассматривают явления, вырвав их из контекста? Они что, дурачки? Детишки малые? Может, идиоты? Или же сами понятия не имеют, кто они такие?

Избрав стиль жизни, пятнадцатилетний парень обременил не только себя. Родители переживали куда больше. Своей комнаты у него не было. Его раскладушка находилась на кухне. К ней прилагалось одно тонкое, до дыр протертре, засаленное, еще лагерное одеяло. Парень регулярно брил голову. Наложил на себя епитимью: раз в неделю принимал пищу по лагерному рецепту. Горячая помойного вида вода с картофельными очистками, объедки. Готовил ее сам, ел, как священнодействовал. Родители поневоле питались скромно, лагерь навсегда испортил им желудки. Он читал родителям отрывки из био-

графий, отчеты об условиях в лагерях, материалы переговоров или упоминания о несостоявшихся переговорах, которые вели к войне или могли войну предотвратить. И всегда подчеркивал многопричинность, всегда заключал выводами. Если бы такая-то или такая-то страна предприняла то-то и то-то, то… Если бы послушали того-то и того-то…

Для бедных родителей это оказалось возвращением кошмара, от которого они спаслись такой ценой! Они нашли себе скромное убежище, где чувствовали себя в безопасности, потому что зло — свойство иного места, иного мира, по крайней мере, иной страны, зло удерживается временем в прошлом, спрятано в историю, в которую можно не заглядывать. Ужас может вернуться, но он тоже отгорожен временем, он в будущем, благодарение Господу. А когда он вновь настанет, они, если повезет, уже спрячутся в другую безопасность, в безопасность смерти. И вот это убежище взломано! И не историей, не будущим, а единственным их сокровищем, вынесенным из бессмысленной бойни!

Отец умолял сына проповедовать где-нибудь в другом месте.

— Но ведь это правда! — настаивал юнец.

— Да, да… нет… не знаю, мне все равно, ради Бога!

— Тебе все равно?

— Мать…ради матери, ты не представляешь, что она перенесла…

Парень добавил к своему режиму ношение лагерных лохмотьев. По графику, по определенным дням. Стены кухни покрывали фотоснимки лагерей смерти, рабочих лагерей, концентрационных лагерей, к которым добавились иные свидетельства жестокого обращения людей с себе подобными. Кухня, в конце концов, была единственным доступным ему помещением, бедным родителям приходилось с этим мириться.

Он молча сидел за столом, родители спешно и молча заглатывали пищу. Молчание их было молитвой, чтобы сын не завел снова — но он не выдерживал, затягивал продолжение своей бесконечной литании: перечни фактов, перечни комментариев, убийства в лагерях, убийства на фронтах, убийства мирных жителей, убийства и пытки в коммунистических странах, убийства и пытки в некоммунистических странах, убийства и пытки во всех странах…

(См. «Историю Шикасты» т. 3011, «Век Идеологий». Раздел «Автопортрет наций. Географи-

ческие области или временные объединения народов с целью обороны или агрессии — образования, считающие себя лучшими, более цивилизованными и благородными, нежели их противники, для стороннего же наблюдателя никакой разницы не представляющие». Также т. 3010. «Психология массы. Механизмы самозащиты».)

Созвучия с национальными мифами парень не ощущал и не мог понять, что в них находят другие, полагал, что они притворяются. Он принадлежал к поколению, к части поколения, рассматривающей газеты как инструменты распространения лжи и только лжи, автоматически переводящей содержание теленовостей или документального фильма в вероятный вариант правдивой версии; как иные верующие постоянно напоминают себе о кознях Диавола, эти люди напоминают себе и всем окружающим о том, что никакой нации не доступно истинное освещение событий, что правда, если и добирается до сознания людей, то лишь окольными путями и с большим опозданием.

Все это так, все это верно, все это шаг вперед, к свободе от миазмов Шикасты.

Но для него не было пользы в этом, ибо не было в нем доброты.

К родителям он становился все более нетерпим. Мать, обычная женщина средних лет, казалась себе старухой с больным сердцем. У нее уже случился сердечный приступ. Отец уговаривал, убеждал, даже умолял.

Но ангел-мститель, вооруженный своей правотой, буравил родителей неверящими глазами: как же так? Неужели вы такие?

Наконец отец заявил сыну, что если он не может обращаться с матерью подобающим образом… «Да! И со мной тоже! И со мной!»… то лучше ему покинуть дом.

Парню едва исполнилось шестнадцать. И родители его вышвыривают из дому! Что ж… Чего еще от них ожидать… Так он и думал.

Он нашел комнату в доме одноклассника и с родителями больше не виделся.

В школе он тоже себя проявил.

Маленькая школа маленького городка ничем не удивляла своих ничем не примечательных учеников. Он живым упреком врос в заднюю парту, сложив руки на груди и вытянув ноги, поражая пиками ресниц одну избранную цель за другой. Должным образом испросив на то разрешения поднятием руки, он вставал и выстреливал в учителя вопросом: «А разве неизвестно, что… Может

быть, вы не знаете о… Кажется, в „Правительственном вестнике" номер… Не думаете ли вы, что такая-то книга должна быть рекомендована по этой теме?»

Учителя его боялись абсолютно все, как и большинство учеников. Некоторые им, однако, восхищались. В это время экстремистские группировки уже стали головной болью властей, которых прилагательное «молодежный» заставляло настораживаться в ожидании какого-нибудь гадостного существительного. Парню не исполнилось еще семнадцати, но имя его уже узнала полиция. Директор школы решил застраховаться от будущих неприятностей и информировал «органы».

В свои семнадцать он уже перепробовал ряд группировок различного толка. Приближался к правым, к независимым, но остановился на левой, революционной. Но и здесь одна страна была хорошей, а другая плохой, одна вера превосходной, другая же вовсе дрянь. Вновь посыпались вопросы: «Неужели вы не читали… Разве вы не знаете… Вы, конечно, слышали, что…» Становилось ясно, что ему придется основать собственную группу, но он не торопился. Для того чтобы сводить концы с концами, парень пово-

ровывал, принял участие в нескольких мелких групповых вылазках уголовного характера. Без особой щепетильности он устраивался на месяц-другой на чьей-нибудь квартире, за чужой счет питался, пристраивался к девушке. Аморальностью он отличался полнейшей, но с каким-то дружелюбным, снисходительным оттенком. Уличенный в каком-нибудь воровстве, он реагировал лучезарной улыбкой, освещающей все вокруг него нелестным светом. Политическая репутация его еще не сформировалась, но, в общем, его считали умным, живучим, хотя и недостаточно осторожным.

Когда наконец он сформировал свою собственную группу, куда входила дюжина молодых людей обоего пола, критерием их отбора была не политическая ориентация. Каждый из них прошел собственную школу лишений физических и духовных, на каждого наложила отпечаток война. Каждый мерил мир презрительным или ненавидящим взглядом: «Вот ты какой… Вот вы какие…» Нет дела им до утопий будущего, как и до самого этого будущего. В этом их отличие от разного рода революционеров и религиозных визионеров. Они не собирались устраивать рай на земле ни в грядущем году, ни в следующем

десятилетии, ни вообще в будущем. Но когда рухнет этот лживый, гнусный, лицемерный мир, все увидят наконец, каков он был.

Их задача — сорвать маску с системы, разоблачить ее физиономию.

С ними вера их, но нет программы. С ними истина, но как ее употребить? У них словарь, но язык не складывается.

Они следили за действиями повстанческих движений, за вылазками террористов

Они видели, что им нужны события, ситуации.

Устроили похищение политика, инициатора некоей ими осуждаемой акции, потребовали в качестве выкупа освобождения некоего по их мнению невинно осужденного. Освобождения не добились и застрелили заложника, бросили труп на городской площади. «Вот ты какой… — сказали они миру, — и вот мы как!»

Убийство не планировалось. Похищение проработали детально, но не ожидали, что придется проливать кровь. Почему-то верили, что им отдадут то, чего им желалось. Эта непродуманность, поспешность вызвала озабоченность у некоторых членов группы, они потребовали более серьезного подхода к действиям, анализа, взвешивания — в общем, большей ответственности.

Описываемый индивид шестой выслушал их внимательно, но его темные глаза глядели мрачно. «Вот вы какие… Чего от вас ожидать?» — такой в них читался приговор.

Приговор воплотился в «несчастные случаи» с двумя из протестантов в течение двух последующих дней, и теперь он руководил группой тех, кто уже не рисковал считать его подход «непродуманным и поспешным».

Группой из девяти человек, из них три женщины.

Одна из женщин назначила себя в «его» пассии, но его тот подход не удовлетворил. Секс в группе он ввел групповой, в разных сочетаниях и комбинациях, буйный, изобретательный, с наркотиками, пиротехникой и оружием. С брусками гелигнита, к примеру. В результате в ходе очередной оргии четверо членов группы дезынтегрировались на составляющие. Он удовлетворился оставшимися, нового набора не производил.

Четверо ветеранов заметили его страсть к рекламной шумихе. Он настоял на «погребальной службе», прямо-таки напрашиваясь на внимание полиции, так и не разобравшейся в причинах бойни, провоцируя арест. Элегии и оды в честь

«павших в борьбе», поэмы, «социалистический реквием», символическая фигура героя на стене пустого пакгауза, в котором эта трагикомедия имела место быть…

Тогда в головах четверых забрезжила мысль о его сумасшествии.

Затеяли еще одно похищение. Непродуманность этой акции побила все рекорды, дышала презрением к обстоятельствам и ненормальностью лидера. Их задержали, последовал шумный процесс, общественность хором возмущалась презрением их к законам и порядку.

К этому времени почти все жители Северо-Западных Окраин рассматривали закон как весьма шаткое препятствие на пути всяческих правонарушителей. Все видели, что «цивилизация» с трудом поддерживается весьма хрупкими подпорками. Старшее поколение глядело на мир с неменьшим отвращением, чем эти молодые террористы, но с противоположным результатом. Они видели, что незначительный толчок, мелкий инцидент может сокрушить все громоздкое строение государственной машины… а тут еще эти молодые идиоты, готовые всем не только пожертвовать, но, больше того, преднамеренно все низвергнуть. Если индивиды, подобные описы-

ваемому «шестому», не способны были поверить своим глазам, то и глядящие на них двойники их родителей, в свою очередь, не верили своим.

На суде пятеро, стоявшие за мощной решеткой в наручниках, почувствовали себя на вершине блаженства.

«Вот вы какие… — презрительно бросали они миру. — Эти тяжкие оковы, эти решетки, ваши приговоры, осуждающие нас на всю жизнь… Вот вы какие! Полюбуйтесь на себя!»

На суде и в тюрьме они пели, ликовали — в общем, праздновали победу.

Прошло около года, и индивид шестой и еще два члена группы устроили побег. Затем разделились, и индивид шестой более не контактировал ни с бежавшими вместе с ним, ни с оставшимися в тюрьме. Пройденный этап. Закрыто и забыто.

Он разжирел, носил парик, внешне очень смахивал на скучного клерка. Вел себя вызывающе. Мог пристать с расспросами к полицейскому на улице, зайти в полицию, чтобы сообщить о каком-нибудь происшествии, к примеру, о краже велосипеда. Его задерживали за превышение скорости. Однажды он даже в суде появился. Все это приносило ему глубокое удовлетворение. «Вот вы какие… тупые кретины… А вот я какой!»

Вернулся в городок юности, устроился на службу мелким клерком, жил открыто, сменив, однако, имя и внешность. Его узнали, о нем говорили. Все это доставляло ему удовольствие.

Мать уже умерла, отец жил в доме престарелых. Услышав, что сын в городе, он принялся прочесывать улицы в надежде встретиться. Встретился. Индивид шестой, завидев родителя, дружески улыбнулся, небрежно помахал пухлой ручкой и прошествовал мимо.

Он понимал, что арест неизбежен, и предвкушал момент, когда он снова предстанет перед судом в цепях, за двойной решеткой, славный герой, страдалец, мученик за… Но полиция серобуднично, без всякой помпы направила его по прежнему месту заключения.

Лунатический энтузиазм угас, ничто более не поддерживало его, «зрак пророка» отказывался видеть что-либо в окутавшем его тумане непонимания этого мира — и индивид шестой покончил с собой.

ИНДИВИД СЕДЬМОЙ (ТЕРРОРИСТ ПЯТОГО ТИПА)

Дочь весьма богатых родителей, из семьи промышленного магната, производителя всемирно

известного бытового брэнда — никчемного продукта, не удовлетворяющего никаких потребностей, кроме великой экономической заповеди: «Да потребишь ты продукт сей!»

Брата своего она с раннего детства почти не видела, родители не считали, что им необходим контакт; учились дети, естественно, в разных школах, он в мужской, она в женской.

Она рано почувствовала себя несчастной, заброшенной, хотя причин этого не ощущала. Достигнув подросткового возраста, поняла, что в семье нет центра ответственности. Ни отец, ни мать, ни брат, коего судьба приготовила в наследники отцу — его единственная функция, — никоим образом не реагировали на внешние обстоятельства, оставались пассивными свидетелями событий, идей, мод, манер. Когда она это поняла, подивившись, как долго до нее доходило очевидное, то осознала, что ее образа мыслей и отношения к жизни в семье никто не разделяет. Никому до сих пор не приходило в голову, что существует возможность сказать «нет». Родня — не исключая и ее саму — показалась ей разорванной на клочки бумажонкой. Рассыпанными по тропе жизни клочками играл ветер времени.

Она не испытывали ненависти к членам семьи.

Не презирала их. Она определила их как нечто ненужное, неуместное, иррелевантное.

Три года обучалась в университете. Точнее, посещала университет, вела двойную жизнь: демократическая воздержанность в альма матер, роскошь и вседозволенность отпрысков «лучших семейств» вне стен ее.

Университетские курсы ее не интересовали. Главное — с кем она могла в этом тигле сплавиться. Она перепробовала множество политических кружков, групп, фракций — исключительно левого толка, использовала их лексикон, для всех универсальный, позволявший им преследовать одну и ту же цель и на пути к ней крушить друг друга. Все эти группировки объединяло убеждение, что господствующая система ни к черту не годится и ее следует заменить… не столь важно, какой, но главное, чтобы они ее, новую систему, возглавили. Ибо они совершенно иные, новые люди.

Группы эти, коих по Северо-Западным Окраинам — иные части света мы здесь не рассматриваем — развелось превеликое множество, произвольно обращались со своими программами, не обращая внимания на такую мелочь, как объективная реальность, данная им в ощущени-

ях. Собственное ое восприятие во время общения с этими господами утрачивало привычную домашнюю пассивность. (См. «Историю Шикасты», т. 3011, «Век Идеологий. Патология политических группировок».)

С тех пор, как господствующие религии потеряли свое влияние не только в Северо-Западных Окраинах, но и по всей Шикаете, молодое поколение повсеместно критически, с холодной неприязнью косилось на предков. Таков закономерный результат сползания культуры к варварству. Молодым людям внезапно открывалась «истина», они отрицали все вокруг и обращались к политической идеологии (аналогично группам протестантов в века религиозной тирании), видя решение в перековке системы в новую монету, с их чеканным профилем на лицевой стороне. Подобного рода политический кружок может возникнуть мгновенно, вдохновленный видением мироустройства, по мнению основателей совершенно небывалого; за неделю кружок этот обрастет философской бахромой, кодексом чести какого-либо фасона, списками врагов и союзников, личных и межгрупповых, национальных и международных. Закуклившись в кокон непогрешимости — априорно полагается, что каждая

группа борется за правое дело, остальные же выступают за неправое, менее правое или за правое, но идут пагубным для этого правого дела путем — эти молодые люди кучкуются таким образом недели, месяцы, иногда и годы. Если группа не разваливается, она размножается неполовым путем: делением. Так делятся клетки. Или от ствола отделяется новый побег. Или ветвится молния. Психологические и социологические исследования общества с каждым днем становятся все глубже и изощреннее, но задевать политические группировки исследователи остерегаются. Так же точно не поддается разумному обоснованию поведение религиозных групп в теологических деспотиях. Политика для анализа — табу. Однако беглого взгляда на историю вопроса достаточно, чтобы заметить это непременное деление. В отличие отделения амебы, деление политических группировок сопровождается обвинениями в предательстве, расколе и подобными паническими воплями. Раскольники клеймятся, изгоняются, по возможности истребляются физически — тоже по сценарию религиозной борьбы с ересями. Однако в этом дробном обществе со множеством идей, в течение длительного времени существующих бок о бок без столкновений, такие механизмы,

как парламенты, политические партии, группы, представляющие интересы меньшинств, могут оставаться и остаются вне внимания исследователей, усердно шныряющих вокруг да около и получающих признание и призы за работу, которая, будучи верно направленной, могла бы полностью разрушить эту структуру.

Индивид номер семь оставила университет, не узнав там ничего, с ее точки зрения, путного. Семья ожидала, что она выйдет замуж за кого-либо вроде ее отца или брата или же возьмется за какую-нибудь работу, пришедшуюся ей по вкусу. Ей же казалось, что она ничто и ей не предстоит ничего интересного.

В то время весьма популярными стали «демонстрации». Народ охотно вываливал на улицы, чтобы покричать о чем — нибудь злободневном. В университете и она принимала участие в демонстрациях и теперь, вспоминая об этом, вдруг решила, что там, вопя и распевая с толпой, ощущала себя более живой и чувствующей, чем в иные периоды своей жизни.

Она возобновила эту практику, ускользая из дому, чтобы получить эмоциональную встряску и подзарядку. По какому поводу устраивалась демонстрация, за что или против чего, ее не ин-

тересовало. Случайно она оказалась впереди, в гуще схватки с полицией. Молодой полицейский сграбастал ее, швырнул другому, сопроводив полет демонстрантки нецензурным эпитетом. Его напарник схватил ее в охапку и запустил обратно. Она визжала и барахталась, и вдруг кто-то выхватил ее из-под носа у полицейских. Она оказалась один на один с молодым человеком, о котором уже слышала, что он «какой-то вождь».

И действительно, вождь. Один из типичных тогдашних вождей-недоучек, узколобый безъюморной догматик, фанатик, подмявший под себя кучку безвольных овец, нуждающихся в пастухе и регулярном доении. Она с замиранием сердца воззрилась на него и тем же вечером, прежде чем вернуться домой, под него улеглась. Он до нее снизошел.

Он снисходил до нее еще не раз, узнав, что она наследница одного из богатейших семейств не только в городе, но и во всех Северо-Западных Окраинах. Она же решилась сделаться «его женщиной», его пассией. Он этим охотно пользовался, «воспитывал» ее по-своему, заставлял демонстрировать преданность «делу», вовлекал ее в небезопасную активность. Не такого рода, как вылазки террористов типов 12 или 3. Он дер-

жал ее рядом с собой на демонстрациях, впереди колонны, требовал, чтобы она бросалась на полицейских, орала и визжала громче, чем другие девицы, билась и извивалась в лапах полицейских, для которых эта забава оказалась неплохим развлечением. Фактически он требовал от нее добровольной деградации.

Ей это нравилось. Столкновения с полицией становились все чаще. Ее задерживали, доставляли в участок. Все это не укрылось от родителей, но, посовещавшись со знакомыми, они утешились: мол, «молодежь есть молодежь», «пусть перебесится» и все в таком роде. Она взбесилась: ее не принимают всерьез! А вот ее любовник — тот принимал ее всерьез. И полиция тоже. Арест, несколько дней за решеткой, еще раз, еще… Родители вносили за нее залог, она оставляла за решеткой своего друга и товарищей по борьбе, отправлялась домой на заднем сиденье одного из семейных лимузинов, мрачно сверля взглядом затылок шофера.

Она сменила имя, оставила дом, чтобы жить со своим другом. То есть с группой, куда входило более десятка молодых людей. Она охотно поселилась в грязной развалюхе, предназначенной к сносу. Она наслаждались грязью и нищетой об-

становки, убирала, готовила, обслуживала своего любовника и его друзей. Учитывая ее происхождение, они испытывали от этого определенное удовольствие, но главное, считала она, здесь принимают ее всерьез!

Родители нашли дочь, навестили, но она прогнала их. Они настояли на открытии для нее банковского счета, посылали нарочных с деньгами, вещами, пищей. Обеспечивали так же, как и всю жизнь — *материально.*

Ее любовник сидел верхом на жестком стуле, положив подбородок на скрещенные руки, насмешливо следил за ее реакцией.

Она понимала, что родителям ничего не стоили эти передачи, что их не оскорбит, если она все это вернет. Она отдавала полученное на благо «общего дела», вносила деньги и вещи в общий котел.

На любовника это особенного впечатления не произвело. Хорошее питание, комфорт — он, казалось, презирал все это, хотя пользоваться и не отказывался. Он и его дружки перемывали ей косточки, обсуждали ее дилемму с классовой, конкретно-экономической, психологической точки зрения, жонглируя и перебрасываясь тирадами левацкого жаргона. Она слушала, находила себя недостойной, но принимаемой всерьез.

Он потребовал, чтобы на следующей демонстрации она всерьез напала на полицейского. Она без колебаний это сделала, получила срок в три месяца. Он посетил ее лишь однажды. Других навещал чаще. Почему? — кротко спросила она. Не все они неимущие. Есть даже и из богатых, и образованные. Но она не просто богата, она очень, очень богата. Да, должно быть, дело в этом. Они все достойнее, чем она. В тюрьме народу много, большинство не политические. Она излучает кроткую улыбку, прокламирующую кротость и елейное смирение. Берется за то, чего не желает выполнять никто другой. Грязная работа и наказания для нее манна небесная. Заключенные презрительно кличут ее блаженной, но она воспринимает это как похвалу. «Я стараюсь стать достойным членом…» — далее следовало пышное название ее организации. «Чтобы стать настоящим социалистом, нужно стремиться и страдать».

Когда она вышла из тюрьмы, оказалось, что ее любовник завел себе другую. Она приняла и это. Конечно, ведь она недостойна. Она им прислуживала. Она сжималась калачиком на полу у порога комнаты, в которой скрипели пружинами ее милый и его новая избранница, сравнивала

себя с собакой, упиваясь своим унижением и в то же время бормоча на манер молитвы: «Я преодолею… справлюсь… они увидят…» и тому подобное.

На следующую демонстрацию она прихватила кухонный нож, не проверив даже, наточен ли он. В качестве жеста. Она ожесточенно размахивала кулаками, грязноволосая белокурая Валькирия с искаженной физиономией. В семье всегда отмечали ее «чарующую нежную улыбку». Она молотила здоровенного полисмена кулаками, потом выхватила тупой нож, замахнулась… Но ее не задержали. Зато похватали остальных. Несоответствие цели демонстрации и облика, поведения этой фурии озадачили полицейских. Старший полицейский чин указал на нее подбородком и велел «эту дуру не брать». Она в экстазе рычала и махала ножом и вдруг заметила, что демонстрации конец, ее товарищей расфасовывают по фургонам, участники и зеваки отправляются домой, к диванам и телевизорам, а она со своим куском железа — как будто домохозяйка, на минуту вышедшая из кухни… Она почувствовала себя ребенком, изгнанным из-за праздничного стола.

За ней, однако, наблюдали. И не только в тот день, а и во время предыдущей демонстрации.

Героическая домохозяйка, размазывавшая слезы разочарования по грязной круглой физиономии, вдруг заметила перед собой мужчину, ожидающего, пока на него обратят внимание. Улыбка этого человека показалась ей доброй. Глаза, как водится, строгие и проницательные. Он прекрасно понял, в каком обличье «явиться».

— Приглашаю вас пройтись со мной, — изрек этот господин.

— Это зачем еще? — огрызнулась она воинственным тоном, в котором, впрочем, уже явно звучало: «Слушаюсь!»

— Из вас может выйти толк.

Она сдержалась, уже рванувшись к нему.

— Какой… толк?

— Вы можете послужить делу социализма.

По лицу ее мельком скользнула тень сомнения: «Так просто меня не возьмешь!». Но трескучая фраза из знакомого словаря сработала безукоризненно.

— Ваши личные качества и способности как раз то, что нам нужно, — добавил незнакомец.

Она уже шагала за ним.

Базой этой группы оказалась большая ободранная квартира на окраине, в рабочем квартале, одно из убежищ двенадцати молодых женщин и

мужчин. Для прежних ее друзей бедность была непременной частью декора, всячески выпячивалась и подчеркивалась в качестве необходимого атрибута борцов за дело уничтожения богачей. Для этих бедность обстановки оказалась случайным фактором, им на обстановку было наплевать. Заметая следы, они могли мгновенно переметнуться в одну из других квартир, как богатую, так и обычную среднего класса. Новобранка сразу вписалась в обстановку. Еще недавно она лежала, словно верная собака, под дверью изменившего ей любовника, но теперь прежние друзья забыты. Они не ценили ее. Что от нее потребуется, ей пока не сообщили, но она кротко помалкивала, терпеливо ожидая и выполняя все, о чем ее просили.

Новые друзья готовили какую-то операцию, но ее в курс дела не вводили. Скоро ее перевезли на другую квартиру, для нее новую, попросили раздеть и обыскать захваченную молодую женщину. Она не знала, что ее проверяют, что женщина это «своя». Перед процедурой ей сказали, что девица эта «еще та» и что с нею не надо церемониться.

Оставшись наедине с жертвой, казавшейся ошеломленной и деморализованной, она почувствовала эмоциональный подъем, возбуждение, как будто перед демонстрацией, перед схваткой

с полицией, ощутила атмосферу опасности. Она обыскала пленницу, как ей было велено. Жертва вела себя, словно тупая загнанная курица, так и хотелось причинить ей боль, но она сдержалась.

Ее похвалили за проделанную работу, за услугу, оказанную группе серьезных, ответственных молодых революционеров, как они себя аттестовали. Об их убеждениях, принципах она еще, однако, ни слова не слышала. Собственно говоря, ей так и не довелось этого узнать.

Она все время сидела в четырех стенах, выходить ей запретили, мотивируя запрет тем, что она слишком ценный кадр. При переездах ей завязывали глаза, и она не возражала: так надо.

Группа усовершенствовала процедуру похищения. Теперь вместе с объектом захватывались и «попутные» жертвы: жена, любовница, дочь, сестра… Всегда женщины. Ей поручили пытать этих женщин. Сначала слегка, потом все с большими ухищрениями. Одну, другую, третью…

Она не отказывалась. Она приняла это как должное. Редкие сомнения она решительно подавляла: они лучше знают, что делают, они опытнее; значит, так надо.

Сомнения улетучивались также при звуке знакомых фраз, затверженных с той поры, когда она,

по ее мнению, стала политически зрелой.

Ощущая неописуемый восторг по поводу свершенных либо предстоящих деяний, она порой задумывалась, не накачивают ли ее новые друзья наркотиками. Уж слишком бодрой, веселой, энергичной чувствовала она себя.

Через три года группу схватили. Девушка покончила с собой, когда увидела, что ареста не избежать. Она действовала в рамках указания оставаться невидимой, не выходить, не проявлять себя, не знать места своего пребывания. Она понимала, что не выдержит пытки — мысленно она пребывала в мире, где пытка не просто возможна, но и неизбежна — и выдаст «друзей». Самоубийство свое, таким образом, она считала геройским актом самопожертвования, шагом к социализму — светлому будущему всего человечества.

Примечание: следует отметить, что ни один из описанных здесь индивидов не встречался с проявлениями в его адрес какого-либо рода несправедливости, произвола, вроде, скажем, высылки из страны, дискриминации по расовому признаку, содержанию в нищете вследствие чьей-либо жестокости либо небрежности и т. д.

Войти в контакт со следующим индивидом че-

рез гигантов или еще кого-нибудь вроде них мне не удалось. В поисках кого-нибудь подходящего в ходе моих постоянных метаний на Шикасту и обратно я встретил свою старую знакомую Рани. Она поджидала на границе Зоны 6 благоприятного для возвращения сочетания силовых линий. Я сообщил ей, что в скором времени нам с нею следует встретиться, объяснил почему. Я потерял ее в путанице очередей, заметив также, что они реже и короче обычных. До меня доходили слухи о возможной катастрофе, об опасности. Все, кто это поняли, отбыли, чтобы помочь народу спастись. Оставшиеся в очередях души слишком сильно цеплялись за свою надежду на возвращение, скапливались при каждом открытии ворот, толкались, не сводя с них глаз, и я не мог от них ничего добиться.

Я прошел мимо них, углубился в кусты и тощие травы плато, один. Наступил вечер. Меня охватило беспокойство, причиной которого, как я сначала полагал, были слухи об опасности, но вскоре ощущение опасности настолько усилилось, что я покинул кустарник и поднялся на невысокий гребень, двигаясь со скалы на скалу, во тьму. Спиной я оперся о скалу, лицо обратил в сторону ожидаемой зари. Тишь — но не пол-

ная тишь. Едва слышный шепот доносился до слуха моего, как будто море шептало… море там, где его нет и быть не может. Звезды роились все гуще, светили все ярче, в их свете мерцали отблески от скальных кристаллов, темнели тени кустов. Откуда звук? Такой незнакомый, но несущий опасность, об опасности предупреждающий. Я затаился, осторожно поворачивая голову, прислушиваясь, вглядываясь, подобно насторожившемуся животному, почуявшему непонятную угрозу. Свет возник в небе, и звезды угасли, а звук не угас, усилился. Я спустился с гребня, направился к краю пустыни, откуда доносилось сухое свистящее шипенье. Но где ветер, который пересыпает песок? Нет ветра. Все тихо, свежесть росы поднимается от ног моих. Я замедлил шаг, ибо все вокруг дышит опасностью. В воздухе опасность, я вдыхаю и выдыхаю ее. Медленнее, медленнее, сдерживаю шаг, держусь низкого гребня, у которого укрывался предыдущей ночью. Гребень убегает вдаль, к черным зазубринам горных пиков, мрачных, угрожающих в прохладной серой заре. Шуршащий голос песков крепнет.

Невдалеке от меня взметаются в воздух песчаные чертенята — и сразу прячутся в песок. Но

ни ветерка. Нижние тучи темны и бездвижны, верх облачного покрова тронут зарей. И в небе движения нет. Молчит ландшафт, молчит небо, а звук сочится отовсюду. Вдруг прямо передо мной в воздухе появилось песчаное пятно, а вблизи песок как будто начал вибрировать. Я вернулся на гребень, повернулся, глядя на то место, которое покинул. Сначала — ничего, затем почти на том месте, где я стоял, песок задрожал и снова замер. Нет, мне щ почудилось. Тут и там слева от гребня появились в воздухе размывы песчаной взвеси. Вправо от гребня я еще не глядел, неотрывно смотрел туда, откуда вернулся, как будто ожидая, что оттуда бросится на меня какой-то зверь. Бессмысленно, конечно, но я не мог оторвать взгляда от того места. Снова движение… И снова все замерло. Как будто громадная невидимая палка ткнулась в то место. Уши заполнил слабый свист. Снова невидимая палка ткнулась в песок, взвился мелкий смерч, замер и опал. Краем глаза я заметил движение в полумиле, но основное внимание привлекало — теперь я понял, на что смотрю — рождение песчаного смерча возле меня. Песчаный джинн поднимался медленно, с задержками, формировался, и вокруг него песок приходил в движение и замирал, как будто

разбегались песчаные волны. Затем вращение песка в смерче стабилизировалось, песчинки засверкали — значит, взошло солнце. Я бросил взгляд на небо — солнце обильно поливало песок чем-то красным.

Сформировавшийся смерч рос, вбирая в себя все больше песка. Вокруг него процесс повторялся: возникали все новые песчаные вихри, а над ними в небе зависали мелкие неподвижные облачка. Вся плоскость пустыни слева от гребня пришла в движение. Я заставил себя оторваться от этого песчаного кошмара и глянул вправо. Здесь то-же пустыня, та же пустыня, но никакого в ней движения. Лишь красный свет льется сверху. Но вот проскользнул мимо песчаный лис, желтый на желтом фоне. За ним второй исчез в скалах. Животных все больше, они бегут, спасаются от чего-то опасного, но за ними я ничего не вижу, хотя по другую сторону от гребня вся пустыня между смерчами трясется. Небо быстро стряхивало с себя красноту, покрывалось дымкой.

Поняв, что происходит и что произойдет далее, я заторопился вперед по гребню, который, как я надеялся, не поддастся пескам.

Беженцев, спасшихся от песчаных смерчей, я на скалах не обнаружил, но полагал, что их

следовало бы искать в горах, возвышавшихся на достаточном от меня расстоянии. Затем увидел пятерых: женщину, мужчину и двух подростков, ошеломленных происходящим, одуревших от страха и меня не заметивших. Их сопровождала еще одна особа, лицо которой я видел в разделительных линиях. Я задержал ее, поинтересовавшись, что случилось.

— Скорее, скорее, — бросила она вместо ответа, но не мне, а тем четверым, которых сопровождала.

Они замерли, завороженно уставившись на взвившийся песок. Ей пришлось подтолкнуть подопечных, и те, спотыкаясь, устремились к горам.

— Там еще есть народ, — сообщила мне сопровождающая напоследок.

Я неуклюже побежал вперед, падая и поднимаясь, постоянно натыкаясь на мелкие группки, всегда сопровождаемые кем-то от линий. Спасенные тряслись от страха, то и дело косились на страшные пески, их все время приходилось подгонять.

Когда я добрался наконец до горных пиков, выраставших прямо из песка, спокойствия справа от гребня как не бывало. И там песок волновался,

предвещая близкий конец гребня. Конечно же, песок погребет его под собой. Животные неслись по поверхности, без паники, целеустремленно, не оглядываясь, сознавая цель. Над ними пролетали стаи птиц. Животные устремлялись к тому плато, с которого я спустился. Но с определенной точки на этой песчаной равнине движения животных не наблюдалось. Я видел последних беженцев, и за ними бесконечные пески. Вдоль всего горизонта тучи песка вздымались высоко в синий кобальт утреннего неба.

Что же мне теперь делать? Беженцев уже некоторое время не видно. Может, все уже спасены, никого там и не осталось? Я направился вперед и вверх в правую сторону, дошел до скопления выросших на свежей скальной россыпи молодых хрупких кустов. Оттуда открывался вид на незатронутую ранее часть долины, где тоже началось движение песка. В тот же момент я увидел внизу скопление валунов, на которых заметил две фигуры. Они стояли, отвернувшись от меня, глядя в долину. Кажется, я их узнал. Я побежал к ним, понимая, что оба парализованы пережитым потрясением до такого состояния, что могут только смотреть на происходящее, широко открыв глаза и все понимая, но не в состоянии

двигаться. Одновременно в голове билась мысль, что я успею до них добежать, но вряд ли успею их вывести, даже если смогу заставить их двигаться. И третья мысль, что это мои старые друзья Бен и Рила, вместе и, как видно, уцелевшие, хотя и заброшенные небо ведает куда.

Спустившись к пескам, я почувствовал под ногами их движение. Я спотыкался, шатался, пытаясь докричаться до своих друзей, но они не слышали, либо не в состоянии были реагировать. Когда я добрался до их валунов, рядом возник смерч. Я вскочил к ним на камни.

— Рила, Бен!

Оба дрожали, не глядя на меня, не отрывая взглядов от ожившей пустыни. Наконец повернули ко мне головы, но узнать меня не смогли. Я тряс их, но они, хотя и не сопротивлялись, как будто ничего не чувствовали. Я бил их по щекам, орал в уши, и в глазах их, кажется, появилась тень возмущения, замешанного на непонимании: зачем он это делает?

Я остановился прямо перед ними.

— Я Джохор! Ваш друг Джохор!

Бен, казалось, очнулся, но тут же вытянул шею, чтобы заглянуть за меня, мимо меня, вернуться к созерцанию пустыни. Рила, казалось, так меня

и не видела. Я выхватил Сигнатуру, поднял к их лицам. Глаза их тут же переметнулись к Сигнатуре. Я шагнул вниз, и они последовали за мной. Да, они двинулись за мной, но как лунатики. Маня их за собой Сигнатурой и пятясь, я спустился на шипевший и дрожавший песок.

— За мной! — Я сверкнул Сигнатурой и повел их, сначала продолжая пятиться, затем полуобернувшись вперед, чтобы не врезаться во внезапно возникший смерч.

Они шатались, спотыкались; казалось, кто-то тянет их за шеи, заставляя обернуться к пустыне, но я усиливал тягу Сигнатуры и тащил их за собой. Наконец мы добрались до горной твердыни. Они мгновенно обнялись и повернулись к пустыне. И я смотрел с ними вместе, и на меня она повлияла, загипнотизировала своей ужасающей силой. Там, где мы только что ковыляли, переливалось золото песков. Мы приросли к месту, а в долине смерчи срастались друг с другом, сливались воедино, и скоро вся гладь пустыни превратилась в одну невообразимую центрифугу, центр которой удалялся от нас, а скорость засасывающего песчаного вихря возрастала. Я не мог оторвать глаз от этого зрелища, разум мой уже всосался в грандиозный песковорот. Но тут с

неба спикировал на меня черный орел, захлопал передо мною крыльями, завопил:

— Во-о-о-о-он! В-во-о-о-о-он-н-н-н-н!

Я пришел в себя, однако от неожиданности уронил Сигнатуру, полез за нею, ориентируясь на сверкание ее между камнями, подобрал, снова замахал ею перед носами окаменевших спутников. Спаситель наш, орел, описывал над нами круги, следя, не понадобится ли новое вмешательство. Определив опытным взором, что все в порядке, он неторопливо направился на восток, туда, где уровень поверхности повышался, где песок уступил место валунам, кустарниковым пустошам. Бен и Рила безвольно потрусили передо мной, как овцы, погоняемые пастухом. Заговаривать с ними я не пытался, но гадал, что же теперь делать, ибо двигались мы в сторону, противоположную границе Зоны 6 и Шикасты, куда нам всем следовало направляться. Но я должен был следовать за орлом, и я следовал за ним. Уж если он смог вырвать меня из оцепенения, то ему следует доверять.

Час за часом мы продвигались вперед, пока орел не закричал снова, привлекая мое внимание. Он сделал над нами круг и свернул влево. Свернули и мы. В новом направлении мы шагали до вече-

ра. Я ориентировался только по птице с черным опереньем, ибо местности не знал. Рила и Бен начали наконец обмениваться замороженными полуфразами и случайными словами. К сумеркам мы добрались до укрытия, я усадил спутников рядышком, и они вскоре мирно заснули. Я же забрался повыше и осмотрелся. Там, откуда мы пришли, весь горизонт занимала песчаная стена, упершаяся в небо, бесследно схоронившая скалистый гребень. Земля вибрировала под ногами, а рык песчаной бури доносился до меня, леденил сердце. Вернувшись к друзьям, я пристроился рядом, а утром орел разбудил нас приветственным воплем. Времени на раздумье он нам не дал, тут же погнал дальше. Весь день мы следовали за ним по высокогорью, окружавшему песчаные долины, то есть двигались кружным путем. И на всем пути слышали рык бушующей пустыни. Вечером я понял, куда мы добрались, и подумал, что опаздываю с выполнением своих заданий на Шикаете. И что необходимо срочно наверстывать упущенное. Но оставить Рилу и Бена без присмотра… Нет, они пока еще не оправились. Головы их то и дело непроизвольно поворачиваются в сторону рыка пустыни, чего доброго, еще повернут назад. Сигнатуру им не доверишь, ненадежны.

Я и сам-то ее уронил. Призвав на помощь орла, я объяснил ему, кружащему над головой, свою просьбу, препоручил обоих своих подопечных его заботам. Еще раз поднес я к их глазам Сигнатуру, заклиная слушаться орла, служителя Сигнатуры, держаться друг друга, и заверил, что они непременно доберутся до границы Шикасты. Выполнив эти действия, я быстро зашагал прочь. Обернувшись через некоторое время, я увидел, что оба послушно следуют за кружащим перед ними орлом, практически не сводя с глаз с черной птицы.

Недалеко от границы я нашел Рани со спасенной ею группой. Я попросил разрешения отправиться с нею, чтобы выйти на контакт, и она согласилась. Ее подопечные вели себя не лучше Рилы с Беном, но постепенно оправлялись. Она все время втолковывала им правила поведения, советовала, успокаивала — в общем, воздействовала на них даже не столько содержанием сказанного, сколько звуками своего материнского голоса.

ИНДИВИД ВОСЬМОЙ

Как характер, так и ситуация для Шикасты типичны, встречаются снова и снова с тех пор,

как выявилось неравенство в положении и перспективах. Женщины попадали в зависимое положение в период родов и вскармливания и вследствие этого порабощались, превращались в прислугу. Факты очевидны, повторяю их лишь потому, что они, как и многое очевидное, легко забываются.

Благородные слова…

Благородные условия…

Благородство поведения…

На Шикаете раса господ может с переменой условий превратиться в расу покоренную. Раса рабов в связи с изменением ситуации за несколько десятилетий может поменяться местами со своими хозяевами. Точно так же менялась и роль женщины, и если народ, страна, раса попадает в кабалу, то женщины этой расы попадают в двойную кабалу, используются в домах господ.

Такая женщина, часто в ущерб интересам своих собственных детей, которых она вынуждена покинуть, служит подспорьем, оказывает поддержку, доставляет пропитание своей семье, в течение всей жизни служа семье чужой. То есть в течение всей *рабочей* жизни. Ибо в старости ее могут выставить на улицу с тем, с чем она в семье хозяев и появилась. Но она же может оказаться и

средством, предохраняющим семью от распада.

Персонаж чуть ли не презираемый, во всяком случае, второстепенный, служанка — но она способна представлять собой центр семьи, поддерживать в ней равновесие. Снова и снова встречается подобная ситуация, в разные времена, в разных культурах.

Такого рода история приключилась и на крайнем западном острове у берегов Северо-Западных Окраин. В течение столетий остров этот отличался отсталостью, бедностью, эксплуатировался более сильными соседями.

Семейство, весьма гордое своею «кровью», но почти безденежное, наняло в служанки пятнадцатилетнюю деревенскую девушку. Вследствие сложной экономической ситуации браки на острове всегда оставались весьма сложной темой, но эта девушка не вышла замуж хотя бы потому, что никогда всерьез и не рассматривала возможность замужества. Слишком близко к сердцу принимала она проблемы семьи, которой служила. Она убирала в доме — в немалом доме, — готовила, присматривала за всеми рождающимися в семье детьми. Работала от зари до зари за плату весьма низкую, но не жаловалась, ибо знала, что ее хозяева едва сводят концы с концами, а также потому

что привыкла обходиться малым. Да и к тому же она любила их. Могла, например, потратить месячное жалованье на платьице для любимой малышки.

Несколько раз муж и жена ссорились, расходились, и на нее сваливались дополнительные хлопоты. Она поддерживала хозяйство, пока семья не восстанавливалась.

Пятеро детей выросли, она состарилась. Дети оставили остров, разъехались по дальним странам. Постаревшие родители остались одни в разваливающемся доме. Решились на эмиграцию. Однажды вечером они сообщили служанке, что в ее услугах более не нуждаются.

И отбыли в дальние края, предоставив ей напоследок возможность в последний раз прибраться в доме, предназначенном для продажи. Она вернулась в деревню, где у нее осталась единственная родственница, овдовевшая сестра, поворчавшая, но все же предоставившая ей кров. Служанка осталась ни с чем. Все ее имущество составляли хозяйкины обноски.

Она не сразу осознала, что с ней произошло. Она никогда не считала, что ее эксплуатируют, что с ней недостойно обращаются. Ведь она любила этих людей, всех вместе и по отдельности,

жила их жизнью. Они ее не любили, но все же она полагала, что они сжились с нею. Она не слепая, видела их недостатки, бездумное легкомыслие, но в то же время восхищалась ими. Поцелуй малышки, улыбка хозяйки, время от времени восклицание типа «Ах, что бы я без вас делала!» — чего еще желать?

Постепенно она пала духом, часто плакала «ни с того, ни с сего».

Сестра не уставала возмущаться ее хозяевами. Молодая односельчанка с журналистскими амбициями написала статью, опубликовала ее в местной газете. Крупная газета с соседнего острова статью перепечатала.

Старая служанка расстроилась еще больше. Она боялась, что бывшие хозяева сочтут ее неблагодарной.

И действительно, она получила письмо от престарелых родителей, полное упреков. Они проживали теперь на солнечном острове, где экономическая ситуация позволяла нанимать прислугу без ограничений. О возникших трениях прослышали соседи. Начинающая журналистка, опасаясь за свою карьеру, обратилась к адвокату. Сестра, узнав об этом, пошла по ее стопам. Остров этот своим сутяжничеством славен, как и все

области, долго прозябавшие в бедности.

Служанка вдруг оказалась втянутой в дрязги и разбирательства, стала центром нежелательного внимания. Она написала обиженным престарелым родителям бессвязное письмо, оправдываясь, упирая на то, что она ничего не знала: «Они мне ничего не сказали».

Итак, они обращались к адвокату. Этим адвокатом следовало оказаться Тофику! Должным образом освещенный, случай этот вскрыл бы множество аспектов эксплуатации. Можно было бы, в частности, подчеркнуть типичность такого случая, когда женщина работает в семье на протяжении многих лет, а затем оказывается за воротами, характерность ситуации не только для этого острова.

Случай стараниями сторон дошел-таки до судебного разбирательства, но наблюдатели отметили его безвкусный, мелочный, сквалыжный характер, размытость и сфокусированность на вопросах частного свойства.

В сферу моей ответственности входит лишь сама служанка, старая подруга, хотя она об этом, разумеется, не имеет представления. И две сестры, ее бывшие воспитанницы, огорченные случившимся. Они сохранили о старой служанке

самые теплые воспоминания, а статья в газете и эмоциональные письма родителей освежили воспоминания. Обе оказались открытыми для положительного воздействия, чем я и воспользовался, соответственно устроив их будущее.

Служанка же весьма расстроилась из-за всей этой суматохи, мучилась угрызениями совести. Жизнь ее с сестрой не заладилась. Вскоре она умерла.

В Зоне 6 я поручил ее заботам Рани, ибо эта женщина уже запланирована к возвращению на Шикасту для новой попытки.

Занимаясь всем этим, я все чаще задумываюсь о проблемах адекватного освещения событий. Инструктируя добровольцев, готовых заниматься пребывающей в последней фазе Шикастой, я всячески подчеркивал неизбежность несоответствия воображаемой ими картины, их ожиданий тому, что они встретят в реальности. Факты гораздо легче зарегистрировать, чем атмосферу, настрой, тональность происходящего. Понимаю, что записки мои могут попасть в руки тех, для кого обстановка Шикасты внове. Поэтому я предусмотрел кое-какой дополнительный материал пояснительного характера.

ЗАРИСОВКИ К ОБСТАНОВКЕ НА ШИКАСТЕ

(По возвращении с Шикасты Джохор предложил архивам в дополнение к отчетам свои зарисовки и пояснения. Он полагал, что, как отмечено выше, интересующимся этой злосчастной планетой принесут пользу иллюстрации эксцессов поведения, обусловленных пониженной концентрацией ВС. Эмиссар Джохор с излишней скромностью называл свои материалы сырыми, отмечал недоработанность этих заметок Вообще-то он в основном писал их для себя, чтобы ничего не забыть и систематизировать наблюдения, хотя с самого начала и допускал мысль, что они могут пригодиться другим.

Со своей стороны отметим — с дозволения эмиссара Джохора, — что автор во время составления данных документов пребывал под влиянием Шикасты, что неизбежно ведет к некоторой эмоциональности. — Примечание архивариуса.)

Самый западный остров Северо-Западных Окраин, уже упомянутый в случае индивида Восьмого, на протяжении веков страдал от набегов, оккупации, вторжений и заселений, терпел притеснения от многочисленных агрессоров, от разных народов. Разруха довела народ до голода,

до угрозы вымирания, и миллионы граждан покинули страну в поисках лучшей доли за морями. И вот вырос в этой стране некий молодой человек, без работы, без имущества и без каких-либо талантов. Было у него лишь одно достоинство. Вырос он в городской трущобе, но дед его не покинул земли и снабжал семью молоком и картофелем, так что силой, массой и габаритами этот юнец отличался чрезвычайными. Еще одной выдающейся чертою блистал он: глуп был необычайно. Настолько, что не хватило у него ума эмигрировать и начать новую жизнь. Крепкое телосложение молодого человека соблазнило рекрутеров последнего оккупанта, его забрали в армию, выдали красивую форму, обеспечили регулярным питанием, показали мир. Армия эта, как и все армии Северо-Западных Окраин, отличалась стратифицированностью, то есть расслоенностью, офицеры ее, преисполненные классового и кастового самосознания, почитали нижних чинов не выше домашних животных. В течение двадцати лет армейская служба бросала нашего героя из одного конца обширной, тогда еще могучей, но уже проявляющей признаки распада империи, в другой ее конец. Предназначение этой жертвы заключалось в притеснении

и подавлении множества других жертв. От дальней восточной оконечности Основного Материка до северной части Первого Южного Континента этот бедолага в составе оккупационной армии нависал своею массой над народами, принадлежащими к цивилизациям и культурам, более древним, более сложным, более терпимым, обычно и более гуманным, чем представляемая им. Он с утра до ночи пребывал в полупьяном состоянии. К возлияниям пристрастился еще в детстве, чтобы заглушить мерзость окружающей обстановки. На красной, обычно потной его физиономии деревянно застыли глаза, не отражающие никакого движения мысли. Когда-то давно он пытался шевелить мозгами, но жизнь всегда наказывала его за эти крамольные попытки. Иногда какой-нибудь офицер писал под его диктовку письмо домашним, и в этом письме всегда содержалась фраза: «Здесь только выставь ногу, и черные сразу бросаются чистить тебе сапог».

Он патрулировал улицы далеких городов, шагал по ним с напарником, таким же гигантом, среди мелкого, иной раз вдвое меньших габаритов, местного населения, в алой форме со множеством шнуров, галунов и медалей, с глуповатой улыбкой на багровой физиономии,

орал на нарушителей, всем видом своим выражая презрение. Этот невежественный, грубый, жестокий варвар стал символом империи, запечатлелся в миллионах умов, вызывая в них страх и ненависть.

Климат заморских территорий и неумеренная склонность к крепким напиткам вызвали у него удар еще в зрелом возрасте. Его послали на родину, где нищета оказалась еще разительнее, чем когда он свой остров оставил, где зрели бунты, революции, гражданская война. Он решил поселиться в стране завоевателей своей родины, устроился грузчиком на мясном рынке. Женился на деревенской женщине, работавшей нянькой. Восемнадцать часов в день, шесть с половиной дней в неделю за кров и пищу да жалкие гроши. Избежать такой жалкой судьбы можно было лишь с помощью замужества, и она без колебаний вышла за гиганта в красном мундире, чуть ли не на два фута выше нее ростом.

Его крохотная пенсия спасала от крайней бедности, хотя и пропивал он немало.

Из семи детей выжили четверо.

Жена и дети ждали вечером в жалкой квартирке появления отца семейства, надеясь, что он в этот раз не напьется, не будет орать и угрожать.

Отбуянившись, глава семьи засыпал, семейство оправлялось от испуга и тоже отправлялось по постелям. Иногда он появлялся в благосклонном расположении духа, усаживался за стол, отдувался, обширная физиономия расплывалась в улыбке, и он авторитетно изрекал:

— Там, за морем, только ногу выставь, сразу набегут черные сапог вылизывать. — Или: — Нам только показаться стоило, и эта черная срань сразу разбегалась.

Он умер в больнице для бедных. Сидел, со всех сторон обложенный подушками, багровея апоплексической физиономией, сияя приколотыми к больничной пижаме медалями и маленькими глазками, затерянными в жирных складках. Последнее, что от него услышали:

— …Только покажись… и эта черная… срань…

ЗАРИСОВКИ К ОБСТАНОВКЕ НА ШИКАСТЕ

Этот инцидент имел место в южной части Первого Южного Континента. Типичная история, повторявшаяся тысячи раз с разными вариациями в течение периода, когда Северо — Западные Окраины использовали передовую технологию для завоевания территорий в разных частях Шикасты с целями присвоения, грабежа, выво-

за материалов, рабочей силы, использования природных ресурсов на месте. Эта конкретная географическая область отличалась сухим здоровым климатом, обильно снабжалась пресной водой; здесь шумели леса, населенные множеством животных и весьма скромным количеством туземцев. Почва, как выяснилось позже, также оказалась благодатной. Туземцы отличались добронравием, миролюбием, любили посмеяться, много знали и умели. Все обитатели Первого Южного Континента на редкость музыкальны, любят петь и танцевать, делают из местных подручных материалов своеобразные музыкальные инструменты. Они существовали в добром согласии с природой, брали от нее не больше, чем могли отдать. Их «религия» выражала единение с землей, на которой они обитали, а медицина представляла собой продолжение религии. Их мудрецы, шаманы и знахари умели лечить болезни духа. Но это завидное равновесие нарушили вторгшиеся на континент работорговцы. Долгое время они вывозили живой товар за моря, но потом почему-то перестали появляться, и снова наступил мир, прерываемый лишь внутренними раздорами.

Эти люди слышали от южных соседей о белом

народе, превращавшем черных людей в рабов, отбиравшем у них землю. Знали они и то, что белый народ ведет себя по-разному, сразу и не угадаешь, чего от него ждать. Их провидцы и шаманы предрекали появление белых, связанное с этим кровопролитие, борьбу за выживание. Но не в характере черных людей беспокоиться о будущем.

Однажды на их территории и вправду появились белые люди, много белых людей, сидевших на спинах странных животных и в повозках, тоже напоминавших животных с большими круглыми лапами. Черные люди поначалу онемели от изумления, увидев белый народ. Чуть меньше дивились лошадям. Кто-то покатился со смеху. За ним грохнули остальные. Все было у этого странного народа не как у людей. Кожей они точные пришельцы из мира мертвых, очень нездоровый вид, очень. А сколько на них всего намотано! Сами туземцы одежды практически не знали, благоприятные природные условия упразднили в ней необходимость. А на этих — сплошное нагромождение выпуклостей и складок второй кожи, сделанной не то из больших листьев неведомых растений, не то из трупов каких-то неизвестных животных. И на головы положены

какие-то странные предметы. И какие-то они все надутые, неестественные, неуклюжие. Как они вообще передвигаются? Никогда черные люди не задумывались о том, какие они красавцы, но тут невольно сравнили, как они выглядят, как ходят, сидят, улыбаются… Как они танцуют! Пульсация природы, неотъемлемой частью которой они себя сознавали, диктовала им ритмы жизни, движений, дыхания. А эти комичные пришельцы… да им руки не поднять! Шагу не сделать! Такие неуклюжие, как будто духи леса прокляли их. А сколько у них всякого барахла! Что это за существа, таскающие с собой столько поклажи, что и не унести, что нужны повозки, запряженные мощными неуклюжими оленями — громадными, толстыми, но с коротенькими рожками? Зачем все это? Что они будут со всем этим делать? И сами они зачем?

Черные люди дивились, гадали, а вечером увидели, как эти деревянные куклы в нелепых одеждах вытянулись, опустив руки и прижав их к туловищам, и принялись издавать какие — то звуки. Ну, пением это, конечно, никто бы не назвал. Никакого ритма, просто воют, как голодные гиены.

Однако лошади наводили на размышления.

Черные люди увидели лошадей впервые. И быки, толстые олени с маленькими рожками. И ружья, которые могли убить на большом расстоянии. Смех сменился раздумьем. Потом пришел страх.

От колонны отделились делегаты, запросили разрешение на пользование землей, получили его. Понятие собственности на землю не проникло еще в сознание черных. Земля принадлежит себе самой, содержит животных и людей; она насыщена Великим Духом — источником всей жизни.

Прошло совсем немного времени, и черные люди обнаружили, что земля уже не принадлежит сама себе, что ее отняли, что их согнали с охотничьих угодий, прогнали, как животных. И обращались с ними эти белые с презрением и холодностью, которых черные не могли понять. «Примитивные» расы так же не могли понять такого обращения, как и причин эпидемий, вымирания целых деревень от болезней, занесенных белыми «носителями прогресса и цивилизации».

Шаманы их и старейшины не могли прийти к согласию относительно того, чем это все чревато. Надо драться за возвращение потерянного, конечно, надо. Вторжение белых нарушило есте-

ственное течение событий, пагубно сказалось на интуиции черных людей. Как воевать? Когда? Где? И главное — зачем? Ведь земля велика, места на всех хватит. Но нет, пришлые белые уже везде сунули свои длинные мертвые носы.

Ущемленные черные, видя, что скоро у них вообще ничего не останется, восстали. «Передовая культура» захватчиков позволила им утопить восстание в крови, подавить его жестоко и беспощадно.

Следует особо остановиться на холодной неприязни, ощущаемой белыми в отношении к черным с самого начала и до самого конца, когда их вышвырнули вон — но за этот исторически краткий период они успели уничтожить культуру порабощенных. Это необъяснимое отвращение многократно описано как черными, так и белыми, ибо не все белые презирали черных, находились и такие, которые ими даже восхищались. С точки зрения большинства их соплеменников, эти нетипичные белые, были разумеется, отщепенцами, предателями собственной расы.

Возможно, одна из лучших иллюстраций этого феномена представлена в работе местного эксперта, социолога и антрополога Марселя Пруста. Служанке зажиточного семейства велено приго-

товить на ужин птицу. Она гоняется за будущим ужином по двору, восклицая в адрес жертвы: «Дрянь, дрань, сучье вымя!..» — и тому подобное, пока наконец птица не схвачена и не казнена.

Аналогично и начинающий пыточных дел мастер, оказавшись лицом к лицу с человеком, о котором ему ничего не известно, кроме того, что перед ним враг, видит лишь стоящее (сидящее, лежащее, подвешенное) беспомощное существо, подобное ему самому. Что же делать? Разогреть себя, представив жертву последней мразью, осыпав ее градом ругани. Очень скоро перед ним и оказывается последняя мразь, не достойная никакого сожаления, и пора приступать к работе. Можно представить этот процесс как пошлину, взимаемую любовью к ближнему (ВС) с тех, кто еще не успел полностью оскотиниться.

Так же и завоеватели, прежде чем отобрать для своих хозяев не принадлежащие им земли, клеймят их обитателей как грязную мразь, тупиц, жестоких коммунистов, жестоких фашистов, жестоких капиталистов, негроложцев, белую шваль и так далее, по потребности.

Вряд ли припомнит история Шикасты, чтобы народ или раса одних джентльменов или шевалье захватила страну или территорию дру-

гих мудро управляющих этой территорией или страной, приятных завоевателям сеньоров или кабальеро.

Жестокие белые варвары, хлынувшие на Первый Южный Континент, использовавшие самые подлые приемы, хватавшие все, до чего только способны были дотянуться, не могли с высоты своей просвещенности общаться с отсталыми негритосами иначе, как напялив маску высокомерного презрения.

Под стать завоевателям и религия Северо-Западных Окраин: самая лицемерная, самая негибкая религия Шикасты, часто насаждаемая силой среди людей, ощущавших полную гармонию с природой и с одухотворенными силами ее. Проводники этой религии, лишенные способности сомневаться в своей правоте, распространяли свою веру с жестокостью, иногда превосходившей зверства войск. В довершение зла некоторые из миссионеров отличались личной храбростью и самоотверженностью, жаждой самопожертвования. Они тоже оказались жертвами этой религии, что отнюдь не облегчает работу хронистов и иных исследователей.

Все мотивы, предлоги и поводы завоевателей покрывала непробиваемая броня правоты их де-

ла, ибо все вершилось именем Монарха и именем Господа. Империя не может ошибаться. Религия не может ошибаться.

Прошло три десятка лет. На захваченной белыми территории никаких следов разрушений, никаких следов людей, которые на ней проживали, земля вырвана у черных и поделена между белыми фермерами. Черные силой согнаны в резервации, устроенные на самых скудных землях. Удаляться оттуда им разрешается лишь для того, чтобы работать на белых. Громадные земельные угодья в тысячи акров отданы белым, находятся в руках отдельных семейств, природа в их пределах нещадно уничтожается, там возникают шахты, предприятия горной промышленности. Почву разъедает эрозия, лес горит или выжигается преднамеренно.

На каждой такой «ферме» имеются компаунды для чернокожих, понуждаемых к работе налоговой системой. Работать те в состоянии, естественно, лишь слугами да на черных работах.

Люди, на кого они работают, не могут считаться типичными представителями общества, которое они покинули на родине. Встречаются среди них и такие, кого выгнали в дальние края бьющая

ключом жажда деятельности, предприимчивость, таланты, которым тесно в консервативной закостенелой обстановке. Намного больше преступников, стремящихся ускользнуть от ока правосудия, избегающих наказания за совершенные преступления, а также преступников потенциальных, знающих, что в диких колониях им будет вольготнее, легче проявить свои преступные наклонности. Есть и глупцы, неудачники, которых выдавила с родины конкурентная борьба. Все эти люди, добрые и дурные, хорошие и плохие, здесь весят гораздо больше, чем на родине, некоторые наживают крупные капиталы.

Предлагаю вашему вниманию характерный эпизод с участием интересующих нас личностей.

Место действия — ферма белого владельца, компаунд черных рабочих на этой ферме. Беспорядочное скопление кособоких, с протекающими кровлями хижин из глины с соломой — жалкая копия деревень, в которых эти люди жили раньше, до вторжения колонизаторов.

В центре компаунда полыхает большой костер, как и принято в деревнях, но горят и костры поменьше, и не только для приготовления пищи. Здесь живут люди из нескольких племен, говорят на дюжине языков. Компаунд лишь по

форме напоминает деревню, он не объединяет живущих здесь людей. Племена держатся раздельно, иногда враждуют. Вокруг одного из костров поменьше собрались молодые люди, слушают старика, который до нашествия белых был вождем. Один из молодых людей сопровождает речь старика редкими несильными ударами в барабан. Барабанный бой доносится и от других костров. Из зарослей вокруг компаунда слышится жужжание насекомых, иногда крики животных. Но животные умирают, убегают, истребляются; становится меньше и птиц. Природа гибнет.

Этим вечером подрались двое молодых людей из разных племен. Подрались из-за пустяка, просто срывая досаду. Белый фермер отругал их. Драться — фу, как примитивно, сказал он. Дикие привычки! Смотрите на белых, учитесь у них, привыкайте к цивилизации.

Старик сидит, выпрямившись, языки пламени бросают блики на его улыбающееся лицо. Он развлекает народ. Все в его семье по традиции рассказчики. Молодые люди слушают, смеются. Рассказчик обозревает культуру белых снизу, с точки зрения покоренного. Он перечисляет фермы белых и поминает их владельцев.

Прошло пять лет после окончания Первой

мировой войны, которую представляли этим черным людям как войну за сохранение непреходящих ценностей цивилизации. Но неподалеку находятся фермы, хозяева которых воевали на стороне противника. Они, оказывается, воевали за те же фундаментальные ценности.

— На ферме за холмами человек с одной рукой…

— Да, да, у него одна рука, только одна…

— А на ферме за рекой человек с одной ногой.

— Да, да, одноногий он, одноногий…

— А на дороге к станции человек с железным животом, чтобы кишки не потерял…

— Да, да, смотри ты, у него ведь железо кишки держит!

— А на ферме, где рядом золото копают, у человека железная голова…

— Да, да, у него без железа мозги бы выплеснулись.

— А на ферме, где встречаются реки, одна и вторая, там человек с одним глазом…

— Да, верно, только один глаз у него, один…

— А здесь, на этой ферме, где мы, но где земля не наша, а его земля, у него, у этого человека, тоже только одна нога…

— Да, да, ужасное дело, столько их, и у всех

чего-то не хватает.

— А на ферме…

Бывшим воинам, согласившимся эмигрировать и хозяйствовать в колониях, предоставлялись крупные льготы. Поэтому черному народу казалось, что белые все стали инвалидами. Так выглядит поле после отлета туч саранчи, оставляющей после себя множество безногих, бескрылых издыхающих членов стаи. После отлета туч саранчи, сжирающей все на своем пути, покрывающей землю сплошным ковром, роящейся в воздухе…

— Саранча съедает нашу пищу…

— Ох, съедает, съедает…

— Под ней скрываются наши поля…

— С севера, с севера несутся тучи саранчи, летят они с севера и сжирают наши жизни…

Очень популярная в компаундах песня.

Снова и снова хохочут люди у костра, складывая и раскладывая белых калек округи. Смеются над суровой проповедью одноногого фермера, над двумя здоровыми юнцами, валявшимися в пыли, смеются, держась за животики, завывая от смеха.

Как раз в это время на холме, в доме фермера, одноногий мужчина собирается улечься в

постель. Ногу ему отрезали намного выше колена. Однако это спасло ему жизнь, ибо через две недели после того, как ему оторвало снарядом ногу, его рота погибла вся до единого человека. Конечно, он размышлял после этого на тему, не лучше ли было и ему погибнуть вместе со всеми. Выздоровление протекало тяжело, он чуть не лишился рассудка. До войны тело его вело активную жизнь: он танцевал, играл в футбол, в крикет, охотился с земляками-фермерами, скакал, бегал, ходил… Теперь приходилось обходиться одной ногой. Он научился и справлялся неплохо. Когда он по утрам просыпался, на лице его появлялось знакомое окружающим упрямое выражение. Он подползал к краю кровати, поднимал обрубок ноги, напяливал на него несколько:- до десятка — специальных носков, затем приспосабливал тяжелый, подогнанный но мерке цилиндр из дерева и металла и подтягивался к столу. Встав, застегивал пряжки поясного и плечевого ремней.

И начинался рабочий день. Он ходил, ездил верхом, спускался в шахту, заходил в табачные амбары, проверял в них температуру, объезжал поля, ирригационные каналы, ковылял по пашне, спотыкаясь о свежевывернутыё пласты

земли. Распределял рационы, стоя возле мешков и корзин зерна.

Он боролся с бедностью, используя путь, который перед собой видел.

Вечером он отстегивал от тела металл и дерево протеза, падал на кровать, закрывал глаза, вздыхал.

— Слава Богу, — вырывалось у него, — на сегодня все.

И он засыпал под бой барабанов, доносившийся из компаунда.

«Пляшут, должно быть, — думал он. — Пляшут до упаду. Музыкальные ребята. И работу на танец перекладывают. На танец и на песню».

ЗАРИСОВКИ К ОБСТАНОВКЕ НА ШИКАСТЕ

(Этот доклад Джохора кажется нам весьма полезным добавлением к его зарисовкам. — Примечание архивариусов.)

Некоторые ареалы Северо-Западных Окраин остались почти не затронутыми техническим прогрессом. Люди здесь живут по старинке, чуть ли не так же, как столетия назад. Некая деревня одной из таких зон бедности выделилась из множества других благодаря ежегодному Фестивалю Младенца, притягивавшему множество жителей

окрути, а впоследствии, с развитием эры туризма, и приезжающих издалека. Гостиницы в деревне не было, приезжие останавливались у родственников, но затем администрация инициировала открытие кемпинга, к фестивалю подтягивались лавки — фургоны. Почуял выгоду и близлежащий городок, тоже приложил руку к благоустройству.

События фестиваля концентрировались на церкви, но украшали всю деревню: центральную площадь, лавки, бар и, разумеется, жилые дома. Жители не хотели оставаться в стороне.

С тех пор, как было получено последнее сообщение Агента 9, кое-что изменилось. Вечером накануне главного события устраивается фейерверк, на площади и прилегающих улицах танцуют. К этому времени подгадывает большинство туристов, которых сразу можно отличить от местных по одежде и поведению. Местные воспринимают богатых гостей с юмором, с изрядной долей иронии.

Вечерними танцами ведает местная администрация, но клир восстанавливает себя в правах, появляясь перед закатом на ступенях церкви с кадилами и псалмами. С первыми лучами следующего дня жители смиренно занимают свои места в церкви, выслушивают наставления и

поучения святых отцов.

Действо в церкви продолжается все утро, народ меняется, ибо всем сразу места не хватает.

Ровно в полдень разряженное духовенство отпирает заднюю дверь церкви и выносит Младенца. Это пестрого вида кукла с широко открытыми глазами, ярким румянцем щек и яркими волосами, закутанная в кружева и всякого рода украшения. Фигуру, укрепленную на небольшом паланкине, украшенном цветами, несут отобранные священниками местные детишки, одетые не менее пестро, чем сама кукла. Шествие трижды обходит деревенскую площадь, представляющую собой пыльную площадку, обсаженную несколькими деревьями, а клир и население сопровождают процедуру пением (без танцев). Процессия возвращается к церкви, носилки со статуей устанавливают на возвышении, ее окружают священники, пение продолжается до заката.

Родители тем временем выстраивают детей в колонну по два и проводят мимо священников, которые совершают процедуру так называемого «благословления», после чего их ждет награда в виде сластей и безалкогольных напитков — в скромных масштабах, насколько может позво-

лить себе небогатая община.

В прежние годы это празднество устраивалось исключительно для детей, но финансово увесистые туристы сдвинули акценты, теперь программа праздника учитывает и взрослых. В этом году на Фестиваль Младенца впервые прикатило телевидение, и все действо обставили гораздо более пышно, чем когда-либо раньше. Когда статую убрали в издавна отведенный ей шкаф, начались увеселения, танцы, затянувшиеся за полночь.

Прекрасный праздник для людей, жизнь которых достаточно сера и неприглядна. Она не намного изменилась после последнего доклада 76 нашего эмиссара четыреста лет назад. Можно не сомневаться, что, пока существует туризм, каждый год будет приносить что-то новое.

Пользы от этого фестиваля, с нашей точки зрения, никакой.

Наблюдая за этим живым — хотя нельзя сказать, что спонтанным, неотрепетированным — действием, я не мог удержаться от мысли: что было бы, если бы я выступил вперед и поведал собравшимся об истоках и причинах, о происхождении этого праздника.

Свыше тысячи лет назад забрел в деревню

странник. Тогда все Северо-Западные Окраины почитались дикими населением более развитых областей, сосредоточенных по берегам большого внутреннего водоема. Теперь эти области называют Средиземноморьем. Из преуспевшего в развитии культуры Средиземноморья часто отправлялись на север путешественники, стремившиеся просветить дикарей, обучить их чему-то полезному, передовому. Странник, о котором идет речь, прибыл в сопровождении троих учеников, набиравшихся у него мудрости и умения нести свет прогресса отсталым племенам. Прибыв в это жалкое селение, они обнаружили, что на него покамест не распространялось ничье благотворное влияние, ибо те несколько монахов, которые жили поблизости, ни с кем не общались, приземленными нуждами крестьян не интересовались, блюли какой-то обет.

Обстановка показалась прибывшим подходящей, крестьяне готовы были слушать рассказы о цивилизации, которой они не понимали, равно как и географии, как и прошлого или будущего своего.

Странники задержались в деревне на несколько недель. Они ненавязчиво внушали местным жителям идеи чистоты, полезности мытья для

поддержания здоровья, необходимости пользоваться только чистой водой, обучали началам медицины, ухода за больными, о чем до них никто здесь даже не задумывался. Когда наиболее сообразительные из обучаемых усвоили азы, пришла очередь таких навыков, как перегонка, красильное дело, хранение пищи впрок для использования в голодные периоды, новые методы животноводства и земледелия.

Наконец пришельцы добрались и до рассказов о прошлом и о возможном будущем, о влиянии прошлого на будущее. В упрощенной форме, разумеется: в виде сказаний, легенд, песен.

Люди, упорно трудившиеся, чтобы выжить, прокормить себя и детей, одеться и согреться, слушали спокойно, и это уже хорошо, ибо напряженная жизнь могла довести их и до полной неспособности воспринимать информацию, причем не только дурные вести, но и добрые.

Вечером, когда сгущались сумерки, крестьяне возвращались с полей, поужинав, собирались на деревенской площади, выглядевшей тогда почти так же, как и теперь, общались, рассказывали легенды, затягивали песни. Над крышами хижин вились дымки, в пыли деревенской улицы играли дети, костлявые собаки скреблись, дрались и

грызлись. Сонно стояли тощие ослики. Женщины возились с младенцами. Одна из них сидела на камне чуть в стороне, укачивала свое дитя, мурлыча ему что-то вполголоса.

Старший из пришельцев вдруг попросил женщину передать ему на время ребенка. Женщина удивилась, но тут же, не колеблясь, протянула ему завернутого в тряпье младенца. Он принял сонное дитя и негромко, чтобы не обеспокоить, заговорил. Все придвинулись ближе, чтобы лучше слышать. Он предложил им взглянуть на этого младенца, которого все они знали, который ничего не отличался от остальных детей ни внешностью, ни образом жизни.

Женщина торопливо сообщила ему, что у него в руках девочка.

Он кивнул и продолжил речь. Он сказал, что это дитя, неважно, мальчик или девочка, не то, чем оно кажется. Не обращая внимание на волну легкого беспокойства, прокатившуюся по собравшимся, он указал далее, что важно то, что это дитя такое же, как и все в этой деревне, во всех окружающих деревнях, даже в больших городах, где мало кто из них побывал, и в городах заморских, о которых они слышали, ибо один из односельчан стал моряком и, заехав однажды в родную дерев-

ню, много каких чудес нарассказал — они даже на всякий случай поостереглись ему верить. Эта деревня, которая им кажется большой, — всего лишь крохотная частица мира. Таких деревень в населенном мире что зерен в поле… Свет дня уже совсем угас, взошла луна, слушатели сидели тихо, внимательно слушали, доверяя рассказчику, как верят ангелам. Верить-то они верили, но понять услышанное иной раз оказывалось трудновато. Если известный тебе мир кончается у соседней деревни, как понять и поверить в существование многих городов, во много-много раз больших?

Были в мире города, людей в них что звезд на небе. Люди, подобные ангелам… Хотя эти пришельцы внешне ничем не отличаются от жителей деревни.

Крестьяне внимательно слушали.

Были в мире города, где люди не знали недостатка в пище. У них хватало и одежды, чтобы прикрыть тело, содержать его в тепле и сухости. Дома их во много раз превосходили размерами деревенские хижины. Да, все это так. Но не это главное. Люди эти находили время и способы изучить и узнать много-много нового, не только, как приготовить сыр или вылечить корову от вертячки. Нет, люди эти учились, думали, мечта-

ли. Познавали истину.

Эти люди, к примеру, изучали движение звезд, законы этого движения. Они выяснили, что звезды не так далеко от нас, как это кажется, узнали, что каждая звезда — это целый мир, сделанный из земли, камня, воды, огня.

И на следующий вечер, и вечером после следующего пришельцы просили какого-нибудь младенца, неважно, чьего, неважно, мальчика или девочку, брали его на руки, объясняли, что если этого ребенка — нет-нет, они не собираются этого делать, вот он, у них на коленях, никуда не делся! — если этого ребенка перенести в один из этих чудесных городов, где люди не должны все время проводить в тяжелом отупляющем труде, а могут размышлять, учиться, и воспитать там, то ребенок это вырастет таким же, как те люди. И если его.», или ее… взять вон на ту…. или на вон ту звезду, то…

Слушатели смеялись, глядя на звезды, усеявшие небо.

Да, вон на ту. Этот ребенок стал бы звездным мальчиком… или звездной девочкой. А может быть, у него выросли бы крылья, перья… Или гигантом бы он стал… Кто знает, что бы с ним произошло?

Они смеялись. Громко смеялись, но весело и доверчиво.

А вдруг он мог бы жить в воде… Или даже в огне…

Вот в этом-то и суть, в том, что в каждом ребенке кроются многие возможности. Каждый ребенок — это чудо. В любом младенце запечатлелась вся человеческая история с самых ее истоков. Да-да, вот эта крошка Отилия, еще не научившаяся говорить, в сути своей, в своем крохотном тельце и мыслях содержит все, что за всю историю человечества случилось с каждым человеком. Так же, как каравай хлеба в наших руках содержит всю суть всех зерен, которые в него вошли, и суть всех зерен урожая того поля, на котором эти зерна выросли, точно так же ребенок — сгусток всего урожая человечества.

Такие слова и идеи, никогда ранее не беспокоившие умы сельчан, преподносились им ежевечернее, и всегда на коленях рассказчика спал, хлопал глазенками или мурлыкал какой-либо из деревенских младенцев.

Знайте, что когда-нибудь, через долгое время, не при вашей жизни, даже не при жизни ваших детей или внуков, но придет то время, когда все ваши труды, все ваши тяготы окупятся, принесут

плоды, и дети этой деревни и всех остальных деревень и городов мира станут тем, что в них заключено… Запомните это, запомните… Как будто люди с той маленькой мерцающей звезды спустятся в вашу деревню и наполнят ее добром и надеждой. Помните, что это дитя не то, чем оно кажется, в нем гораздо больше, в нем всё: в нем, в ней, все настоящее, прошлое, будущее. Помните это.

Однажды рано-рано утром, еще затемно, четверых спящих пришельцев разбудила запыхавшаяся девчонка, работавшая в монастыре, и сказала, что монахи прослышали о пришельцах, написали «самому королю» и вызвали солдат, и что солдаты уже идут.

Солдаты действительно пришли утром, но странников не застали. Они исчезли в непроходимых окрестных лесах, оставив на склоне холма нагромождение камней в каком-то странном сочетании, ожерелье на шее одной из девочек да узоры, нарисованные цветной глиной на стенах единственного каменного сооружения деревни, оказавшегося хранилищем. Крестьяне уверили солдат, что их зря побеспокоили, мало ли что наболтает взбалмошная девчонка, желающая, чтобы на нее обратили внимание. Слухи о при-

шельцах дошли до монахов именно от кухонной девчонки.

Солдаты отбыли, после них налетели не столь доверчивые монахи. Они иногда посещали деревню. Крестьян они презирали, хотя мало чем от них отличались, оставаясь почти столь же бедными и почти такими же невежественными. Частенько в те времена мужчины и женщины, собравшись группой, провозглашали себя монахами, чтобы хоть как-то облегчить себе существование.

Солдаты короля приказали монахам проследить, чтобы нежелательные посетители не находили убежища в крестьянских жилищах. Монахи этот приказ передали крестьянам, на них же возложили его исполнение и возвратились в свои кроличьи садки за холмы.

Крестьяне послушно покивали головами и остались при своем особом мнении. Им казалось, что звезды приблизились к крышам их хижин, даже вошли в их дома, но затем вдруг исчезли. Они продолжали трудиться, применять приобретенные навыки, обучая соседей. Они тоже брали на руки младенцев и вспоминали то, что слышали от пришельцев. Ничего из услышанного они не забыли. Дети, которых держали на руках странники, считались отмеченными,

выделенными. Иногда с ними случалось что-то необычайное, и они сразу понимали, в чем дело. И окружающие тоже понимающе кивали головами. И дети этих детей переняли что-то у своих родителей. Но народ уже не помнил всех деталей происходившего. Кто они были, эти пришельцы, ангелы, что ли? С крыльями?

Однажды пыльным летним вечером люди сидели на порожках, дети бегали вокруг, тощие собаки дрались и чесались, ослы тыкались мордами в заборы в поисках клочка травы, а люди спрашивали: «Помнишь? Помнишь?» — «Нет, нет, не так это было…» — «Да мне мать все рассказала!» — «Да, но только…»

Тогда мужчина, мать которого лежала на руках у пришельца, поймал пробегавшего мимо своего сына, посадил его себе на колено и сказал: «Давайте попытаемся вспомнить все точно, и будем это повторять каждый год, чтобы сохранить навсегда».

И каждый год с тех пор этот мужчина держал своего сына перед всеми, и они смотрели в небо, смеялись и вспоминали: «Вон, вон та звезда!» — «Нет, та, рядом…» — «Люди из огня!» — «Нет, из перьев!»

Как и многое другое, это проделывалось тай-

ком от монахов и солдат, но, как водится, тайное стало явным. Монахи пронюхали, строжайше запретили, но все равно ежегодно в одном из домов деревни выбирали ребенка, поднимали его, и взрослые повторяли фразы, которые хотели запомнить. В наступившие времена это можно было уже трактовать как бунтовские речи, как помыслы бедных против богатых, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Я не хуже тебя, и мой ребенок ничем не хуже твоего, разодень меня в шелка, и я буду шикарная леди».

Нагрянули монахи и солдаты, кого-то схватили, пытали, казнили. Бунт против короля и религии!

Кто-то поумнее в религиозных верхах спустил приказ учредить ежегодную церемонию в честь Младенца, что и выполнили с похвальными усердием и поспешанием. В деревне вдруг появилась церквушка, которую впоследствии расширяли и перестраивали. Младенец, естественно, стал Христом, но корни выдрать не удалось. Народ упрямо верил, что благословили их, а не монахов, что им, а не монахам показали Младенца. Кто показал? Пришельцы со звезд? Нет, это ведь невозможно! С Луны? Вот еще глупости! Но ведь кто-то откуда-то приходил, что-то говорил, и его изгнали…

Но однажды они снова появятся, и придет

конец мучениям, и можно будет вздохнуть и выпрямиться, и поднять взор к звездам….

Такова, добрые люди, туристы и священники, студенты и фермеры, приезжие из соседних деревень, такова история происхождения вашего ежегодного праздника. А мне пора смазывать пятки…

(Передавая информацию в этот период, Джохор расширил спектр интересов вне рекомендованных пределов, полагая, не без оснований, что Колониальная Служба не всегда замечает некоторые трудности местного характера. В долгосрочной перспективе курс развития планетных систем не может зависеть от личных эмоций дня, но, оказавшись на Шикаете, невольно подпадаешь под влияние потоков эмоций, в чем мы, два архивариуса, поместивших здесь эту заметку, убедились на собственном опыте. Уверены, что приведенные ниже материалы не окажутся лишними для интересующихся Шикастой. — Примечание архивариусов.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

1

Конфликт поколений. Это терминологическое

словосочетание постоянно в ходу на Шикаете, употребляется в бытовых спорах и в дискуссиях ученых.

Явление это, широко известное в живой природе каждому имеющему детенышей животному, превратно понималось в Последние Дни Шикасты. Нет ничего необычного в неизбежном моменте, когда самка отталкивает детеныша-переростка от молочной железы, когда пернатые родители выпихивают из гнезда оперившегося птенца, которому пора надеяться на собственные крылья. В каждой культуре момент, в который ребенок признается взрослым, приобретает ритуальное звучание, является событием настолько же социального, как и психологического характера.

В истории Шикасты встречались цивилизации, стабильно существовавшие сотни и тысячи лет. Стабильные, разумеется, если отвлечься от войн, эпидемий, природных бедствий, без которых Шикаста немыслима. Большинство этих цивилизаций относятся ко времени, когда обитатели планеты жили намного дольше, чем сейчас, в десять, двадцать раз дольше, хотя срок жизни все время с разной скоростью уменьшался. Взрослеющему юнцу предстояла долгая жизнь,

если сравнивать с последующими временами. Каждому (каждой) предстоял краткий период перестройки взаимоотношений с родителями, но его сменял долгий период сосуществования с ними во взрослом состоянии. Детство представляло собой краткий период подготовки к жизни. Родители давали жизнь одному, двум, трем — сколько запланировано — представителям вида, зная, что предстоит несколько сотен лет общения с ними.

Срок жизни драматически сократился, но обитатели планеты сохранили в «памяти вида» подсознательное ожидание того же древнего долгого периода взрослой жизни. В молодости каждый шикастянин ожидает невообразимо долгой жизни. Конец ее столь далек, что мало кто способен представить, что он смертен. Индивид, которому отведено, в лучшем случае, восемь десятков лет жизни, ощущает перед собой многие сотни и даже тысячи.

Этот факт, о котором они не подозревают, является причиной столь многих психологических сдвигов, аномалий. Но здесь рассматривается лишь один его аспект: влияние на взаимоотношение поколений.

Жители Шикасты сознают, что время «движется» по-разному с точки зрения разных возрастных

групп. Для ребенка время тянется невыносимо медленно, конец дня утром едва представим. В детстве, таким образом, генная память о долгой жизни выражена сильнее.

Следовательно, единица времени весит поразному на весах ребенка, молодого человека, человека средних лет и старика. Жизнь шикастянина можно представить в виде кривой с наивысшей точкой в середине, в области пятого десятка. До этого индивид подсознательно вообще конца жизни не ощущает, но после этого завеса упала, приходит понимание, что представления юных лет были иллюзией.

Индивид средних лет оглядывается на прожитую половину жизни и видит, что она — лишь короткий, сумбурный сон. И это после ожиданий бесконечной вереницы событий! И понимает, что оставшаяся половина не принесет ничего лучшего. И когда придет пора умирать — очень скоро! — оглянувшись, ты не увидишь большего, чем, просыпаясь утром, видишь вокруг: ну, погода хорошая… либо вовсе наоборот, дрянная… ну, муха по стене ползает, ползает… и все, конец. будущее — его потомство. Старики, оглядываясь, могут с полным правом заявить: «Нет, мы не жили». И это верно. Но и глядя вперед, они видят,

что дети их тоже не будут жить.

Это сейчас одна из могучих сил на Шикаете. По странам и континентам, охватывая расы и народы, религии и политические течения, по всем широтам протянулась бездонная пропасть, разделяющая старых и молодых, отцов и детей.

Докладывает Джохор

Касательно списка индивидов, которых мне надлежало проверить, сообщаю, что тех, чье состояние и развитие не вызывают опасений, я опустил. Пришлось, однако, добавить по рекомендации наших агентов еще нескольких, о положении которых на Канопусе не было известно, то есть их имен нет в начальном перечне. Они перечислены отдельно от тех, кем я должен был заняться вследствие вывиха, допущенного Тофиком.

(Обитатели Шикасты значительную часть жизни тратят на то, чтобы удивляться поведению друг друга и комментировать его. Это является следствием слабого знания того, что они называют «психологией», и еще большего неумения применять свои скудные познания на практике.

По большей части приятное либо неприятное

удивление, изумление, ошеломление вызывают конфликты, личностные стычки, идущие «из глубин» двух индивидуальностей. Народная мудрость всех рас и наций Шикасты в той или иной форме отмечает, что люди часто тянутся к тем, кто причиняет им боль. Верно также и то, что скрытая сила, толкающая Шикасту по ее торным дорогам, сила, воспринимаемая многими в качестве направляющей, ведущей, отнюдь не тождественна тяге к комфорту счастью, но скорее все же к самопознанию, к пониманию.

Чаще всего вовсе не обязательно подталкивать индивида к интересующей ситуации; компоненты его (ее) личности, о которых он может не иметь представления, приведут его, согласно законам взаимодействия, притяжения и отталкивания, в те места и к тем людям, в которых он нуждается. Очень часто происходят встречи, заставляющие сторонних наблюдателей восклицать, всплескивая руками: «Да это просто чудо! Воля Провидения!» Некая пара, группа людей ощущают притяжение иногда через океаны, преодолевают непреодолимые препятствия, ибо друг в друге нуждаются, чтобы взаимно чему-то научиться. Непроницательному наблюдателю, однако, такой процесс может показаться ни-

чего не значащим, конфликтным, вредоносньш. И непроницательный наблюдатель чаще всего оказывается прав, ибо как может бьипь иначе на несчастной Шикаете, где все ведет к ухудшению, к усугублению, к катастрофе.

И все же бывают случаи, когда вовлеченные в процесс могут утверждать, что много узнали, многому научились, что много бы упустили, пойди они по иному пути. — Примечание архивариусов.)

№ 33. Единственная наследница, она решилась управлять огромным семейным состоянием. Богатство ее не соблазняло, к роскоши она оставалась равнодушной, но не могла устоять перед мужчинами, которых соблазняло ее богатство. Замуж выходила семь раз, безо всякого для себя толку. Один из ее партнеров, напротив, завершил с помощью брака с нею формирование одного из аспектов своей личности и смог перейти к работе над следующим. Она, однако, не сумела прервать порочный цикл влюбленностей и последующих разочарований. В результате беседы с агентом 15 было принято решение резко, до неправдоподобных размеров увеличить ее состояние, чтобы пробудить в ней чувство ответственности. Ответственный за операцию агент 15 устроит ей также

встречу с пребывающим в унынии № 44, влияние которого на нее, как мы полагаем, окажется конструктивным.

№ 44. Если с № 33 не получится, агент 15 предложит ему что-нибудь еще. Но хуже, чем сейчас, ему не будет, так что можно рискнуть, толкнув его на союз даже со столь инфантильной женщиной.

№ 14. Эта с тридцати лет посвятила себя уходу за калекой — матерью, отличающейся к тому же склочным характером. Требующая постоянного напряжения, изматывающая многолетняя возня со вздорной старухой уже в пожилом возрасте привела ее на грань самоубийства. Альтернативой ей казалось решение сдать совершено выжившую из ума мать в дом инвалидов. Я решил лечить подобным, подсунув ей вдобавок к матери еще и тетку, тоже калеку, но в здравом уме и со здоровым чувством юмора. № 14 оправилась и теперь посещает еще и нескольких живущих неподалеку стариков-инвалидов, пребывая в добром моральном и физическом здравии.

№ 21. Этот человек принадлежит к притесняемой черной расе, проживает на Первом Южном Континенте, в южной его части. В юном возрасте он вступил на путь политической борьбы за освобождение, повергся аресту, тюремному

заключению, пыткам, в результате чего стал инвалидом, озлобился. Это состояние привело бы его к скорой смерти. На жизнь он зарабатывал, продавая овощи. Его снова арестовали за участие в гражданских беспорядках и несправедливо заключили в тюрьму. Он озлобился еще больше, в тюрьме постоянно вступал в конфликты с товарищами по заключению и с администрацией. Я устроил так, что его перевели в камеру к другому инвалиду, так же, как и он, несправедливо осужденному. Этот заключенный смиренно переносил невзгоды, черпая силы в одном из многих местных религиозных культов. Они подружились, выйдя из тюрьмы, остались друзьями и теперь работают над улучшением условий жизни детей-инвалидов в своем «черном» районе.

№ 42. Этот индивид собирался вести нормальную, здоровую семейную жизнь, невзирая на ненормальную, нездоровую обстановку на Шикаете. Особое внимание, конечно, хотел уделить детям, их воспитанию. Матушка его, внезапно овдовев, нашла утешение в поглощении пищи. Она и его приучила питаться обильно, даже чрезмерно. Вовсе не редкость на Шикаете. Мы, посетители планеты, каждый раз снова удивлялись, видя, какое значение здесь отводят еде. Хотя

всему свой резон. Первопричина, конечно, в том, что очень многие на этой планете за всю свою жизнь ни разу досыта не наедались. Естественно, они одержимы едой, и эта одержимость сохраняется даже с исчезновением недостатка продуктов питания. Вторая причина — войны, создававшие временные периоды дефицита. Когда еда возвращалась на прилавки рынков и магазинов, на нее набрасывались, как будто стремясь наверстать упущенное, и приобретали привычку к обжорству. Третий фактор — реклама, направленность экономики на потребление. Всем здесь постоянно вдалбливают в головы, что их гражданский долг — потреблять, потреблять и потреблять, в том числе и съестное. Не выбрасывать же приобретенное, надо его использовать… Наконец, алчная Шаммат, высасывающая энергию из тел… В результате никого не шокирует «кулинарный туризм», когда главной целью путешествия по городам, национальным районам, странам, частям света становится знакомство с местной или национальной кухней. В путеводителях за описанием местных достопримечательностей обязательно следует описание того, что в этой местности едят, готовят, пьют.

Женился № 42 на даме, столь же увлеченной

питанием, как и он сам, как и большинство его знакомых. В доме их еда, приготовление пищи — постоянная тема бесед, споров, даже мечтаний. В том же кулинарном духе воспитывали детей. Агент 9 в предыдущем отчете сообщал, что № 42 умышленно лишили состояния и ему, чтобы зарабатывать на жизнь, пришлось управлять рестораном. Умысел заключался в том, чтобы заставить его объективно и рационально взглянуть на процессы приготовления и поглощения пищи. Однако он, жена его, их дети и некоторые знакомые пристрастились к ресторану именно как к кормушке. Возможно, объяснением этому — высокое качество кухни руководимого им ресторана, известное даже за пределами страны. Стало очевидным, что ситуация с № 42 лишь ухудшилась.

Я устроил ему приглашение в качестве советника для участия в международной программе улучшения питания в засушливой зоне Первого Южного Континента. Полагаю, столкнувшись вплотную с проблемами голода, он и его супруга будут вынуждены пересмотреть свои привычки. Остается открытым вопрос относительно детей, и я попросил агента 20 дополнительно заняться ими.

№ 17. Она рисковала своей психикой — в то время, когда все больше людей сходили с ума, жили на грани безумства или регулярно впадали в депрессию — с целью исследовать пограничные состояния, трезво описать и оценить их для облегчения участи страдающих. Нагрузка оказалась больше, чем она могла вынести. Ее состояние усугубила ранняя смерть матери. Кое-кто с ее помощью узнал о границах возможностей человеческой психики и о подстерегающих ее опасностях, но сама она не смогла удержать свой разум в равновесии. Значительную часть жизни провела в психлечебницах, сначала в качестве исследователя, затем как пациент. В предыдущем сообщении я описывал ее состояние и излагал предложения по его улучшению. Я застал ее в настроении беспокойном и вызывающем, весьма недовольной тем, как с нею обращаются; направил к ней умного, весьма толкового врача, попросив спровоцировать пациентку на описание своего опыта. Однако особых надежд я на это не возлагал.

Примечание: Я ошибся. См. прилагаемый материал («Персоналии: Линда Колдридж»).

№ 4. В период, когда всячески прокламировалась общедоступность достижений науки и

техники, обширные области научных исследований, особенно — но не только — в сфере вооружений оставались закрытыми, в немалой степени это делалось с целью скрыть от публики угрожающие ей напасти. Именно в тот период этот человек работал в закрытом военном учреждении. Он добился выдающихся результатов, стал крупным авторитетом, хотя имя его тоже было засекречено и на страницы газет и экраны телевизоров не просачивалось. Постепенно работа, поглощенность, даже одержимость ею, довела его до невроза. Его разрывали обязательства, «долг» перед «родиной», «наукой», «ближними» и прочая, и прочая. Фактически он заболел, но долгие годы не мог никому поведать о своей болезни. Работа успешно продвигалась в заданном направлении, а его раздирало чувство вины.

В ходе международной конференции по иной тематике я столкнул его с коллегой, работавшим в том же направлении, что и он, но во «вражеской» стране. Слово «вражеской» я заключил в кавычки, поскольку в те времена враги и друзья тасовались, как карты в колоде: вчерашний злобный враг, конгломерат всего самого омерзительного, мог во мгновение ока превратиться в закадычного «вечного» друга, защитника и по-

борника всего самого прогрессивного и т. д., либо в тайного союзника. Сходство положения, одинаковые проблемы, мучившие обоих, сблизили их, они установили контакт, поддерживают его, обмениваются информацией, позволяющей хоть как-то сдержать угрозу, нависшую над многими миллионами людей. Вечно такое продолжаться не может, его рано или поздно арестуют и упекут за решетку.

Примечание: далее следует информация об индивидах, на которых мое внимание обратили в экстренном порядке. Перечисляю их по системе 3.

№ 1(5). Главная его черта — критический ум, пытливый, точный, острый. Разного рода влияния в ходе созревания, формирования личности, обострили эту особенность, он с ходу оценивал ситуацию, в которой оказывался. Свою среду оставил рано, взбунтовавшись против лицемерия, ханжества семейной обстановки. Женился, произвел на свет троих детей, бросил семью, поняв, что угодил в ту же среду «серой посредственности», «пошел по рукам» различных женщин, в результате чего родилось еще трое «незаконных» детей. Снова женился, еще двое детей, и снова брак распался. Третий брак, еще один ребенок. В

пятьдесят пять лет вдруг обнаружил, что остался один, выхолощенный жизнью и чувством вины. Кормился он всю жизнь «на задворках искусства», подвизался в качестве критика, сатирика, юмориста. Язвительность ума, не дававшая ему сползти на дно, позволявшая уцепиться за край пропасти, осложнялась в его случае горячим и щедрым сердцем. Да еще висело на нем это пресловутое «чувство вины», и он частенько сползал с категорического «нет-т-т!» к расслабленному «д-да-а-а…»

Посовещавшись с агентом 20, мы решили подсказать одной из его дочерей идею обратиться к отцу за поддержкой. Он ее принял. Об этом прослышал еще один его отпрыск. Дети нередко сбегают от родителей, «не в силах терпеть…» и так далее, и иной раз находят новых. Таким новым родителем и оказался для них наш персонаж. Новым без кавычек, ибо детей своих он фактически не знал и многие годы не видел. Вскоре дом его жужжал голосами подростков и молодых взрослых, пришлось переехать в просторное жилище за городом. Его отношение к «связям», «узам», «условностям», «лжепривязанностям» не было секретом, и вскоре к детям присоединилась заболевшая бывшая любовница, затем

другая, разочаровавшаяся в жизни. Обратился за поддержкой муж его бывшей жены. Так или иначе, он несет сейчас ответственность за два десятка душ, на самоанализ времени не остается. Я поручил агенту 20 наблюдать за ним и, если понадобится, вмешаться.

№ 1(13). В молодости ему пришлось ожесточенно бороться против бедности, вести настоящую битву за получение образования. Он стал журналистом. Многие годы оставался в глазах власть имущих фигурой весьма сомнительной, ибо, обладая качествами, схожими с таковыми у № 1 (5), постоянно пытался представить картину событий и процессов, отличную от общепринятой. Хотя он рассматривал мир с политически неокрашенной позиции, на него навесили ярлык социалиста — весьма в те времена нелестный. Как часто случается на Шикаете, точка зрения, представляемая им в течение трех десятилетий, внезапно вошла в моду, и на него свалилась тяжкая ноша популярности, особенно среди молодежи. Есть на Шикаете области, где критиков общества травят. В других местах их поглощают. Вчерашний изгой становится героем, его слепят юпитеры кинохроники, душат объятия — и вот он уже фактическое ничто, коверный клоун.

№ 1(13) тоже не избежал этой печальной судьбы, зациклился, стал повторяться.

Я устроил ему знакомство с женщиной с Первого Южного Континента, которая всю жизнь провела в борьбе за выживание, но не растратила энергии. Он женится на этой женщине, и она вытащит его из замкнутого круга. Дети могут оказаться примечательными, я поручил агенту 20 проследить за семьей.

№ 1 (9). Эта женщина всегда отличалась гипертрофированной чувствительностью, ей не хватало стойкости, трезвости самооценки. Она жила под защитой сильной семьи, затем попала под крыло сильного мужа. Но муж умер, и она свалилась в лапы депрессии, что привлекло вампиров из Зоны 6, нежити особо опасного сорта. Стало ясно, что она на этом свете не жилец, а в Зоне 6 ей лучше не будет. Я рассматривал возможность нового замужества, но случилось так, что другая женщина, характера сильного, способная противостоять тлетворным влияниям, как раз обдумывала свое житье-бытье. Теперь они живут вместе, и энергии сильной хватает на двоих, злобные твари из Зоны 6 остались с носом.
приложение

Персоналии: Линда Колдридж (№ 17 данного

сообщения)

Пишу для доктора Герберта, исключительно для доктора Герберта и только для доктора Герберта. Я твержу ему, что не хочу, не способна, не умею! Никогда ничего не писала. А он все свое бубнит: должна, и точка. Что ж, должна, так должна. Он говорит, если другие прочитают, им, мол, легче станет. Но я-то вижу, он хочет, чтобы *мне* легче стало. Так *он* считает. Что ж, он это все первым прочтет, и увидит, как *я* считаю. Хотя, как я считаю, об этом я ему уже все уши прожужжала. Доктор Герберт — милашка. Доктор Герберт, вы милашка! Хороший человек. Только вот глухой. Ничего не слышит. Они все ничего не хотят слышать, не только доктора. Я говорю, говорю ему… часами долдоню. Но ему, видишь ли, надо, чтобы я все «изложила письменно». Смех, да и только. С ума сошел. Но ведь это я с ума сошла, а не доктор Герберт. Он знает все, что со мной случилось. Знает больше, чем кто другой. Больше, чем Марк. Ну, это не сложно. Но и больше, чем Марта. Или даже Сандра. Или Дороти. Доктор Герберт говорит, что ему важно все обо мне знать. Он говорит, что меня в этих психушках чем только не лечили. И я все перенесла. Ха-ха! Я этого как раз не перенесла. Я рассказала ему, какой была в девицах. Вот тогда

я точно была чокнутой! Если этих… сказала бы я… считать нормальными. Потом я рассказала ему, какой была чокнутой, когда стала чокнутой и эти чокнутые в своих психушках стали пичкать меня всякой дрянью против чокничества… чокнутости. С ума-то можно сходить по-разному, и сумасшествие тоже разное бывает. Вы ведь это понимаете, доктор Герберт? Вы сказали, что вы Джон, но не вижу в вашем джонстве смысла. В молодости мне в голову что только не лезло! А сейчас поняла: безумие это, безумие! Потому как все такого мнения. Но интересно было. Часто вспоминаю. Такого со мной больше не было. Разве редкие проблески. Потом напишу о них. Ну а затем в голове начались эти ужасы, и инъекции, и всякая подобная дрянь. Но они этого не понимали. А вы, доктор Герберт? Говорю и повторяю. Словами. Словами, но на бумаге. Говорю, но на бумаге. Что-то я запуталась. Начну-ка снова. Ведь я хотела сказать совсем другое.

Доктор Герберт чего только не выдумает. Иной раз у него неплохо получается. Примите мои аплодисменты, доктор Герберт. Шлеп-хлоп! Дурачусь. Доктор Герберт говорит, что я считаю себя бесполезной. А какая с меня польза? Это ж очевидно. Он говорит, что от меня польза тем, кто сошли

с ума и не понимают, что с ним происходит. Он говорит, что я должна им объяснять, что с ними происходит. Он говорит, что от этого им лучше станет. Ха-ха. И мне лучше станет, от того, что им лучше станет. Ха-ха-ха. Понимал бы он… И вот подхожу я к такому бедолаге, которого крутит, ломает, которому видятся страхи, которых здесь нет… а может, и есть они здесь, здесь и повсюду…и я подхожу, и я скажу… Нет, снова. Слушай, говорю я ему. Слушай, не бойся. Это я ему говорю. Это я ей говорю. Им говорю. Не бойся, мы с тобой видим и слышим только то, что видим и слышим. Звуков обвал, лавина, а мы слышим только горстку. А когда машинка ломается, слышим больше, чем надо. И видим больше, чем надо. Не только день или ночь, не только кузину Олли, ее обожаемую кошечку и обожаемого муженечка, а еще и всякие ужасы, кошмары, формы и цвета. А ужасы из-за того, что машинка сломалась, все кажется вкривь да вкось, а на самом-то деле все отлично. Так говорит доктор Герберт, а он человек хороший, да и врач знающий. Доктор Герберт, вы хороший врач, вы в курсе? Просто вместо того, чтобы слышать, как ваш муж уверяет вас, что вы его миленькая женулька… или ваша жена уверяет… или ваш за окном автобус уверяет… вы

слышите, что ваш муж думает взаправду. Что вы старая жирная жаба. Или что думают ваши дети. Или ваш пес. Я слышу, что думает пес санитара. Он мне больше многих людей по душе. Не знаю, нравлюсь ли я ему. Вот спрошу как-нибудь. Люди диву дались бы, узнай они, что о них хвостатые думают. Значит, если все это продудеть в уши бедным ку-ку, им, вроде, полегчает. Ха-ха, доктор Герберт. Поймешь — и сразу все простишь. Много-много ха-ха, доктор Герберт! В вашей башке гремят сотни голосов, и вам ничего не понять. Почему, отчего… Вам не до того, сколько их и по какой причине, вы только об одном мыслите: скорей бы они смолкли! И чтобы монстров больше не видеть. Значит, вы думаете, их это подбодрит? Значит, они снова увидят только тетушку Фолли и ее моську-киску и таксомоторы на мостовой? Доктор Герберт, почему вы так уверены, что нет этих ужасов? Почему, доктор Герберт? Я действительно очень хочу узнать, в каком мире вы живете, доктор Герберт, потому что мы с вами живем в разных мирах. Это очевидно, потому что вы не ку-ку, а я ку-ку.

Нет, нет, снова, снова. Значит, милый доктор Герберт, вы ошибаетесь, как ни жаль вас огорчать. Потому что почти каждый верит, что эти

пять процентов — все, что нам дано. Пять процентов Вселенной. А что сверх того — то от лукавого. И если машинка барахлит, и процентов не пять, а, скажем, десять, то голоса, которыми тебе кричат собственный локоть или дверная ручка, злы, ехидны, нетерпимы. И ничего не изменить. Не вдруг. Но бедный ку-ку как-то справляется со злыми голосами, как-то ладит с ними, они сами о себе кричат, что они дрянь. Почти никогда не маскируются. Но вы хотите, чтобы их было не пять процентов, а чтобы они были ВСЕ! Когда и с пятью-то процентами справляешься с трудом. В детстве все мы видели-слышали больше этих пяти процентов, видели друзей, которых никто больше не видел, и род ителей этих друзей, когда они им внушали, что они… Нет, хватит.

Вчера вечером доставили одну. Перепутана до смерти. Доктор Герберт попросил меня с ней посидеть. Посидела, Она шизанутая, сразу видно. У нее любовь, на эту неделю свадьбу назначили. А он в кусты. А она не вынесла. Не ест, не пьет, не спит. Ревмя ревет. Вчера шла через мост Ватерлоо и увидела себя сверху, футов с двадцати. Со мной такое тоже бывало. Мы ведь не в одном экземпляре. Нас несколько один в другом. Китайские коробочки. Матрешки. Тела наши — оболочки.

Или наоборот, тела внутри, как хотите. А если тебя тряхнет такое, если, к примеру, жених скажет, что женится он не на тебе, а на твоей лучшей подруге Арабелле, то мало ли что стрясется. Мне нравится наблюдать за собой издали. Не кажется такой отвратной эта долгая, долгая, долгая жизнь. Да и к тому же видишь, какая она мелочь, внимания не стоящая. И гляжу я на себя, на старую тощую жабу, гляжу… Доктор Герберт все мне о платьях да о макияже… Понимал бы он… Китайской коробочке, следящей за Линдой, плевать на макияж. Плевать на старуху Линду. Плачь, говорю я ей, плачь, если хочешь, мне плевать… Так вот, эта бедолага вчерашняя. Анной зовут. Доктор Герберт думает, ей станет легче, если я ей что скажу про китайские шкатулочки, одна из которых смотрит на другие на мосту Ватерлоо. Ко многому можно привыкнуть, доктор Герберт. Но не все сразу скажешь. Если бы она хоть была верующей, а в ней религиозности ни на грош. Будь она религиозной, она бы испугалась, но идея бы не показалась ей новой. Тогда я просто вместо китайских коробочек говорила бы о душе. Но большинство верующих думают о самой маловажной из китайских коробочек. Как их, там, поджидает мрак могильный, гроб, пламя

крематория и подобная ерунда. Им ни душа не поможет, ни китайская коробочка. Для них это слова. Только слова. Китайская коробочка — бяка. Душа — хорошо. Если христианская. Иногда поговоришь с какой — нибудь бедной душой. С ним, с ней. Лучше с ребенком. Дети не боятся, видя себя перед собой. Для них это вторая натура. Игра. Но помалкивать надо, я по себе помню, по своему детству. Родители ссорились. И я стала выбегать из комнаты. Они-то воображали, что я с ними, рядом. Да, я сидела рядом с глупой улыбкой на физиономии, но меня не было с ними, в другом месте в моей голове роились другие мысли. Конец, конец! Хватит.

Анне хуже. Сижу с ней. Она страшно испугана. Слышит обычные голоса, сплошную ругань. Видит своего жениха. Он с Арабеллой. Они разговаривают. Обнимаются. Трахаются. Она рассказывает только мне, потому что доктора Герберта тоже боится. Я говорю ей, чтобы она доктору Герберту не рассказывала. Я ему сама все расскажу. Вот теперь рассказываю. Доктор Герберт — это одно, но другие доктора… Значит, доктор Геберт узнает, а другие доктора — нет. Я ей рассказала о «втором зрении». Много у кого оно есть. Спросила, виделось ли ей что в детстве

— говорит, виделось. Я сказала, что здесь, как и в игре на пианино или в езде на велосипеде. Тренироваться надо! Практика нужна! Убеждала, уговаривала. Второе зрение — то, что надо! Посмотреть на себя с высоты двадцати футов… Но это ее не утешило. Потому что, когда такие вещи с человеком случаются, шесть процентов всего — это длина волны. Напряжение! Тысяча вольт вместо одного. Это не то, что ты только что был нормальный, а вот сейчас смотришь на себя с высоты в двадцать футов или слышишь голоса, как будто выскользнула из себя в сторону и не просто скачок напряжения, но когда у кого-то как-то напряжение вдруг напрягается и сразу чувствуешь, что сейчас разнесет. Пять процентов слуха-зрения — энергетика. Вот в чем дело, в энергетике. Слишком много энергетики слуха-зрения. Чуть больше — и машинка в куски. Вот в чем дело. Вот в чем, доктор Герберт. Анна больше не хочет. Больше не вынесет. Так она и сказала.

У нас с доктором Гербертом был еще один ночной сеанс. Когда уже свет выключили. В его кабинете. Он ночью дежурил. Он все мое прочитал. Обдумал. Так вот. Если кто-то, скажем, леди с Шотландского нагорья, вроде моей старой няньки, чует нутром, видит вторым зрением, и вдруг

скажет: «Высокий брюнет тебе встретится скоро» — и это сбывается, или: «Тому-то на следующей неделе суждена смерть» — и он умрет, то не с чего разлетаться на куски из-за слишком высокого напряжения. Или дети смотрят с ветки дерева на самих себя, как они, те, нижние, ковыряются в грязи. Они тоже не разлетаются в клочки. Не орут, не трясутся, не рвутся куда-то прочь, чтобы этого не видеть. Им это кажется нормальным. Самым нормальным на свете.

Дело в том, что некоторые с самого рождения воспринимают не пять процентов, а, скажем, шесть. Или семь. Или еще больше. Но коли уж ты пятипроцентник, а тебя вдруг шандарахнет шестью — непременно свихнешься. Я вот родилась шестипроцентной, совершенно нормальной. А они меня вырядили в дураки, потому что я им рассказала. Не скажи я им, до сих пор жила бы нормально, тихо-мирно. С Марком. Бедный Марк. О, мой бедный Марк. Он в Северной Африке с Ритой. Он мне пишет. Он меня любит. И Риту любит. И Марту. Любовь, любовь, любовь, любая, любую, с любой… Любвеобильный. Если бы мне нравилось, как он меня всю слюнявил, засовывал в меня руки и другие штуки… другие… считалось бы, что я его тоже люблю. Он так полагал, как

мне кажется.

Мои беседы с доктором Гербертом напоминают мне общение ‹ Мартой. С доктором, конечно, столько не поговоришь, у него дел полно. Он обсуждает со мной свои дела. Говорит, я много чему научилась, но толком не могу все это применить. Говорит, что и Марта, и я много знаем, но ничего не делаем. Делать… Что? Написать в «Тайме»? (это Марк) «Занять позицию?» (Артик, Фибочка). Я ему сказала, что, когда Марта мне снова напишет, я попрошу ее приехать, и тогда он с ней поговорит. Марта сейчас в муниципальной. Была я там, у Френсиса. Не понимаю, почему люди слипаются для совместного проживания. Как щенки в корзине. Лежат, лижутся, слюнявятся. Друг на друга похожие все равно сходятся. Так мне кажется. Им не надо лизаться.

Доктор Герберт собирается вместе со мной к Марте и Френсису, потолковать по душам. Я не возражаю.

Доктор Герберт хочет, чтобы я ежедневно развивала свои способности. Я ему говорю (я говорю вам, доктор Герберт), что «способности» мои иной раз усиливаются, а иногда исчезают вовсе, так что не над чем трудиться ежедневно. Что, на манер конторского служащего вкалывать?

Нарукавники надеть? Да, именно. Он предложил с девяти до пяти или, скажем, с двух до четырех. С понедельника по пятницу? С двумя выходными? Он сказал, что здешние постояльцы, кто не боится, смогут присоединиться. К чему «присоединиться»? Его очень интересует, что я знаю. А если я знаю что-то нехорошее? О чем лучше и не ведать. Доктор Герберт очень легко относится к знанию. Слышите, доктор Герберт? Спрашиваю его: почему вы считаете, доктор Герберт, что все мы или большинство входим в число пятипроцентников? И мало кто относится к шести-, семи- (еще меньше) или восьми- (еще-еще меньше)? Они для нас как боги. Полагаете, тот, кто запускает эти мелкие игрушечные машинки — нас то есть, — знает, что мы можем вынести? Я, доктор Герберт, этого вынести не могу, и поэтому трудно мне думать о том, что я знаю.

Забыла я, совсем забыла, а это важно. Если человек — это набор китайских коробочек, одна внутри другой, то что такое весь мир? Не то же самое? Я об этом пишу, потому что это важно. Глядя на себя снаружи, я едва сдерживаюсь, смешно, ей-богу! Вижу эту старую крысу Линду, кожа да кости, пальцы кровоточат. Но человек ведь не то, чем с виду кажется. Не важно, что старая крыса

в старом платье. Доктор Герберт, особо довожу до вашего сведения, что в гладильню я сегодня не попала по уважительной причине: ключики тю-тю. Итак, черт с ней, с гладильней, есть вещи поважнее. Мир, глядящий откуда-то на наш кошмарный миришко — вещь поважнее. Дьявол! Ад! Знаете об аде, доктор Герберт, Герберт, Герберт? Знаете? Улыбочкой хотите отделаться? Полагаете, это моя болезнь болтает? Но ад, ад, доктор Герберт! А допустите, что я права, что вон он, другой мир, иной мир, что-то вроде облегченной копии этого тусклого скопления тягот в цепях тяготения, толстого, тяжкого, тяжелого тяготения. Представьте, что этот другой мир соскользнул, как перчатка, и оглянулся на этот ад, и пожал перчаточными плечами. И еще перчатка, еще мир, еще, еще… Круглые костяные китайские шарики, узорная резьба. Весело? Чувствую, что на моей физиономии улыбка. Значит, допускаем, что весело.

Вот и мы с Мартой, бывало, сидели и смеялись, смеялись… ржали… И Дороти тоже. Реже. Сандра никогда не смеялась. Но Дороти покончила с собой, и Сандре стало легче. Никто ее не любил, Сандру. Все считали ее скотиной. Что ж, не за здорово живешь считали. Но мне после всех этих

стационаров на все плевать. Главное — понимать сказанное. Марк мне мужем был. Теперь он мне не муж, потому что я потребовала развода, чтобы у Риты дети родились, как положено. Марк меня любил. Он любил. Он меня своей любовью в гроб вгонял. Страсть как нравилось ему запускать лапы в мои сальные волосы. Любовь. Линда, любимая… Люби, моя… Ах-ах… Но до него так и не дошло. И Марту любил. Да залюбитесь вы в доску! И с Ритой тоже. Чмок-шлеп-хлюп-чпок… Рита вообще его не понимала, ни слова. Мокрые процессы без слов. Ну, ладно, секс, любовь… не специалист я. Сплошная «такназываемость». Пустозвонство и трата времени. Не готова я, не готова…

Договорились насчет с девяти до пяти, конторский режим. Он говорит: приходи, когда созреешь. Эксперименты на мне ставить будет… Нет, он так их не называет, не хочет меня пугать, чтобы я, старая крыса, не вообразила себя крысой подопытной. Не бойтесь, герр Герберт, я ведь не боюсь. Меня теперь ничем не испугаешь. Что не так — я сразу шмыг из себя и ищи ветра в поле. Я не боюсь, только ни к чему они не приведут, ваши эксперименты. Хотите убедить уважаемых коллег? Вот уж что не по мне, так это торчать

морской свинкой на ваших дурацких конференциях да симпозиумах.

Как вы не поймете, никто вам не поверит. Пока на своей шкуре не проверят. А когда проверят и поверят, им не поверят другие. Глухой номер. Марта и Френсис говорят, что военные этим занимаются, даже уже используют. Суньтесь к военным, справьтесь у них. Они, впрочем, ничего не скажут. Они только со смертью шепчутся. Дружки закадычные.

Доктора Герберта переводят. Он говорит, что может взять меня с собой. Конечно, я с ним поеду. Они, правда, говорят, что могут меня и выпустить, что я и одна справлюсь, но нет, я уже здесь привыкла. Там, в муниципальной, у них все строже, тут улыбайся, там улыбайся… Лижи им… Тьфу. Больница больнице рознь… Там посмотрим. Доктор Герберт говорит, что хочет продолжить наше сотрудничество… Ха-ха, сотрудник…. Крыса подопытная.

С доктором Гербертом я иной раз чувствую себя, как в детстве. Тут меня просто хватали и совали в психушку за психушкой. А в детстве голоса были добрее, дружеские. Да, Линда, да, говорили они. Сделай это, а потом это, у тебя получится. Молодец, Линда. Не плачь, Линда, не печалься.

Помню, однажды родители ругались, шум стоял, я плакала под шумок, и вдруг этот голос: «В чем дело, Линда?» И я поняла, что все это ерунда, эти дрязги, ссоры, споры. Дружеский голос. А потом все доктора наперебой внушали мне, что голоса эти злые, вредные, жестокие. Пока не появился доктор Герберт. Он добрый не потому, что слова его добрые, а внутри добрый. Слова могут ничего не означать. Личность добрая, место тоже может быть добрым. Близость, покой. Не устаю повторять, что голоса, которые грозят, мучают бедных психов, могут и утешать.

ЗАРИСОВКА К ОБСТАНОВКЕ НА ШИКАСТЕ

Это произошло в области Шикасты, контролируемой религиозными обскурантистами, своим невежеством и лицемерием осенившими все аспекты жизни, считавшими абсолютной истиной, что некто по имени «Бог» создал человечество в некий определенный день около четырех тысяч лет назад. Считать иначе означало вызвать на свою голову судебное преследование, социальный остракизм, потерю работы. Против узколобого догматизма выступали интеллектуалы, работавшие в сферах истории, биологии; предлагали альтернативные варианты возник-

новения планеты и человечества, развившегося в течение многих тысячелетий из некоторых видов обезьян. Религия отвечала насилием, гражданские власти шли у нее на поводу. Эти смелые индивиды, отстаивавшие иную точку зрения, так или иначе, все пострадали за свои убеждения.

Предлагаю вашему вниманию историю лишь одного из них, «рядового армии свободной науки», как он себя определил. Выходец из бедной семьи, он стал учителем, преданным своему делу, боготворил истину и был готов ее отстаивать до последней возможности.

Жил он в маленьком городке, где общественное мнение определялось тем, что прихожане слышали в церкви. Он начал работу в школе, обучая детей согласно последним научным данным — что человек произошел от животных в процессе эволюции. Очень быстро потерял работу. Девушка, на которой он собирался жениться, ему отказала, уступив давлению семьи. Он не сдался, обучился плотницкому ремеслу, однако работы ему никто не давал, и пришлось бедняге покинуть родной городок. Переехав в большой город, где его никто не знал, он устроился плотником, продолжая собирать библиотеку, посвященную «новой науке». Библиотекой его пользовались

многие братья по духу, особенно молодые люди. Здесь их было неизмеримо больше, чем в крохотном городишке, где все друг друга знали. Не раз посещали его разгневанные клерикалы, сограждане издевательски замечали ему: «Хочешь быть обезьяной — на здоровье!». Однажды библиотеку подожгли. Дважды он менял квартиру. Семью он не создал. Шестьдесят лет жил в бедности, поддерживаемый ощущением своей правоты, зная, что будущее его оправдает. Уже в старости, проходя по улицам или сидя на скамеечке, он слышал издевательские крики мальчишек, а то и взрослых: «Обезьяна, обезьяна!» — и улыбался в ответ, зная, что за ним правда.

Такие храбрые люди помогли подорвать основы наиболее тупоголовой религии всех времен и народов, столетиями душившей любые ростки здравого смысла.

Докладывает Джохор

Агент 20 в ответ на запрос прислал следующее донесение.

Нахожусь в большом городе Северного Изолированного Континента. Здесь сильны контрасты между богатством и бедностью. Полно многоэтажных жилых зданий. Практически все мужчины

и большинство женщин днем покидают дома, направляясь «на работу», зарабатывать деньги. Большинство населения живет в бедности, но бедность здесь особого рода, характерная для богатых местностей Шикасты. Все лезут из кожи вон, чтобы поддержать определенный стандартный уровень жизни, диктуемый экономикой. Семейной жизни в традиционном понимании не существует. Пары быстро распадаются, дети, которым уделяется крайне мало внимания, с малых лет организуют уличные банды, пополняют ряды профессиональных преступников. Нельзя сказать, что этой проблемой мало занимаются. Социологи предупреждают, советуют родителям вспомнить о своих отпрысках, высокое начальство не скупится на отеческие увещевания и пламенные призывы, а воз и ныне там, проблема лишь усугубляется.

Интересно, что сусальные истории о гармоничной семейной жизни — чрезвычайно популярные у зрителей — не сходят со сцен и с экранов, но все эти истории относятся к далекому прошлому, с нынешним временем не соотносятся, и контраст этот бросается в глаза молодежи, лишь усиливая ее цинизм и отчуждение.

Не вижу толку от обращений к детским и

молодежным бандам в качестве индивида. От обращений к родителям, особенно к матерям, проку больше, но обычно это происходит слишком поздно.

Иногда я сомневаюсь, что среди всего этого множества народу, среди многих тысяч семей, запиханных в многоэтажные жилые ульи, найдется хоть одна, уделяющая детям такое же внимание, какое уделяют своим детенышам животные. Здесь я говорю не о жестокости, а о равнодушии, об отсутствии интереса.

Я поселился в комнате старого дома на улице, соседствующей с акрами голого асфальта с торчащими из него жилыми башнями. Сад, дерево, трава здесь редкость, однако напротив моих окон первого этажа на обработанном клочке земли растут цветы и два дерева, одно небольшое, другое громадное. Одна из соседок ухаживает за цветами и держит кошек. Как и многие женщины, она умудряется довольствоваться малым и извлекать из этого малого большое удовольствие.

Однажды ее кошка родила четырех котят. Трех забрали соседи и знакомые. Кошка-мать, уже старая, умерла. Оставшаяся самочка, очень красивая, черно-белая, оказалась на диво глупой, похоже, слабоумной. Она почти все время спала,

из дому не выходила. В период течки спарилась с большим черным котом, весьма решительным, который дал понять всему кошачьему населению округи, что садик перед моими окнами — его территория. Соседка полагала, что у него есть хозяева, но все же иногда подкармливала. В дом к себе она его не пускала, но когда самка родила от него двух котят, полосатого котика и черную кошечку, папаша попросился «навестить» потомство, и соседка его впустила. Он уселся возле кошачьей коробки, «разговаривал» с матерью и лизал своих детенышей.

Женщина удивилась его отцовским чувствам, позвала меня. Мы прозвали их мужем и женой, и соседка моя со смехом отметила, что эта пара — пример множеству человеческих.

Черно-белая кошка оказалась хорошей мамашей, что касалось кормления, но пользоваться «туалетом» она приучить детей своих не смогла. Этим занялся отец. Он таскал котят «на горшок», поощряя их мурлыканьем и аккуратно вылизывая.

Красотой он не отличался: костлявый, с рваными ушами. Мы полагали, что кот этот уже старик. Он, в конце концов, прижился у сердобольной женщины. Поведения кот оказался весьма при-

стойного, жадности к пище не проявлял, всегда пропускал «жену», которая наедалась, не обращая внимания на детишек, затем уходила. Кот ждал, пока наедятся котята, и лишь потом доедал то, что оставалось. Иногда оставалось не слишком много, и он вылизывал миску дочиста, однако больше не просил.

С садиком малышей тоже познакомил отец. Мать осталась полностью в стороне. Кот звал котят, приглашая спуститься по ступенькам, постепенно ознакомил их со всей территорией, показал, как закапывать экскременты. Мы с женщиной наблюдали за всем этим, не выхода наружу, стоя у окон.

Неподалеку проживал еще один кот, прирожденный альпинист. Его постоянно можно было видеть то на крыше, то на деревьях. Котята, увидев этого героя прогуливающимся по большому дереву, рванулись за ним, успешно взобрались, но слезть не смогли. Кот-верхолаз, не обращая на них внимания, спрыгнул с большого дерева на маленькое, с него за землю и гордо удалился. Котята вопили на дереве, жаловались и паниковали.

Черный кот, наблюдавший все это со ступенек, задумчиво подошел к дереву, уселся, обдумывая

ситуацию. Он отдал котятам какие-то команды, продиктовал указания, но те вопили и ничего не поняли. Тогда кот залез на дерево, спустил одного, вернулся за вторым, спустил и его. На земле он сурово отчитал их за глупость и надавал по ушам. Затем подошел к маленькому дереву, медленно лез на него, все время оглядываясь. Остановился, поджидая. Первым за ним последовал полосатый, затем черная кошечка. Дерево начало покачиваться под их весом, и старый кот, буркнув, начал спуск. Котята, недовольно вопя, жалуясь, все же последовали за отцом. Спрыгнув наземь, принялись гоняться друг за дружкой, обрадовавшись окончанию урока. Но старик снова позвал их, и полез на большое дерево. Котята жалобно взвыли, и он задумался. В конце концов отец решил прервать тренировку и продолжил обучение на следующий день, когда котята и научились успешно слезать с большого дерева.

Дни кот проводил с котятами в садике, а когда они уходили домой, валялся на стене. Иногда он сопровождал котят, подходил к лежавшей неподвижно «жене», похожей на больную старуху. Изредка кот обнюхивал ее, даже лизал, но она ни на что не реагировала.

Котята подросли и отправились по новым

домам. Наступила осень. Какой-то бравый стрелок ранил кота из пневматической винтовки. Рана затянулась, но сделала его хромым на всю оставшуюся жизнь. Вообще-то он и раньше ходил какой — то неловкой походкой, мы думали, что из-за почтенного возраста. Зимой в поведении кота наметились отсутствовавшие ранее особенности. Он сидел на ступенях, глядел на окна соседки, на мои. Если женщина впускала его, он ненадолго задерживался возле кошки, но она не обращала на него внимания, и он отходил в угол. Если соседка его выпроваживала, то он обращал свой безмолвный призыв ко мне. Я устроил ему местечко возле печки, он спал там на подстилке, утром благодарно мурлыкал и направлялся к двери. Зима выдалась холодной. Иногда кот целыми днями грелся на подстилке, выбегая лишь ненадолго, чтобы облегчиться. Это случалось весьма часто. Я оборудовал ему «туалет» в комнате, потому что снаружи выпал глубокий снег. Он и в комнате облегчался часто. Должно быть, больные почки, подумал я. В конце концов, он ведь старик. Кот исхудал, почти ничего не ел. Раза два посетил свою «жену». Казалось, ей приятно было его видеть, но когда он уходил, она не реагировала.

Теперь ему даже ходьба доставляла боль. Очень осторожно укладывался он на подстилку, медленно и бережно, сдавленно постанывая, стараясь не шуметь. Я думал сначала, кот боится, что я вышвырну его за стоны, но потом понял, что это самоконтроль благородного животного, научившегося преодолевать боль.

Когда кот находился в комнате, я чувствовал исходящие от него дружелюбие и поддержку, и иногда осторожно гладил его. Он отвечал благодарным мурлыканьем.

Поскольку лучше бедняге не становилось, я завернул его в одеяло и отнес к ветеринару. Тот сказал, что у кота рак. И что он вовсе не старик, просто от неблагоприятных условий жизни, от ночевок в холоде и сырости приобрел ревматизм.

Из сообщений Джохора

(В каком-то смысле эту информацию можно рассматривать как продолжение Дополнительных разъяснени и 1. — Пр имечание архивариусов.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

2

Много уже времени прошло с тех пор, когда обитатели Шикасты могли переносить жизнь свою без тех или иных вспомогательных средств. Почти с самого момента прекращения потока ВС они принялись глушить боль с помощью чего попало. Конечно, всегда были и индивиды, обходившиеся без этого.

Алкоголь и галлюциногены, дериваты опиума, какао, табак, химикаты, кофеин… Чего только они не применяли!

Однако данная область достаточно описана, подробная информация по этим вопросам имеется в наших архивах.

Сейчас мало кто сохраняет свою суть и стабильность. Могу определить то, что я имею в виду, точно теми же словами, что и ранее, описать… скажем, религию. Но главное ускользнет: ощущение, атмосфера.

Религии на Шикасте значат не меньше, хотя власть их утратила тираническую жестокость. Множатся новые секты. Но небеса Шикасты приподнялись. Планета послала своих обитателей на

Луну, на поверхностях других планет действует аппаратура шикастян. Очень многие полагают, что Шикасту навестили обитатели иных миров. Слова, языки религии стали весомее, но в то же время приобрели уклончивость. Произнося: «Звезда, галактика, Вселенная, небо», — шикастяне используют те же слова, что и раньше, но означают эти слова уже не то, что сто лет назад. Религии потеряли определенность. Сто лет назад приверженцы какой-либо религии могли верить, что она лучше других, что они единственные люди на свете, которые «спасутся». Ныне это возможно, лишь если они наденут на себя шоры, не дающие взглянуть на собственную историю.

Национализм на Шикасте, который можно назвать новой верой, использующей энергию старых религий, ощущается весьма сильно, а новые нации появляются каждый день. И одновременно с этим появляются на свет мужчины и женщины, готовые умереть за химеру. И если еще одно-два поколения назад жители планеты могли мыслить в масштабах своей деревни, города, схватывая понятие нации, то теперь «нация» — понятие сильное, хищное, однако не менее сильно и понятие всего мира как чего — то, состоящего из взаимозависимых составляющих.

Умереть за свою страну сегодня невозможно с той же убежденностью, что сто лет назад. Еще не так давно представители любой нации могли искренне воображать себя лучше, благороднее других. Но сейчас гражданин любой страны видит, что она ничем не лучше другой, что правит в ней та же ложь, что и в соседней и любой другой, теми же отвратительными методами, что и в любой другой. И точно так же она развалится, как и любая другая в грядущие последние дни.

Политические партии, возбуждающие те же эмоции, что и церковь, что и национализм, каждый день меняют воззрения. Ранее, возможно, иные члены этих политических сект верили в чистоту и благородство их устремлений. Но нагромождение постоянных предательств и разочарований, лжи и подлости, убийств и пыток, безумное метание курса не оставляют места вере.

Наиболее молодая из религий, наука, столь же лицемерная и негибкая, как и любая религия, создала технологию, образ жизни, склад ума — и все это крайне непривлекательного облика. Не так давно господин ученый воображал себя венцом человеческого мышления, авангардным бойцом знания, прогресса. И с соответствующим высо-

комерием глядел на копошащихся у его подошв двуногих мошек. Но теперь даже он начинает сознавать свое ничтожество, и загаженная им планета поднимает против него возмущенный голос.

Все идеи и верования, поддерживавшие человечество на протяжении многих столетий, рушатся, ветшают, растворяются.

Что же остается?

Конечно, шикастяне всегда блистали способностью заделывать бреши в крепостных стенах своей уверенности. Слабая по сути, ранимая природа их существования, подвергаемая бессчетному числу случайных воздействий, не контролируемых их жалким мозгом, беспомощность перед лицом космических штормов и непредсказуемых военно-политических эксцессов — все это заставляет их молиться, на что-то надеяться и множить формулы в своих лабораториях.

Объединение индивида и коллектива, осознание разума индивида в качестве составляющей разума коллективного — то же, что и соска-пустышка для младенца, алкоголь для пьяницы. Но и эта общность расслаивалась, рассасывалась, подтачивалась сомнением, ужасом изоляции.

Что еще могло отгородить их от сознания на-

двигающейся опасности, во что можно было закутаться, словно в теплое одеяло, чтобы не чувствовать холода надвигающейся пустоты? Инстинктивная тяга к наслаждению, свойственная каждому животному, потребность в еде, секс, в преддверии угрозы вымирания выдвигающийся на первый план как средство спасти, сохранить вид. И вечная тяга к здоровью и благоденствию, ощущению единства с природой: с другими видами, с растениями, с самой почвой. Самый забитый из обитателей планеты улыбается, наблюдая, как свежий ветерок колышет травку, ветви дерева; ему приятно посадить растение и наблюдать за его ростом; его интригуют облака, клубящиеся над горизонтом. А сколь сладостно заснуть в четырех прочных стенах, слушая, как гудит в дымоходах ветер, который — пока что — не в силах тебе ничем навредить… Все это регенерирует силы в существах, населяющих Шикасту.

Лишенный всего, лишенный комфорта, безопасности, страдающий от голода и холода, давно забывший об идиотских понятиях «родины», «прогресса», «религии», опустив глаза к клочку земли между двумя разрушенными домами, пусть даже загаженному обломками кирпичей, строительным мусором, индивид думает: «Ниче-

го, это можно расчистить, это можно оживить, это можно засеять, возродить…»

На него, израненного и изломанного, надвигается переваливший через насыпь танк, он умирает, но последним взглядом хватается за траву, льнет к сломанному стебельку полевого цветка — видит бессмертие…

Именно это я хочу особо выделить.

Подобных индивидов, перед глазами которых открывается бессмертие, обладающих таким взглядом, таким складом ума, такой чуткостью нерва, очень мало, почти нет на Шикаете, но с каждым днем их становится больше… Когда-то планета ощущала постоянную мощную поддержку, сейчас — ничего, отравлены истоки жизни, ключи, заполняющие водоем…

Нет больше поддержки, не будет.

Человек простирает руку, чтобы опереться о грубый кирпич; кладка греет ладонь, отдает принятое от солнца тепло; солнце и обожженная глина, лучи звезды и вещество земли поддерживают его. Но ум воспринимает вести смерти: воздух той же земли, смесь газов, суматошный перепляс атомов несет проклятие. Разум подсказывает: война. Была война, будет война, идет война, кирпичная кладка превратится в едкую

ржавую пыль.

Она протягивает руку к своему ребенку, прижимает к себе теплое тельце и знает, что дитя растет, чтобы погибнуть в бойне, а если чудом и выживет, то останется калекой, облученным, обреченным. Смерть втискивается между ней и младенцем.

Он смотрит на дитя, думает о природе, о том, как та забавляется с загадочным набором игральных атомов, о постоянно возникающих новых видах. Он смотрит в окно и не видит природу, о которой думает. Природа растворяется, исчезает на глазах, созданные ею существа постоянно исчезают, скоро сюда придет лед… лед уже был здесь, всего каких-то десять тысяч лет назад, и он вернется… Но лед приходит и уходит, а жизнь возвращается. Лед убивает, но не искажает, не извращает сути жизни.

Она думает о животных, терпеливых и благородных, общающихся на языках, которых мы не понимаем, об их доброте друг к другу, об обращенной к нам дружбе. Она нежно гладит прильнувшую к ней кошку, зная, что животные вымирают, что их убивает людская глупость, жадность, жадность, жадность. Отравлены мысли о великих возможностях природы, и она всмат-

ривается в потомство своей кошки, выискивая признаки мутации. Не находит их, но знает, что процесс продолжается, он необратим.

Ему одиноко средь множества постоянно перемигивающихся, не обращающих на него внимания звезд, он хочет обнять ее, прижаться к ней, хочет, чтобы она обхватила его руками — но знает, что объятие это произведет на свет чудовищ.

Не одну тысячу лет стоит она у стола, нарезает хлеб, красиво укладывает на тарелку овощи, достает бутылку вина, но не может не думать, что вино отравлено, как и овощи, и хлеб. Яды цивилизации в каждом грамме живой и неживой природы. Инстинктивным символическим жестом обновления, уюта, безопасности она протягивает кусок хлеба своему ребенку, но вера теряется, ибо сознает она неведомую опасность, таящуюся в этом хлебе.

Он погружен в работу — если у него есть работа, ибо тысячи поддерживаются в неиспользованном резерве, живыми (точнее, существующими), но не изнашиваемыми, не развиваемыми, не напрягаемыми работой. Он занят тем, чем занимались многие миллионы до него, труд его вливается в коллективный труд миллионов, труд

— первейшая взаимно полезная потребность… Так ли? Мысль спотыкается, глохнет. Он сомневается, она сомневается, им кажется, что они отдают свое лучшее ни за что, выбрасывают на ветер.

Он и она наводят порядок в своей уютной квартирке, перебирают груды стекла, дерева, синтетики, керамики, бумаги; переставляют какие-то жестянки, сосуды, контейнеры — «нужнейшие» вещи! Хлам цивилизации, мусор, дающий работу множеству людей, скапливающийся громадными горами, загрязняющий землю, воздух и воду. В них растет раздражение. Какая-то особо бесполезная штуковина летит в мусорное ведро. А за полпланеты от них молодая домашняя хозяйка мечтает о подобной штуковине, воображает, что именно такого украшения ее кухни не хватает для полного семейного счастья. А в уютной квартирке раздражение выплескивается друг на друга, на детей, на соседей. Ничто под их руками не поддерживает их, не связывает с природой. Он с тоской вспоминает вдруг побеги тыквы, оплетающие кучу отбросов, ее большие зеленые листья, желтые цветы, наливающиеся шары плодов, жужжащих вокруг летних мух. Ей вспомнился разбитый много лет назад на ферме керамиче-

ский горшок, его яркие на изломе осколки. В ходе всей человеческой истории взгляд подпитывался созерцанием опадающих осенних листьев, возвращающихся в землю, зарастающей мхом стены, костями какого-то животного, белеющими на берегу ручья. А эти двое стоят, оторванные от земли, поднятые высоко над нею, окруженные машинами и плодами деятельности машин. Они дышат, но дыхание их зажато, ритм его сбит, ибо воздух заполнен тленом и разрушением.

Они вяло поднимают руки к стене — и из стены, из вделанного в нее крана льется прозрачная струя. Но для того, чтобы пить эту воду и даже мыть в ней руки, приходится преодолевать себя. Они знают, что вода эта уже десятки раз проциркулировала по их организмам, проходила через их мочевые пузыри. Они выставляют ведра, собирают дождевую воду, но и та отравлена химикатами.

Они подходят к окну, следят за полетом птиц, и им кажется, что взмах птичьих крыльев выглядит прощальным жестом. Их мучают угрызения совести: ведь они внесли свой вклад в уничтожение видов, и полет птиц, их небесная акробатика вызывает не восхищение, а боль, и они отворачиваются от окна.

Эта женщина, этот мужчина, обеспокоенные, ищущие забвения во сне или неспособные заснуть от обуревающих их мыслей, жаждущие найти стабильную опору, не ускользающую от рук, не расплывающуюся туманом… Один из них поднимает с мостовой опавший древесный лист, приносит домой. Листок лежит в ладони, отливая матовым золотом: оскульптуренная жизнь, выверенная конструкция, легкий как перышко, готовый вспорхнуть, воспарить, движимый легким выдохом, сухой в слегка влажной человеческой ладони. Глаз прослеживает тысячи ребер жесткости, ответвлений, перегородок, пятнышек, капилляров — целых миров, галактик, цивилизаций с колониями вирусов и плесеней. В каждом микроне тысячи галактик. Почва тянет его к себе; превосходящий по совершенству надутый ветром парус, не уступающий улитке или ракушке, он растворится в горсти земли, раздираемый множеством сил смерти и возрождения. И если слегка — лишь чуть-чуть — подкорректировать зрение, то увидишь все эти силы в действии, проявляющимися в стоящем перед окном дереве, с которого слетел этот лист. Осень. Дерево экономит энергию, чтобы пережить зиму, избавляется от ненужной теперь листвы. Нет, это не дерево,

а кипящий сгусток материи, в борьбе, развитии, смерти, рождении мелких и мельчайших видов, питающихся друг другом, рождающихся и гибнущих с каждым вздохом склонившихся над листком мужчины и женщины, чувствующих природу в ее ревущем стремлении… куда? Постоянное взаимодействие, рождение и смерть, созидание и крушение, крах экосистем, империй, цивилизаций, галактик.

Мужчина и женщина затихли в своем уголке вселенной любуясь золотым совершенством, опавшим осенним листком. Свежим отходом живой природы, которому суждено возродиться в новых проявлениях, снова погибнуть и снова восстать. Сжать руку — и выбросить золотую пыль за окно. Ближайший дождь смоет эту пыль в почву, к корням породившего этот лист дерева и своим чередом опять засверкает его вещество, нежась в солнечных лучах. Или же положить этот листок на блюдо в гостиной и шутливо кланяться ему, иконе живой природы, извиняясь перед нею за разрушения, причиненные видом двуногих прямоходящих, надеясь, что законы, создавшие этот лист, сильнее мелких, суетных, злобных закончиков разрушения и извращения.

Сгущается тьма, и он видит в небе светлое

пятнышко взорвавшейся миллионы лет назад галактики. И с сердца его вдруг сваливается груз, он смеется, поворачивается к жене: «Гляди, мы видим то, что произошло миллионы лет назад!» И она смотрит в небо и смеется вместе с ним.

Такие люди редкость на Шикаете, пока что редкость, но число их растет, скоро их станет много, очень много. То, что им подвластно, что им открывается, невещественно, они сосредоточены на хаосе, черпая силу в мыслях о животворном разрушении. От всего они отлучены, но знают, что Вселенная — это ревущая машина уничтожающего сотворения, а они — ее мимолетные вспышки.

Ущемленные и раздавленные, дегенерировавшие, бесконечно удаленные от замысла их создателя, они утратили все позиции, зацепившись за граничные оконечности терпения. Терпение ироничное, скромное, опустившее их взгляды к опавшему листку, в котором они видят взрывы галактик и борьбу видов за выживание, естественный отбор. Низвергаясь в бездну небытия, обитатели Шикасты возвысили помыслы к вершинам смелости и… здесь я без колебаний вставлю: «веры». Нет, не без колебаний. Не без раздумий. И с надлежащим уважением.

Из очередного донесения Джохора

Получены предупреждения, что дальнейшее промедление опасно. Перед тем, как воплотиться на Шикаете на надлежащем уровне, следует проверить две пары потенциальных родителей, предложенных агентом 19. Это еще сложнее, чем выбор обстоятельств, способствующих моему скорейшему развитию, становлению, достижению независимости без сопутствующих вредоносных воздействий.

Докладывает Джохор

Между этими двумя парами существенных различий не наблюдается.

Первая пара.

Он фермер, знает передовые технологии, безработица ему не угрожает. Она под стать ему. У них уже двое детей. Родители здоровые, разумные, энергичные, раскол между ними маловероятен, отношение к детям ответственное. Недостаток: оба уроженцы одного из островов Северо-Западных Окраин и страдают неспособностью или несклонностью к контактам с представителями иных рас и народов. Поскольку с учетом стоящих

передо мной задач родители — по крайней мере один — должны принадлежать к белой расе, это обстоятельство представляется досадным. Вторая пара лишена этого недостатка.

Вторая пара.

В них сочетается много полезных качеств. Его родители прибыли с Основного Материка во время Второй мировой войны, и вырос он полиглотом. Родители отличались присущей переселенцам и беженцам энергией, и эти качества сын успешно перенял. Он врач, администратор, музыкант. Мать его супруги родом с островов крайнего запада Северо-Западных Окраин. Происходит из рабочей семьи, что в обществе, одержимом классовыми предрассудками, разумеется, воздвигает труднопреодолимые барьеры на пути развития ребенка. Свойственные ей энергия и одаренность позволили этой женщине преодолеть некоторые из этих барьеров. Она позаботилась также и о том, чтобы дать надлежащее образование своей дочери. Таким образом, эта женщина предприимчивостью и энергичностью не уступает мужу. Обучалась медицине и социологии, автор популярных книжек. Развод маловероятен. Вследствие присущего им космополитического налета оба лишены на-

ционалистической узколобости, способны трезво оценивать события в мире. Здоровы, психически уравновешенны. Родители из них должны получиться ответственные.

Детей у них пока нет. По роду деятельности обоим приходится путешествовать, чему не противоречит склад характера.

Эта пара кажется мне вполне подходящей.

Из записей Джохора

Много энергии отнял я у гигантов и не ожидал более увидеть ни следов скорбных поселений, ни жалких обитателей их. Без задержки перемещался я по потерявшим четкую границу с воздухом пескам, видел, как растет пустыня, как сгущается мрак скал, но ни следа зелени, ни следа жизни вообще не обнаружил. Пустыни росли так же, как и на Шикасте: там, где истреблялись и вымирали леса, пересыхали реки и озера. Залы гигантов напоминали мираж, увенчанные зубцами разваливающиеся башни и стены призраками вибрировали в раскаленном воздухе, а я несся меж ними, как гонимый ветром мыльный пузырь. В большом зале маячили в полумраке, исчезали троны и короны, вымпелы и знамена, и вот вместо обманчивого видения князей и Джар-

сума передо мной лишь песок, звучит в ушах его змеиное шипенье. Мелькнули в воздухе призраки старых друзей, лицо Джарсума, исчезли снова. Я ждал повторения видения, вытянув вперед руку, чтобы уловить призрачную конечность Джарсума, и он появился, я заглянул в его огромные глаза. Я окликнул гиганта, желая успокоить, сообщить, что не зря он и его друзья существовали на свете, что они помогли нам, ускорили наши деяния и упрочили их результаты, но… конец. Они исчезли бесповоротно, и больше не возродятся никогда.

Я последовал далее, к границам Шикасты, пренебрегая возможностями проскользнуть в иные зоны, особенно в Четвертую и Пятую. Память подсовывала приятные впечатления от посещения этих зон, и я боролся с искушениями, не позволяя себе соблазниться и свернуть.

В довершение ко всему впереди простиралась особо неприятная область Шестой зоны.

На всем протяжении границ с Шикастой маячат толпы суматошных призраков, с которыми встречаться никому не в радость. Призраки эти — души, неспособные разорвать связи с планетой. Зачастую они даже не сознают, что покинули ее, ведут себя, как золотые рыбки, оказавшиеся вне

аквариума, желающие вернуться, но не способные на это, не понимающие, как они очутились снаружи и как им попасть обратно. Словно голодающие на пиру. Но если пища и события реальны, то незваные гости эти нереальны, лишь видения в реальном мире. Эти бедные привидения мухами вьются над планетой. У них свои пристрастия, они предпочитают определенные места, определенные ситуации, события. Роятся вокруг гордых и могучих, ибо кто-то йз них был гордым и могучим и рвется обратно, другие, оскорбленные и обиженные, не оставлены жаждой мести. Много мстительных упырей вьется вокруг властных центров Шикасты. Садизм, жестокость, насильственная смерть… Толпы, толпы впитывают их гнусные миазмы, наслаждаются ими… Секс! Толпы, толпы… Обжорство: толпы в кухнях, в едальнях всяческого рода… В общем, не обижены вниманием базовые страсти. Есть, конечно, и духи с более возвышенными устремлениями, в семье не без урода.

Вьются призраки вокруг совокупляющихся любовников, наслаждаются ласками, взглядами, вздохами, звуками — их не интересует жестокость, боль, они созвучны волнам Канопуса, но их уловили сети Шикасты и до самой смерти не

могли они выпутаться из этих сетей. Среди зачарованных созерцателей шныряют безобразные паразиты, суккубы и инкубы, разной специализации вампиры, научившиеся питаться энергией Шикасты.

Вокруг меня призраки, которым дарования или обстоятельства позволили развиться в разного рода художников. Музыканты и сказители, создатели изображений на плоскости или в объеме. Да, воистину они достойны жалости. Они стремились дать населению Шикасты вдохнуть чистый горный воздух искусства, но чаще сами задыхались в миазмах бытия. Эти не опасны, контакт с ними не заставит ссохнуться и бесследно исчезнуть. Я миновал какую-то бедную душу, погруженную в мудреные вычисления, затем еще одну, явно оттачивавшую поэтический шедевр, и увидел группу знакомых.

— Уходите, уходите, — обратился я к ним. — Вы здесь пропадете, завязнете, засосет вас…

Но мне не удалось рассеять колдовской туман, они не услышали меня.

Я пробрался сквозь толпу призраков, которых забота о судьбе детей, знакомых, любимых привела в залы советов и конференций, где принимались решения, определяющие будущее

Шикасты. Во всяком случае, так наивно полагали принимающие эти решения. И здесь старые знакомые.

— Джохор, Джохор, забери меня отсюда! — Этот и подобные возгласы, вопли, стоны раздались со всех сторон, перекрыв блеяние политиканов, примеряющих силу к силе, козлиное упрямство к упрямству ослиному, готовящих всех козлов и ослов к генеральному закланию, а Шикасту к превращению в выжженную землю, где на просторах целых континентов не останется ни одной живой души.

— Уходите, — говорю я им. — Вы сыграли свою роль, вам не было дано, у вас ничего не получилось, бросьте то, чего вы не можете изменить. А если хотите стать теми, кто сможет что-то изменить, не толпитесь здесь бестолочью, лучше напрягите воображение, сконцентрируйтесь на будущем, может быть что-то получится. Попытайтесь вернуться на Шикасту, преодолеть трудности…

Но они не слышат меня. Слышат они лишь то, что желают услышать. Возобновляется невидимая возня вокруг призрачных комитетских столов заседаний.

Нет, не для пугливых рубежи Шикасты. Мно-

гие дрогнули здесь, многим застлал глаза ужас. И сам я пал духом, пробираясь мимо толп этих ожесточенных заморышей. Не впервой мне проделывать такое, опыт, конечно, помог, но все же в этот раз все гораздо хуже, чем в предыдущий. Бедная Шикаста!

Наконец я добрался до входных постов и очередей. Поискал Рани, которая снова одолела половину очереди и вынуждена была отвлечься ввиду свалившейся откуда ни возьмись экстренной ситуации. Кроме нее никого. Рилы и Бена не видно. Я спросил о них, она ответила, что поставила их в очередь и вернулась на свое место. Отправившись на поиски, я вскоре выяснил, что похожая по описанию пара заняла место в очереди, но на что-то отвлеклась, удалилась, больше их никто не видел.

Что делать? Уже поздно, у меня сил не осталось, но надо идти, искать.

Далеко идти не пришлось. Дойдя до кустов, я увидел несколько танцующих в воздухе шариков разного цвета; как будто играли в какую-то групповую игру, вроде пятнашек, живые существа, сталкиваясь и разлетаясь, гоняясь друг за другом и ускользая. Я вдруг понял, что некоторое время стою неподвижно, следя за полетом этих

дразнящих друг друга пузырей. Я заставил себя сдвинуться с места и скоро обнаружил сидящих среди кустов на теплом белом песке Бена и Рилу. Они счастливо улыбались, следя за шарами.

— Рила, Бен! — крикнул я. Пришлось повторить зов, ибо они меня не услышали.

Приблизившись, я оказался непосредственно под шариками: Они оказались прозрачными или полупрозрачными, сверкающими сквозь оболочки живыми искорками всех цветов радуги. Оторвать внимание парочки зрителей от феерической игры было делом нелегким. Я заметил, что Рила что-то сжимает в кулаке, заставил ее разжать руку. Она умудрилась поймать один из летающих шариков, в ее руке он потерял форму, цвет и сияние. Бесформенная вещица в ее ладони медленно восстановила шарообразность, подпрыгнула и снова смешалась с носящимися в воздухе собратьями. Рила и Бен на меня по-прежнему реагировали весьма слабо и заторможенно. Я подхватил обоих под руки и потащил прочь. Они спотыкались, оглядывались — как тогда, в кипящих песках. Опомнившись наконец, Рила накинулась на меня, обвиняя в том, что я их бросил. Я не выдержал, рассмеялся. Засмеялся и Бен, но Рила продолжала ругаться.

Я снова нашел Рани, поручил Рилу ее заботам. Под непрекращающееся причитание Рилы взял Бена под руку и повел мимо очереди. Он осознав, что время пришло, и явно испугался, посерьезнел.

— Надо, Бен. Ты должен. Время пришло.

Он вздохнул, закрыл глаза, вцепился в меня обеими руками. За нами извивались длинные очереди ожидающих. Когда — то никаких очередей здесь не было, но войны, болезни сжирали людей, появлялись новые возможности. Некоторые в этих очередях маялись еще со времени моего входа в Зону 6 в ходе этого посещения, перешли на Шикасту, пали жертвой войны, несчастного случая, болезни и снова появились здесь. Мы с Беном шагали вперед, к клубящейся впереди дымке, оставляя очередь позади. Вот мы встали перед пульсирующим туманом и пульсирующей тишиной. Пришла пора собраться, сосредоточиться. Ничто не поддерживало нас, кроме отпечатка Сигнатуры, проявляющегося как клеймо на коже при нагревании или под давлением. Мы как будто доверялись чему — то непостижимому, добровольно уничтожали себя.

Ощущалось в нас какое-то сходство с теми храбрыми душами на Шикасте, которые, веря

в правоту своих устремлений, бросали вызов жестоким правителям, полностью сознавая, что идут на гибель, на пытки духовные и физические, на лишения. Но они верили в свои возможности.

Перед нами материализовались два сгустка бродящей смеси, и я скользнул в один, а Бен в соседний, отказываясь от себя. Наши души обрастали плотью; умы, суть жили ни на миг не замирающей жизнью; но память уже ускользала.

Должен признать, что момент этот в высшей степени неприятен. Вплоть до паники. Кошмарные миазмы Шикасты сомкнулись вокруг меня, и последним напряжением воли я послал это сообщение.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЖОРДЖУ ШЕРБАНУ (ДЖОХОРУ)

Из дневника Рэчел Шербан

Время приспело. Чем больше думаю, тем больше я в этом убеждена. Сообщила Джорджу, и он велел сначала разобраться с фактами. Так вот, фактов у меня предостаточно.

У меня двое старших братьев, Джордж и Бенджамин, оба на два года старше меня. Они

близнецы. Не настоящие, разнояйцевые. Меня зовут Рэчел. Мне четырнадцать.

Отца нашего зовут Симон, а мать — Ольга. Наша фамилия Шербан. На самом деле — Щербаньски. Но это, видишь ли, здешним не по уму. Дедушка сменил фамилию, прибыв из Польши во время войны. Второй мировой. Они с бабушкой смеялись, вспоминая, как здешние ломали языки на нашей фамилии. А я злилась, когда это слышала. Ничего смешного в этих дураках англичанах я не вижу. Дедушка был еврей. Но бабушка не еврейка.

Наше образование явно отличается от обычного. Для того, чтобы это написать, мне пришлось многим поинтересоваться. В том-то все и дело.

Для начала, родились мы все в Англии. Родители наши работали в большой лондонской больнице. Мать врач, отец администратор. Но потом они решили переехать в Америку, потому что Англия — непролазное бюрократическое болото. Они, правда, не говорили, что, мол, ноги их больше не будет в Англии, что там невозможно жить и все такое. Нет, в Англии просто невозможно работать. Из Америки мы переехали в Нигерию, потом в Кению, а оттуда в Марокко. Где и сейчас находимся. Обычно родители работают

вместе в больнице, в экспедиции и все такое. Мы все знаем об их работе. Они нам все подробно, не спеша растолковывают, что к чему и почему. Взявшись за перо, я поняла, что мало в каких семьях так принято. В том-то все и дело. Иногда мать моя, Ольга, направляется куда-то и берет меня с собой. С малых лет. Смешно, но мне это нравится. Мне захотелось спросить ее почему. Я спросила. Она ответила:

— В странах, где они еще не обюрократились, такое возможно. — И добавила: — Это не Англия, здесь детей любят.

Родителям нашим в Англии многое не нравится. Но все же они нас туда то и дело посылали.

Учились мы много и много чему, но школу толком не посещали. Я знаю французский, русский, арабский, испанский. Ну и, само собой, английский. Отец обучал меня математике. Мать подсказывает, что прочитать. В музыке я тоже разбираюсь, потому что родители играют и все такое.

Братья тоже иногда с матерью, но сейчас чаще с Симоном. Он берет их на семинары, на лекции, на конференции. Иногда мы ходим в школу по году, а то и по два.

В Кении так и было. Директор школы наш

знакомый. Он нас переводил из класса в класс, вроде, чтобы подобрать условия, и все такое. На самом деле, чтобы мы больше выучили. Он и с другими такое проделывал, с приезжими и со своими, кенийскими тоже. Он сам кикуйю. Мы там основательно поднаторели в мировой истории, в международной экономике. Ну, и отдельно с нами учителя все время занимались и все такое. Большое дело, что по такой сумасшедшей системе тебе не надоедает учиться. Иногда, правда, до чертиков хотелось осесть на одном месте, подруг завести и все такое. Друзья-то у нас были, да все время в других странах.

На каникулы нас в Англию посылали три раза. Жили мы в Лондоне и на ферме в Уэльсе. Научились там ухаживать за животными и узнали, как что растет. Джордж провел в Англии целый год, с декабря по декабрь, чтобы познакомиться с временами года. Бенджамин отнесся к этой идее скептически и не захотел присоединиться к брату. На него тогда хандра напала, и все такое.

Мне жалко было, что Джордж на целый год уехал.

Правду сказать, я очень ревнивая. В том-то все и дело. Маленькой ревновала к близнецам. Они-то вместе, а я одна. А когда они вместе, они

меня не замечали. Джордж хоть иногда обращал внимание.

Бенджамин, когда был помладше, всегда к Джорджу льнул. Все думали, что Бенджамин младше брата. Они очень разные, Бен чаще такая бука. Джордж всегда его подбадривал, а тот дулся и сматывался куда-нибудь в угол. Но потом возвращался и старался, чтобы Джордж его заметил. И Джордж его замечал. А я ревновала.

И сейчас ревную.

Когда Джорджа не было целый год, я думала, Бенджамин обратит на меня внимание. Но ошиблась. Мне, вообще-то не очень-то и хотелось, мне Джордж нужен был.

А теперь я перейду к тому, что помню из детства.

Я собираюсь изложить свои теперешние мысли о том, что случилось тогда. Не тогдашние свои мысли.

Когда мы жили в Нью-Йорке, квартирка у нас была маленькая, все дети спали в одной комнате. Однажды ночью я проснулась и увидела, что Джордж стоит у окна, смотрит наружу. Двенадцатый этаж. Как будто он с кем-то разговаривал. Я думала, он играет, хотела присоединиться. Но он велел мне замолкнуть.

Утром за завтраком я наябедничала, что Джордж дежурил ночью у окошка. Мать обеспокоилась.

После завтрака Джордж велел мне никому ничего не говорить. И потом, когда отец или мать об этом спрашивали, я отвечала, что наврала, пошутила. Но и после этого сколько раз было, что я проснусь, а он не спит. И обычно стоит у окна. Я не притворялась, что сплю. Знала, что он не будет сердиться. Раз я спросила, с кем он там разговаривает. Он сказал, что не знает. С другом. Выглядел он обеспокоенным. Но не несчастным.

Бывало и с ним такое. Но не так, как с Беном. Тот, если не в духе, то все должны это замечать, ахать, охать и вокруг него на цыпочках бегать. А Джордж просто молча отходил в уголок, делал вид, что книжку читает, журнал просматривает. Иногда я видела, что он плачет. Или сдерживает слезы. Он знал, что я это вижу, и молча тряс головой. Не так, как Бен. Тот иной раз даже драться лез, и все такое.

А вот что случилось в Нигерии. У мальчиков там была своя комната, а у меня своя. Мне это страшно не нравилось, не хватало Джорджа. Если в одной комнате, то он все же рядом, а тут… Но однажды ночью он ко мне пришел. Я проснулась.

Он сидел на полу на соломенной циновке, склонившись к моей москитной сетке. Я высунула голову из-под сетки. В комнату заглядывала луна, и я увидела, что лицо его блестит от слез. Плакал он, впрочем, бесшумно.

— Какой ужас, Рэчел, — сказал он мне и повторил: — Какой ужас, какой ужас…

Я, когда поняла, что он бормочет, принялась его утешать, что скоро мы из Нигерии уедем в Кению, что там лучше. Но он не Нигерию имел в виду. Он пришел ко мне, потому что чувствовал себя одиноким, это я поняла сразу. Но чем я могла ему помочь? Еще я вскоре догадалась, почему Бен частенько такой вздорный. Джордж хотел, чтобы брат его понял, но Бенджамин не был на это способен и злился.

В Кению мы переехали, когда мне исполнилось восемь.

Джордж спал на веранде. Климат в Кении здоровый, завидный климат, не то что в Нигерии. Джордж любил оставаться наедине со звездами. Конечно, он часто не спал ночью, но не хотел беспокоить родителей. Я иногда вылезала на веранду из своего окошка и заставала его сидящим на балюстраде. Дом наш стоял на возвышенности, на окраине Найроби. Прекрасный дом,

прекрасный вид. Мы сидели, смотрели в небо, оглядывали освещенный луной пейзаж. Чаще всего молчали. Однажды мимо шел африканец. Увидев нас, он задержался.

— Хо-хо, молодые люди, смотрю, не спится вам, — сказал он, засмеялся и зашагал своей дорогой.

Джорджу этот эпизод понравился.

Я вскоре начала клевать носом.

— Хо-хо, молодая леди, засыпаете, — пробормотал Джордж, поднял меня на руки и понес к окну, делая вид, что надрывается от тяжести.

На самом деле мы оба надрывались от усилий сдержать смех. Мне нравилось сидеть с ним ночью на веранде.

Мне запомнилось, что Джордж сказал однажды. Накануне родители принимали гостей. Важная публика всех цветов кожи: черные, белые, коричневые. На меня это не произвело никакого впечатления, потому что я с раннего возраста привыкла к тому, что все люди разные. Иногда мы оказывались единственной белой семьей в округе.

Они что-то праздновали, а мы, дети, помогали с напитками и едой. Родители всегда привлекали нас в таких случаях. Бенджамину это очень не

нравилось. Он все время ворчал, что на то у нас слуги есть.

Во время той вечеринки Джордж угадывал мои мысли и улыбался. Его улыбка означала, что он со мной согласен. А думала я, что все эти взрослые, кроме наших родителей, дураки и задаваки.

Этой ночью на веранде Джордж вдруг сказал:

— Тридцать человек было.

По его тону я поняла, что он имел в виду. Как обычно, я думала, что в точности понимаю его, отличаясь в этом от Бена. Но тут он сказал нечто, чего я не ожидала. Я эту ночь запомнила, потому что много плакала. По двум причинам. Первое — потому что я не всегда его понимаю, а лишь чаще, чем Бенджамин. Второе — что Джорджу так одиноко.

Джордж сказал:

— Чашечки, бокальчики, стопочки, стаканчики, и прошу вас, и пожалуйста, и будьте так добры…

Я улыбалась, видя то же, что видел он.

Но тут брат продолжил:

— Тридцать лопающихся мочевых пузырей, тридцать жоп с дерьмом, тридцать носов с соплями, тысячи потовых и сальных протоков выделяют липкую слизь…

Он произнес это резко, зло, и я расстроилась, так как решила, что он сердится на меня.

Джордж продолжил расписывать комнату, полную мочи, дерьма, соплей, пота, сала, раков, инфарктов, бронхитов, пневмоний. Добавил триста пинт крови, сдобрил их формулами вежливости, перешел на личности:

— Да-да, миссис Амальди, благодарю, мистер Волбек, прекра-а-асно, миссис Шербан… Ах, как я рада, дорогой министр Моботе, а я все же важнее, чем ваше толстомордие…

Я видела, что брат злится, что он расстраивается, что он чем-то обеспокоен. Джордж кусал губы, заламывал руки. Наконец заплакал.

— Какой ужас… Ужасный мир… Ужасный…

Я совсем пала духом и, улегшись в постель, заплакала в подушку.

На следующий день Джордж проявлял ко мне повышенное внимание, играл, но мне это не очень понравилось, потому что он обходился со мной, как с маленьким ребенком.

Я еще не описала, как мы выглядим. А выглядим мы по — разному. Друг на друга совсем не похожи. Родители говорят, так гены смешиваются.

Прежде всего, Джордж. Он худой и длинный. Глаза темные, волосы черные, прямые. Кожа

белая, но не такая, как в Европе, скорее слоновой кости. В Египте и здесь, в Марокко, много народу с такой кожей. У Джорджа сказываются индийские предки.

Теперь Бенджамин. На Симона смахивает. Тяжеловат. Вырастет — разжиреет и все такое. Волосы каштановые, глаза серо-голубые. Кудрявый, как девчонка. Загар на лету хватает, красновато-коричневый.

А я больше похожа на Джорджа. К сожалению, не такая стройная, но волосы темные. Глаза карие, как у матери. Кожа оливковая, даже без загара. В Англии никто не обращает на меня внимания, потому что во мне нет ничего необычного. Думают, я испанка или португалка. И здесь на меня никто не глазеет, потому что не видят во мне ничего особенного. Все пялят глаза на Бенджамина.

Все для нас изменилось после того, как Джордж провел год на ферме в Уэльсе. Ольга и Симон все время тормошили меня, чтобы я не чахла по Джорджу, занимали меня французским, испанским и гитарой. Я не чахла, но мне было одиноко. И когда Джордж вернулся, я так и осталась одинокой. В Уэльс он отправился в тринадцать, а вернулся уже четырнадцатилетним. Он вырос. Я

этого тогда не понимала, сообразила уже потом.

И Бенджамин тоже хандрил, в школе валял дурака, учился плохо. Вернувшись, Джордж восстановил отношения с Бенджамином, у него получилось. Но я-то видела, что Джордж вырос, а Бен этого не замечал. Он всегда из кожи лез, чтобы Джордж его похвалил, выделил. Родители всего не видели. Не потому, что не обращали внимания. Конечно, дел-то у них всегда было по горло, но и нами они занимались много, нашим воспитанием и все такое. Но сестра видит больше, чем родители. От этого никуда не денешься. Мелочи от них ускользали.

Теперь я понимаю, что родители отправили Джорджа на год в Уэльс не только для того, чтобы изучать времена года, но и с целью оторвать Бенджамина от Джорджа. Но мне кажется, что от этого лучше не стало. Бенджамин завидовал Джорджу, которому дали что-то такое, что не дали ему. Хотя он и отказался ехать, сам не хотел и Джорджа демонстративно презирал как батрака на ферме. Бенджамин у нас сноб. Любит задаваться.

Теперь я вижу, что раньше много не замечала, не понимала. Всю жизнь, что ли, будет это теперь до меня доходить? А раньше казалось, что и заме-

чать-то нечего, все, как на ладони.

Вернувшись, Джордж все спрашивал меня: что здесь произошло? Расскажи, что здесь без меня происходило. Я рассказала ему о своих занятиях испанским и французским, сыграла на гитаре.

Брат с трудом сдерживал раздражение. Нет, сказал он, я имею в виду не только тебя. Тогда я рассказала ему о Бенджамине, хотя о Бенджамине-то Джордж и сам все знал, они ведь все время вместе. Брат молча глядел в сторону, и я поняла, что опять он услышал не то, что хотел. Я рассказала о матери, которая как раз работала над организацией новой большой больницы, а отец ей в этом активно помогал. Это уже ближе, однако все равно его не удовлетворило. Джордж сказал, что наша семья еще не весь свет, есть вещи и поважнее. Я смутилась, запаниковала. Со мной всегда так, когда Джордж мной недоволен. Я принялась бормотать о том, что слышала от отца с матерью, но он уже утратил ко мне интерес. Брат, конечно, не грубил мне, обращался ласково, но думал уже о другом. Он сошелся с группой парней из колледжа, они много шумели, и он тоже; даже не верилось, что это брат мой Джордж. Но толковали они о том, что меня не интересовало.

Я стала прислушиваться к разговорам родите-

лей об обстановке в мире, записалась в школе в кружок текущих событий, обращала внимание на информационные программы и выпуски новостей.

Наша семья в этом отношении отличается от других. Куда ни глянь, все сейчас страстные приверженцы какой-нибудь партии. Или притворяются. Это тоже сразу видно. Родители часто повторяют, что винить этих людей нельзя. Вопрос выживания. Людям не всегда нравится, когда они такое слышат. Однако Симон с Ольгой к политике относятся с неприязнью. Они заняты конкретными делами, своими больницами. Они об этом нечасто говорят, только с близкими знакомыми.

Но и когда они молчат, тоже все понятно. А все вокруг с головой ушли в политику, и родители чувствуют себя не в своей тарелке. Все равно, как атеист в Средние века.

Англия. Первые два раза мы, дети, ездили туда еще до установления диктатуры. Ничего особенного в глаза не бросалось, разве что все шло вкривь и вкось. Но в третий раз уже не хватало продуктов. Даже на ферме мистер Джонс и миссис Джонс беспокоились. Я расспрашивала Симона и Ольгу, и они сказали, что многих арестовывают, что арестованные пропадают бесследно. Ну, об

этом я уже слышала. И безработные, особенно молодые, бушуют, хулиганят. Пока их не заберут в армию или не посадят. В Уэльсе и в Шотландии то же самое, хотя они вроде и независимы. Диктатор попытался выгнать из Англии всех иностранцев. Родители столкнулись с трудностями, отправляя Джорджа туда на год. Мать говорит, что пробить поездку помогли лишь «особые отношения». Хотя мы все считаемся англичанами. Я узнала, сколь важная штука эти «особые отношения».

Америка. Ольга и Симон утверждают, что эта страна богатая, кризис в ней замаскирован. Но я помню очереди за хлебом. И, как Ольга говорила, там точно так же буянят безработные, бьют витрины, поджигают автомобили. И когда мы там были, видели военных и лагеря. В Нигерии все иначе, потому что страна бедная. Может, это лучше, чем сначала быть богатым, а потом обеднеть. В Нигерии на каждом шагу голодные и больные. Тогда мать как раз начала брать меня с собой. Мы посещали больницы и лагеря беженцев. Я тогда впервые видела эпидемию. Конечно, у меня были сделаны необходимые прививки и все такое. Но никто не знал, что за болезнь свирепствовала в то время, и, между прочим, так с ней толком и не определились по сей день. Задним числом я див-

люсь храбрости Ольги, тому, что она везде брала нас с собой. Сейчас мама говорит, что приучала нас быть готовыми ко всяким неприятностям.

В Нигерии безработных встречалось меньше, здесь люди так или иначе сохраняли связь с землей. В Кении примерно то же самое. Ольга и Симон работали с большими коллективами медиков в лагерях беженцев из районов, пострадавших от неурожаев. И здесь много молодежи, и на этих молодых людей тоже напяливали военную форму. Армии росли повсюду, просто потому, что куда-то надо было девать безработных. В Египте есть кое-какие местные особенности. Бедность вопиющая. Болезни, как же без них. Лагеря беженцев, гуманитарная помощь. Парни бегут по улицам, поджигают дома, машины, грабят лавки. Я боялась, что сожгут наш дом. Два дома на нашей улице сгорели. Везде горели дома. Вводятся войска… Теперь мы в Марокко. Снова местные отличия, но по сути-то… Слова другие, вещи те же. Бедняки, солдаты, дефицит…

Что-то не тянет меня писать о политике. Вообще-то я собиралась. Партии, правительства, все такое. Но, похоже, что, по сути-то, везде все одинаково. Хотя в Америке — демократия, Британия — социалистическое государство, Нигерия

— «гуманная диктатура», как выразилась Ольга. Кения — свободная развивающаяся страна или же «гуманная олигархия», опять по выражению моей матери. Марокко — «исламское свободное социалистическое развивающееся государство», тоже очень гуманное, что бы это ни означало. Воспитали нас не без странностей. Почти все сейчас повсюду одержимы политикой. Приходят гости, начинают что-то страстно, увлеченно рассказывать, а мы с Джорджем едва сдерживаемся, чтобы не захохотать, а то и из комнаты выскакиваем. И так в каждой стране, какое бы правительство в ней ни правило. Мать и отец, конечно, к политике непричастны, но они всегда на службе правительства. То есть, вроде бы, должны это правительство поддерживать, и посетители хвалят правительство, чтобы польстить моим родителям. Скука смертная.

Особые отношения. Вижу, как они важны. Раньше я этого не понимала. «Раньше» засасывает меня, я пишу сейчас, но продолжаю сползать в это «раньше», в свои тогдашние настроения, воззрения и все такое.

Прежде всего, вспоминается Хасан. Он появился в доме вскоре после того, как Джордж вернулся из Уэльса. Мой брат сразу тесно подружился с

Хасаном. Это кажется странным, хотя ничего странного и не произошло. Хасан — один из многих наших посетителей, он из Медицинской ассоциации. Но он сразу стал другом Джорджа. Мы об этом не слишком задумывались. То есть я не слишком задумывалась, потому что такое уже однажды было.

Первый раз — в Нью-Йорке. Джорджу было всего семь. Нас часто навещала женщина, гуляла с Джорджем, многое показывала и рассказывала ему. Бенджамин разок с ними тоже вышел, но больше не захотел. Она ему не понравилась. Я спросила Джорджа, что они делали, и он ответил: «Да, так, говорили о разном». Тогда я об этом не задумывалась, а теперь вспоминается. Потом каникулы в Уэльсе, мы втроем. И человек из Шотландии, какой-то специалист по фермерскому хозяйству. Он Джорджа брал на рыбалку и еще куда-то. Тогда я на это не обращала внимания, а теперь жалею. Бенджамин раз увязался с ними, но больше не захотел. Ему всегда все казалось скучным. Манера поведения, мимикрия. Я пытаюсь припомнить, приглашали ли меня. Почему я не ездила с ними? Хорошо помню, что мне так нравилось на ферме, что не хотелось никуда отлучаться, не хотелось выходить за территорию.

Но помню прогулку с Джорджем и этим человеком. В нем было что-то особенное. Джорджу он нравился. Звали его Мартин. Потом Нигерия, эпидемия, родители заняты, но нас с собой не берут. С нами занимаются домашние учителя. Один, из Кано, учил нас математике, истории и арабскому. И еще он тренировал нашу наблюдательность. Этому он уделял особое внимание. Он занимался со всеми нами, но Джордж часто с ним гулял. В Кении с нами после школы тоже занимались учителя. И здесь Джордж тоже как-то всегда выделялся.

Я спрашивала мать. Еще чуть ли не вчера спрашивала. Она сразу понимала мои вопросы, чуть ли не с первого слова, ожидала их и заранее обдумывала ответы. Она очень внимательно относилась к моим вопросам. Я сравнивала ее отношение с отношением других матерей к вопросам своих детей. Моя мать всегда считала, что вопросы детей следует принимать всерьез.

Я сказала ей, что все записываю. Она не удивилась. Конечно же, она знала. Я сказала, что по мере записи лучше понимаю факты. Она рассказала о Мартине, о других учителях, о той женщине в Нью-Йорке. Однако, закончив подробный рассказ о них, Ольга подытожила его ответом на вопрос,

который я не задавала: «Не знаю. Рэчел».

Дело происходило в маленьком домике с плоской крышей. Этот дом нам нравился гораздо больше, чем квартира в многоэтажке. Находилось наше жилье в квартале, где проживало местное население, «туземцы», приятные люди, со многими из которых мы подружились. Ночью часто спали на крыше. Лежали на матрасах, глядели на звезды, разговаривали. Лучшее время для нас всех. К тому же вся семья вместе, нечасто такое случается. Отец, к примеру, вот-вот опять уедет, где-то открывается новая больница с докторами «всех сортов», как выражается Бенджамин, имея в виду все цвета кожи. Отец постоянно в работе.

Несколько комнат первого этажа нашего дома, с земляным полом, выходят во двор. Дом не для «нашего уровня», другие белые называют нас «эксцентричными», но уж лучше я буду эксцентричной, только бы лежать ночью, глядя на звезды.

Мать сидит во дворе, пишет отчет в ВОЗ. Двор общий на несколько семей. Шумно, рядом играют дети, но мать работает, шум ей не помеха. Она сидит на подушке на краю довольно невзрачного водоема рядом с керамическим горшком, в котором бушуют пышным цветом лилии. Я сижу

рядом, на мостике возле того же пруда.

Я не нарушала молчания после этого ее «Не знаю, Рэчел». Сижу, жду. На всякий случай. Может быть, она больше ничего и не скажет. Это я тоже пойму. Мы хорошо понимаем друг друга, «читаем мысли».

— Что ты об этом думаешь? — вдруг спросила она, не поднимая головы, не отрывая взгляда от бумаги.

Надо признать, я удивилась. Она спросила тихо, голосом не испуганным, но как будто растерянным, как будто ища у меня разъяснения. Похоже, она не удивилась бы, если бы я ее просветила.

— Ну, Ольга, тут что-то, по-моему, очень занятное. Смех, да и только, — ответила я, не раздумывая долго.

— Да, — кивнула она. — Да. да.

Мы замолчали. Она оторвалась от своей писанины. Время не казалось подходящим для серьезного разговора. Из-за детей. Какой-то карапуз сиганул в пруд, я едва его успела поймать на краю водоема.

— До меня только сейчас дошло, совершенно внезапно, как будто озарило, что что-то уже давно как-то не так. — сказала я наконец.

— Да, это началось, когда ему было семь.

— С той женщины в Нью-Йорке?

— Ее звали Мириам.

— Она еврейка? — Да.

— Это, конечно, неважно, какого они все рода-племени.

— Неважно.

В тон матери, тихо, осторожно, но немного испуганно я спросила:

— Значит, Джордж… какой-то не такой?

— Да.

— А… Симон что по этому поводу думает?

— Он первым заметил. Я страшно перепугалась, но отец посоветовал не пугаться, а думать. И я думала. Никогда так напряженно не думала за всю свою жизнь. И до сих пор думаю, Рэчел.

На этом наш разговор завершился. Я отвела мелкого хулигана к матери. Уж в том, что мы избегаем коренного мусульманского населения, нас никто обвинить бы не смог. Я тоже погрузилась в размышления. Уселась в своей спальне, больше похожей на конуру, чем на комнату. Хотя она была уютной и мне нравилась. Прохладно, кругом глина.

Запах земляной, приятный. Влажный, потому что я спрыскивала пол по утрам. И перед дверью двор поливала утром и вечером, чтобы прибить

пыль.

Я выглянула наружу. Небо. Голубое небо. Жара.

Две мысли в моей голове.

Одна из них — Бенджамин. Одна из причин дурного настроя Бенджамина — ревность. Джордж все время с Хасаном. Хасан, правда, не упускает случая пригласить Бенджамина присоединиться к ним, в кафе посидеть и тому подобное, но Бенджамин горд и неприступен. Он видит в этом уловку. Я, к сожалению, его слишком хорошо понимаю, ибо и сама такая. Общение Джорджа с Хасаном сидением в кафе не ограничивается, в этом мы с Бенджамином уверены оба. Джорджа я спросила напрямик как-то ночью, под звездным небом.

— Мы беседуем, только и всего, — ответил он.

Его обычный ответ. И о других он сообщал так же лаконично: «Говорим… Он мне много рассказывает…»

Бенджамин сам отказался от «особых отношений», еще в Нью-Йорке, семилетним, с Мириам. Не понравилась ему Мириам. И впоследствии всегда отказывался. От этого никуда не денешься. Можно об этом думать, просто ужас сколько думать… Я и думаю. От чего я отказалась? Мне тоже много чего предлагалось, но я… предпочи-

тала сидеть в кухне с миссис Джонс и кормить ее цыплят.

Бенджамин. Он хотел больше, чем ему предлагали. Он не желал быть попутчиком, ему хотелось, чтобы Мириам, Хасан или кто там еще, чтобы они его звали. Не думаю, что он стал бы хаять Мириам, если бы она пригласила его лично, собственной персоной. Ни с одним из наших домашних учителей Бенджамин не ходил гулять, потому что приглашали в первую очередь Джорджа, а его лишь так, заодно. «Дубина черная тупая», — пробормотал он как-то в адрес одного из наставников. Интереснее всего, что он вовсе не думает, что черные непременно тупы. Просто подобное высказывание лучше соответствует принятому им стилю поведения. И это меня пугает. Такая маска прилипает, и потом ее очень трудно отодрать. Бенджамину не нравится наше жилье. Он отпускает шуточки насчет «туземного стойбища», однако спать на крыше обожает, с местными дружит и с малышами охотно возится. Но я вижу, что в скучной современной квартире ему было бы уютнее. Со скучными современными соседями. В общем, Бенджамина заедает то, что он не особенный. Но и Джорджа никто не выделял, как особенного. Он обходился тем, что

оказывалось в наличии. Он видел, что перед ним, а Бенджамин — нет.

Да ничего особенного в наличии, вроде, и не оказывалось. Так можно было бы подумать в то время. И не случалось ничего особенного. Ну, Джордж куда-то ходил или ездил, на рыбалку, в кафе там, в музей, и все такое. В парк, в мечеть… или просто сидели они с учителем под деревом и беседовали. В Нигерии, помню, с Ибрагимом сидели они в тени дерева на земле. Джорджу тогда лет девять было или десять. Просто говорили. Помню, мне тоже хотелось там с ними сидеть, но, пригласи они меня, я бы наверняка отказалась. Так мне теперь кажется.

Все дело в том, что из себя человек представляет. Приходят они в дом раз, другой, третий… Начинаешь задумываться, кто же он такой, и все такое.

И что?

Хасан мне сразу понравился, с первого взгляда, хотя он был и старый. Так я тогда думала. Мать сказала, что ему сорок пять. Ровесник Симона.

Беседовали Хасан и Джордж подолгу. Ни с кем он так много времени не проводил. Почти каждый день они общались. Они съездили на неделю в Священный город. И было это лишь в

прошлом месяце. Когда брат вернулся, я обратила внимание, что родители не спрашивали его ни о чем. Джорджу шестнадцать, он для них как будто взрослый. Боятся они его, что ли? Нет, это, конечно дурацкая постановка вопроса, дурацкая формулировка. Надо как-то иначе, но мне почему-то ничего не лезет в голову.

В общем, похоже, что чем больше об этом думаешь, тем удивительнее. Но не в том смысле, что ты прыгаешь от восторга: ах-ах, как удивительно, как потрясающе! А в том смысле, что задумываешься серьезнее, вникаешь глубже и глубже. Каждый день приносит что-то, о чем стоит подумать. Я и записки эти свои сочиняю ежедневно понемногу. И думаю каждый день, и к матери пристаю с вопросами. С Джорджем тоже разговариваю, но тут каждый день не получается. Он парень понятливый, не дразнится, как в детстве.

Хотелось бы мне обратно в детство. Взрослеть почему-то не тянет. Врать здесь не собираюсь, пишу правду. В последнее время задумываюсь над тем, что Симон и Ольга слишком много работают. Жизнь их можно без всяких преувеличений назвать тяжелой. Вижу, что Джордж тоже так считает. Вижу, что он лихорадочно размышляет, беспрерывно и напряженно. Чувствуется, что он

хочет уловить и упорядочить все свои мысли, но у кого же это получится!

Много времени он проводит наедине с собой. Иногда во дворе, окруженный всей местной детворой, рассказывает что-то ребятишкам или играет с ними. Не находит себе места, носится вокруг, как заведенный. Зашло солнце — и он уже на кровле. Сидит, свесив одну ногу, обхватив руками колено второй, смотрит в небо, беседует со звездами. И мыслит. Ночами по-прежнему часто не спит. Родители просыпаются, засыпают снова, они знают о его бдениях, может быть, узнали чуть позже, чем я, чем появилась Мириам. Мать не любит затрагивать эту тему. Она знала, но оценивала это не так, как сейчас. Обычное явление: то, что мы думаем о чем-то через год, отличается от того, что мы думали раньше. На свои мысли нельзя положиться.

Но чему-то другому, область которого где-то за мыслями можно доверять.

Как ни странно, жизнь нашей семьи протекает совершенно нормально, просто образцово. Даже Бенджамин ведет себя если и не вполне пристойно, то нормально, как и другие подобные отпрыски в других нормальных семьях.

Вообще-то, если на то пошло, Бенджамин ведет

себя гнусно. Но я понимаю, что это объясняется тем, что он не видит, что у него «не так». Он понимает, что не приемлет того, что происходит с Джорджем. Он размышляет над этим. Как бы Бенджамин себя ни вел, дураком его не назовешь. Джордж его с ума сводит, и он не может думать ни о чем другом.

Когда Джордж вернулся из Священного города, Бенджамин не задал ни одного вопроса, но постоянно висел над Джорджем грозовой тучей. Джордж всегда очень терпим с братом. Ну, чаще всего. И со мной тоже. Понимаю, что иной раз ему хотелось бы, чтобы мы не болтались возле него. Я все время трусь рядом с ним, выжидая от него словечка, взгляда, не говоря уж об улыбке. Помню его чудесную улыбку в детские годы. Сейчас, конечно, он реже улыбается. Ссутулившись, стариком передвигается с невидимой ношей на плечах, а на лице вместо улыбки иногда проскальзывает гримаса боли.

Но иногда, обычно, когда вся семья в сборе, за столом или на крыше, он забывает о своих заботах, веселится и веселит всех, кто рядом. Мне нравится следить за реакцией отца и матери. Они облегченно улыбаются, Бенджамин ведет себя, как дитя малое, и, боюсь, я тоже.

Надеюсь, что я все-таки не таким тяжким бременем давлю на плечи родителей, как Бенджамин. Закрыв глаза, вспоминаю выражение их лиц, когда они смотрят на Бенджамина: терпение и доля юмора. На Джорджа они смотрят с нежностью и радостью. Мне нравится наблюдать за ними, когда Джордж весел. Как будто они только что получили чудесный подарок. Боюсь, мы с Беном не такие подарки. По лицам родителей судить трудно.

Просмотрев записи, вижу, что пишу только о Джордже. Не знала, что так получится.

А посоветовал мне взяться за записки Хасан.

Я не забыла об этом совете Хасана, но держала воспоминание где-то на задворках памяти. Не удивлюсь, если не смогу забыть этот вроде бы незначительный факт. Иной раз удивишься, что мы помним, а что предпочитаем забыть.

Случилось это так.

Только что село солнце, луна взошла, звезды еще не проявились. Дневную жару сменила желанная прохлада. Пахло смоченной водой пылью, специями и свежеприготовленной едой; с улиц доносился обычный городской шум. Раздался призыв к молитве. Я привыкла к этой обстановке, не хотелось думать, что придется когда-нибудь с

нею расстаться.

Джордж поднялся на крышу первым. Не в силах сдержаться, я понеслась за ним. Увидев меня, он улыбнулся, но более не реагировал на мое присутствие, сидел, как будто меня там и не было. Вскоре пришел Хасан. Джордж его приходу не удивился. Хасан уселся на другом углу крыши. Некоторое время сидели молча. Нагретая крыша грела мне зад и подошвы. С чего начался разговор, не помню. Интересно, что я обычно вообще не помню, с чего начинались наши разговоры. Беседовали Джордж и Хасан, говорил больше Хасан, Джордж слушал и кивал, иногда улыбался. Я все понимала. Что-то понимала. В тот вечер я понимала, что что-то понимаю. Обычно я ничего не понимала, как будто и не слышала. Видела по лицу Джорджа, что они разговаривают о совершенно обычных вещах, но не могла уловить чего-то существенного, что позволило бы мне понять их. Может быть, если бы они говорили помедленнее… По выражению лица Джорджа я видела, что он-то понимает все, живо реагирует и успевает осмысливать услышанное.

Я чуть не плакала.

Хасан заметил и через некоторое время повернулся ко мне. Со мной он говорил иначе, чем с

Джорджем. Почти сразу спросил, веду ли я дневник или какие-нибудь записки. Я ответила, что веду пустяковые записи, регистрирую, что «сегодня был арабский» или гитара или что-нибудь в школе. Хасан сказал, что хотел бы, чтобы я вела хроники своего детства.

Не скрою, что, услышав это, я невольно возмутилась. Как будто он мой наставник! Видишь ли, он хотел бы, чтобы я делала то-то и то-то! Но тут же поняла, что, спроси он меня, хочу ли я беседовать с ним каждый вечер, наедине, без Джорджа, я бы сразу согласилась, ни капельки не возмутившись. Наоборот, с радостью.

Я понимала, что он догадывается, о чем я думаю.

Хасан кивнул, как бы говоря: ничего, не торопись, хорошенько все обдумай, не к спеху. Он повернулся к Джорджу и продолжил прерванную беседу, к которой я опять прислушивалась, как к незнакомому говору обитателей дальних затерянных в океане островов.

Так хотелось, чтобы Хасан снова заговорил со мной, задал какой-нибудь вопрос, попросил о чем-нибудь. В голове путались мысли о том, что я смогла бы для него написать. Например, очерк о том, как я работала с Ольгой во время

эпидемии, целый месяц помогала медсестре. Ольга очень меня хвалила, радовалась за меня. И я тогда тоже радовалась безмерно, и снова бы обрадовалась, если бы услышала похвалу от Хасана. Но они не обращали на меня внимания, и я разозлилась, надулась и сидела букой, совсем как Бенджамин! — думая всякие гадости, вроде: «Вы считаете меня балдой? Вот и прекрасно, я и буду балдой. Накатаю вам что-нибудь вроде сочинения куриц-одноклассниц на тему „Как я провела каникулы"».

Погрузившись в мстительное бульканье, я совсем отвлеклась от Хасана, Джорджа и их беседы, а чем бы я сейчас не пожертвовала, чтобы снова оказаться рядом с ними, сидеть, вслушиваясь в их непонятный мне обмен мыслями. Но с какой радости подарят мне это чудо? Ведь я все испортила тогда, когда я могла присутствовать, сидя тихо, слушая внимательно, может быть, даже что-то понимая… Но тогда я слушалась лишь своих эмоций, несдержанных, буйных, как хищная требовательность младенца, желающего, чтобы на него обратили внимание взрослые.

Тогда, не в силах более терпеть, я понеслась вниз и раскопала небольшой этюдик, написанный мной в качестве домашней работы по

английскому языку. Я им гордилась, мне поставили за это сочинение «хорошо». Я пыталась передать в нем свои благородные чувства и все такое.

СТАРИК И УМИРАЮЩАЯ КОРОВА

Вчера я увидела по телевизору передачу, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Телевизор стоял на площади, многие смотрели эту передачу. В основном там толпились люди, которые постоянно голодают.

Передача посвящалась голоду в зоне Сахель. В разных местах зоны, потому что несколько репортажей свели в одну программу. Один из сюжетов мне особенно запомнился.

Старик сидел возле коровы. Очень худой старик, почти скелет. Ребра, ключицы, кости рук обтянуты кожей. Но мудрый, полный достоинства, с задумчивыми глазами. Корова очень худая, тоже ребра можно пересчитать, и тазовые кости торчали сквозь шкуру. И глаза тоже мудрые, терпеливые. И смотрела она прямо в камеру.

Вокруг, сколько хватает глаз, только пересохшая пыль. Торчит из земли сухая солома засохших всходов проса.

Корова шагнула раз, другой, на третьем шаге

опустилась наземь. И больше она не встанет. Здесь и умрет.

В небе висит палящее солнце. Ветер несет пыль и песок.

Старик набрал палок и камыша, устроил навес над коровой. Навес дает жидкую полосатую тень.

Корова — единственный друг старика.

У него осталось немного воды. Он капает воду на высунутый язык коровы, и та всасывает влагу. Немного отпивает сам.

Он сидит, смотрит на корову. Корова понимает, что скоро умрет. Она помнит, что принадлежит старику, что жила с его семьей. Но все родственники старика умерли. Корова не понимает, почему она не может подняться, почему везде горячая пыль, нет ни травинки, нет дождя, нет воды.

Корова не понимает. Старик тоже не понимает. Но он говорит, что на все воля Божья. Инш'Алла!

Я не верю, что это воля Бога.

Я думаю, что Бог накажет нас всех за то, что старик и его корова умрут в раскаленной пыли.

Почему, о Бог?

Почему, Аллах?

Я снова взбежала на крышу с листком в руке,

чтобы отдать свое творение Хасану. Но Хасан углубился в какое-то повествование, Джордж внимательно слушал, и я тихонько села рядом.

Небо уже усыпали звезды, приближалось время ужина. Скоро Ольга позвала нас к столу.

Хасан прервал речь, поднялся. Высокий, стройный, в своей обычной белой хламиде. Сердце у меня сжалось Я не знала, что делать, меня охватило какое-то полубредовое состояние.

Джордж тоже встал. К моему удивлению, он оказался ростом почти с Хасана. Они стояли рядом, а вокруг сияли звезды.

Хасан улыбнулся. Я протянула ему свое сочинение, но он не принял листок. Конечно, ведь он же не просил его приносить. Тогда я сказала ему, что обязательно примусь за дневник.

— Хорошо. — Это все, что он сказал.

Верьте или нет, но я опять взбеленилась. Подумать только, он не принял с благоговением мое драгоценное творение! Надо же, не принялся немедленно восхищаться моим героическим решением приступить к написанию исторических хроник!

Я отвернулась, отошла от них и буквально скатилась вниз по ступенькам. За мной сошел Джордж, Хасан спустился последним. Мне хоте-

лось, чтобы Хасан остался с нами, сел к столу. Несколько раз он ужинал с нами. Но он попрощался и ушел.

Бенджамина за столом, к счастью, тоже не оказалось.

Таким образом родился этот дневник.

А теперь я поняла, почему Хасан хотел, чтобы я за него взялась.

Прошло несколько недель. Точнее, девять.

Выделю два обстоятельства. Во-первых, я стала кое-что понимать в беседах Хасана и Джорджа. В беседах несколько однонаправленных, ибо говорил, в основном, Хасан, а Джордж чаще слушал и так или иначе реагировал. Но я перекипела, успокоилась, внимательно слушала. Интересно, что в результате я понимала услышанное совершенно не так, как Джордж. Характерная особенность этих бесед.

Во-вторых — Джордж выкинул фокус, которого я от него никак не ожидала. Он сколотил и возглавил группу, шайку, банду парней из своего колледжа. Они ничем не лучше любой другой такой буйной шараги. Вечно орут, закатывают речи, которые никто, кроме них самих не слушает, а уж воображают-то о себе…

Джордж — и они. Ужас, ужас! Родителям это

тоже не нравится.

А Бенджамин, конечно, на седьмом небе. Блаженствует, наслаждается безмерным презрением.

Но с Хасаном Джордж видится ничуть не меньше, чем прежде. Не знаю, что и думать.

Прошли месяцы. Джордж уехал в Индию, в гости к семье деда. Он вырос, возмужал, но по-прежнему является главарем у этой кошмарной банды болтологов и все так же неразлучен с Хасаном.

«История Шикасты», том 3014,

«Период между Второй и Третьей мировыми войнами. Армии, их типы. Армии юных».

«Тень предвещает событие» — этот постулат действовал и тогда, когда события зачастили, замельтешили просто калейдоскопической чехардой. Предвестники социальных перемен проявлялись не за столетия, как в былые эпохи, а за годы, а то и за месяцы. Не было еще на Шикаете времени, когда бы столь ясно виделось будущее, столь четко можно было его предсказать и столь сильно ощущалась беспомощность, невозможность повлиять на происходящее.

Уже в восьмую декаду все правительства лихорадочно боролись с нарастающей безработицей, особенно среди молодежи, и с последствиями этой безработицы. Выяснилось, что новые технологии упраздняют необходимость в людской рабочей силе. Бесконтрольно росло население — голод, эпидемии, природные катастрофы еще не взяли на себя роль могучих регулирующих факторов.

Соответствующие агентства уделяли серьезное внимание изучению психологии масс, управлению массами, психологии армий (см. главы «Изменение критериев и стандартов „допустимого" в науке. Сравнительный анализ лицемерия ученых и лицемерия политических и религиозных деятелей разных культур», «Результаты секретных исследований в военных исследовательских учреждениях и влияние их на гражданскую науку»).

Все правительства сознавали проблемы, в которые уткнулись носом, и большинство из них привлекало к решению возникших задач экспертов из разных отраслей, в частности, специалистов по контролю численности населения.

В конце декады города стонали от бесчинств мелких молодежных банд, «бессмысленно» кру-

шивших все вокруг. Как будто в процессе детской игры, банды жгли, грабили, убивали, разрушали все, что попадалось под руку.

Наиболее очевидным средством казалась милитаризация. Росла численность полицейских сил, ужесточались наказания, переполненные тюрьмы трещали по швам. Эти изменения служили предвестием чего-то еще более мрачного, хотя жизнь общества уже в значительной степени изменилась; старики, кряхтя, вспоминали минувшие дни, когда еще можно было найти для проживания относительно спокойную улочку, а войны гремели где-то в другом месте или, по крайней мере, начинались и заканчивались, оставляя промежутки для нормальной жизни, для иллюзии нормальной жизни.

Но у правительств просто не было возможности тешить себя иллюзиями. На них давили массы молодых людей, не имеющих работы и вследствие недостаточного образования обреченных на праздность. Число их перевалило за некую критическую точку, и насилие затопило уже не только города, но и целые страны. Кочующие банды не знали границ между городом и деревней, презирали они и государственные границы.

Единственным путем решения проблемы было

заставить воров ловить воров. Максимально возможное количество этих поджигателей, убийц, грабителей привлекалось в военизированные организации. Им выдавалась форма, они становились блюстителями порядка.

Армии живут по своим законам. Личность, втиснутая в форму и в рамки коллектива, тем более, армейского, перестает быть личностью. Массе, обезличенной формой, тоже нужно предоставить какую-то возможность деятельности, иначе она начнет действовать самостоятельно с непредсказуемыми последствиями, с точки зрения власть имущих гораздо худшими, чем такие мелочи, как воровство, грабеж и убийства мирного населения. В качестве паллиатива догадались создать как можно большее количество армий, одетых в разную форму и выполняющих различные функции. Эти армии поощрялись к соперничеству в разных более или менее безобидных формах, в основном, на маневрах и в спортивных играх.

Но подпирали новые и новые миллионы. Все большая доля полезного продукта планеты расходовалась на содержание армий. Их надо было кормить, одевать, обогревать — и все это за счет населения. Гражданская жизнь превращалась

в малозначащий придаток. Расширялся разрыв между молодыми — в форме или рвущимися надеть форму — и старыми, даже не пожилыми, даже и совсем не пожилыми. Те, кто постарше, превращались в какой-то общественно незаметный прах.

Венчал структуру привилегированный класс администраторов, манипуляторов и экспертов в форме и без таковой. Эти люди преодолевали национальные барьеры, координировали действия в международном масштабе, сближаясь между собой и все больше отрываясь от национальных низов.

Кроме одетых в форму, обезличенных толп малограмотной молодежи имелись и специализированные армейские группы, которым уделялось особое внимание. Они формировались из лиц, проявляющих склонность к насилию, к убийству, имеющих опыт участия в боевых действиях Развитие техники упразднило необходимость в массовых армиях старого типа.

Не блистая грамотностью и общей образовательной подготовкой, так называемые армии юных отличались достаточно высокой профессиональной натасканностью, а особое внимание уделялось их психологической подкованности.

Многоканальная индоктринация не всегда отличалась достаточной согласованностью, иногда противоречила наиболее очевидным фактам, к примеру, бросив беглый взгляд на географическую карту, можно было понять смехотворность иных геополитических претензий. Многое из сказанного легко толковалось на разный манер, выворачивалось наизнанку и обращалось в противоположную сторону. Каждый шикастянин и каждая шикастянка, независимо от образовательного уровня, свободно пользовались пропагандистскими словесными вывертами, необходимыми для выживания, но практическая жизнь по необходимости базировалась на фактах. Языки общения приобретали вид весьма своеобразный, запутанный, с многократным дублированием, запараллеливанием, с обходами и перемычками. Общение порой приобретало смехотворный характер.

Вскоре началось то, что каждое правительство предвидело, чего правящие круги опасались и старались предотвратить, отпихнуть подальше.

Очень скоро молодежные массы приступили к тому, что можно было обозначить термином «самообразование». Они понимали, что правительства их опасаются и как огня боятся их

объединения. Видели они и бесцельность самого существования их «родных» организаций. Но понимание не улучшало ситуации. Они, к несчастью своему, оказались заложниками мира, где все возрастающие массы населения боролись за все уменьшающиеся ресурсы, где единственным просветом во мраке будущего оказывалось устранение, физическое уничтожение большинства, где война всех против всех становилась все более ощутимой реальностью. По всей планете армии юных входили в контакт одна с другой, обменивались визитами, совещались, и их решения противоречили «указам» правящих «троек» — и казалось, что над планетой разносится вой отчаяния. Ибо что поделаешь с этим прохудившимся, нуждающимся в починке миром? Молодые все больше ненавидели старших, обвиняя их во всех бедах. Осознав собственную силу, они начали диктовать свою волю правительствам. Как многократно случалось в истории стран этой планеты, армия теснила прогнившие гражданские власти. Но на сей раз такое происходило в масштабах всей планеты. Правительства строили глазки и делали сладкую мину при кислой игре, надеялись на чудеса, на очередное чудо-оружие.

Армии юных перенимали бразды правления.

Эпидемии тем временем развивались в пандемии, истребляли население. Флора и фауна планеты гибли. Разразился голод. Участились стихийные бедствия.

Наши агенты кропотливо трудились на Шикасте, стараясь предотвратить несчастья, откорректировать ход событий.

Не прекращали действовать и агенты Шаммат. А также Сириуса. И Трех Планет. При этом все преследовали свои цели, чаще всего оставаясь невидимыми обитателям Шикасты, которые не умели опознавать пришельцев, как друзей, так и врагов.

Из дневника Рэчел Шербан

Наша семья занимает четыре маленьких комнатки на углу большого глинобитного дома. Если можно назвать домом этот муравейник из комнатушек, двери которых открываются на улицу и во двор. Не могу представить, как здесь жила бы одна семья, разве что она насчитывала бы не один десяток душ, как в русских семьях из толстых романов. У нас есть свой участок крыши — тот, что находится над нашими комнатами. В доме живет еще шесть семей, у каждой свой участок крыши, отделенный от соседских низ-

кими стенками, за которыми не видно сидящих или лежащих, но над которыми торчат головы стоящих. Одна комнатка — спальня родителей. Вторая — Джорджа и Бенджамина. Третья моя каморка. И четвертая — общая, в которой мы едим и сидим, когда не выбираемся на крышу. Кухня находится снаружи, во дворе, там сооружена плита, слепленная из глины, из которой торчит неуклюжая дымовая труба.

Мы со всеми соседями в хороших отношениях, но особенно дружим с Ширин и Назимом. Ширин обожает Ольгу, ее сестра Фатима влюблена в меня.

В школе Назим учился отлично. Способный парень. Хотел стать физиком. Его родители делали все, чтобы дать ему возможность учиться, но не смогли удержать сына от ранней женитьбы. Ему не было и двадцати, когда родился первый ребенок. Пришлось искать работу. Теперь он конторский клерк, с семи утра до семи вечера торчит за письменным столом и еще рад, что нашел хоть такую работу. С пятью детьми особенно выбирать не приходится.

Я часто общаюсь с Ширин и Фатимой. Утром Назим уходит в свою контору. Покидают семьи и другие мужчины, кроме самых старых. Жен-

щины болтают во дворе, ходят друг к другу в гости, сплетничают, хихикают, красятся, ссорятся; дети кажутся в это время общими. Близость чрезмерная, похоже на женскую школу. Иногда я ужасаюсь. Конечно, Запад есть Запад, а Восток есть Восток, но я, честно говоря, разницы между поведением женщин там и тут не вижу. У Ширин, к примеру, на все семейство остается две-три помидорины да луковицы, да горсть чечевицы, но она готовит чечевичную тефтельку для живущей через двор подруги; та, в свою очередь, посыпает сахаром йогурт и угощает Ширин. И получается пир, праздничная трапеза из чашки йогурта с несколькими крупинками сахару. Они дарят друг другу разные мелочи, балуют друг друга, ласкают. У них нет ничего — но они богаты. Очаровательно… Возможно, не слишком верно выбранное слово.

Ширин вечно усталая, едва на ногах держится. У нее язва на груди, которая то затягивается, то снова открывается. У нее опущение матки. Ширин иной раз выглядит на все сорок. Вечером возвращается домой усталый Назим, они ругаются, орут друг на друга, она вопит, он ее лупит, потом плачет. Она тоже плачет, утешает его. И дети плачут. Они хотят есть. Прибегает Фатима,

призывает Аллаха, Назима называет нечистым, шайтаном. Потом те же этикетки примеряет на Ширин. Потом целует их и присоединяется к общему семейному плачу. Так выражается бедность. Они не знают, что такое сытость. Не знают, что такое медицинская помощь. Когда я упоминаю медицину, они представляют большую новую больницу, где пациенты мрут, как мухи, а обходятся с ними, как со скотиной. Их туда арканом не затащишь. В случае крайней нужды они обращаются к бабкам-знахаркам. Настоящий врач им не по карману. Ширин снова беременна. Это их радует. Еще не высохли слезы, а они уже смеются. Затем настает черед грубоватых двусмысленных и недвусмысленных шуток. Сейчас они займутся любовью. На следующий день Ширин щеголяет синяками от поцелуев на шее, незамужняя Фатима краснеет и отворачивается, замужние соседки подшучивают над обеими. Ширин гордится этими любовными наградами. Несмотря на свои болячки она почти всегда в хорошем настроении, отлично управляется с детьми. Почти всегда. Иногда она выдыхается, сидит, раскачиваясь, плачет, стонет. Фатима ее уговаривает, помогает сестре по дому. Назим тоже ее жалеет, потом снова начинаются

споры, чаще шутливые. Для меня их отношения — тайна. Жизнь этих людей трудна, ему никогда не стать физиком, всю жизнь Назим просидит в своей конторе. Это его безмерно раздражает. Ширин в сорок превратится в старуху. Дети не все выживут. Мать сказала, что двое на ладан дышат, слишком слабы. Вследствие недоедания выжившим может грозить слабоумие.

Иногда я встречаю какую-нибудь старуху, думаю, что ей за Семьдесят, но оказывается, что бедняге едва сорок, что она мать десятерых детей, из которых четверо умерли, и что она вдова.

Нет, я этого не могу понять, не могу простить.

Я верю в равноправие женщин. И Ольга тоже. Но когда Ольга встречается с Ширин, я не вижу между ними разницы. Тот же смех, те же ужимки. Они веселятся, развлекают одна другую. Может быть, я им завидую. Может быть, они жалкие и забитые существа. Да они и есть жалкие и забитые существа. Отстой, отбросы. И мужья их не лучше. Если сравнить их жизнь с тем, что видишь в Америке, просто тошнит. Если этим женщинам попадает в руки старый американский женский журнал, они скапливаются вокруг этой макулатуры толпой, смеются, щебечут от удовольствия. Старый потрепанный номер многостраничной

иллюстрированной дряни, вроде той, что валяется стопками в приемных стоматологов, для них чуть ли не предмет религиозного поклонения. Любое дерьмовое объявление — источник вдохновения на целый день. Они откроют какую-нибудь рекламную пестрятину на весь разворот и несутся с ней к единственному в доме слепому зеркалу. Вытаскивают какое-то затрапезное платье, сравнивают с тем, что изображено на страницах, и смеются.

Я смотрю, вспоминаю, как мы вышвыриваем вещи и как нам ничем не угодить, и меня тошнит.

Иногда они вдруг решают выучить языки, как я, умнейшая из умных: усаживаются вокруг, едят меня глазами, а я начинаю с азов французского или испанского. Они слушают, дети окружают нас, кто-то из детей требует внимания, и сначала одна, потом другая удаляются, остальные повторяют за мной слова и фразы. На следующий урок собираются не все, и вот уже остаются лишь одна-две. Фатима упорно долбит испанский. Надеется, что сможет найти работу получше. Сейчас она работает уборщицей. Ей семнадцать. Главный итог этих уроков языка — они внесли новый элемент в набор дворовых развлечений.

Ширин не нарадуется созревающему плоду в чреве своем, очередному ребенку. А ведь она еле ноги таскает. А ведь его кормить придется! Чем? И еще забота — Фатиму замуж пора выдать.

Фатима стройная, не красивая, но броская, умеет себя подать, использовать хну, уголь и румяна. У нее два платья, она поддерживает их в приличном состоянии, стирает. Бенджамин говорит, что они созрели для помойки. Сам он созрел для помойки. Меня тошнит, когда мой боров-братец подходит к этим людям. Они такие воздушные, элегантные, стремительные… потому что в жизни вволю не наедались. И этот волосатый кабан… Джордж — другое дело. Он среди них не выделяется, он тоже стройный и скорый.

Но Бенджамин и сам сознает, что он здесь лишний, его не часто увидишь во дворе.

Ширин хочет выдать Фатиму за сослуживца Назима, клерка той же конторы. Назим полагает, что тот не прочь жениться на Фатиме. Они охотно шутят на эту тему. «Пожалей сестру! — взывает Назим, указывая на кучу своих детей. — Хочешь взвалить на нее такую же обузу?» Он смеется. Ширин смеется. Фатима смеется. Мне не смешно, но они втроем берутся за меня, и скоро я тоже смеюсь.

Но за весельем следует черная полоса. На Назима и Ширин накатывает волна жгучей взаимной ненависти, дети ноют и воют. Их две каморки кажутся переполненными детским дерьмом и рвотой, объедками и чем-то еще похуже. Везде вьются мухи. Ужасно. Невыносимо.

Назим шутит, что, может быть, его сослуживец Юсуф захочет жениться на мне вместо Фатимы, потому что я образованная и смогу устроить ему приличную жизнь. После чего Фатима ведет меня в конурку, где ютится с тремя старшими детьми, снимает с гвоздя, вбитого в глиняную стенку, свое лучшее платье, очень сильно поношенное. От платья пахнет Фатимой и ее духами, тяжелыми, тягучими. Платье украшено прекрасно выполненной пестрой вышивкой. Платье и вышитый узор — работа Фатимы. Это платье для нее сокровище. Она навешивает на меня золотые серьги, длинные, до плеч, достает другие украшения. Золото, стекло, латунь, медь, пластмасса. Желтые, красные, синие, зеленые. Золотые браслет и серьги — приданое Фатимы. Она наряжает меня и хлопает в ладоши.

Такое она проделывала уже несколько раз. Это доставляет ей удовольствие. Фатима меня любит за то, что я образованная и могу делать все, что

захочу. Она так считает, во всяком случае. Восхищается мной и моей жизнью.

Вчера вечером она снова нарядила меня, накрасила мне глаза, губы вымазала ярко-красной помадой, как у проститутки. После чего отвела меня к соседке, поставила перед треснувшим зеркалом, а сбежавшиеся к нам со всего двора женщины восхищенно ахали да охали вокруг. Потом мы вернулись в комнату Ширин, и меня усадили за стол в ожидании ужина. Назим должен был привести Юсуфа. Я отнекивалась, говорила Фатиме, что она с ума сошла, но чувствовала, что неправа. Что она должна была так поступить. Ширин тем временем улыбалась с мудрым видом. Пришел Назим, усталый, тощий, как жердь, голодный. Он всегда половину своей порции скармливал детям. Увидел меня, развеселился, рассмеялся. Почти сразу пришел Юсуф. Симпатичный, с темными масляными глазами. Арабский шейх. Он тоже оценил юмор. Включился в игру, вел себя так, как будто я его невеста. Смешно, но очень мило. Я, правда, подпортила игру, заявив, что ни за кого замуж не собираюсь. Я была неправа. Игра-модель рассматривала альтернативную реальность. Возможность. Расширение горизонтов их узкой жизни. Вот другая

реальность, эта избалованная западная девица Рашель, Ракель, Рахиль. Аллах лишь ведает, кто когда на ком женится! Мало ли что случается на свете. Влюбится и все. И никуда не денешься. Ну, всерьез никто об этом, конечно, не думал. Просто забава и никаких обид. Ужин из тушеной овощной смеси с фрикадельками. Мясо у них на столе редкость. Я заставила их принять приготовленный матерью фруктовый пудинг. Ширин оставила детей за столом, чтобы и им досталось немного пудинга.

А я сидела разукрашенная, как кукла, как жертвенная телка перед закланием. Мне все нравилось и одновременно бесило. Злилась я не на них. На ужасы бедности. На Всевышнего. На все вокруг. Смешно все происходящее выглядело и потому, что Фатима и Юсуф уже вели себя, как супруги со стажем. Это ощущалось по поведению обоих. Они перекликались и переругивались совсем как муж и жена.

После ужина праздничное настроение увяло. Дети превратились в обузу. Назим и Юсуф ушли в местную забегаловку. Ширин принялась укладывать детей, Фатима занялась уборкой. Потом она подсела ко мне и спросила, понравился ли мне Юсуф. Я с серьезным видом ответила, что да,

понравился и что я выйду за него замуж. Она засмеялась, но как-то тревожно, как будто допуская всерьез такую возможность. Я поцеловала девушку, чтобы она поняла, что это лишь шутка, что я вовсе не собираюсь отнимать у нее Юсуфа. И все время мне хотелось заплакать. Все время меня не покидало чувство, что я со своей серьезностью выгляжу по-детски, а она со своими игрушками — нет.

Фатима вывела меня во двор.

Последняя лунная ночь. Люди сидели во дворе, кто где. Мы сели у водоема. Маленький прямоугольный бассейн, сильный запах лилий. Здесь уже сидела Ольга, на коленях у нее спал чей-то ребенок. Где были Джордж и Бенджамин, я не имела представления. Ольга знала о моем приключении, потому что я просила у нее пудинг. Она боялась, что я неправильно себя поведу, не хотела, чтобы я оскорбила чувства этих людей. Когда мы уселись рядом, она молча вгляделась в мое лицо, угадывая, все ли в порядке. Я сразу навесила на физиономию этакое образцово-показательное выражение.

Луна всползла в зенит. Она отражалась в пруде, но воду закрывал слой пыли, в ней плавали какие-то прутики, бумажки. Этот пруд никто

сроду чистым не видел. Мамаши омывали в нем задницы обделавшихся отпрысков, и тут же мог подойти еще кто-то, плеснуть воду в лицо, чтобы охладиться в жару. Ольга пыталась прекратить эту практику, но безуспешно. Она махнула рукой, сказав, что теперь у них у всех выработался иммунитет.

Фатима наклонилась к воде и принялась сгребать ребром ладони пыль и мусор с поверхности пруда. К ней присоединилась Ширин. Она поняла, что замыслила сестра, но я безуспешно гадала, никак не могла сообразить. И Ольга не понимала. Это действие продолжалось некоторое время под внимательными взглядами соседей.

Вернулся Назим. Он отсутствовал лишь около часа. Назим постоял, прислонившись к стене, зевая, очевидно, усталый. Потом подошел к Ширин, сел рядом, но не вплотную. На людях они всегда вели себя сдержанно. Ему хотелось быть рядом с женой. Между его бедром и скрещенными ногами Ширин поместилась бы ладонь, но я ощущала их взаимопонимание, теплое притяжение их плоти. Ширин даже не подняла на мужа взгляда, но видно было, что она ощущает его присутствие. Я пыталась не глазеть на них, но не могла.

И все это время они черпали воду с поверхно-

сти, снимая грязь, а я сидела рядом, разряженная, как кукла, и такая же непонимающая. И вот пруд очистился. Маленький темный прямоугольник со сверкающей узкой полоской отражения луны.

Сестры, улыбаясь, подошли ко мне и мягко подтолкнули к воде, чтобы я нагнулась и глянула на свое отражение.

Я не хотела. Я казалась себе смешной. Но пришлось. Назим выжидательно смотрел на меня, улыбался, слегка кивал.

Пришлось глянуть на воду. Красавица, ничего не скажешь. Они сделали из меня красавицу. И не пятнадцать несерьезных лет, а на вид гораздо старше, настоящая женщина. Стало жутко. Как будто Фатима и Ширин тащили меня в ловушку. Но меня это захватило. Захватило физическое тяготение между Назимом и Ширин, и мне захотелось узнать, что это такое. Я имела в виду не только секс, нет.

Фатима и Ширин, обмениваясь негромкими восклицаниями, прихлопывая в ладоши, подтолкнули к пруду и Назима, он тоже заглянул, тоже захлопал, как бы иронически, но доброжелательно. И другие сидевшие рядом заулыбались.

Я боялась, что вдруг появится Джордж и увидит этот цирк. Для него это окажется загадкой,

потому что он не видел, как все начиналось. Я почувствовала, что по щекам моим потекли слезы, но надеялась, что никто не заметит. Ширин и Фатима, однако, заметили, бросились меня целовать, снимать слезы ладонями, еще влажными от воды. Она хвалили меня, называли красавицей.

Ольга сидела неподвижно, держала на коленях спящего младенца. Она не улыбалась. Но и нельзя сказать, что не улыбалась.

Следует признать, что сама Ольга отнюдь не красавица. Главным образом потому, что она всегда усталая, вечно перегружена работой. Внешность у нее типично английская, несмотря на индийских предков. Коренастая крашеная блондинка — выкрашена всегда неряшливо, некачественно. Глаза умные, серьезные. Толстовата, в основном, потому, что забывает регулярно питаться, а потом набрасывается на еду. Или, когда сочиняет свои отчеты, фунтами поглощает фрукты и сласти.

К одежде относится так же, как к пище: сначала запустит, потом накупит, но за обновками не следит.

И вот она сидит, смотрит на свою дочь, такую необычную, экзотичную, загадочную и прекрасную. Ясно, что это не может оставить Ольгу

равнодушной. Я знаю, что она считает все это для меня полезным. Поучительным. Как и вообще проживание в бедном доме-муравейнике бедного квартала.

А слезы все катились из моих глаз, и я не могла их остановить. Ширин и Фатима расстроились. Скоро Назим погнал их домой, и на прощание каждая крепко обняла меня и поцеловала. Я едва сдержала рыдания.

Мы с Ольгой остались на краю пруда. Остальные соседи тоже расходились по своим комнатам. Ведь вставать всем рано, с утра снова приниматься за работу, добывать пропитание.

Мы с Ольгой остались наедине. Я еще раз наклонилась, посмотрела на отражение красавицы. За последний год я вытянулась и похудела. Иногда любовалась собой совсем голой. От царицы Савской во мне ничего не найдешь. Всякие там овцы-сосцы-пупки — кубки между лилиями… Да мне их и даром не надо. Выйти замуж, нарожать козлят-жеребят, чтобы они дохли с голоду?

Когда я поняла, что во двор уже никто не выйдет, я сделала то, что хотела и раньше, но на что при Ширин и Фатиме, конечно, не решилась бы. Не хотела я их обижать.

Я собрала с земли горсть пыли и рассеяла ее по

сверкающей поверхности воды. Осторожно и не слишком много. Только чтобы скрыть свое отражение, чтобы не видеть экзотическую восточную красавицу мисс Рэчел Шербан, половозрелую девственную дуру. Ольга внимательно следила за моими действиями. Я нагнулась над прудом, с удовлетворением отметив, что отражается в нем сквозь пыль лишь осколок лунного серпа. Если утром Ширин или Фатима и заглянут в пруд, то подумают, что порыв ветра усеял воду пылью.

Ольга встала, отнесла спящего ребенка родителям. Вернувшись, обняла меня и напомнила, что пора спать. Проводив меня в мою каморку, поцеловала.

— Не расстраивайся, все не так уж страшно, — сказала она с каким-то горьким юмором в голосе. Но я с ней не согласилась.

Ольга направилась к себе, а я вошла в свою маленькую комнатушку с глинобитными стенами. Усевшись на пороге, я зарыла ступни в дорожную пыль и уставилась в небо. Сидела я все в том же платье Фатимы, полном Фатимой, дышавшем Фатимой. Как будто поверх моей кожи меня покрыла кожа Фатимы. Ни на одно платье в жизни я не обращала такого внимания. Оно как будто обжигало кожу своею мягкой тканью.

Понимаю тех древних женщин, раздиравших ногтями грудь. Не будь на мне платья Фатимы, я тоже запустила бы себе в грудь ногти. Или в щеки, если бы не опасалась испачкать чужое платье кровью.

Я просидела на пороге до рассвета. Мимо протрусили три собаки, беспородные, тощие, казалось, у них нет желудков, только кожа да кости. Я почувствовала их голод. В этой стране чужой голод огнем жжет желудок. Все здесь постоянно ощущают голод, даже во сне.

Конечно, я сажусь за стол и ем, когда вся семья ест. Смешно было бы отказываться. Но каждый кусок раздирает мне рот, каждый глоток вызывает в памяти голодающих и жаждущих. Уверена, что это ощущение осталось бы, даже если бы я переехала в богатую страну.

Спать я в ту ночь не ложилась. Когда взошло солнце, я сняла красивое платье Фатимы и все украшения, аккуратно сложила, чтобы вернуть ей. А однажды мы с Ширин поможем Фатиме нарядиться, чтобы она вышла замуж за Юсуфа.

Письмо Бенджамина Шербана своему товарищу по колледжу

Дорогой Сири!

Высылаю тебе обещанный отчет о событиях.

Вечером накануне отъезда Джордж «принял» — иного слова, боюсь, не подобрать, разве что «милостиво принять соизволил» — посланцев трех организаций, которые ему предстояло представлять: «Евреи в защиту бедных» (здоровенная бабища, черная), «Исламская федерация молодежи в защиту городов» (мужик, индюк надутый, так называемый «марксист» — Маркс бы в гробу перевернулся — с компотом из черт его знает чего еще, сам он наверняка не имеет об этом представления) плюс «Объединенная федерация молодежи в защиту граждан» (баба, бурая). Сплошь защитники, куда ни плюнь.

Каждый оставил кучу напутствий, пожеланий, писем, указаний, после чего отбыл в свой район нашего необъятного Марокко вполне собой и своим делегатом удовлетворенный.

Я с Джорджем поехал как бы по его настоятельному приглашению. Разместили нас по прибытии в доме некоего профессора Исхака. Сразу началось переливание из пустого в порожнее, всякий словесный понос от зари до полуночи. Я бы двинул в кровать, но Джордж нуждался в поддержке. Ты знаешь, что я не большой любитель этих словопрений «до и после».

Конференц-зал «Благословений Аллаха» — ши-

карная модерновая халабуда, делегатов больше тысячи, но тесноты не наблюдалось. Система кондиционирования безупречная, куча баров, кафе, уютных уголков-забегаловок а ля восток и запад, север и юг, для курящих и некурящих, для вегетарианцев и трупоедов — забудешь, зачем приехал. Многие, похоже, и вправду забыли, накинулись на еду, как из голодного края. Особенно кто прибыл из Западной Европы. А уж делегаты с Британских островов — как будто год съестного не видели, жрут — аж за ушами трещит!

В девять утра пошли программные приветственные речи. Джордж тоже выдал речугу. Всем сестрам по серьгам. Сестер, кстати, немало, половина зала бабцы и, знаешь, очень даже ничего по большей части на мой просвещенный взгляд. Ну, и почти все в форме разных цветов, узоров, оттенков. Погоны, галуны, аксельбантики… А бляшек-то, орденов-медалей разных! Синклит героев всех войн.

Твой покорный слуга выглядел этаким скромным воробышком, в маоистстком кителечке да при значке колледжа. Джордж, чтобы никого не обидеть, напялил простой костюм х/б с тремя значками перечисленных ранее полузащитников — нападающих. Тем самым воспарил над узкопо-

местными устремлениями. Красавец писаный, но об этом молчу, пусть говорят другие. Женский пол всех убеждений активно шушукался, трепыхался, дышал телесами, на него глазеючи.

Тема конференции — всеобщее единение, сотрудничество, координация, обмен информацией, любовь, добрая воля и прочая, и прочая. В общем, молодежные организации всех стран, объединяйтесь! Естественно, сразу после провозглашения всеобщего братства пошла грызня за территории. Короче, вводные речи послужили сигнальной ракетой, в них уже прозвучали залпы агрессии.

Далее в битву ринулась «Федерация коммунистической молодежи за спорт и здоровый образ жизни» (Европа, секция 44), клеймя цепных псов капитализма, фашистских гиен и так называемых демократических псевдокроликов. Скромно, но со вкусом.

Скандинавская молодежная секция «Лиги защиты побережья» парировала обличением поработителей тела и духа, душителей свободной мысли и трескучих пустозвонов.

Советская молодежь на службе мира и прогресса или еще чего-то (субсекция 15) внесла мотив оппортунистов-ревизионистов и расточителей сокровищ марксистского наследия.

Конечно же, не могли промолчать представители Социал — демократической исламской федерации. Они обрушились на извратителей революционной этики, загрязнителей источников социалистического наследия закостенелыми догматиками — далее последовали более сочные выражения, вплоть до непечатных, да простит их Аллах.

Чем могли ответить юные китайские представители свободы-демократии да мира-сотрудничества? Скромно предложили разбить собачьи морды гнусных поработителей масс, допотопных ископаемых. В общем, сплошные экскурсы в зоологию да палеонтологию.

Осквернители абсолютных нетленных истин Корана!

Разнузданные агрессоры!

Непечатные многоточия!

Свежую струю внесла дива из Норвежской молодежной лиги защиты дыхательной смеси. Потрясая косами и сиськами, она заявила, что весь этот недостойный треп раздается с единственной целью отвлечь мир от порабощения несчастных женщин эгоистичными разнузданными самцами.

Полномочная мадам из Объединения британ-

ских дев в защиту детей позволила себе поправить норвежку. Она согласилась с делегатами 1 и 5, оспорила позиции делегатов 3 и 7 и добавила, что весь этот недостойный треп раздается с единственной целью отвлечь мир от порабощения несчастных цветных народов оголтелыми расистами, последышами империалистической эры.

Тут объявили перерыв, и все мы, поработители, угнетатели, извратители, неразбитые собачьи головы, неоткопанные мастодонты, короче — зоологическая энциклопедия и политический словарь, посыпали из зала дружной толпой, с шутками улыбками, обмениваясь на ходу телефонами, адресами, номерами комнат в гостиницах; трение мнений кое-где сменилось потиранием бедер...

Через полчаса грызня возобновилась.

Плевать на имена и взгляды ораторов, мое внимание привлекло изобильное использование в речах представителей животного царства, как вымерших, так и милостиво оставленных нам предками.

Прежде всего, разумеется, всяческие цепные псы, кровавые собаки, вшивые шавки. Гиен я уже упоминал. Но и жирные коты встречались, свиньи — к вящему неудовольствию семитов, сиречь

арабов и евреев. Воркующие голубки (лицемеры, стало быть); змеи, в основном ядовитые, но кто-то помянул и кольца удава. Крокодилы-носороги… Бегемотов не припомню.

После ланча, весьма обильного, ораторы взялись за проявления темперамента матушки-природы. Свежестью росы оживил Ислам иссохшие пески безбожия. Пышным цветом распустились цветочки мысли нашего Создателя (которого из создателей — прости, запамятовал). Буйствовали смерчи и цунами невежественного обскурантизма, увязал кто-то в топях тупого упрямства. Дули отравленные чем-то ветры. Застойные пруды догматизма… опять забыл, какого. Возможно, марксистского… не то исламского… или христианского… Да плевать в эти пруды. Водовороты — и сразу иссякшие источники. Пустыри, на коих ничего, кроме чертополоха и умирающих чего-то там… Пустыня, конечно… кто-то на глиняных ногах… пылью и пеплом головы… эрозия мозговых клеток… зыбучие пески… заплесневелые плевелы…

После плевелов роскошнейший ужин, а после ужина — танцы! Феерия! Этакий цветник всех цветов кожи и одежды. Иные из дам уже при цветах в прическах и даже одно-два приличных

платья заметил. Сексуальных домогательств не счесть, но лишь однажды услышал я эти слова из уст какой-то особо неприступной особы, надо отдать ей должное, без цветка в волосах. Исследуя толпу, я обнаружил, что для множества присутствующих данное мероприятие оказалось первой возможностью встретиться с мыслящими иначе, чем они. Эти чувствовали себя ошеломленными богатством спектра возможных вариантов мышления. И нуждались в защите со стороны душ умудренных, к коим без ложной скромности я отношу и себя. С легкой руки Джорджа, не тем будь он помянут. Ибо, не имея ничего против того, чтобы проснуться в кровати, которую выбрал, я все же опасаюсь обнаружить себя поутру в объятиях кого-то совершенно мне неизвестного (читай: неизвестной). Итого: баиньки. В одиночку. Не знаю, добрался ли до постели Джордж.

Следующий день начался в атмосфере сгущающейся деловитости, ибо к делу толком еще не приступили. Однако предварительная перепалка пока не завершилась. В это утро преобладала военная терминология.

Идентификация цели затруднена пустой риторикой… трескотня автоматных очередей

взаимных обвинений… залп главного калибра… бдительно стоять на страже пограничных рубежей… победоносная поступь вечно живого… крах полчищ оголтелого… глубинная бомба сомнений… лобовая атака на… тактика камикадзе…

Думаешь, все? Как бы не так. Полдня прошло, а воз увяз и ни с места. И после обеденного перерыва все еще слышались взрыкивания, отголоски шторма. Буржуазные коммунисты… буржуазные социалисты… буржуазные демократы… буржуазные технократы… буржуазные бюрократы… буржуазные дегенераты… буржуазные оптополиматы… буржуазные расисты и буржуазные сексисты.

Цепные псы времени кусали за пятки, пришлось приниматься за дело, и поскольку мы уже спаялись в дружный коллектив, то и приняли без задержек резолюции о единстве, братстве, сотрудничестве на вечные времена. Решили создать дополнительные армии, организации и специальные лагеря для бездомных детей. На сей случай организовали подкомитет, и я, к немалому своему удивлению, оказался его членом. Вроде Джордж собирался направить туда Али, но, в конце концов, не столь важно. Дело-то полезное. Вообще подкомитетов создали немалое количе-

ство во мгновение ока, надо признать, по важным вопросам. К примеру, по преодолению реальных национальных и региональных различий и расхождений (это выделенное мною слово вызвало едва заметные понимающие улыбки на многих лицах), по выживанию, по обмену группами и так далее.

Конференция завершилась под гром оркестров, наяривавших национальные гимны, военные марши, партийные песни, народные мелодии; делегаты уже торопились, чтобы успеть на обратные рейсы, многие прощались в слезах. Расставались друзья и влюбленные, на ходу ковали нереальные планы новых встреч, обнимались, целовались, махали руками и платочками. В жизни не видел такой сцены массового, не побоюсь этого слова, предательства. Заклятые враги слипались порою, как подмокшие карамельки без оберток.

Конференция завершилась.

Джордж радовался результатам. На обратном пути он пел, шутил. Душа партии, можно сказать, и я так и скажу. Не так уж и плох мой святейший братец. Но чем он вообще занимался?

Из дневника Рэчел Шербан

Давненько я уже ничего не записывала. Точнее — восемнадцать месяцев, целых полтора года. Мы переехали в Тунис. Живем в современном доме. К сожалению. Повторяю: к сожалению. Мне нравилась жизнь в том глиняном курятнике. Бенджамин, разумеется, вздохнул с облегчением, покинув его. Как только он вошел в эту скучную квартиру, я увидела: он здесь дома. Улыбается, расцветает с каждой минутой. О Ширин и Фатиме ничего не знаю. Слышала только, что Фатима вышла за Юсуфа, как только мы уехали. Они живут рядом с Ширин и Назимом, в соседней комнате. Скоро и у Фатимы будет пятеро детей. Кто тогда поможет Ширин? Я бы помогла. Они мне как родные, я полюбила их. Но мне больше не суждено их увидеть. Было и прошло. Здесь на крыше не поспишь. Лучшее из пережитого!

Единственный плюс — никто не упрекнет в эксцентричности.

К перу меня толкнула полная потеря ориентации. Я не знаю, что обо всем этом думать. Особенно о Джордже. Терпеть не могу эти их идиотские «движения». Детство какое — то. Не понимаю, как они сами воспринимают себя

всерьез. Почему к ним идут, понятно. Надеются что-то выгадать. Глаза бы не глядели.

А ведь толкнул меня на эту писанину Хасан. Где он сейчас? Кто знает. Джордж уехал из Марокко без сожалений. Впрочем, трудно сказать, что он чувствует. Ведь в Марракеше он виделся с Хасаном каждый день. Я спросила его насчет Хасана, и он вздохнул. «Рэчел, ты все усложняешь», — сказал он.

Джордж еще раз съездил в Индию, теперь уже из Туниса. Ничего не рассказывал. Ольга и Симон не спрашивали. И я молчала. Бенджамин спросил, но, как обычно, иронично. На такие его вопросы Джордж не отвечает. Бенджамина тоже приглашали, но он не захотел. Однако Джордж не сторонится Бенджамина, по вечерам они ходят в кафе. Я никуда не вылезаю из дома, готовлюсь к экзаменам, долблю геополитику, геоэкономику, геоисторию….

И замечаю: я долблю, Бенджамин тоже долбит. Джордж — нимало. Он учится совершено иначе, чем мы. Куда бы мы ни приезжали, он ходит там в школу, в колледж, в университет, занимается с приходящими учителями, ездит с родителями, с Хасаном… И никаких экзаменов. А знает то же, что и мы… Да какое там «то же»! Знает гораздо

больше. Месяц — и он одолел весь курс. Родители никогда не заставляли Джорджа готовиться к экзаменам. Только нас с Беном. Мать уехала на юг, там очередная эпидемия. Поэтому я обратилась к отцу.

Его мой вопрос отнюдь не застал врасплох.

— Очевидно. Джордж не нуждается в экзаменах, — ответил отец.

— Очевидно — для кого? — не унималась я.

Отец не сердился, сохранял терпение.

— И для тебя тоже, Рэчел.

И верно, я сама это видела.

— Да, вижу, не слепая. Но вот что мне интересно: кто вам с матерью сказал, что Джорджа надо учить таким образом?

— Впервые это произошло в Нью-Йорке.

— Мириам?

— Да. Первой была Мириам. Но потом и другие.

Я вдруг поняла, как это было. Так же, как когда Хасан обращался ко мне, и я сразу понимала, хотя сказано-то было всего ничего. Я поняла, что то же самое произошло с родителями. Очевидно. Мириам и кто-то еще мимоходом роняли нужные слова, которые потом проявлялись в сознании и производили нужное действие.

Дневник подсказал мне, что нужно больше узнать о Симоне и Ольге. Почему они такие? Почему они так хорошо нас понимают? Или я ошибаюсь? Во всяком случае, у меня нет никого из знакомых, кто бы так хорошо все понимал. Почему они так много времени уделяли нашему образованию? Другие родители отнюдь не такие.

Я направилась за разъяснениями к отцу. Он работал с бумагами. Я постучала, вошла в спальню. Он сидел за столом, на столе документы.

— Минуту, Рэчел.

Он дописал абзац, поднял голову.

Я уселась на кровать, чтобы лучше видеть его лицо. Настроилась я решительно, но вопрос не подготовила.

Отец повернул ко мне стул, и я увидела, что он сильно постарел. Худющий, седой. Усталый. Я видела, что пришла не ко времени. Свет из окна падал на очки, блики мешали разглядеть глаза. Симон, как будто прочитав мои мысли, снял очки. Я почувствовала к нему прилив нежности и выпалила:

— У меня трудный вопрос.

— Слушаю.

— Я хочу знать, почему вы такие родители.

— Как ни странно… — Он всегда начинает так,

когда отвечает на какой-нибудь трудный вопрос. С юмором. — Как ни странно, но этот вопрос занимает и нас с матерью.

— Как ни странно, но я ожидала услышать от тебя что-то похожее. Ты всегда готов к подобным вопросам.

— Пожалуй, — согласился он, крутя очки в руках. В последнее время достать или починить очки все труднее.

— Мать убьет тебя, если ты сломаешь очки.

Он положил их на стол.

— Послушай, Рэчел, мне кажется, ты понимаешь все происходящее не хуже нас.

— Ничегошеньки я не понимаю. — Я начинала злиться. — Странная получается картина. Вот ты и мать и трое маленьких детей живете в Нью-Йорке. Вы хорошие родители, о детях заботитесь. Вдруг приходит какая-то тетушка Мириам Рабкин, покупает детям мороженое и говорит: «Нет, Джорджа не надо в школу посылать, пусть он там и тут похватает знаний слету, и вполне достаточно, а я его пока в музей свожу». А ты сразу ей: «Конечно, конечно, миссис Рабкин, вы совершенно правы, именно так я и поступлю».

Посидели, помолчали. Отец улыбается легко и свободно. На моем лице кривая нервная гримаса.

Я подозреваю, что так все и было.

— Примерно так все и было, — соглашается отец.

— Оч-чень хорошо. Отлично. В Марракеше Джордж провел в классе Махмуда Банаки ровно полсеместра. И после этого факты из истории религий Среднего Востока из него сыпались, как из рога изобилия, со дня сотворения мира, если не раньше. Так?

— Так.

— А кто посоветовал послать Джорджа в этот класс?

— Хасан.

— Просто появился однажды утречком и заявил: «Мистер и миссис Шербан, меня звать Хасан и мне понравился ваш Джордж. Очень талантливый парень, и я хочу, чтобы вы сделали то-то, то-то и то-то». А вы сразу: «Конечно, конечно!»

Отец терпеливо улыбался.

— Не забывай, Рэчел, что Хасан появился после целого ряда людей опрелеленного рола.

Услышав это «опрелеленного рола», я получила подтверждение своим мыслям и предчувствиям.

— Да-да, — только и выдавила я.

Отец откинулся на спинку стула, раскачиваясь на задних ножках, глядя на меня. Я глядела на

него. И он сказал то, чего я все время ждала от него.

— Пойми, Рэчел, быть родителями Джорджа — означает смотреть на вещи несколько иначе.

— Угу.

— Мы научились этому. Понимаешь?

— Ага.

— Когда это началось, нам с матерью сперва казалось, что мы с ума сойдем.

— Ясно.

— Но мы приспособились. И все получилось.

— Понятно.

Он указал на бумажки.

— Рэчел, мне нужно обязательно закончить эту работу. Если хочешь, чтобы я тебе помог по хозяйству, то давай попозже.

— Не надо. Сама справлюсь.

Попробуй такое не заметить. Когда Джордж изучал в медресе историю религий Среднего Востока, он параллельно занимался еще христианством и иудаизмом, с двумя преподавателями. Да еще с Хасаном. Какие уж тут экзамены, если то, что он проходил, в экзаменационных билетах даже не упоминается. Его для чего-то натаскивают, для чего-то готовят.

Но кто?

И для чего?

Тем временем, братец мой превратился тут в настоящего вождя и учителя молодежного движения, просто с души воротит смотреть на это. Бенджамин тоже ворчит, говорит, что Джордж пижон и задавака. Но Бен, как всегда, ошибается. Его движущий мотив — ревность. Как и мой. Но я-то это сознаю, а он — нет. Меня переполняют эмоции. Злюсь до чертиков. Слежу за собой и злюсь.

А теперь еще и Сюзанна. Кошмар. Мать ее терпит, отец улыбается. Она вульгарна, тупа как пробка. Но втрескалась в Джорджа. Тоже, невидаль. Мало ли кто втрескался в Джорджа! Но почему именно Сюзанна?

Мать вернулась с эпидемии. Я к ней. А она мне:

— Джорджу семнадцать с половиной.

Это все, что она сумела мне возразить. Десять раз за полчаса она мне это повторила. Видно было, что Ольге хочется отделаться от меня, как от надоедливой шавки. «Тяв-тяв — тяв!..» Я к отцу. Он поднял брови и выдал мне, что Сюзанна, видишь ли, обладает весьма и весьма привлекательной внешностью. К черту! Но я не верю, что Джордж с ней спит. Бенджамин по этому поводу

придерживается иной точки зрения. Упражняется в остроумии и скабрезных замечаниях. Ага, говорит, они по ночам вместе звезды считают.

Я в лоб спросила Джорджа:

— Ты спишь с Сюзанной?

— Да, — ответил он.

Лучше бы он меня ударил. Я рыдала. Если Джордж спит с Сюзанной, значит, нет ничего святого. Как он мог? Это же оскорбление! Все изгажено, все пропало! Боюсь, что Бенджамин прав. Он обзывает Джорджа героем-любовником. Вот так.

Не одна неделя прошла. Нерадостное время в моей жизни. Бенджамин вдруг ко мне подобрел, водит в кафе, там и Джордж с Сюзанной. Когда мой братец с ней, его не узнать. Веселый, хохмит, смеется. Беззаботный. Показушник. Тошнит меня. И Бенджамин ему под стать. Сдохнуть хочется. Я перестала ходить с Бенджамином. Школу запустила. Мать прицепилась по этому поводу. Потом пришла ко мне ночью. Я не спала, плакала. Я сразу Ольге сказала, что если она по поводу моей ревности к Джорджу, то… Но она говорит, нет, не поэтому. Тогда что? Она сказала, что Джордж не святой, он просто парень восемнадцати лет.

Я заявила, что об этом даже думать противно.

— О чем думать противно? — спросила она.

Я рассказала ей, как Джордж рассуждал о тридцати гостях в комнате. Что, мол, это пузыри с мочой, кишки с дерьмом, триста пинт крови. Значит, когда он сидит с кафе с Сюзанной с ее толстыми сиськами, он думает, что они два пузыря с мочой, две кишки с дерьмом, куча сальных и потовых желез плюс семьсот миллионов сперматозоидов и два яйца. И член и влагалище в придачу.

Ольга закурила. Вздохнула. Спросила, когда это он в столь анатомическом духе высказывался. Пришлось признаться, что давно. Она заметила, что Джордж с тех пор существенно изменился. Ну и ладно, сказала я. Все равно терпеть не могу.

Я думала, что Ольга полезет обниматься. Я, конечно, этого хотела, когда она вошла, но затем утратила всякое желание.

Она сказала:

— Выбора нет, Рэчел. Терпи — или кончай с этой жизнью. Или жить придется так, что хуже всякой смерти. Но мы живем.

И это ее «живем» звучало так, что мне просто жить не хотелось. И видно было, что матери тоже не хочется. И я увидела, какая она личность. Что она все это продумала. И хотела покончить с этой

жизнью. Но не покончила.

В эту ночь я стала взрослее. Или мне так показалось, по крайней мере.

Размышляла о жизни Ольги, пыталась примерить себя на ее место. В лагерях беженцев, среди умирающих, голодающих, рахитичных детей с раздутыми животами и соломинками вместо ручек и ножек. Я видела, как она плакала в помещении, полном умирающих младенцев. Плакала она от усталости. Сколько я себя помню, мать всегда работала с умирающими. И то же самое относится к отцу.

То, о чем я пишу сейчас, случилось ночью три дня назад. Но сразу записать у меня рука не поднималась. Джордж вернулся домой очень поздно, около четырех часов. Жара, духота. Время, когда ночь еще не ушла, но утро уже наступает, его пока не видно, но уже можно ощутить. На улицах тишина, свойственная только этому времени. Я услышала, как Джордж вошел в свою комнату. Я подошла к его двери, постучала. Он не ответил. Я вошла. Он как раз снял штаны, и я увидела его голым. В нашей семье вокруг наготы никакого шума не поднимали, но я подумала: это было внутри той кошмарной коровы. Он отвернулся, надевая пижаму, продемонстрировал мне

ягодицы и спину. Сразу бухнулся в постель, на спину, подложил обе ладони под голову. Джордж очень красив, но это неважно. Конечно, он устал и хотел, чтобы я ушла, однако, как и родители, проявил терпение.

— Рэчел, какая ты недобрая, — сказал он. Я ожидала, что он скажет «несправедливая». Когда мы взываем к справедливости, Симон и Ольга смеются, и говорят, что мы еще детишки, причем британские. Но Джордж воззвал к доброте. Я заявила, что мне плевать и что я не понимаю. И он сказал, что тут уж ничего не поделаешь.

Я все стояла у двери, а у него прямо глаза слипались.

Чего ты хочешь, Рэчел? — спросил Джордж. Как будто ударил.

Конечно, я хотела, чтобы он сказал, что ненавидит Сюзанну, что она вульгарная сука и корова. Но он бы такого ни за что не сказал.

— Сядь, — велел он.

Я села на краешек кровати у него в ногах, ожидая каких — нибудь умных высказываний, но Джордж хотел лишь поскорее заснуть. Такой он был симпатичный, такой усталый. Я подумала, что он все время спал по три-четыре часа в сутки.

Я думала, что он спит, и заговорила. Говорила, как это все ужасно, нетерпимо, безобразно, жутко, что жизнь невыносима.

Его грудь мерно поднималась и опускалась. Мне захотелось положить голову брату на грудь и уснуть.

— Да-да, Рэчел, я слушаю, — пробормотал он вдруг во сне.

Я посидела еще немного, надеясь, что Джордж проснется.

Уже светало. За окном пыльные пальмы, запах пыли. Жара. Джордж спал. Меня жег стыд. Разозлившись, я встала и отправилась спать.

Мысли о Сюзанне не отпускают. Она с Джорджем вместе уже год. Немало. Мне этот срок кажется вечностью. Я за это время выросла. Сюзанна часто ужинает с нами. Старается всем понравиться. С Джорджа глаз не сводит. Мне ее жалко, я это только сейчас поняла. Жалко, потому что она понимает, что Джордж не для нее. А она хочет за него замуж. Я как — то подумала, уж не свихнулась ли Сюзанна. Но если Джордж с ней спит, то может и жениться. Я спросила его.

— Сестричка, дорогая, — ответил он, — хватит мне Бена, он меня все время донимает. И вообще, я уже не маленький.

А Сюзанна? Джордж сказал, что ей уже двадцать три. Я ужаснулась. Во-первых, потому что она оказалась настолько старше моего брата. И еще по одной причине.

— Сюзанна прекрасно понимает, что я не собираюсь на ней жениться, — сказал мой брат.

Я снова ужаснулась. Никогда в жизни до этого мне не пришло бы в голову назвать Джорджа дураком.

— Но ведь Сюзанна мечтает выйти за тебя! — сказала я ему. — Она об этом думает днем и ночью.

А он в ответ заявил, что я, его милая сестричка его инквизитор, его палач, его власяница. После чего схватил меня и принялся кружить по комнате.

Происходило это в гостиной. В этот момент вошел Бенджамин. Ему захотелось тоже принять участие. Его появление все изменило, во всяком случае, для меня. Действия Джорджа уже не были лаской, проявлением дружбы, они стали холодными, враждебными. Джордж тоже почувствовал изменение, замедлил вращение. Бенджамин попытался присоединиться, он имитировал борьбу за меня, как за трофей. Джордж ссадил меня у стены, а Бенджамин попытался перехватить. Я

заплакала, и Бенджамин прекратил придуриваться. Джордж уселся на стул.

— Рэчел считает, что я не должен спать с Сюзанной, — сказал он Бенджамину совершенно серьезно.

— Вот еще, — отмахнулся Бенджамин. — Перетрахай их всех, ха-ха!

Мы оба заметили, что ляпнув это, он сразу пожалел о сказанном и сконфузился. Он сидел на одном стуле, толстый, волосатый, как крестьянин. Джордж сидел на другом, элегантный, изящный. Я сжалась у стены.

— Почему, сестричка? — повернулся Бенджамин ко мне. — Почему Джорджу нельзя спать с Сюзанной?

— Да спите вы, с кем хотите, мне плевать, я думала, это что-то значит, а это ничего не значит, и выходит, все чушь.

Слезы из моих глаз текли потоками, буквально лились на пол.

Джордж явно ощущал угрызения совести, и мне это доставляло удовольствие.

— С кем же мне тогда можно спать, сестричка? — обратился ко мне Джордж.

— Конечно же, с Рэчел, — тут же ляпнул Бен.

Несколько мгновений мы молчали, все трое.

Джордж покачал головой. Бенджамин снова смутился. Я еще раз осознала, что мы способны видеть свои параллельные, альтернативные, возможные действия. Я увидела, как бросилась к Бенджамину, как вонзила в него ногти, чтобы выцарапать его бесстыжие глаза. Джордж наверняка вскочил бы, схватил меня, оттащил от Бенджамина и усадил на место. Я так бы и поступила — если бы не присутствие Джорджа.

Джордж сказал, что разговор серьезный и что Бенджамину следует оставить дурацкие шуточки при себе.

— Так с кем же мне спать? — снова обратился ко мне Джордж. — Я нормальный половозрелый самец. Еще пять лет не женюсь.

Снова молчание. Молчим все по-разному.

— Я серьезно спрашиваю, — продолжил Джордж. — Есть бордели, есть целомудрие. И есть девушки, которые хотят со мной спать. Сюзанна — одна из них.

— А когда ты ее бросишь, что она будет делать? — спросила я.

— Бог ты мой! — не вытерпел Бенджамин. — Вы только послушайте. Вечная женственность! Абсолютный абсолют, ультимативный ультиматум.

— Она любит тебя! — продолжала я, не обращая

внимания на кривляние Бенджамина.

— Она любит тебя! — передразнил меня Бенджамин.

— Да, любит. Странно, что тебе это невдомек. Неужели ты такой дурак, что не понимаешь? Ты — самое важное, что случилось в ее жизни.

Что ж, это и в самом деле так, — развел руками Бенджамин. — Ложная скромность тут не поможет.

Джордж выглядел озадаченным.

— Ты можешь жениться на сотне других, и Сюзанна тоже может выйти замуж за какого-нибудь политикана, стать важной леди, сама речи произносить, но все равно ты останешься главным событием в ее жизни.

Джордж даже покраснел. Таким я его еще не видела.

— А ведь она права, — совершенно серьезно обратился вдруг к Джорджу повзрослевший Бенджамин.

— И что мне теперь прикажете делать? — спросил Джордж.

— Ага, попался! — сценически зловеще взвыл Бен.

Я все думаю, думаю… И прихожу к такому выводу: невозможно понять действия, пока не

увидишь его результат.

Толчком послужила эта конференция. Когда Джордж туда собрался, меня тошнило от отвращения. Потом оказалось, что он делегат от мусульман, евреев и христиан. Еще не легче. Уж не знаю, как он это умудрился. Но и это еще не все: Джорджу предстояло представлять интересы социалистов, марксистов и деловых кругов. По их убедительной просьбе.

Меня на конференцию не приглашали. Бенджамин там был, рассказывал мне. Сначала он заявил, что лучше сдохнуть, чем туда ехать. Но не сдох. Вернулся и очень подробно все реконструировал. Потом я размышляла и домышляла сама.

Бен сказал, что Джордж был звездой мероприятия, намекнул, что он и там переспал с какой-то делегаткой. Сюзанны в числе делегаток не было. Если бы я спросила Джорджа, он бы сказал мне, но я не стала спрашивать. Хватит с меня.

После конференции наш дом стал популярен. Вести из разных стран, гости с разных концов планеты. Джордж и сам может поехать теперь куда угодно, и его везде примут. Все без устали повторяют, что он там выступал, убеждал, уговаривал — в общем, говорил. Все время говорил. А вот Бенджамин утверждает, что ночью наш

братец занимался чем-то другим. Я приперла Бена к стенке, и он, смеясь, заявил, что никогда не утверждал, что Джордж занимался чем-то иным, кроме пустозвонства и фанфаронства.

Они приходят в наш дом, днем и вечером; белые, черные, смуглые; голубые и розовые, и все хотят видеть, а главное — слышать Джорджа. Я поняла, что Джордж говорит, как говорил Хасан. И я сидела, слушала так же, как все присутствовавшие. Ольга и Симон тоже слушали. И Бен. Молчал и слушал. Потом, позже он мог зубоскалить, передразнивать, пародировать, передергивать, но когла Джордж говорил, он слушал. И опять могу отметить: чувства мои — одно, а мысли — иное. Ну а что касается понимания сказанного Джорджем… но говорить об этом не имеет смысла.

ТАФТА, ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ШИКАСТЫ
ВЕРХОВНОМУ НАДЗИРАЮЩЕМУ ПРАВИТЕЛЮ
ЗАРЛЕМУ, ШАММАТ

Приветствую тебя и повинуюсь, о Великий!

Указания твои исполнены.

Четыре Национальных Округа проверены. Сообщаю результаты эксперимента.

Глава Правительства Один

Получив наши указания сообщать населению без утайки только правдивую, точную инфор-

мацию, он тут же собрал совет министров и проинформировал всех о своем намерении. Тут же, прямо с заседания совета министров его отправили в камеру психлечебницы тюремного типа. Гражданам сообщено, что он подал в отставку по болезни.

Глава Правительства Два

Использовал первую представившуюся ему возможность (телевизионное обращение к народу по случаю вступления в должность) для сообщения населению фактов, доступных лишь главе правительства, но не являющихся секретными. Сразу по окончании выступления выдвинувшая его фракция лишила главу правительства своей поддержки, и ему пришлось подать в отставку.

Глава Правительства Три

Под воздействием нашего внушения собирался сообщить населению некую тщательно скрываемую от народа информацию, но был убит военными, которые благодаря системе тотальной слежки вовремя узнавали о его намерениях.

Глава Правительства Четыре

В разгар кризиса обнародовал закрытую ранее информацию и обнаружил, что ему никто не верит. Слишком велико оказалось несоответствие распространяемой ранее дезинформации

реальным фактам. Умер в результате вызванного шоком инфаркта.

Вывод: проведенное нами тестирование показало, что планета обладает полным иммунитетом к правде.

Ничто не сможет устоять перед нами!

Слава нам, о Великолепный! Мы победим!

Повиновение, о Великий!

ПАНЪЕВРОПЕЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКО — КОММУНИСТИЧЕСКИХ ДИКТАТУР ЗА СОХРАНЕНИЕ МИРА

ОБЪЕДИНЕНИЕ ВСЕЕВРОПЕЙСКИХ СЛУЖБ БДИТЕЛЬНОСТИ, СЛЕЖЕНИЯ ЗА ВРАГАМИ НАРОДА И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЛИ НАРОДА

Департамент 15 (Британия)

СОВЕРШЕННО СВЕРХСЕКРЕТНО

Славься, наш Великий Вождь!

О, сколь благодарны мы Тебе, ибо жизнь Твоя есть гарантия нашего победного шествия в светлое будущее! Позволь заверить Тебя в нашей преданности, оплот сил прогресса, неодолимый бастион на пути дегенерации! Слов не хватает, чтобы выразить нашу признательность за

жертвы, принесенные Тобой на алтарь Великого Дела!

(Ниже приводятся данные о семидесяти четырех лидерах, вышедших из молодежного движения или сохранивших влияние с прошлых времен, не являющихся назначенцами правящей бюрократии. Материалы собраны шпионами и агентами; доклад начат как раз накануне перехода Европы под юрисдикцию Китая, завершен — частично переделан — китайским чиновником. Мы отобрали этот документ, чтобы продемонстрировать полное превосходство новых хозяев. Выбор трех персоналий из общего перечня наш — ни британский, ни китайский чиновники не уделили им особенного внимания; они выделяли других активистов. — *Примечание архивариусов.)*

№ 24. Бенджамин Шербан. Что можно сказать об этом ублюдке, грязной твари, оскверняющей славные преобразования собственности на средства производства на благо всех угнетенных? Существование таких дегенератов показывает, что далеко еще нам до полной победы на политических и идеологических фронтах. Надо зорче всматриваться в ряды врагов, разоблачать происки реакционеров, безжалостно устранять зло-

вонных последышей прошлого. Этот враг народа пролез в так называемое руководство детской ветви молодежного движения Северной Африки (секция 3) и открыто бросил вызов воле Народа. Пробравшись на эту позицию, он подвергал на означенных территориях тлетворному воздействию сознание беззащитных детей в возрасте от 8 до 12 лет, допускал вопиющие нарушения внутрипартийной дисциплины, пренебрегая рекомендациями и руководящими указаниями. Во имя Народа его следует арестовать во время проведения всемолодежного конгресса этой осенью. Если это по каким-либо причинам окажется невозможным, необходимо сорвать с него маску и беспощадно разоблачить.

№ 19. Джордж Шербан. Сия гнусная гиена приходится братом вышеупомянутому шакалу. Беспринципно используя оппортунистические методы, подлостью превосходящие все уловки, встречавшиеся ранее в истории классовой борьбы, он пролез на пост представителя нескольких групп во имя так называемой справедливости, не подозревая, что за его жалким кривлянием во прахе исторического субъективизма следит зоркий зрак трудящихся масс, неуклонно поднимающихся к вершинам истины. За последние

два года этот выкидыш прискорбного прошлого посетил несколько стран нашей славной Федерации и всюду, где побывал, оставил слизь своих низменных устремлений. Доколе будем мы терпеть среди нас преступные элементы, пропитанные зловонным дыханием прогнившего прошлого? Надо смелее выявлять искажения, ошибки, не допускать их повторения впредь. Если этот субъект откажется добровольно сойти с пути следования победоносных трудящихся масс, он должен быть арестован, как только посмеет вновь ступить на европейскую почву. Буде арест окажется невозможным, следует всячески разоблачать его гнусные происки средствами нашей пропаганды.

№ 65. Джон Брент-Оксфорд. Этот жалкий обломок прошлого ранее служил интересам Народа, но оказался не способен приноровить свой шаг к ускоряющейся железной поступи масс. Под лозунгами всесторонности и объективности он защищал заблуждавшихся товарищей, отвратившихся от лица Правды, скатывался на позиции ныне изобличенных в многочисленных преступлениях членов старой Лейбористской партии. Сопротивляясь попыткам перевоспитателей противодействовать его заблуждениям, он упорно

отвращается от возможности стать полезным членом общества и заслуживает, по нашему мнению, высылки в штрафное поселение № 5. Очистим Новую Европу от мусора!

(Далее следуют заметки на туже тему товарища Чен Лю, уполномоченного Народной Секретной Службы по Европе. — Примечание архивариусов.)

№ 24. Бенджамин Шербан. Эмоционально нестабилен. Возможно, способен к адаптации. Следует пригласить на перевоспитание по обычной процедуре с последующим возвращением на прежнюю позицию главы детского движения.

№ 19. Джордж Шербан. Весьма умен, развит, образован, сильная личность. Владеет способностями и навыками управления индивидами, группами и коллективами. Считаю его очень опасным. Перевоспитание отпадает. Арест и публичный процесс крайне нежелательны ввиду возможного резонанса. Целесообразно устранение вследствие «несчастного случая». Соответствующие указания мною оставлены.

№ 65. Джон Брент-Оксфорд. Боюсь, что с ним возникнет много хлопот. Сохранил влияние среди старшего поколения. Его помнят как члена парламента и представителя Британии в ранних

Всеевропейских советах. Морально устойчив, на соблазны не подлдется. Здоровье сильно подорвано тюремным заключением. Страдает диабетом, усугубленным тюремным питанием. Предлагаю назначить на руководящую позицию среднего уровня в какой-либо молодежной организации. Естественные трения с молодежью ускорят его естественную смерть. Обращаться с ним следует почтительно, чтобы не вызвать негативной реакции среди старых социалистов, которые могут быть нам полезны.

Частное письмо, досланное с дипломатической почтой.

Отправитель: АМБИЕН ВТОРОЙ, СИРИУС

Получатель: КЛОРАТИ, КАНОПУС

Время поджимает. Просматриваю доклады с Шикасты. На случай — маловероятный, понимаю — если информация до Вас не дошла, сообщаю: объявлен общий сбор всех агентов Шаммат. Весьма симптоматично. Условия на Шикаете, как нам с Вами известно, влияют на существ с Шаммат сильнее и, главное, быстрее, чем на местных. В первую очередь на их мыслительные процессы, нарушая стройность, логичность, разрушая связность. Ситуацию они оценивают верно, в пределах возможностей своего вида. Вы-

воды из анализа, однако, делают все более дикие. То, что Шаммат идет на риск, собирая агентов в одном месте, показывает, что их планете угрожает опасность. Об этом же свидетельствует и поспешность, с которой агенты Шаммат последовали приказу.

Последствиями для Шикасты могут явиться непредсказуемые разрушительные действия в ближайшее время.

Этого нам только не хватало!

Наши разведчики установили, что Канопус прекрасно прослеживает и прогнозирует развитие событий на Шикаете. Иного мы и не ожидали. Если ситуация будет далее развиваться без непредвиденных осложнений, когда мы можем ожидать Вашего визита? Всегда рады вас видеть.

Из дневника Рэчел Шербан

Сейчас я напишу о том, что происходит. А происходит много чего. Так много, что мне всего не охватить. Джордж говорит, что я должна постоянно дерзать, пытаться, а не отключаться. Он говорит, что я то и дело отключаюсь.

В квартире полно народу. И всем позарез нужен Джордж. Это бы еще ничего, квартира большая.

Тем более, что Бенджамина почти не бывает, он по уши увяз в своих детских лагерях. Ольга и Симон тоже чаще всего в разъездах. Но мы с Бенджамином думали, что Джордж устроит себе где-нибудь офис, раз уж к нему так все лезут. Ан нет, ошиблись. Симон и Ольга наблюдают за всем и помалкивают. Они выжидают так же, как обычно жду я. Чтобы понять, что происходит, нужно подождать. Результат все объяснит. А чтобы ждать, нужно терпение. Народ жаждет видеть своего героя, а он их даже в свою комнату не ведет. Комната у Джорджа большая, но посетителей он принимает в гостиной. Двери открыты, народ входит и выходит, я присутствую при этом, присутствуют Ольга и Симон. И Бенджамин, когда он дома.

Приезжают из разных стран. Почти все молодые, но есть и взрослые, и даже старики попадаются. Они прознали про Джорджа, когда он разъезжал по делам молодежных объединений Пан-Европы. Почти все встречались с ним лично или слышали его выступления, и слова Джорджа запали им в душу. Они не могли в это поверить и приехали, чтобы убедиться. Пальцем потыкать. Я испытала такое на себе. Нет, думала я, нет, это невозможно. Но оказывалось, что возможно.

Для некоторых практически невозможно было добраться сюда, но они все равно добирались. Трудно выбить официальное разрешение, и кое-кто прибывал нелегально, замаскировавшись. Они стягивали с физиономий лапшу накладных бород и котлеты бакенбард, снимали очки и форменную одежду и оказывались совсем иными, иного пола и возраста. Часто они не возвращались туда, откуда прибыли. Джордж мог послать их с поручением еще куда-нибудь.

Джордж насел на меня, настаивая, чтобы я больше думала. Мол, что проку в моем образовании, если я не хочу думать. Я спросила брата, уж не хочет ли он, чтобы я стала каким-нибудь бонзой-управляющим? Почему бы и нет? — ответил он. Ведь Ольга и Симон управляют какими-то процессами. Он сказал, что мне нужно стать жестче, что я слишком мягкая. Я спросила, ради чего, и Джордж молча закатил глаза, как это иногда делают Ольга и Симон, показывая, что у них нет слов.

Итак, темы дня на сегодня.

(1) Запрещение потребления рыбы в береговой полосе. Вымирание рыбаков. Страны дерутся за права рыбной ловли в открытом море. В Антарктике рыба гибнет в отравленной воде.

(2) Британские острова голодают. Странам Третьего мира на это плевать с высокой колокольни. Европейцы всегда обходились с ними, как со скотом, пусть теперь пожинают плоды. Прелестно.

(3) В Европе четыре миллиона человек распиханы по тюрьмам. Заключенные мрут, как мухи. Много стариков.

(4) Опять голод в Центральной Африке.

(5) Падеж скота. Эпизоотии крупного рогатого скота, овец, свиней. Вымирает растительность. Правительства утверждают, что не от загрязнения среды.

(6) Молодежные армии наступают. Ну и флаг им в руки. Мало?

Ольга вернулась вчера из зоны голода. Выглядит кошмарно. Я наполнила ванну горячей водой, заставила маму туда влезть. Сделала ей бутерброды, заставила съесть. Уложила в постель, села рядом. Ольга ошеломлена и истощена. По ее просьбе выключила свет. Она сказала, что хочет смотреть в окно, видеть звезды. Сидя рядом с матерью, я поняла, что ей долго не протянуть. Более того, она уже далека от меня, от всех нас. Когда она с нами, можно подумать, что она рассеянная, несобранная, но это не так. Она всегда сосредоточена на происходящем. Значит, она

погружена в себя.

Сегодня в гостиной у Джорджа больше всего китайцев. Не официальных представителей, других. Мать тоже сидит в гостиной. Джордж растолковывает им, куда идти, что делать, куда не ходить, чего не делать. Вернулся Бенджамин. Очень он изменился. Весь сияет. Еще бы, такие успехи! Не нравится мне это. Он теперь такой нужный, полезный! Показушный царь Бенджамин. Сам форму изобрел: грубые штаны, куртка и кефийе. Обычно он сидит смирно и слушает, но сегодня в нем все кипит и булькает, так и просится наружу. Китайцы вежливо ждут, пока Бен заткнется. А он все не умолкает. Джордж тоже ждет. Но Бенджамин просто слишком велик для помещения, а все остальные рядом с ним ничтожные козявки. Ольга вдруг заплакала. Нервное истощение. Годы и годы общения с Бенджамином не проходят даром. Заткнись, Бенджамин, перестань! Она все всхлипывала и всхлипывала. Бенджамин обмяк. Джордж сделал мне знак, чтобы я увела мать и уложила ее. Через минуту в дверь спальни Ольги постучался Бенджамин. Он сел рядом с Ольгой, взял ее за руку. Мама все еще плакала. Он тоже заплакал. И я заплакала.

Сегодня вернулся со своим «бродячим» госпи-

талем Симон. Неделями он работал по двадцать часов в сутки. Они с Ольгой сидели в гостиной, как два призрака. Сидели молча, не нуждаясь в словах. Джордж мог молчать с ними третьим. Вошедший Бенджамин справился, как дела. Симон уже несколько оклемался, ответил, рассказал, что выручили китайцы. Он и Ольга часто благодарили небеса за то, что есть под рукой китайцы. Но откуда, почему китайцы? — недоумевала я. С чего везде вдруг появились очень полезные, очень толковые китайцы? Никогда не ошибающиеся. Тактичные. Воплощение здравого смысла. В команде Симона шесть китайцев.

Странный выдался денек. Джордж вернулся из колледжа в три. Он преподает право. Говорит, полезно напомнить людям, что такая вещь, как право, может существовать на свете. Я увидела, что он и все его друзья голодны и дала им поесть из приготовленного на ужин. Было у нас двое немцев, трое русских, француженка, китаец и британец. Когда вошел Джордж, поздоровался и сел с ними, сразу что-то изменилось. Возникла атмосфера. Обычно сперва идет простой разговор, обмен новостями, а затем Джордж начинает *говорить*. Иногда, этот момент можно уловить, иногда он ускользает от восприятия. Тот, кто с ним уже

встречался, готов к этому моменту, новичок может не заметить его и все испортить. Эти все уже с Джорджем встречались, внимательно слушали. Но я уловила: что-то не в порядке, насторожилась. От кого-то исходила опасность. Опасным оказался британец, Раймонд Уотте. Когда я это осознала, то удивилась, как я сразу этого не заметила. Явный шпик. Постепенно и остальные поняли это. Все уставились на Уотгса, он заметно трусил. Я ждала, что Джордж что-то скажет или сделает. Но он лишь улыбался. Остальные начали прощаться. Первыми поднялись русские. Остальные последовали за ними. Уотгс остался. Джордж посмотрел на меня, и я тоже осталась в помещении. Джордж вышел, чтобы проводить гостей. Я попыталась завести беседу с Уоттсом, но он трясся, потел и заикался. В прихожей спорили, оттуда доносились гневные голоса. Я поняла, что они хотят убить Уотгса, но Джордж не позволяет. Затем все ушли, Джордж вернулся, кивнул мне, и я вышла. Позже я спросила Джорджа, убьют ли они шпиона. Он сказал, что нет, что тот исправится. Мол, сейчас такое время, что, если всех шпионов поубивать, то народу не останется. Он смотрел на меня и улыбался. Я понимала, что за этой улыбкой последует. Рассуждения о том, что

пора мне взрослеть, крепнуть, зреть, закаляться и все такое. Джордж сказал, что люди прежде всего должны есть. И для многих стать шпионом — единственная возможность хоть каким-то образом раздобыть пропитание.

— Неужели ты этого не видишь? — спросил Джордж.

Я сказала, что не вижу.

— Тогда тебе пора повзрослеть, Рэчел. — Ну, вот, добрались! — Ты живешь маменькиной дочкой.

Я разозлилась, а он продолжал:

— Ты не испытывала соблазна. Твои близкие не умирали от голода. Ты не общалась с обездоленными.

— Да, Назим и Ширин, конечно, богатеи, — огрызнулась я.

— Назим и Ширин не обездолены в смысле воспитания. Они честные люди. Вернее, были честными людьми. Такими их воспитали. Но отнюдь не все сейчас растут такими. И не их в том вина.

Я не сразу поняла, что Джордж сказал.

— Они умерли?

— Назим скончался месяц назад от болезни. Простудился и умер.

— То есть, от недоедания…

— Да, фактически так. А Ширин умерла в родах.

Я сразу подумала о детях.

— Двое детей умерли от дизентерии, новорожденного забрала Фатима, а троих взяли в лагерь.

Я заплакала, несмотря на твердую решимость не плакать. Джордж сказал, что если я плачу, то мне нужно еще и еще раз все облумать. Мыслить, зреть, крепнуть и так далее.

И вот я пытаюсь все обдумать и созреть.

И хочется мне умереть вслед за Назимом и Ширин.

Приходится отметить, что Джордж уже не такой красавец, каким был лишь два года назад. Иногда он настолько устает, что даже уродом кажется.

Вижу, что Симон долго не протянет. Как и Ольга, он существует где-то вдали от нас. Джордж старается почаще бывать с родителями. Я тоже сижу с ними, но не могу выдержать долго, приходится выходить, чтобы не заплакать при них. Они не плачут. Они спокойны и серьезны.

Джордж высказал пожелание, чтобы я помогла Бену в детском лагере. У меня глаза на лоб полезли.

— Да-да, Рэчел, там твое призвание.

— Нет, нет и нет! — отрубила я.

— Да, Рэчел, да.

Ввалился Бенджамин, здоровенный опаленный солнцем обалдуй. Глаза бы мои на него не глядели. Джорджа дома не было. Я поняла, что Джордж нарочно подстроил нашу встречу наедине. Бенджамин долбил меня вопросами: «А где Джордж? А где мать? А где отец? А где народ?» Симон ушел в больницу, Ольга прилегла у себя в комнате, я увидела, что Бенджамин чувствует себя дома неуютно, как будто заброшенный ребенок. Заставила себя спросить о лагере. Он просиял. Я не пожалела о том, что спросила. Но теперь придется во все это нырять. Вряд ли я справлюсь. И Джорджа нет, он отправился в Египет по делам своей дурацкой молодежи.

Поехала в лагерь вместе с Бенджамином. У него маленький грузовик. Остановившись у кафе «Мир», он предложил подкинуть желающих. Набрали семнадцать человек, все в лагерь. Дотуда пятнадцать миль. Бенджамин говорит, что как раз достаточно, чтобы лагерь не разнесли посетители. Место живописное, долина среди холмов. Пыльно, конечно, песок на зубах скрипит. Вокруг колючая проволока под напряжением. «Без забора никак нельзя. Чтобы никто из посторонних не

забирался внутрь и никто из пацанов не вылез наружу». Конец цитаты, кавычки закрываются. В скобках: Бенджамин. За забором пять тысяч детских душ, по пятьдесят мальчиков под крышей легкого сарая-навеса, в группе пять таких построек, всего двадцать групп. На каждую группу сараев — водоразборная колонка, блок душевых и туалетов. В центре административные и служебные постройки. Лагерь спланирован в виде колеса, каждая спица которого — две группы сараев.

Из зелени — несколько пальм да хибискусовых кустов. Повсюду дети, но все организованы группами, стайками, колоннами, никто не слоняется в одиночку. В половине шестого утра по распорядку подъем. В сараях жарко, душно, поэтому в них никто не задерживается, все высыпают наружу. Утреннюю зарядку проводят тренеры. Для приема пищи устроена бетонная площадка с пальмовым навесом, питание по сменам, в каждой смене пятьсот человек, меняются через двадцать минут, завтракают кашей и йогуртом. Эта примитивная столовая используется почти постоянно. После завтрака занятия и игры. В классах чаще всего по сто человек. Специальных мест для занятий нет, занимаются по всей территории, в том числе и в

столовой между приемами пищи. Преподаватели орут во все горло или пользуются микрофонами. Ученики повторяют за ними хором. Иногда над лагерем взмывает жуткая какофония. В одном месте выпевают названия столиц африканских государств, в сотне ярдов выкликают имена древних героев, дальше орут песню о принципах гигиены, еще где-то скучно и неубедительно гундосят об уважении к старшим, далее таблица умножения считывается с доски величиной с дом, и все это под аккомпанемент сур священного Корана и под музыку уроков танца. С уверенностью можно сказать, что детишки, прошедшие через этот лагерь, не подвергнутся тлетворному влиянию компартментализации умов.

Ранний ланч состоит из фасоли и овощей. Потом тихий час. Затем промывание мозгов в виде лекций по истории и современной политической обстановке. Коран, Магомет, Ислам. Христиане и иудеи, которых гораздо меньше, занимаются в более комфортной обстановке. Затем, благодарение небесам, жара отступает и настает время развлечений, ужина. Молитвы, проповедь — всегда оптимистическая, бодрящая, на это тут обращают особое внимание. И спать. И ни секунды уединения. Как на улице большого города, где постоянно

надо следить, чтобы тебе не наступили на ногу, чтобы не наткнуться на встречного. Все подтянуты, вежливы. Но вдруг стройность колонны нарушилась, от нее откололась пара или группа пацанов, взметнулись в воздух кулаки, пошло выяснение отношений. Туда мгновенно бросаются юноши, добровольцы из расположенного неподалеку молодежного лагеря.

Я заметила Бенджамину, что психология питомцев его лагеря резко отличается от психологии детей, выросших в семье.

— Да, не спорю. Но это все же лучше, чем смерть.

В его лагере содержатся дети, потерявшие родителей. Невольно вспомнились трое сирот, оставленных Назимом и Ширин.

Бенджамин шагает по лагерю, улыбается всем встречным. Дети радуются ему, воспитатели улыбаются ему, он любит их всех. Я понимаю, что недооценивала Бенджамина. Если не сравнивать его с Джорджем, он прекрасный парень. Деловой. Несмотря на скудость ресурсов, лагерь функционирует отлично, видно, что руководство на высоте. Бенджамин хотел бы построить еще несколько бараков и навесов для занятий, но пока не получается. Больше всего он боится вспышки

какой-нибудь болезни.

Бенджамин спонтанно выдал вполне профессиональную речь-проповедь. Без подготовки и даже без предварительного намерения. Когда я увидела, что он готов открыть рот, мне непроизвольно подумалось: не вздумай подражать Джорджу! Но Бен не собирался никому подражать, он остался самим собой, и речь соответствовала уровню аудитории: нечто среднее между ободряющим напутствием тренера школьной спортивной команды и обращения к воспитанникам директора той же школы. Один за всех, все за одного, все мы братья, братская помощь каждого каждому, а всем нам да поможет Аллах, он же Иисус Христос. На семьдесят процентов Аллах, на тридцать процентов Иисус Христос, — примерно так соотносились конфессии в этом лагере.

Дети отправились спать, а Бенджамин повез меня обратно, прихватив кое-кого из персонала лагеря. По дороге к нам еще несколько раз подсаживались молодые люди, и в конце пути перегруженный грузовик еле полз.

По пути Бен затронул две темы. Во-первых, я должна завести себе парня. Я прекрасно поняла, что он имеет в виду мою «нездоровую» привязанность к Джорджу. Так я ему и сказала и заверила,

что он ошибается. Бенджамин в свою очередь заверил, что вовсе не имел в виду «ничего такого», но если я буду дожидаться партнера, достоинствами равного Джорджу, то умру девственницей. Конечно же, я разозлилась, но чувствовала, что злиться вовсе не следует, так как он искренне обо мне беспокоился, не ерничал, как обычно.

— Нас обоих еще ждут связанные с Джорджем проблемы, — пробормотал Бен после довольно продолжительной паузы.

Я тоже помолчала и буркнула, что не собираюсь пополнять население летского лагеря. Он подивился моей дремучести в области предотвращения нежелательной беременности. Я парировала тем, что вовсе я не такая серая, однако не понимаю пар, живущих без детей, без семьи, без дома. Бенджамин ухмыльнулся и объяснил мне, неразумной, что существует еще такой немаловажный фактор, как секс. Тут я поставила жирную точку в конце нашей содержательной беседы, объявив ему, что в случае, если вдруг изголодаюсь по сексу и не смогу найти себе полноценного партнера, непременно обращусь за помощью к нему, безмозглому. Мы дружно рассмеялись, и я поняла, что впервые в жизни мне полностью и безоговорочно понравился брат

мой Бенджамин.

Далее он затронул тему лагеря для девочек, предложив мне взять на себя заботу о нем. Я с ходу отказалась, заявив, что ни за что не справлюсь. Мы попрепирались на эту тему, однако без ожесточенности. Бен сказал, что тоже полагал, что не справится, а вот ведь… Да и не надо особенно самому напрягаться, ведь есть куча помощников. Помощники в его лагере все сплошь нашего возраста, лет по семнадцать-восемнадцать. В лагере для мальчиков работают только парни, ни одной женщины. Поспорили и на эту тему. Собственно, Бенджамин даже и спорить не хотел. Страна мусульманская, не хватало ему еще всяких имамов и улемов на задницу. Я не сдавалась. Мусульманская или марсианская, а половина сотрудников должны быть женского пола. Хоть какой-то налет материнской ласки. Бенджамин и слышать не хотел об этом, не без оснований опасаясь как религиозного, так и светского начальства.

Посетила с Бенджамином и лагерь для девочек. Между двумя лагерями пять миль и непроницаемая стена мусульманской морали. Есть в лагерях и разлученные братья и сестры. Еженедельно их свозят в молодежный лагерь, на «нейтральную» территорию, чтобы дать возможность общения,

чтобы они не забыли друг друга. Уже что-то. Я не высказала ни одного критического замечания, но Бенджамин все время опасливо поглядывал на меня, как будто ожидая ругани.

Лагерь девочек выглядит так же, как и лагерь мальчиков. И одежда похожа: легкие белые или голубые брюки и туники с коротким рукавом. Головы мальчиков украшают кефии, девочки ходят в маленьких фесочках поверх легких муслиновых вуалей — это называется чадра. Ветер щедро бросал в лицо пыль, и я позавидовала девочкам, рты и ноздри которых были прикрыты. Помощницы здесь по большей части уроженки Туниса, но без китаянок не обошлось.

Распорядок дня такой же, как и в лагере для мальчиков.

Ближе к вечеру я оказалась под соломенным навесом столовой, а покинувшие свои спальные бараки девочки столпились неподалеку, наблюдая за мной. Я оказалась здесь новым явлением. Новое лицо, отсутствие формы, короткое красное платье поверх блекло-голубых шаровар. Платье с короткими рукавами. Ничего вызывающего, но для них необычно. Экзотика. И не из-за внешности. Не так уж я от них и отличаюсь. Я улыбалась, помахала девочкам рукой, поприветствовала,

но они молчали. Мне казалось, что их многие и многие тысячи. Я опустилась на циновку, приглашающе указала рядом.

— Садитесь, поговорим!

Сначала села одна, потом вторая. Затем вдруг, разом, все остальные. Сидели и молчали. Тут появился Бенджамин, и они все убежали.

Бенджамин повел меня в административный барак. Он явно желал избежать нездоровой шумихи.

— Ну как, возьмешься?

— За что? Что конкретно придется мне делать?

— Ничего особенного. Жить здесь, быть в любое время для каждого доступной, координировать, согласовывать, устраивать…

Я сказала, что подумаю.

После ужина Бен и здесь произнес речь, практически такого же содержания, что и в лагере для мальчиков. Всем понравилось. Добрая воля, все друг другу сестры, взаимопомощь, любовь… Я подумала, что и сама смогла бы такое оттарабанить, как делают многочисленные господа политики.

Уехали мы уже затемно. Девочки перед тем, как убраться в свои спальные сараи, маршировали по лагерю колоннами по пятьдесят человек, каждая с двумя девицами моего возраста впереди и

одной замыкающей, громко распевали. На небе появилась луна.

Я обещала Бену подумать.

Сегодня решила, что не соглашусь работать в лагере для девочек. И тут же вернулся Джордж. Он привез с собой сирот — мальчика и девочку. Брата отдадут в один лагерь, а сестру в другой. Касем и Лейла. Родители их умерли от холеры. Тихие дети, послушные. Когда Джордж ушел, они удалились в его комнату и закрыли дверь. Наверное, чтобы поплакать.

Я сидела в гостиной. Вошел Джордж и сел напротив. Все двери открыты: добро пожаловать, кто желает. Я рассказала брату, что была в лагерях и что эта работа не по мне.

Он молча ждал продолжения, но я тоже молчала, и Джордж спросил:

— Бенджамину сказала?

— Да, — ответила я, и он озабоченно, но как бы смирившись, заметил:

— Бен, конечно, расстроился.

— Да, расстроился. — Джордж сидел, улыбаясь, и я продолжила: — Я думала о нашем воспитании…

— Ну-ну…

— Часто ли дети получают такое воспитание,

как мы?

Он кивнул.

— А там… Лагеря, толпы, громкоговорители, строем в сортир, строем в спальню…

Джордж кивнул.

— Но две-три веточки кто-то выхватывает из этого костра.

Он вздохнул, как бы в нерешительности, скрестил ноги, снова разъединил их, пошевелил пальцами, снова вздохнул.

— Рэчел, если ты сейчас заплачешь, я встану и уйду.

Но я не собиралась плакать и не собиралась уступать. Я чувствовала свою правоту. И он сказал:

— Рэчел, эти двое… Возьмешься присмотреть за ними?

— То есть… Ты не отправишь их к Бенджамину, в лагеря?

— Не хотелось бы. Они из семьи вроде нашей. Касему десять, Лейле девять.

Я думала о том, чего мне это будет стоить. О наших родителях, о нашей семье, нашем воспитании и обучении.

— Я попытаюсь.

— Отлично, — сказал Джордж и встал, чтобы

выйти.

— Если бы я согласилась помогать Бенджамину и отправилась в лагерь, то не смогла бы ими заняться. Кого бы ты тогда попросил?

Поколебавшись, он сказал:

— Сюзанну.

Я онемела.

— Сюзанна добрая девушка. — В этой фразе не было ничего обидного для меня. Просто констатация душевных качеств Сюзанны. Он кивнул, улыбнулся и вышел.

Сегодня Джордж зашел ко мне и сообщил, что снова уезжает. Надолго. По всем молодежным армиям Европы, дальше в Индию, в Китай. Поездка займет год, а то и дольше.

Я просто потеряла дар речи. Он только что вернулся, и вот, опять… Мы даже толком не успели поговорить.

— Последняя поездка, Рэчел.

Сначала я подумала, будто Джордж намекает, что его убьют, но потом поняла, что это не так. Просто больше не представится возможности совершить такую поездку. Он сказал, что сюда будут приезжать люди, что он оставит мне инструкции, как поступать и что говорить.

Не Симону и не Ольге?

— Нет, Рэчел, тебе.

Я понимала, что это означает.

Затем я подумала, что, в конце концов, можно будет опереться на Бенджамина, что он парень толковый и энергичный и все такое… Только я успела это подумать, как Джордж заявил, что Бенджамин тоже отправится с ним.

Он сидел, глядя на меня, озабоченный, но ожидающий от меня проявления силы, мудрости, собранности. Я не могла порадовать брата ничем из перечисленного.

— Рэчел, ты должна. Придется поднапрячься.

Я не могла вымолвить ни слова.

— Я еще месяц пробуду здесь, — сказал Джордж и вышел.

Я обессиленно опустилась на постель.

Сегодня народишку объявлено, что Приснославные Пан — Европейские Социалистическо-Демократическо-Коммунистические Диктатуры за Сохранение Мира приветствуют благодетельное покровительство Славных Братьев Китайских.

Ну, и что теперь? Как будто что-то изменится… В чем соль и с чем эту соль жрать?

Джордж, услышав радиосообщение, посерьезнел.

— Но ты ведь знал об этом заранее? — спросила

я его.

— Знал, но не ожидал, что все произойдет так скоро.

Он послал записку Бенджамину с кем-то из кафе «Мир», потому что телефон опять не работал. Этой запиской Джордж срочно вызывал брата. Они с Бенджамином теперь встречаются каждый вечер. Сам он наведывается в лагерь, встречается с детьми, затем едет с Бенджамином ужинать в кафе. Бенджамин получил от китайцев приглашение в Европу и весьма обрадовался, но не хочет свою радость демонстрировать, стесняется.

Каждое утро перед завтраком Касем и Лейла приходят в мою комнату, я занимаюсь с ними испанским, географией, историей и религией. Программу определил Джордж. Днем я преподаю в колледже, а вечером занимаюсь с детьми португальским и историей Земли. Остальное время они проводят с Джорджем. Ольга и Симон детей едва заметили. Ольга вернулась в больницу, воюет с бюрократами. Симон взял недельный отпуск после легкого сердечного приступа. На отпуске настоял Джордж. Они часто беседуют. Недавно Ольга сказала, что, похоже, выполнила отведенную ей норму.

Я спросила, относится ли это к нам, значит

ли это, что мы выросли? Ольга ответила, что примерно так это и следует понимать. На что я возразила, что зрелости в себе не ощущаю. Мама растрогалась, рассмеялась: «Вот и хорошо!» Так мы и живем сейчас.

Сегодня вечером, кроме Джорджа и Бенджамина, в гостиной собралось около десятка человек. Один из них, прибывший из Индии, упоминал девушку по имени Шарма. По реакции Бенджамина я поняла, что Джордж испытывает повышенный интерес еще и к этой девушке. Человек из Индии передал Джорджу пачку писем от нее. После ухода посетителей Джордж вышел с Касемом и Лейлой, и я осталась с Бенджамином наедине. Приперла его к стенке, спросила, что эта за Шарма такая.

Я сразу поняла, что нужно проявлять выдержку, чтобы не сорваться на ругань, не поссориться с Беном.

Бенджамин осторожно сообщил, что, похоже, Джордж об этой девушке… гм… мечтает. Он тоже опасался взрыва с моей стороны.

— Это серьезно? — спросила я.

— Я думал, ты спросишь, а как же Сюзанна.

Я и вправду думала о Сюзане.

Тут я поняла, что вот-вот сорвусь и что следует отказаться от допроса Бенджамина. Он ведь

совершенно ни при чем, так что незачем на него орать. Поэтому я встала и, еле сдерживаясь, вышла.

Спала я плохо, думала о той индийской клуше и Джордже. Мучили дурацкие сны. Все от меня ускользало, одолевала слабость.

Сегодня вечером Джордж пришел ко мне в комнату, когда я занималась с детьми португальским. Я поняла, что он пришел специально, чтобы дать мне возможность спросить о той девушке. Он отпустил детей, сел напротив и уставился мне в глаза.

— Рэчел, что ты хочешь от меня услышать?

— Я хочу, чтобы ты сказал, что любишь ту цацу из Индии, что она самая расчудесная, самая распрекрасная, чуткая, умница-разумница, замечательная и так далее.

— Хорошо, считай, что я так и сделал. И что теперь?

Как водится, я не нашла, что ему сказать.

Я молчала, и тогда Джордж продолжил:

— Нетрудно полюбить, когда чувствуешь большие возможности. Потенциал, так сказать.

— Значит, и эта до тебя не доросла?

— Ты прекрасно понимаешь, Рэчел, что идеалы недостижимы.

— Понимаю.

— Очень хорошо.

— Ты о Сюзанне не упомянул.

— Рэчел, перестань. Меньше всего ты беспокоишься о Сюзанне.

Я промолчала.

— Рэчел, я хочу, чтобы ты внимательно выслушала то, что я тебе сейчас скажу.

— Я всегда все внимательно слушаю.

— Вот и прекрасно. Итак, слушай. Когда мы с Бенджамином уедем, ты останешься здесь, будешь присматривать за Касемом и Лейлой. Я не хочу, чтобы ты отсюда уезжала. Запомни это как следует.

От услышанного мне стало так нехорошо, что даже в глазах потемнело. Я чувствовала приближение чего-то ужасного, пыталась уловить неуловимое, понять непредставимое.

В голове звенело, перед глазами все расплывалось, но я четко услышала, как Джордж повторил:

— Рэчел, запомни это как следует.

Когда я пришла в себя, он уже ушел. В комнату вернулись дети, и мы продолжили урок.

Ищу возможность еще раз поговорить с Джорджем наедине, но он все время с кем-то и посто-

янно занят.

Из Судана пришло известие о смерти Симона. Он заразился каким-то новым вирусом. Джордж по специальному разрешению звонил туда из колледжа, но Симона уже похоронили. Мы с Джорджем и Бенджамином сидим в гостиной, ждем Ольгу. Она пришла поздно и уже все знала. И вот мы сидим вчетвером. Ольга настолько уставшая и изможденная, что, кажется, плохо понимает происходящее. Вйжу по лицу ее, что она не в состоянии усвоить эту весть, но в то же время давно ее получила и усвоила. Долго мы еще сидели, пока Ольга не сказала, что скоро утро и пора спать. Бенджамин и Джордж все еще сидят в гостиной.

Джордж и Бенджамин отбыли сегодня в Европу в составе группы из двадцати четырех делегатов от разных стран Африки. Ольга и я остались с двумя детьми. Ольга почти невидима, не ходит, а как будто плавает облачком тумана. Она работает в больнице, но возвращается рано и почти сразу ложится. По утрам несколько оживляется, сидит в кухне с Касемом и Лейлой, рассказывает им о Джордже. Что-то забывает, смотрит на меня, ожидая подсказки. Я тоже слушаю. То, что я слышу, часто отличается от того, что я знала или пола-

гала, что знаю, раньше. Рассказ матери иногда становится безжизненным, как и она сама. Я задумываюсь, может быть, когда я пишу о Джордже, у меня тоже получается так безжизненно и сухо?

Лейла и Касем смотрят на Ольгу, слушают, не перебивая. Очень симпатичные дети, чрезмерно стройные из-за долгого недоедания, смуглые, с прямыми черными волосами, темноглазые, Выглядят гораздо лучше, чем дети, которых я видела в лагере, хотя любому ребенку необходим кто-то, кто любил бы его» Любому.

Каждый вечер приходит Сюзанна, тихая и скромная. Ведет себя, как собака, которая боится, что ее прогонят. Но у нас никто никого не прогоняет, Ольга особенно нежна с Сюзанной. Детям Сюзанна нравится. Я гляжу на ее невыразительное лицо и яркую блузку, на завитые волосы и не понимаю их.

Ночью Ольга разбудила меня и сказала, что ей плохо и надо в больницу. Я позвонила Сюзанне, и она приехала на своем армейском автомобиле. Мы доставили Ольгу в больницу, и я попросила Сюзанну поехать к нам, проследить за детьми. Ольгу поместили в маленькую отдельную палату на одном из ее постов. Сразу набежали врачи и сестры. Ольга негромко сказала старшему:

— Пожалуйста, не надо… — Она имела в виду обезболивающие.

Он улыбнулся ей, погладил ее руку и кивнул всем остальным. Медики бесшумно удалились, оставив маму cq мной. Выглядела она еле живой. Лицо серое, губы побелели. Она пошевелила пальцами, и я осторожно приподняла ее невесомую ладонь. Ольга смотрела на меня откуда-то издалека.

— Рэчел, — произнесла она вдруг громко и четко.

Я насторожилась. Ярко горели медицинские лампы. Она улыбнулась полноценной улыбкой, бодро выдохнула:

— Ну, Рэчел… — и дыхание остановилось. Взгляд ее остался на мне.

Подождав немного, я закрыла ей глаза. Я сидела рядом, пока она не остыла. Горя я не ощущала, ибо нужды в нем не было, а в смерть я не верю. Хотелось быть с мамой. Позвала сестру, сказала, что если что-то надо подписать, то я могу это сделать как единственная оставшаяся в городе родственница покойной. Мне принесли чашку кофе и формуляры на подпись. Я отправилась домой. Уже рассвело. Сюзанна прикорнула на диване в гостиной. Ее скромность мне понра-

вилась. Ведь в доме к ее услугам шесть пустых кроватей. Она не суетилась, обошлась без всяких ненужных глупостей, сварила мне кофе, подняла детей и накормила их. Мы собрались в кухне, я сказала детям, что Ольга умерла, я теперь буду смотреть за ними.

— А Сюзанна? — спросили они.

— Да, конечно, и Сюзанна тоже, — подтвердила я без всякого двоедушия.

Я понимала, что Джордж должен жениться на Сюзанне. Как я этого раньше не поняла? Она уже член семьи. И не первый день.

Джордж и Бенджамин уехали, отец и мать умерли, в квартире полно места. Касема я разместила в комнате Джорджа, Лейлу в комнате Бенджамина. Они восприняли это с должной серьезностью, весьма ответственно. До этого ребятишки ощущали себя принятыми на постой беженцами, теперь же стали членами семьи. Я поручила им несложные работы вроде поддержания комнат в чистоте, они умели кое-что готовить. Нерешенным оставался вопрос со школой. Хотела я даже разыскать Хасана. Может быть, эти дети тоже каким-то образом важны, вроде Джорджа. Но Хасан, кажется, уже умер. Так вот не видишь человека какое-то время, а потом оказывается, что его уже

и в живых нет. Джордж не оставил указаний относительно школы. Всему я их, разумеется, не смогу научить в одиночку.

Вчера вечером Сюзанна появилась к ужину с обычным своим видом «а я что-то знаю, спросите меня». Если ее не спросить, она, впрочем, своего знания навязывать не станет, надо отдать ей должное. Разговор за ужином зашел о школе. Сюзанна похвасталась, что сильна в математике и может с детьми позаниматься. Затем вызвалась взять их к себе на работу. Она преподает физкультуру, диету и гигиену в молодежном лагере. Я не согласилась, ибо не хотела подвергать детей нежелательным влияниям. Касем и Лейла вежливо промолчали, но видно было, что их веселит моя чопорность. Сюзанна же упрекнула меня в излишнем протекционизме. Меня часто раздражает то, что она говорит, а еще больше то, как она это говорит, с вульгарной напористостью. В причины этого я не вникаю, потому что Сюзанна мне не нравится. Она особа не из слабых, умеет настоять на своем. Накоплен у нее и опыт — по большей части неприятных переживаний. Ей приходилось многое в жизни отвоевывать, и она привыкла драться. Сюзанна беженка, своего настоящего имени не знает. Шесть лет провела

в лагере для девочек, многому научилась, выбилась наверх, наружу.

Сюзанне утром на работу, логично было бы предложить ей переночевать у нас, но я не предложила. Я хотела, но не смогла себя пересилить, и она быстро отправилась домой, чтобы успеть до наступления комендантского часа. А я оста лась с чувством вины. Укладываясь спать, Касем спросил, почему я стараюсь защитить их от того, что они уже и так знают. Мало я знаю детей. Надо бы расспросить их, выслушать, но я все откладываю это на потом.

Приходят какие-то люди, спрашивают о Джордже, однако гораздо меньше, чем когда он был здесь. И это меня почему-то удивляет. Бенджамин предупреждал, что следует быть осторожной, остерегаться шпионов. Но как их отличить?

Вчера приходил Раймонд Уотте. Его я, разумеется, остерегаюсь. Но почему он все еще здесь? Джордж постоянно рассылает людей туда-сюда, однако он никому не велел оставаться. Вечером прибыли ребята из Голландии. Сюзанна, не таясь, отозвала меня в сторонку и, не слишком скрываясь, прошептала, что их надо остерегаться. Они сразу же ретировались. Я спросила Сюзанну, с чего она это взяла, и она с уверенным видом

сослалась на свой богатый жизненный опыт. Поэтому я спросила ее и о Уоттсе.

— О, его теперь можно не бояться, — заверила она меня.

Снова пришел Уотте. Видно, что он в меня влюблен. Что ж, если ему хочется тратить впустую свое драгоценное время… Он рассказывал о своей жизни, сообщил, что в Англии работал учителем в школе. Я спросила, как долго он здесь собирается пробыть. Полгода, но если судьба будет к нему благосклонна… Он явно намекал на меня. Я попросила его позаниматься с Лейлой и Касемом.

Вчера вечером Сюзанна вернулась с детьми, которых все же взяла с собой в лагерь. После ужина я заставила себя предложить ей остаться на ночь. Предоставила в ее распоряжение комнату родителей. Разумеется, она страшно обрадовалась. Ее комнатушка — жалкая глиняная конура, у порога которой волнуются пески, на самом краю города, жаркая и душная. Чем-то она похожа на мою бывшую комнатку, но в доме нет ни двора с бассейном, ни крыши, на которой можно было бы спать под звездами. Утром я сказала Сюзанне, что имеет смысл ей сюда перебраться. Боюсь, я это предложила не слишком любезно, но форма сути

не меняет. Понимаю, конечно, что она попытается тут командовать, установить свои порядки, но это в ее натуре, этого не изменишь, так что не стоит обращать внимания.

Поместив Касема в комнату Джорджа, я пообещала ему очистить место в шкафу, и сегодня занялась этим. Я перенесла вещи Джорджа к себе. Джордж никогда одеждой не увлекался, так что много места его имущество не заняло. Конечно, не удержалась от слез. Мне его так не хватает. Как ни странно, скучаю и по Бенджамину. Без Ольги и Симона не так трудно, наверное, потому что они ушли задолго до смерти. Труднее с тем, что помню о детстве и о них, когда была еще ребенком. Глупо, но когда вспомню, как родители уставали, хочется плакать от жалости. Они осудили бы меня за это. И, между прочим, правильно бы сделали. Хватит детства.

Бумаги Джорджа рассовала по картонным коробкам. Нашла письма. Долго колебалась, читать или не читать, но все — таки прочла. Одно было от его индийской пассии. Могу сказать, что Джорджа она не слишком понимает. Неотправленное письмо Джорджа, адресованное ей. Она его и не видела, а я прочла! Мне кажется, что это письмо написано скорее для меня, чем для нее. Признаю,

что поступила нечестно.

Письмо Джорджу Шербану от Шармы Пател

Дорогой товарищ!

Лишь вчера вечером узнала, что отправляется гонец, и это последнее письмо (я тебе пишу каждую свободную минуту) поневоле будет кратким.

Когда ты приедешь? Ты обещал. Луис сказал, что ты прибудешь к нам в ходе путешествия по многим странам, Индия лишь одна из целей — ожидаю с нетерпением.

У меня интересная новость. На следующей Всеевропейской конференции, как подсказывают карты, Индия войдет в оргкомитет, а твоя Шарма на год станет хозяйкой Европы (ты ведь понимаешь, что я шучу). С нетерпением ожидаю этого события, не говоря уж о радости путешествия. Обсуждала свою идею с Луисом. Попросила его как следует всё обдумать. Сказала ему, что если ты выдвинешь свою кандидатуру, то почти наверняка будешь представлять Северную Африку. Готов ли ты к этому? Я имею в виду выдвижение. Когда мы обсуждали эту идею, я не заметила у тебя прилива энтузиазма. Позволь заметить, что ты неправ. Яне эгоистка и не карьеристка, в этих грехах меня и заклятые враги

не обвинят. Но отказываться от того, что тебе подобает, неразумно. Ты ведь это заслужил. Твой стиль работы и твои достижения общеизвестны, я от многих слышала о тебе самые лестные отзывы. И надеюсь вскоре услышать о выдвижении твоей кандидатуры. И я осуществлю свой план и свою мечту Я попросила Луиса о следующем. Это явится шагом к объединению Европы и Африки: ведь сейчас связи опосредованные и слабые, это следует исправить. Так вот, я предлагаю, чтобы тебя как представителя Северной Африки (ты непременно должен согласиться!) и меня избрали на год сопредседателями Объединенных Армий. И этот год может растянуться на два, а то и больше, все к тому идет. Я увижу твою милую улыбку! Так и слышу твои возражения, что мой план зависит от трех неизвестных. Но у меня есть предчувствие и расчет. А я не часто ошибаюсь, согласись. Мы сможем путешествовать по Европе и Северной Африке. Сам понимаешь, что это для меня будет означать. Я знаю, и для тебя тоже. Наша совместная жизнь, наша любовь сплавятся в победном марше всего человечества, в авангарде которого уверенной поступью шагает молодежь!

Не могу дождаться нашего свидания! Очень

занята, целый день и половину ночи впридачу, так что времени на печаль не остается.

Но я позволяю себе вспоминать… Помнишь? Сокровище ночи в Симле… Однажды подобные ночи станут достоянием всего человечества, и я не чувствую себя эгоисткой… О, Джордж, ну когда же я снова увижу тебя! Податель сего письма вернется сюда по пути в Пекин и доставит мне твой ответ. Очень надеюсь, что ты согласишься на мое предложение.

Твоя Шарма

Джордж Шербан — Шарме Пател

Очень внимательно прочитал твое письмо. Когда я приеду в Индию и увижу тебя, то объясню, почему не желаю выдвигаться согласно твоему плану. Хотя, Шарма, я ведь уже тебе это объяснял.

Я вижу сны. Рассказать тебе, что мне снится?

Когда-то существовала цивилизация, где — неважно. Скажем, на Среднем Востоке, в Китае, в Индии… Долгое время, тысячи лет. Мы не способны теперь представить себе такое. Непрерывность бытия, без быстрых изменений, поколение за поколением. С богатыми и бедными, но без таких контрастов, как сейчас. Уравновешенная экономика: сельское хозяйство, торговля,

использование минералов, все сбалансировано, все в гармонии. Население отличалось долголетием, индивиды жили по тысяче лет, ну, может быть, по пятьсот. Конечно, сейчас мы презираем прошлое и воображаем, что раньше дети рождались, чтобы в большинстве своем умереть жертвами невежества. Но те люди отнюдь не были невеждами. Они знали, как не рожать лишних детей и жить в мире с землей и с соседями.

Представь себе, Шарма, каким был тогда брак. Никакого неистовства, никакого отчаяния, полное отсутствие страха смерти, заставляющего нас сломя голову спариваться, хватать, держать в ожидании близкой потери.

А перед тобой простирается жизнь… Родители молодого человека могут быть и двухсотлетними, мудрыми и опытными, и он видит это, сознает и уважает их мудрость и опыт.

И невеста его подобна ему. Возможно, они знакомы с детства, или слышали друг о друге, времени для знакомства достаточно, спешить некуда. За ними — долгий путь развития их цивилизации, мудрецы, историки, сказители, а впереди у них весь мир и долгая, долгая жизнь…

Но браки все же чаще заключаются в молодом возрасте, ибо молодость — самое время для бра-

ка. Семьи без спешки знакомятся, сближаются, обсуждают, взвешивают, имея в виду будущее народа и культуры. Они чувствуют себя носителями этой культуры. Рассматривают членов семьи, наследственность — и это без всякой обиды, без язвительности, свойственной нам, когда мы обсуждаем друзей, родных, соседей, когда мы рассматриваем все, что не является нашим драгоценнейшим «я». Они встречаются, укрепляют контакты, притираются друг к другу без спешки. И знают, что если даже они придут к решению не объединять свои судьбы, то все равно останутся добрыми друзьями на долгие времена. Они живут, работают, жизнь их не претерпевает резких, шокирующих изменений. Она, он, их семьи… В них сильно здоровое направляющее начало крепкой цивилизации.

Может ли хотя бы забрезжить в нашем сознании, одержимом спешкой, лихорадочным перебором вариантов, медленное, уверенное, наполненное смыслом течение тех дней и лет?

Они заключают браки, когда приходит на то время. Кто они такие? Может быть, он купец, и она будет путешествовать с ним по странам и континентам? Или фермер, выращивающий злаки и овощи для стола соплеменников? Или

ремесленник, формующий сосуды для хранения жидкостей? Может быть, семья поселится в доме возле своей пекарни, кожевенной мастерской? Возможно, он плотник или обрабатывает металлы? То, что они делают руками, приносит им удовлетворение, радость, наслаждение. Ни страха, ни спешки не знают они. Конечно, люди умирают, но после долгой жизни. Конечно, случаются катастрофы, несчастные случаи, иногда даже войны, но очень редко, лишь на окраинах их цивилизации, на границах с другой, столь же древней и совершенной, как и их собственная. Эти две культуры уважают одна другую, между ними процветает торговля, допуская браки между представителями.

У пары рождаются дети, получают воспитание и образование; дети поглощаются спокойным, уверенным течением наследственности. Я живо представляю себе этих двух, таких же, как мы с тобою, Шарма. Они любят друг друга. Но не могу представить их как служителей какого-то «дела». Они не прикрываются своей любовью, как щитом, от всевозможных ужасов. А мы. Шарма? Они добры, они веселы, игривы. Я вижу, как они гуляют по берегу реки, как, скинув одежды, купаются вместе с друзьями в прекрасной свежей

воде. Ходят в гости друг к другу. Можешь себе представить дружбу в те дни? Анаши друзья на другом континенте. Или скоро туда уезжают. Мне нравится представлять себе, что такое дружба там, в те дни.

Я вижу их обоих, молодых родителей с малышами, с детьми, и каждая минута приносит радость, потому что они свободны от давления, под которым живем все мы. Дети растут, в них проявляются новые черты, выпестованные прошлым, всем культурным фоном, всей цивилизацией и направленные в будущее.

Я вижу их обоих, молодых родителей с выросшими детьми. Они еще очень молоды, им сто, двести лет, они полны жизни и здоровья, семья их увеличивается, семья их самостоятельна, дети выросли, но их не сдуло судьбой в дальние края. Представь себе отношения между детьми и родителями, которые знают друг друга на протяжении сотен лет! Трудно вообразить. Представь, что индивид созревает три сотни лет, а то и больше. Трудно, очень трудно такое представить, невозможно понять. Настоящие браки. Настоящая жизнь. Когда-то это было, уверен.

Нравится тебе этот сон, Шарма?

Ну, а если не нравится, вот тебе другой.

Давным-давно, люди тогда сильно отличались от только что описанных мною, и конечно же, еще сильнее от нас с нашими болячками, выродившимися органами и скукожившимися остатками того, что мы называем жизнью.

В то время Земля входила в тесно взаимосвязанную космическую систему, на нее сильнее действовали звезды… Тебе не надоела моя болтовня, Шарма? Ты, возможно, находишь мои разглагольствования бесполезными. Ты девушка практичная, и я восхищаюсь этим твоим качеством. Ты в мгновение ока просчитываешь ситуации, видишь возможности их развития и итоги. Эта способность у тебя в крови. Ты ценишь эту способность, но не видишь всего, что в ней таится. Извини, я не устаю тебя нахваливать. Ты, конечно, думаешь, что я ценю в тебе то же, что и ты сама: твой ум, твою способность управляться с обстоятельствами, твои зажигательные речи, твою находчивость и быстроту реакции на заседаниях. Твой гуманизм, наконец.

Может быть, ты даже рассердишься, если я скажу, чем я в тебе восхищаюсь. Твоим чудесным ощущением момента, реальности, твоим предвосхищающим инстинктом. Вот ты подходишь к миске с пловом, и руки твои говорят на

языке понимания. Пальцы твои поправляют сари — этот жест запечатлелся у меня в памяти на всю жизнь. В нем столько уверенности, такая четкость! Вот к тебе подбежал ребенок, и дело даже не в том, что ты сказала, а в том, как ты держишь себя, как двигаешься. Ты просто чудо! Я с восторгом смотрю, как нога твоя в уверенном шаге опускается на землю, любуюсь каждым жестом, движением головы, рук, губ. Все выверено, ничего лишнего. Неподражаемо!

Так вот, что касается моего второго сна. В те дни мало народу населяло Землю. Жившие здесь знали, для чего они живут. Тогда как мы не знаем, не имеем представления. Они жили, чтобы поддерживать жизнь на планете. Они управляли разными космическими силами, множеством потоков, их ритмами, направлением, напряженностью. Каждая минута жизни тех людей управлялась их знанием. Но это управление не было чисто механическим, заводным, а согласовывалось с движением управляемых потоков.

Браки заключались не для того, «чтобы иметь детей» или «чтобы создать семью», хотя, конечно, и дети рождались, ц рождались не абы как. а согласно определенным точным критериям. Сочетающиеся мужчина и женщина чувство-

вали себя и были избранными, дополняли друг друга, и сами они рождались на свет по тем же принципам, в оптимальном взаимоотношении со звездами и планетами, занимали свое место в движении космических тел и сил, в пляске планет, в сиянии звезд. Брак их представлял собой священнодействие, как и совокупление, осмысленным было и то, что они ели, что носили. Ни в какой мелочи нельзя было найти и следа дисгармонии. в том числе и в мыслях, и в движениях их. Они были уместны на планете, под небом звезд, через них текла субстанция земли и неба.

Таким был тогда брак, Шарма. Очень ясно представляю себе, с каким лицом ты читаешь эти строки.

Завершаю письмо. Жизнь моя сейчас печальна. Умерли отец и мать. Чудесные были люди. Возникли определенные проблемы.

Скоро увидимся.

Из дневника Рэчел Шербан

Новая война вызвала поток беженцев. Мы приняли в квартире два десятка, как-то разместились. Сейчас они уже отбыли в лагерь. Выживание. Выжившие. Не могу понять, почему люди изо всех сил стремятся выжить. Вот и из наших беженцев

кого ни возьми — просто потрясающая история чудесного спасения.

За прошлую неделю умерло около миллиона человек. Какое значение в свете этого имеет факт выживания некоей Рэчел Шербан? Есть ли ответ на этот вопрос? Будь здесь Джордж, его действия сами по себе стали бы ответом. Он всегда занят спасением людей. Интересно, как бы понравилось некоторым из спасаемых то, что они «представляют собой генетическую ценность». «Генетически полезен», — ответил Джордж на мой вопрос об одном из таких спасенных.

Миллион трупов! Пытаюсь представить себе это, переварить. В нашей квартире были лишь живые. Выжившие. Те, кому не повезло, умерли. Почему один жив, а другой мертв? Я не понимаю. Вот на улице беспорядки, пальба, кто-то падает на мостовую. Труп. Шальная пуля могла попасть и в меня. Вчера вечером, например. Я шла по городу. Ночь, комендантский час. Солдаты, грузовик, пальба. Я даже лица не прикрыла. Никто меня не заметил. Однако я вернулась домой под утро, живая и невредимая. Почему? Кто ответит? Сюзанна вне себя. Открыв мне дверь, закричала, завопила: «Тебе что, жить надоело?»

Кое-что я поняла. Удивительно, почему раньше

не сообразила. Кому нужны эти убийства, эти мучения, страдания, смерть, смерть, смерть, смерть… Кровь за кровь… Чьи-то ноздри должен же щекотать этот кровавый запашок, поднимающийся с планеты. Кому-то или чему-то это зачем-то надо. Все чему-то служит, все имеет какую-то цель.

Полагаю, Дьяволу это нужно, вот кому.

И все сразу становится на свои места.

Где-то я прочла, что самая хитрая уловка Дьявола в том, чтобы внушить всем, что его нет. Его или Ее. А мы, кретины, и верим.

Странное ощущение. Как будто нет меня. Не существую. Сквозь меня дует ветер. Сквозь дыры и трещины в несуществующем корпусе. Хожу по квартире — как будто летаю в какой-то нереальности. Нереальности? Нет, не то слово. Вечно я не могу подобрать подходящее слово для определения чего-то. Вчера я настолько не чувствовала себя, что оглянулась с улицы, ожидая увидеть себя сидящей у окна.

Когда нахлынули беженцы, я суетилась, доставая для них вещи и продовольствие, чем-то занималась, ощущение было совсем другое, но все равно оставалась какая-то полуматериальность, пористость, что ли, губчатость.

Сюзанна беспокоится. Озабоченно смотрит на меня, охает.

Сюзанна сильная личность. От нее пышет энергией, как будто жаром. Обжигает. Но когда я нарочно подхожу к ней поближе, чтобы согреться, меня сдувает прочь, как сухую траву. Она обнимает меня, укачивает, успокаивает как ребенка. Как кошка-мать котенка.

Я же даже не котенок. Сухой щепкой, серой холодной тенью угадываюсь я в могучих руках Сюзанны. Опускаю голову ей на плечо — частично, чтобы ей польстить. Меня нет здесь. Я даже отключаюсь, засыпаю.

Позавчера ночью я проснулась и увидела сидящую на краю моей кровати улыбающуюся Ольгу. Полностью открыв глаза, я поняла, что это не Ольга, что лунный свет и сквозняк играют шторой. Но за это мгновение, до осознания реальности, я успела ощутить сладостную тоску, тягу к ней. Я испугалась, ибо никогда не испытывала к Ольге ничего такого, пока она была жива.

Сюзанна присматривает за мной. Она любит меня, потому что я сестра Джорджа.

Я смотрю на нее, на сильную… и некрасивую. Она мыла голову. «Сейчас Сюзанна снова устроит из волос это дурацкое гнездо», — подумала я.

Я подошла к ней сразу после мытья, взяла гребень, разделила волосы на пробор, уложила в прическу. Она вытерпела все это. Закончив, я полюбовалась результатом. Сюзанна превратилась в неуклюжую женщину средних лет, какую-то невзрачную служанку. Она понимала, что я вижу, в глазах ее появились слезы. Она понимала, что я в сравнении с ней красавица, но не завидовала. В отличие от меня Сюзанна не завистлива, нет в ней также и моей язвительности.

Я отдала ей гребень, и она уселась перед зеркалом, принялась вить свое воронье гнездо. Затем в ход пошли уголь, помада для губ, румяна… И вот передо мною прежняя Сюзанна, не уступившая позиций. Мы поужинали вчетвером: Сюзанна, я и дети. Я смотрела на нее и дивилась ее силе, источникам этой силы. Откуда? Моя рука потянулась к Сюзанне, она погладила, затем помассировала мне ладонь. Она знает, что нужно делать. Приласкала меня, как ребенка. «Бедная маленькая Рэчел, Рашель, Рахиль…»

Что сделать? Что сказать? А что скажешь, если ты не существуешь… Нет тебя, понимаешь? Что-то прозрачное меня окружает, пленка какая-то, и я не могу ее смахнуть прочь. Какой-то слабо-радужный пузырь.

Впопыхах прибежал Раймонд Уотте и сообщил, что только что прибыл какой-то гонец с информацией для меня. Собственно, прибыл-то он к Джорджу. Странно. Я велела Раймонду привести этого вновь прибывшего ко мне. Все это очень подозрительно.

Надо уезжать, точнее, бежать. Этот «некто» сказал, что якобы «получил доступ» к информации о том, что Надзирающие готовят убийство Джорджа. Что Джордж уже уехал, он почему-то не знал. Он, кстати, член Администрации. Это означает, что молодежные армии ему не должны доверять. Но Раймонд Уотте клянется, что этому типу можно доверять, ибо он в Администрации белая ворона.

Надо предупредить Джорджа. Он может об этом и не знать.

Сюзанна всю ночь провела со мной. Как это все случилось? Еще недавно Ольга и Симон были живы, у меня были родители. Джордж был здесь и Бенджамин. А теперь я осталась одна с Сюзанной и двумя детьми, которых я совсем еще недавно не знала и которые теперь стали моей семьей.

И кто дал ей право мной командовать! Просто видеть ее не могу. Вся из себя такая серьезная, с необъятным бюстом… Делай то, делай это… Она

говорит, нельзя мне уезжать. «Здесь твой дом, Рэчел, здесь Касем и Лейла, ты им нужна». Сколько можно долбить одно и то же!

Я им нужна? Да это она им нужна! Зачем детям Рэчел Шербан, если есть Сюзанна!

Конечно, она будет рада остаться в этой квартире с детьми. Она живет в комнате родителей. Готова к возвращению Джорджа. Если он вообще вернется.

Нет, зря я так о ней…

Сюзанна снова и снова повторяет, что Джордж не хотел, чтобы я отсюда уезжала. Но ведь Джордж не знал, что появится этот подозрительный гонец.

Когда я все-таки настояла на своем, Сюзанна вздохнула и сказала:

— Тогда я по крайней мере» попрошу кое-кого тебе помочь.

Она имела в виду транспортировку и маскировку. Это ее «по крайней мере» меня взбесило. Смешно, должно быть, со стороны смотреть, как я на нее злюсь. Сюзанна гладит меня против шерсти.

Я загримируюсь под Джорджа. Мы ведь с ним очень похожи, это все всегда замечали. И пусть враги убьют меня вместо него. Вот как все просто!

Все эти дурацкие униформы облегчают дело.

Я готова к отъезду. Сюзанна повсюду таскается за мной и отговаривает. Плачет. Имя мое выговаривает на еврейский лад: Рахиль. Мне это всегда нравилось. Но в ее речи и слезах чувствуется покровительство, слышны упрек, обвинение. И мы обе плачем и заламываем руки. Никогда не думала, что кто-то заламывает руки в реальной жизни.

Сюзанна пичкает меня бульоном, супом, своими пайковыми рационами, заставляет жевать и жевать. Она сменила мебель в комнате родителей. И пусть. Помню, как она стояла в дверях комнаты и глядела внутрь, словно там был ценный подарок, завернутый в блестящую бумагу. Как будто не отваживалась развернуть бумагу, боясь ее повредить.

Я не удержалась и поцеловала Сюзанну. Я хотела весь мир завернуть для нее в красивую бумагу, подарить ей его, чтобы наградить за все понесенные в жизни утраты. Но она все преодолела и все преодолеет. Если забросить Сюзанну в пустыню вместе с Касемом и Лейлой, за тысячу миль от жилья, она и то не падет духом. «А теперь, Лейла, Касем, слушайте меня внимательно. Мы сделаем то-то и то-то, для того-то и того-то…»

Завтра я уезжаю.

Донесение товарища Чена Лю в Пекин

Относительно ситуации с Джорджем Шербаном

Попытки освободиться от этого опасного субъекта пока успехом не увенчались. Причины наших неудач не очень ясны. В различных местах стала появляться женщина, загримированная под Джорджа Шербана, оказавшаяся его сестрой. Эта женщина сначала носила форму Третьей секции Североафриканского молодежного движения, в этой форме она оставила Тунис и прибыла в Испанию. Передвигалась на транспортных средствах молодежных организаций. На юге Франции переоделась в одежду, похожую на одежду Джорджа Шербана, и в течение нескольких дней успешно выдавала себя за него, появляясь в разных местах и привлекая к себе внимание бросающимся в глаза поведением. Затем у нее, как сообщают, наступил нервный срыв. Настоящий Джордж Шербан находился в это время в Брюсселе. Возникли вполне объяснимые слухи о способности этого «святого человека» — так его тоже называют в определенных кругах — появляться одновременно в разных местах, телепортироваться и тому подобное. Реальный

Джордж Шербан этим слухам не находил объяснения. В Амстердаме на митинге, встреченный истеричными поклонниками, он безуспешно отрицал наличие у себя таких способностей. В Стокгольме он на несколько дней ускользнул от наших агентов. Наши агенты во Франции приняли Рэчел Шербан за брата, дважды она чуть не стала жертвой несчастных случаев, но отделалась лишь мелкими ранениями. Мы склонны считать, что Джордж Шербан пытался установить связь с сестрой, посылал к ней гонцов, но ее по нашему указанию арестовала Народная полиция Парижа. Однако допросить Рэчел Шербан не успели, она покончила с собой.

Ситуация осложняется не только описанными курьезами. К примеру, ожидалось, что Джордж Шербан будет добиваться выдвижения своей кандидатуры на пост представителя Северной Африки, и по всем прогнозам, его бы выбрали. Однако он не произвел никаких движений в этом направлении. Он постоянно разъезжает повсюду, облеченный полномочиями множества организаций разного масштаба, как авторитетных, так и совершенно никому не известных, порой смехотворных. Я могу лишь предполагать, что его устремления направлены гораздо выше. Куда

— пока не берусь судить.

В качестве характерной особенности визитов Джорджа Шербана наши агенты отмечают, что после его появления некоторые индивиды оставляют места своего проживания и отправляются в разных направлениях. Привести их к общему знаменателю пока не удается. Они разнятся как по расовому, национальному и половому признаку, так и по характеру деятельности, которой занимаются, прибыв на новые места, не всегда в рамках молодежных движений.

Учитывая изложенное, предлагаю отложить устранение Джорджа Шербана до тех пор, пока не выяснятся цели его активности.

Девять попыток устранить этого человека стоили нам пятерых сотрудников.

Брат Джорджа Шербана Бенджамин находится в лагере 16 в Чехословакии, где проходит перевоспитание на элитном уровне. Оценивать результаты пока рано. Джордж Шербан по пути в Индию посетил брата. Причем проделал это легально (что вполне в его духе), без нарушений правил, хотя и создав прецедент, ибо ранее никто не делал таких попыток. На ту территорию наша юрисдикция не распространяется, и вмешательство могло вызвать нежелательный резонанс.

От Бенджамина Шербана, лагерь 16, Чехословакия

Джорджу Шербану, Симла

Есть у меня что порассказать тебе, братишка. Но не все сразу, как ты любишь приговаривать. Что ж, по порядку: Ты у меня здесь был за день до начала так называемого «семинара дружбы». Мы не знали, чего ожидать. Я думал о барочной роскоши Карловых Вар, утешавшей и отвлекавшей от тягот жизни сначала буржуазию, а затем партийных боссов. Но вместо золоченых амурчиков-купидончиков нас ожидали вполне пристойные строгие классы и залы, не отвлекающие внимания от продуктивного размышления. Нас две сотни, подобраны один к одному, как огурчики для засолки. Никого старше двадцати пяти, включая и наших мудрых китайских наставников. Мужеска и женска пола поровну. Все строго и никаких привилегий, в том числе и китайцам. Трое наших прибыли позднее, со сложностями. Я им представился, и состоялся обмен инструкциями.

Артефакты размещены согласно рекомендациям.

Прием пищи в пошлой роскоши бывшего гостиничного ресторана, но пища — картошка, и будь

доволен, что хоть картошка.

Китайцев целых десять, все очень правильные, но очень вежливые. Они нас просветили, что первые дни на повестке дня — никакой повестки дня, мы знакомимся друг с другом. Однако некоторые к ним приставали, и китайцы уточнили: неформальные дискуссии по проблемам, с которыми мы столкнемся.

И какие же это проблемы?

Отношения между молодежными армиями и европейскими массами и верная позиция относительно указанных масс.

Это, разумеется, несколько не соответствовало ожидаемым нами экскурсиям, фотографированию с боссами разного масштаба, посещению памятников истории и культуры, проживанию в какой-нибудь из китайских столиц в качестве почетных гостей и подобной бодяге.

Что ж, пусть будут неформальные дискуссии… Для чего еще язык во рту? Китайцы предоставили нас самим себе и на этих «дискуссиях» вовсе не появлялись. В результате мы пришли к заключению, что наградой за хорошее поведение будет назначение на всяческие посты по контролю упомянутых масс и управлению ими. Иными словами, что верхние этажи структуры

молодежных армий вольются в соответствующие структуры Администрации Надзирающих. Традиции, освященные временем. Еще, иными словами, мы должны позволить себя сожрать с потрохами без всяких сопливых сомнений и возражений.

И что же я на это возражу? А что тут возражать, если это закономерно! Мы восхищаемся нашими китайскими благодетелями и предпочитаем их сам знаешь кому.

Таков общий фон событий.

Ожидаемые дискуссии имели место быть в течение дня и даже ночи под умеренно крепкие и весьма крепкие напиткиг хорошо темперированный секс и вечное дружество меж аляскинцами и огнеземельцами, островитянами ирландскими и гаитянскими, кисками с мыса Безнадежности и котиками с мыса Доброй Надежды. В общем, как заведено.

Общее мнение склонялось к тому, что благодетели наши хотят проветрить наши мозги от настроений типа «Да чтобы я — да никогда в жизни...»; «Не склоним головы перед...»; «Да я скорее сдохну, чем...»; «Мы не продаемся...» и прочая тошнятина. Через несколько часов, однако, атмосфера изменилась, и здесь я полагаюсь на твой

дар интерпретатора. Наши менторы, повторяю, держались в стороне, появляясь вместе со своими непременными улыбками лишь к приему пищи.

Итак, атмосфера. Я не сразу заметил и понял, что случилось, и еще более не сразу поверил в то, что произошло. В самое первое утро я случайно попал в общество случайно подобравшихся двух десятков лиц, сидящих кто где и кто на чем в бывшей бильярдной, трансформированной в учебный класс, и чесавших языки на священную тему «Если-они-воображают — что-могут-купить-нас…». И как-то случайно осознал, что все сказанное здесь можно интерпретировать иначе. На ином уровне. Это показалось мне столь диким, что я предпочел объяснить мое восприятие тем, что провел время до четырех часов в обществе Ее Приятности из Абиссинии (не подумай чего плохого, в беседе провел время). После ланча (репа с гарниром из репы в репном соусе по-репски) я с группой иного состава, но примерно такой же численности оказался в ином помещении. Обсуждались возможности сотрудничества с нашими благодетелями, и я вдруг снова осознал то же самое, на этот раз не отталкивая свое впечатление под предлогом «да не может того быть!» Атмосфера просто-таки замечательная

наблюдалась, кристально-клевая. Каждый из выступантов бодр и свеж, лучится энергией, взгляды говорят то, о чем уста сомкнуты. Не я один такой умный, почти все осознавали, что происходит нечто странное. Мое преимуще ство в том, что я в твоем обществе такие ситуации неоднократно обкатывал. Каждый из присутствующих все понимал, но будь с нами благодетели, ни один из них не мог бы придраться ни к одному словечку, ни к мимике-жесту-интонации.

И так три дня.

Ну, ты ж все прекрасно понимаешь.

Я попадал в общество разных людей в разных помещениях, но суть не менялась. Трое наших особых друзей все подтверждают. Мы это мимоходом обсудили, хотя и не было нужды. Все чаще случалось, что после такого «прозрачного» обмена мы сидели по десять-пятнадцать минут, а то и дольше, а однажды и час, не говоря ни слова. Нужды не наблюдалось.

А когда говорили, два уровня автоматически высвечивались столь явно, что казалось, каждый выучил еще один язык.

Естественно, регулярно мы собирались в одном большом зале для приема пищи, где сидели все вместе, и атмосфера объединяла нас в одно целое.

И китайцы ничего не подозревали. Они инициировали дискуссии, подбрасывали темы — но через минуту тема вязла, гасла, тонула, затухала. Похоже, они заподозрили, что мы получили доступ к наркотикам. Мы видели, что на них тоже начинает действовать. Им это не нравилось, они собирались, обсуждали ситуацию. Мы же еще на два дня оказались предоставленными самим себе. Было заседание, во время которого все молча вошли в комнату, молча уселись и молча просидели все утро. Не было нужды в словах. Наконец благодетели сменили тактику, и теперь каждую «дискуссию» вел наставник. Но и участие руководителя ничего не изменило. Нашего разговора они не слышали, он шел на другом уровне. Но время от времени разражалось длительное молчание, которое прерывалось ими. Не выдерживали.

Так.

Плюсы я вроде бы все перечислил.

Переходим к минусам.

На шестой день, столь далекие от наших глупых «я», что и помнить их не хотелось, мы сидели за завтраком, когда появился некто, себя не назвавший, а запросто усевшийся за стол. Китайцы тоже его не знали, мы это сразу поняли по их первой реакции. Правда, некоторые из них после

первого перепуга сообразили сделать вид, что не удивились. Нас, как обычно, спасло то, что невозможно втереть очки одновременно всем в одинаковой мере. Так мы поняли, что этот благодетель им неизвестен.

Жуть. Тип: международный технократ. Этим все сказано.

Этот Мягкоступ сразу внедрился в одну из групп, в которой волей случая присутствовал и я. Вошел, улыбаясь. Уселся с улыбкой. Чувствовалось, что даже задница в его штанах улыбалась. Скажу тебе, что когда я вижу такую улыбку, рука моя, образно выражаясь, тянется к кобуре.

Атмосфера… изменилась.

Сгустилась. Каждый из нас поднимал тему в духе последних дней… Да, поднимал, но она падала. Слова, как подстреленные птахи, падали наземь.

Так?

Мы сидели неподвижно, неподвижно барахтались, пытаясь взмыть, воспарить, однако…

Перед ланчем я совершил обход и обнаружил, что все выданные нам тобой артефакты исчезли.

За ланчем все сидели кислые и раздражительные. Господин Мягкоступ устроился особо. Китаёзы притворялись, что его присутствие

для них не в новость, но по-прежнему ничего не понимали.

После ланча я прошелся по группам, по комнатам, не задерживаясь ни в одной. Мягкоступ удостоил присутствием следующую группу, не ту, которую почтил утром.

Атмосферы не было вообще. Высосало. Вакуум. Так?

Более мы Его Мягкоступства не лицезрели. Почтил единодневным присутствием. Китайцев донимали вопросами. Они отделывались дежурными улыбками: «Да, так, стажер — посетитель».

Следующий день вернул наши «неформальные дискуссии» к нормальному идиотическому пустозвонству.

Наши три друга улетучились. Куда? Сдул-всосал их Его Злопыхательство? Не знаю. Китайцы заверили, что «наведут справки». Они чувствуют себя не в своей тарелке.

Тем временем постепенно выяснилось, что народ не помнит случившегося в эти пять дней. Пытаясь напомнить, встречаю хорошо знакомый пустой взгляд. Странно, что я этот взгляд не узнал сразу. И сам я все чаще чувствую, что мозг мой немеет, когда я пытаюсь вспомнить

характер атмосферы… да и ход событий.

Было ли?

Было, было.

А что, собственно, было?

Я вспомнил, что ты сказал мне при отбытии: «Что ж, всех не победить».

Кого?

Завидная беззаботность.

Есть-таки вопросец, который так и подмывает подкинуть, подбросить, поймать. К чему стараться, если заранее знаешь, что ни к чему все это? Если шансов с гулькин… Ну, тысяча к одному. То есть, ровно наоборот, один против тысячи.

Можешь не отвечать. Как ты сказал, когда сообщил о Рэчел: «В следующий раз повезет больше».

Шучу, шучу.

И только.

Приношу свои извинения.

До сих пор не мог никого найти, чтобы переслать тебе это письмо. Конец вводному курсу, месяцу знакомства, скука смертная. Обычное занудное нескончаемое переливание из пустого в порожнее по поводу возможности невозможного. Руководство молодежных армий провело

резолюцию, выражающую согласие «попытаться координировать усилия с администрацией Пан-Европы.

Несколько раз помянул Его Хреновость нашим благодетелям. Смысл? Да хоть посмотреть на мгновенно всплывающие на их физиономиях улыбки. Визит его, мол, на повестке дня, одобрен и ожидается. Кем одобрен?

Короче, скажи, чего ты от меня теперь ждешь?

Донесение товарища Чена Лю в Пекин

В Комитет общественной ориентации и всесторонней координации

Хочу еще раз обратить ваше внимание на острый недостаток продовольствия в Европейском секторе. Изъятие продукции на фермах вызвало недовольство и пассивное сопротивление фермеров. Излишнее рвение местной администрации в выполнении похвальных и вполне законных требований Центра привело к нежелательным последствиям. От Ирландии до Урала, от Скандинавии до Средиземноморья (территория, за которую я имею честь нести ответственность) разразился голод. Я взял на себя смелость высказать в своем последнем докладе предположение, что столь негибкий подход к Панъевропейско-

му пространству вызван невербализованным желанием отмщения за века колониального притеснения и грабежа. Я скромно просил, чтобы Совет рассмотрел возможность представить в Объединенный комитет развивающихся стран предложения взвесить результаты такого рода политики. Разумеется, если поставлена цель истребить народы Пан-Европы, то следует сформулировать последовательность действий и предпринять шаги к их осуществлению. Наш посол информировал меня, что высказывания мои найдены неуместными. Надеюсь, что мой послужной список на Службе Народу говорит за себя сам. Ведь никогда еще наша политика не сводилась к нанесению тотального ущерба целым странам, подпавшим под наше Благодетельное Воздействие. Целью нашей всегда являлось перевоспитание даже упорствующих в непонимании слоев населения. Посему я снова беру на себя смелость (см. также в докладе) спросить, является ли политикой нашего Совета опустошение Европы для последующей колонизации с Юга. Если это так, я вынужден заявить протест, исключительно с точки зрения целесообразности. На нас сейчас смотрит весь мир. То, что происходит в Европе, неизбежно вызовет соответствующий резонанс.

Местные представители не оказывают более сопротивления перевоспитанию, к тому же они в основном уже заменены более подходящими кандидатурами и лишь содействуют проведению в жизнь мудрой политики Объединенного Комитета Развивающихся Стран.

К докладу товарища Чена Лю также прилагалось его письмо своему другу Председателю Совета товарищу Ку Юаню.

Давно нет от тебя вестей. Получил ли ты мое последнее письмо? А если получил — чего мне тогда ждать?

Если получил, то дальше можешь не читать.

Прошу тебя предпринять, что можешь. Повсюду, даже в лагерях и гарнизонах молодежных армий, которые хоть кое — как снабжаются, тотальная нехватка продовольствия. Население страдает. Значит ли это, что наш Совет склонился перед Развивающимися Странами? И что головой управляют конечности? Или мы просто помалкиваем в тряпочку? Конечно, здесь, в колониях, трудно держаться на уровне, но я анализирую, что могу. К примеру, бесчисленные митинги, конференции, совещания, имевшие место за последний год по всему южному полушарию — обнаруживаю более сотни речей с

призывами к мщению и ни одного (зарегистрированного) призыва к умеренности, к разумному использованию человеческих ресурсов вместо их уничтожения.

Друг мой, я пребываю в расстроенных чувствах, ночей не сплю и не способен сосредоточиться на вьтолнении долга перед нашим Великим Народом. Помнишь, когда ты сказал мне, что я выбран для надзора над Пан-Европой, я обратил твое внимание, что я — не лучшая кандидатура для работы такого рода. Но ты ответил, что, мол, человек, сознающий наличие сложностей, лучше, чем не видящий таковых. Я в недоумении. Работаю я денно и нощно, встречаюсь с чиновниками разных рангов, всех эшелонов, сверху донизу, людьми решительными. Но последние месяцы эта моя работа не является проведением решений Центра. Так ли это?

Мне неприятны белокожие. Просто физически неприятны. Их запах оскорбляет обоняние. Их жадность, алчность отвратительна. Они неуклюжи как в движениях, так и в мыслях. Они исполнены чувства собственного превосходства и напоминают неотесанных деревенских чурбанов, попавших в город и не разбирающихся в структуре новой обстановки.

Их дикость всегда ужасала меня. Хладнокровность опийного налога, уничтожение нашего культурного наследия, их воровские повадки… все это общеизвестно. Я живу среди людей, которые мне в корне неприятны. Даже в унижении своем иные из них, многие из них, ведут себя так, как будто несправедливо лишены подобающего им от природы, а некоторые исполнены ложного достоинства незаконно свергнутых с престола монархов.

Представь себе, в каком я оказался положении. Я вынужден поддерживать политику, которую мои чувства приветствуют, от которой мои глубинные инстинкты ликуют, которая возвращает меня в первобытное состояние. Друг мой, ты меня понимаешь. Я вижу, что наши здешние кадры выполняют свою работу с энтузиазмом. Они приветствуют политику Развивающихся Стран и одобряют то, что делают и что видят. Или же они не понимают того, что видят, не понимают, какие последствия для нас имеет эта политика. Ведь эта политика не может быть нашей, не может быть воплощением нашей Воли? Я наблюдаю за ними и ужасаюсь: неужели наш Великий Народ столь охотно идет на массовое убийство? Или же они в состоянии убедить себя,

что происходящее является чем-то иным?

Неужели нам нравится, что нас сравнивают с Чингисханом?

Во имя общего блага мы отказались от отпусков, но хотелось бы тебя увидеть, поговорить. Верно ли, что ты отправишься в поездку по южному полушарию этой осенью? Если да, то я хотел бы испросить отпуск и увидеться с тобою где — нибудь.

Из доклада товарища Чена Лю Совету в Пекине

Поскольку полное истребление населения Пан-Европы стало теперь официальной политикой Развивающихся Стран, что следует из решений конференции в Кампале, мне остается лишь доложить о развитии событий.

Молодежные армии до сих пор оставались сравнительно незатронутыми расовым вопросом. Расизм считался у них предрассудком, свойственным прошлому, старшим поколениям. В то время как в Европу устремились потоки иммигрантов из Индии, из пораженных многолетней засухой районов Африки, из Вест-Индии, со Среднего Востока, оседая в освободившихся для обитания местностях (обычно в домах умерших от голода или болезней), молодежные армии в общем и целом уважали права местного населения, мест-

ные традиции, сложившееся административное деление. Занимая опустевшие земли и селения, они хотя бы номинально всегда держались в определенных рамках. Не обходилось, конечно, и без демонстрации, возможно, иной раз умышленной, некоторой доли наглости. Но молодежные армии сильно ослабели за последнее время. К примеру, Панъевропейская конференция, намеченная на этот месяц в Швейцарии, собрала бы менее половины приглашенных из-за трудностей перемещения, нехватки топлива и продовольствия. Она перенесена на следующее лето (чтобы избежать холодов) в Грецию.

Вообще деятельность молодежных армий свелась к самообеспечению. Я вижу, что ослабление их является принятой политической линией, и не оспариваю здесь этого курса. Но мне кажется, что потоки грязи, выливаемые пропагандой на молодежные армии, остаются пустой риторикой, ибо во многих частях Европы им нет альтернативы как единственной силе, поддерживающей хоть какой-то порядок.

Впервые за время существования молодежных армий из их среды раздался призыв к приоритету делегатов из бывших колоний ввиду продемонстрированной европейцами расовой

неполноценности, выразившейся в варварском обращении с колониями.

(См. также мои предыдущие доклады.)

Чен Лю своему другу Ку Юаню

От тебя по-прежнему ни строчки. Надеюсь, однако, что ты получил мои письма.

Желаем ли мы, чтобы эти миллионы молодых (иные из коих, не спорю, исполнены заблуждений и политических предрассудков), по большей частью поддающихся перевоспитанию, создавших по всему свету свои организации, выработавшие своеобразный стиль работы, своеобразную дисциплину, желаем ли мы, чтобы они обратились друг против друга? Не могу поверить, чтобы ты этого хотел. Не могу поверить, что ты одобряешь нынешнюю нашу политику в Европе.

Донесение товарища Чена Лю Совету в Пекин

Как логическое продолжение развития событий, о которых упоминалось в моем предыдущем докладе, на высшем уровне Всемирного Союза Армий Юных готовится инсценировка показательного процесса. В роли обвиняемого выступит Белая Раса. Обвинитель — Цветные Расы. Процесс намечается летом в Греции. Ему уделяется большое внимание. Обвинение будет представлять Джордж Шербан, долгое время находившийся

под нашим наблюдением. В роли защитника выступит Джон Брент-Оксфорд, старый член левого крыла лейбористской партии Британии, имеющий очень длинный послужной список. Он представлял Британию в соседней Европе при нескольких лейбористских правительствах. Суд Панъевропейской Федерации приговорил его к тюремному заключению; по моей рекомендации Джон Брент-Оксфорд освобожден и назначен на должность руководителя нижнего звена в надзорном органе молодежного движения (Бристоль, Англия). Слаб здоровьем. Работал в известной юридической фирме, но затем ушел в политику, однако хорошо подготовлен к выполнению поставленной перед ним задачи, требующей, в основном, не досконального знания законодательных актов, а хорошо подвешенного языка. Выбор обоих индивидов не может не вызывать некоторого недоумения. Джордж Шербан британского происхождения, в нем лишь четверть индийской крови. В молодежных армиях его, однако, воспринимают как «почетного индостанца». Джону Брент-Оксфорду уже за шестьдесят. Легко предсказать, что выбор адвоката из презираемого старшего поколения вызовет сдвиг эмоций против обвиняемого. Мне известно, что

Брент-Оксфорд популярен среди молодежи и уважаем теми из молодых, кому довелось с ним работать. Такой выбор можно приписать циничному подходу либо небрежности.

Брату Джорджа Шербана, некоему Бенджамину, фигуре менее харизматической, отводится роль одного из «советников» Джона Брент — Оксфорда. Таким образом, он выступит в ходе процесса против собственного брата. Бенджамин Шербан недавно прошел курс перевоспитания без какого-либо заметного результата.

Не следует недооценивать значения этого «процесса». Он уже возбудил значительный интерес, заявки на участие в нем посыпались из всех стран. Считаю необходимым выделить продовольствие и обеспечить всех палатками. Настроение в молодежных армиях в настоящее время более «взрывное», циничное, неустойчивое, чем ранее. Расцениваю его как опасное. Я отдал распоряжение о повышении готовности войск.

Чен Лю своему другу Ку Юаню

Настоятельно прошу тебя вмешаться. Мои распоряжения о выделении ресурсов для обеспечения «процесса» отменены. Приказ выделить продовольствие саботирован. То же относится

к распоряжениям выделить место для лагеря, обеспечить его водой, охраной и так далее. Все это без объяснений. Которых, честно говоря, я и не запрашивал.

Через два месяца несколько тысяч представителей Всемирного Союза Армий Юных соберутся в Греции. Рассматривает ли Совет возможные последствия на тот случай, если события выйдут из-под контроля?

Пишу тебе в состоянии духа, которое в дни нашей былой дружбы объяснять бы тебе не пришлось.

Когда «процесс» все-таки начался, Чен Лю подробно рассказал о его ходе своему другу Ку Юаню.

Получил твое сообщение. Положение твое понимаю. Агент, которого отправляю к тебе с этим письмом, насколько я могу судить, надежен. Он объяснит тебе, в какой я оказался ситуации. Большую радость доставил мне сам факт получения от тебя личного послания, хотя, конечно, вести не обнадеживающие. Опишу тебе, как ты и просил, события пресловутого «процесса», помимо официального доклада, отосланного по обычным каналам в Совет.

Прежде всего, Джордж Шербан, главный обви-

нитель, отправился в Зимбабве и добирался туда очень медленно на перекладных, используя разного рода автомобильный и железнодорожный транспорт, иногда передвигаясь пешком, и при этом, как всегда, представляя разные молодежные армии. Путешествовать подобным образом довольно-таки опасно по многим причинам. Повсюду ведется множество затяжных войн, поэтому предугадать, как будет развиваться ситуация, весьма затруднительно. Молодежные армии анархичны, плохо организованы, иногда это просто соперничающие банды поджигателей и грабителей. Маршрут Шербана пролегал через несколько зон военных действий. Он запасся полномочиями самого высокого уровня, которые частенько его выручали, но несколько раз все же оказывался на грани задержания и однажды даже был арестован, однако добился освобождения. Брат по имени Бенджамин всюду сопровождает Джорджа Шербана. Он неоднократно подвергался перевоспитанию, всегда безрезультатно, но, что интересно, ни разу не проявил нелояльности, нежелания сотрудничать. Брата, однако, сопровождал вопреки нашим предостережениям. Наказывать за это Бенджамина Шербана я посчитал нецелесообразным ввиду его высоко-

го авторитета и популярности в молодежных армиях.

В Зимбабве, в Булавайо состоялась грандиозная конференция, скорее, сход при дворе короля Лобенгулы. Присутствовал и нынешний Лобенгула, в ознаменование великого события объявивший амнистию и выпустивший на волю несколько тысяч пленных и преступников. Там, в сердце бывшего Черного континента, Джордж Шербан выслушивал наставления относительно принципов предстоящего разбирательства, которое каждый присутствовавший рассматривал как реальный судебный процесс, а не как средство пропагандистского воздействия. Поистине удивительно, что этот белый повсеместно воспринимается черными как полномочный представитель их интересов. Да к тому же Джордж Шербан не просто белый, а еще и частично индус. Отношение темнокожего населения Африки к индусам не нуждается в пояснениях. Удивительно и то, насколько скромно держался Бенджамин Шербан, известный ранее своим фанфаронством. Он все время вел себя как скромный советник брата, единственный среди них белый. Большой вес имело также, что он представляет Младших Юных, от восьми до четырнадцати лет. Группа

несколько дней провела в Зимбабве, осуществила нелегальную вылазку в Трансвааль. Затем они вылетели в Грецию, получив *благословение* (это слово использовал Джордж Шербан в частном письме) от теперешнего Лобенгулы.

Им уже сообщили, что на содействие администрации рассчитывать нечего — их мероприятие не получит ни войск или полиции для охраны, ни добавочных рационов, ни моральной поддержки.

Согласно информации, которой я располагаю, подготовка к «процессу» проходит без эксцессов.

Лично я в амфитеатре не присутствовал, чтобы не демонстрировать нашей озабоченности по поводу развития событий, но получил множество докладов о «процессе» как от участников нашей делегации, так и от информантов, распределенных по другим делегациям.

По сравнению с прежними мероприятиями пять тысяч собравшихся представляли жалкое зрелище. Все делегаты голодные и ободранные, а часто и больные. Соответственно и настроение аудитории мрачное, циничное.

Даже добирались бедняги до места проведения этого спектакля с превеликими трудностями, хотя я и дал указания — не уверен, что они выпол-

нялись — не препятствовать их перемещению. Многим, особенно европейцам, пришлось идти пешком.

Сразу начались было воровство, грабежи местных жителей и разборки, однако это удалось остановить, воззвав к чувству ответственности делегатов. Однако общее негативное впечатление осталось, и местное население сохраняло мрачную настороженность; возле лагеря всегда присутствовала толпа зевак, иногда в несколько сот человек.

Организаторы продумали распорядок мероприятия, размещение делегатов, выставили охрану — по большей части не от нападений извне, а чтобы не допустить внутренних беспорядков. Хотя было задумано равномерное распределение участников по расовым признакам, белые сразу же спонтанно выделились в лагерь внутри лагеря с отдельной охраной. Циркулировали шуточки, по большей части беззлобные, обыгрывался тот факт, что главный обвинитель белый. Повсюду распевали песенку: «Мой бабуля хиндустани, я почетный негритяни» (как вариант «Мой бабуленька британи»).

Автор шедевра, как водится, неизвестен. Принято говорить, что выходят такого рода куплеты

из народа. Да, воистину велик и всеобъемлющ дух народный…

Выдалась небывалая, просто невероятная жара. Высокая температура — ключевая характеристика месяца. Тень от древних олив падала лишь на часть громоздких старых палаток и иных сооружений, главным образом лагерь жарился в палящих лучах солнца. Воды не хватало. Сангигиеническое обеспечение — впритирку. Если бы не несколько сжалившихся над местностью ливней, через неделю там невозможно было бы обитать.

Я потратил несколько часов на чтение и перечитывание донесений, что привело к некоторому смещению акцентов. Кое — что озадачивает. То, что эти молодые люди блестящие организаторы и у них есть чему поучиться, для нас не новость. Но кое-что выходит за рамки моего разумения.

Напоминаю, что освещение «процесса» началось в несерьезном ключе. Первые новости подавались под заголовками типа «Детишки снова смеются над нами». Считалось дурным тоном и абсолютно бесполезным делом останавливаться на страстях, вызываемых расовым вопросом. Процессу предшествовала основательная подготовка. Поездка по Южной Африке, к примеру.

Далее: почему выбрали именно Грецию? Гово-

рят, что сначала собирались устроить процесс в Испании, в одном из амфитеатров, где проводилась коррида, но поскольку это место пролития крови… Грецию же европейцы идеализируют как синоним цивилизации и культуры, забывая, что этот «оплот мира и демократии» в античные времена представлял собой свору вечно грызущихся рабовладельческих полисов, презирающих женщин и погрязших в гомосексуализме.

Амфитеатр не снабжен крышей, открыт холоду и жаре, уж не знаю, как выходили из положения в Древней Греции — был ли климат тогда мягче или древние лучше переносили жару и холод… Организаторы решили проблему климата, обратив день в ночь. Заседание «трибунала» начиналось в пять вечера, когда жара уже спадала, и продолжалось до полуночи. Затем прием пищи: салат, каша, хлеб. Продолжение заседания — с четырех до восьми утра, после чего завтрак из хлеба и фруктов. А между полуночью и четырьмя часами — дискуссии, споры. Для отдыха отводилось время с девяти утра до четырех пополудни. Но отдыхать в это время оказалось невозможным, спать мешала жара.

Употреблять алкоголь в лагере запретили, частично из-за мусульман, частично из-за труд-

ностей, связанных с поддержанием порядка. Вначале запрет даже соблюдался.

В электричестве мы им отказали, поэтому возникли проблемы с освещением. Арену окружили факелами, а когда выходила луна, она достаточно ярко освещала все вокруг. Без луны факелы вырывали из тьмы лишь отдельные участки. Вообще ночные заседания наверняка представляли собой впечатляющее зрелище.

По верху амфитеатра выставлялась охрана: двойная линия, лицом внутрь и наружу. Снаружи скапливалось значительное число местных, интересовавшихся ходом событий. Большей частью подтягивались к амфитеатру старики и дети, все истощенные, ободранные. То, что участники действа оказались в ненамного лучшем состоянии, чем они сами, привело к облегчению взаимопонимания. Конфликтов между местными и пришлыми, как ни странно, почти не наблюдалось.

Перехожу к тому, что «зрители», если можно так назвать делегатов — участников процесса, видели перед собой.

Никаких украшений, лозунгов, плакатов — вообще ничего горючего или воспламеняющегося — ни на арене, ни в амфитеатре не было. Каждый

факел — всего их было тридцать — охранялся двумя детишками из лагеря Бенджамина Шербана, большей частью черными, хотя попадались и белые. Факелов хватало на час, их регулярно меняли. Имелись и факелы с более продолжительным временем горения, но предпочли именно эти, чтобы занять детей и усилить элемент зрелищности. На арене с противоположных сторон поставили по два небольших стола и по нескольку стульев. И все.

От имени цветных рас выступал Джордж Шербан. Кожа его цвета слоновой кости, что указывает на некоторую нечистоту расы, цвет волос и глаз характерен для многих индийцев и арабов. Но на вид он все же белый. С ним группа помощников разных «мастей». С противоположной стороны такая же провоцирующая картина, смесь белых и цветных. Во время заседаний помощники постоянно сменялись, передвигались с арены в амфитеатр и обратно, очевидно, с целью повышения динамичности, усиления впечатления связи с аудиторией, создания неформальной обстановки. Джон Брент — Оксфорд оказался единственным пожилым среди присутствующих. Как я уже говорил, это могло стать дополнительным «ударом» по «белой» стороне, ослабляющим

ее позиции. Брент-Оксфорд, седовласый, хрупкий, к тому же выглядел нездоровым и по большей части сидел, тогда как остальные свободно перемещались по арене, иногда останавливаясь. Таким образом, он не мог пользоваться арсеналом сценических жестов, внезапных остановок и прочей весьма эффективной мишурой для привлечения внимания и завоевания симпатии зрителей. Голос его, хотя и слабый, по крайней мере, сохранял стабильность звучания на протяжении всего «процесса».

Джона Брент-Оксфорда постоянно сопровождали — это обстоятельство ни от кого не укрылось — двое мальчиков, один белый, другой абсолютно черный, британец из Ливерпуля — его приемные дети. Бенджамин Шербан тоже постоянно находился при старике.

Все информанты подчеркнули, что арена была устроена таким образом, что на ней не выделялось какого-либо композиционного центра, какой-либо точки приложения ненависти.

Теперь о том, что было *слышно*. И как было слышно. Интересный момент: если другие мои распоряжения (обеспечить мероприятию охрану, продовольствие, водопровод, освещение) отменялись, игнорировались, саботировались, то это

— относительно предоставления усилителей и громкоговорителей — почему-то выполнили. Однако громкоговорители ни разу не использовались.

Почему разрешили громкоговорители? Может быть, просто по недосмотру. Смело можно сказать, что каждый администратор убивает кучу времени на то, чтобы выявить движущие причины, мотивы событий, истинной причиной которых является недосмотр или некомпетентность.

Почему громкоговорителями не воспользовались? Только представь, как туго без них пришлось зрителям на верхних ярусах. Один из моих агентов, внучка героя Долгого Марша Ци Куань как раз заняла место наверху для лучшего обзора. Она передала в своем докладе характерное настроение человека, напрягающего слух в тщетной попытке разобрать каждое слово, каждый слог, расслышать звуки, ослабленные расстоянием, теряющиеся в шуме ветра и толпы. Присутствующие роптали. Раздавались выкрики: «Где микрофоны?» Но выкрики эти игнорировались, и вину за отсутствие усилительной техники возложили, естественно, на нас.

Ну а поскольку микрофонов не было, это за-

ставляло говорящих выражаться кратко, сжато, выразительным плакатным стилем, выкрикивая свои реплики в виде лозунгов. Каждый из присутствующих горел желанием «наконец» услышать правду.

«Процесс» начался, когда еще подтягивались последние делегаты, по большей части утомленные дорогой и оголодавшие. На выжженной траве под редкими деревьями соорудили импровизированные прилавки, выставили на них корзины с хлебом и кувшины с водой. Провизия быстро исчезла. Все понимали, что изобилия ожидать наивно. Палатки раскинулись на нескольких акрах. Вспыхнули и угасли грабежи местного населения. Вокруг толклись тысячи молодых людей. Северяне, исландцы и норвежцы, больше всех страдали от жары. Агент Ци Куань — она родом из Северных провинций — особо отметила пылающие небеса. Всюду надрывались цикады. Откуда-то прибежали тощие собаки, принялись всюду тыкаться носами, искать поживы. В четыре разнеслась весть о начале мероприятия. Делегаты потянулись занимать места на раскаленных солнцем каменных скамьях, а на арене без всяких вводных и предваряющих речей появились две противостоящие группы. Факелы, конечно, еще

не зажгли, но дети, по двое на каждый факел, уже заняли свои места.

На маленьких деревянных столах пусто. Ни бумаг, ни книг, ни письменных принадлежностей.

Джордж Шербан вышел к столу со стороны арены, к которой уже подбиралась тень. На противоположной стороне, лицом к палящему солнцу, расположился за столом хрупкий старик, «белый злодей», о котором все всё, конечно, знали. И, разумеется, каждый еще лучше представлял себе Джорджа Шербана. Всем было прекрасно известно, что «белый злодей» много лет принадлежал к британским левым, был осужден за преступления против народа, провел какое-то время за решеткой, был выпущен на свободу, реабилитирован и избран молодежными армиями защищать то, что защитить невозможно.

Амфитеатр заполнен публикой беспокойной. Народ ерзает на каменных скамьях, ворчит, ругает жару, ругает организаторов, недоволен отсутствием громкоговорителей, недоволен тем, что начали, не дождавшись последних прибывающих. Встречались старые знакомые, не видевшиеся месяцы и годы, с последней конференции где-то на другом конце Земли. И всех беспокоило еще что-то, не связанное напрямую

с данным событием, мучила неизбежность надвигающейся войны. И, может быть, уже тогда, еще до того, как обвинение и защита обменялись первыми фразами, каждому было очевидно, что «процесс» не решит главных проблем человечества, не сможет приписать все преступления какой-то одной виновной стороне, классу, расе, стране или нации. То, что я так говорю, не означает, конечно, что долгая моя ссылка в отсталые провинции повлияла на мое классовое сознание. Но слаб человек, труден путь его, и эти пять тысяч, избранные в качестве «лучших из лучших», не могли не видеть очевидного.

Около получаса все усаживались и устраивались, и вот уже Джордж Шербан открыл заседание, шагнув к краю арены.

— Я выбран представлять так называемые «цветные» расы в данном процессе… — И он перечислил около сорока групп, организаций, армий.

Агент Ци Куань отмечает, что слушали его в полной тишине. Называл Джордж Шербан делегировавшие его организации по памяти, не пользуясь бумажками, произнося иной раз весьма длинные наименования, изобретенные согласно непременному бюрократическому закону стремления к максимальной абсурдности.

Затем он смолк, отступил назад.

И тут заговорил от своего стола, не поднимаясь со стула, белый старик. Голос его, слабее, чем у Джорджа Шербана, однако чистый и четкий, ясно воспринимался в наступившем молчании. Молчание это исполнено было ненависти и презрения. Это совершенно естественно, ибо молодежь не видит стариков иначе, как в страхе улепетывающих подальше, или валяющихся на улице в ожидании похоронной команды, или догнивающих в сборных пунктах для доживающих. Молодежь не запрограммирована видеть стариков, списанных, вычеркнутых, упраздненных, «удаленных из книги истории», как это сформулировала Ци Куань. Она чувствовала, что «эту гадость следует раздавить, как червяка». Я все время цитирую этого агента ввиду, можно сказать, классической верности ее точки зрения. Доклады остальных информантов, ни один из которых не дотягивает до ее уровня, помогли мне составить объемное светотеневое представление о происходившем.

Так вот, сей древний призрак заявил, что представляет белую расу — на что в этот момент не последовало никаких ожидаемых по логике событий выкриков, воплей, улюлюканья — и

вместо длинного списка организаций назвал только одно наименование: Объединенный Координационный Комитет Всемирного Союза Армий Юных.

После этого он замолк, а Джордж Шербан, снова выступив вперед, громко и ясно произнес, выдерживая паузы между фразами:

— Я открываю этот процесс обвинением. Белые народы, населяющие наш мир, на протяжении всей истории разрушали и портили его, разжигали войны, отравляли водоемы, загрязняли воздух, крали и грабили, присваивали чужое, разоряли землю, вели себя нагло, презирали всех остальных, проявляли преступную глупость. Вследствие этого они должны быть признаны виновными как убийцы, воры, разрушители, должны понести ответственность за то, что все мы сейчас оказались в ужасном положении.

Все это собравшиеся выслушали, затаив дыхание, но когда Шербан закончил, раздался шипящий стон, «более ужасающий, чем громогласный вопль проклятия», как отметил другой агент, не Ци Куань. Приведу также замечание из просмотренного письма Бенджамина Шербана: «Я всю жизнь питаюсь фарсом, и если бы не перережрал его до полного отсутствия реакции, то со

страху сдох бы на месте от этого шипения».

Ясно, что группа защитников «белого дела» как будто окоченела, глядя перед собой, не смея поднять глаз на разъяренные эбеновые, шоколадные, золотистые лица делегатов.

Солнце между тем садилось, группа Джорджа Шербана оказалась в тени. Наступил вечер.

— Вызываю первого свидетеля! — воскликнул Джордж Шербан, и это было последнее, что от него услышали за много дней. Далее он постоянно присутствовал, но держался в тени, в составе своей группы.

Первого свидетеля выбрали блестяще — с определенной точки зрения. Делегатка от провинции Шаньси, около двадцати лет. Весьма упитанная и хорошо одетая. Ее появление сразу сказалось на общей атмосфере. Что поделаешь, мы непопулярны! Такова цена нашего превосходства: затертые европейцы и представители развивающихся стран смотрят на нас с плохо скрываемой неприязнью.

Свидетельница в течение всего пятнадцати минут четко и ясно перечислила и описала преступления, совершенные белыми народами в Китае и заключила формулой, которой заканчивали выступления почти все свидетели: «…И

всегда вели себя оскорбительно, презрительно, глупо и невежественно в отношении нашего великого народа и его славной истории».

Время подходило к семи, арену окутали сумерки, на амфитеатр опускалась тьма. Наша делегатка под аплодисменты вернулась на свое место. Это, однако, не была бурная овация, которой мог бы ожидать первый свидетель и которая непременно бы прозвучала, если бы вместо китаянки выступил, скажем, американский индеец.

Зажгли факелы. Произошло это следующим образом. Сверху через амфитеатр с разных сторон спустились к арене группы с четырьмя факелами. Факелоносцы обежали арену, примерно так, как это было принято на Олимпийских играх и подобных церемониальных мероприятиях прошлого, вручили факелы детям, одетым в форму своих организаций. Дети, вытягиваясь на цыпочки (эта деталь отмечена всеми агентами, следовательно, является впечатляющей мелочью), поджигали заготовленные связки высушенного тростника.

Церемония зажигания факелов заняла некоторое время. При этом не обошлось без сбоев. Один факел выпал из подставки, дети отпрыгнули, а из первого ряда выскочила девушка, быстро и ловко, подвергаясь опасности ожогов, подхва-

тила факел, вставила его обратно. Другой факел разгорелся слишком ярким и сильным пламенем, языки пламени доставали до зрителей. Этот факел заменили другим, поменьше. Когда эта интермедия подошла к концу, атмосфера разрядилась, делегаты оживленно болтали. Стемнело уже полностью, звезды светили недостаточно ярко, в темноте выделялась арена с двумя группами, на арене на фоне стоящих фигур были четко видны сидящий белый старик и двое мальчиков, черный и белый, стоявших по обе стороны от него.

Луна вышла на небо как будто по сигналу режиссера. Половинка луны, яркая, хоть сейчас начинай пляску Дракона.

Минуту-другую все молчали, очевидно, зачарованные зрелищем. Затем группа обвинения начала совещаться, непринужденно и свободно. Вообще непринужденность обстановки, как я уже отмечал, поддерживалась на мероприятии с самого начала. С арены и на арену постоянно ходили люди в обе группы. Китайская делегатка вернулась на свое место, к своей национальной делегации, которая, надо отметить, занимала лучшее место: внизу, на равном расстоянии от обеих групп на арене. Наша делегация — единственная,

для которой было отмечено специально отведенное место. Иными словами, единственная, привлекавшая к себе внимание в течение всего разбирательства.

От группы обвинителей отделилась девушка, направилась к обвиняемым, обменялась с ними парой слов и обратилась к публике. Она подчеркнула, что процесс открыт, все в курсе происходящего, и предложила на этот вечер, поскольку все устали с дороги и голодны, прервать заседание раньше. Есть ли возражения? Возражений не последовало, и девушка добавила, что в этот вечер ужин назначен на девять, тогда как в последующие дни его будут выдавать в полночь. Далее она вкратце описала план мероприятий, воззвала к терпимости делегатов, ибо пищу нынче добывать сложно, предупредила о необходимости быть бдительными и осторожными, призвала остерегаться воровства и вежливо обходиться с местным населением.

Девушка оказалась обычной делегаткой, не принадлежала к «звездам», и это произвело хорошее впечатление.

Амфитеатр опустел, народ направился к освещенным штормовыми фонарями столовым. Скудно освещены были также дорожки к палат-

кам и отхожим местам, представлявшим собою маркированные палатки над свежевырытыми ямами.

Так прошел первый день. Считаю, что организаторам удалось справиться со сложной задачей управления массой.

После ужина большинство улеглось спать, некоторые прямо в столовых, персоналу приходилось перешагивать через спящих. Спали также в душных палатках, многие предпочли ночлег на открытом воздухе. Белые все же обособились в гетто и выставили охрану.

В четыре утра группы участников процесса вновь появились на арене вместе с зевающими детьми-факельщиками. Амфитеатр заполнился лишь наполовину, ибо многие не захотели вставать так рано. В восемь, когда проспавшие, зевая и протирая заспанные глаза, встретились в столовой с проснувшимися вовремя, они ознакомились с происходившим в амфитеатре со слов сотрапезников. Заслушали еще двух свидетелей: североамериканского индейца и девушку из Индии.

Молодой человек из племени хопи с юго-запада Соединенных Штатов остановился в центре арены, медленно поворачиваясь, чтобы все мог-

ли его видеть и слышать, вытянул вперед руки ладонями кверху, «как будто предлагая зрителям себя и свои проблемы на вытянутых руках» (из письма Бенджамина Шербана). Начал он при свете звезд, которые меркли по ходу его рассказа. Суть выступления сводилась к следующему.

Европа вследствие жадности господствующих классов переполнилась голодающими оборванцами. Если эти униженные и оскорбленные осмеливались протестовать, их преследовали, вешали за украденную корку хлеба, били кнутом, бросали в тюрьмы… Их вытесняли из родной страны, вынуждали уехать в Северную Америку, где они принялись грабить индейцев, живших в гармонии с природой. Не было жестокости, махинации, подлости, которой бы пришельцы не испробовали на бедных аборигенах. Заполнив весь континент от восточного берега до западного, убив множество животных, загубив леса и почвы, белые согнали индейцев в резервации и продолжали издевательства над ними. Люди, изгнанные в страну индейцев жадными и жестокими обитателями своей родины, сами стали такими же. Скоро белые бандиты разделились на богатых и бедных, и богатые вели себя так же разнузданно и жестоко, как и все богачи мира во

все времена. Эксплуатируя себе подобных, богатые стали могущественными, подмяли под себя не только Северную Америку, но и другие части света. Они привозили из Африки рабов, с которыми тоже обращались жестоко, заставляя работать на себя. Обширная страна, населенная ранее людьми, не знавшими слов «богатый», «бедный», «собственность», «владение», жившими «по заветам Великого Духа, правившего миром» (цитирую сообщение агента), эта обильная страна превратилась в мусорную свалку, загроможденную оружием. И от берега до берега, с севера до юга каждого заставляют теперь поклоняться не Великому Духу, который был душою всех живущих на Земле, а накопительству, деньгам, вещам, еде, власти. Беднейший из белых богаче любого индейца. Самый бесправный из белых в глазах закона значит больше, чем люди, для которых эта страна была родным домом. Эти Соединенные Штаты — название государства индеец произнес с презрением — прибежище зла, испорченности, позора. И ведь все преступления совершались белыми во имя «прогресса», возвеличивались и восхвалялись.

Затем последовало обвинение:

— Преступное поведение базировалось на

презрении к другим, на вас непохожим. Самонадеянность не давала вам вглядеться в народы, которые вы лишали средств к существованию, в людей, которых вы презирали. Вы обвиняетесь в самонадеянности, в глупости, в невежестве. И Бог накажет вас. Великий Дух уже наказывает вас. Скоро от вас останется лишь память. Память о вашем позоре, безобразная, постыдная память.

Эти слова он произнес медленно и громко, обратив лицо к светлеющему небу. Белый старик сидел неподвижно, молчал.

Полная тишина. И полная неподвижность.

Факелы задымили, дети с помощью Джорджа Шербана погасили их. Проснулись цикады. Понемногу просыпались и делегаты, пробирались на трибуны, но амфитеатр все еще оставался полупустым, когда на арену вышла молодая женщина из Северной Индии, лидер тамошних молодежный армий Шарма Пател, известная всем как возлюбленная Джорджа Шербана.

Красивая, бросающаяся в глаза, яркая, она произвела на публику сильное впечатление, что не преминула отметить в своем отчете агент Ци Куань.

— Европа, главным образом Британия, но и другие страны тоже, — начала Шарма Пател, —

всегда рассматривала Индию как лакомую добычу. Два с половиной столетия из Индии выкачивали природные ресурсы…

Далее в течение двадцати минут Шарма Пател глушила публику цифрами. Не самая удачная тактика. Амфитеатр, оставаясь настроенным благожелательно, зажужжал, народ переговаривался, обменивался впечатлениями.

— Индию оккупировали, как и другие страны, якобы для ее же собственного блага. Обитателей субконтинента с их сложной древней историей, с их множеством религий, культур, завоеватели считали низшими существами. Британия правила Индией при помощи пушек и бичей. Завоеватели вели себя как варвары… — Тут она перешла к обвинению: — Наглые и заносчивые, они грабили Индию во имя прогресса и оправдываясь собственным превосходством. Превосходством! Неуклюжие существа с медленно ворочающимися мозгами и жирными телами. Они не были способны выучить языки покоренных. Они не интересовались нашей культурой, нашей историей, нашими обычаями, образом мышления. Они вели себя как самодовольные глупцы…

Эти два свидетеля заняли время до восьми

часов утра.

К завтраку проснулись все, и за столами проспавшие живо интересовались пропущенным. «Ну, это все давно известно», — такой комментарий раздавался чаще всего. Как будто они ожидали услышать что-то новое. Интересно, что? Эта общеизвестная реакция представляет для меня загадку.

Весь следующий день до пяти часов выдался невероятно жарким. Делегаты чувствовали дискомфорт. Все понимали, что время предстоит нелегкое. Народу слишком много. Воды слишком мало. Пыль проникает всюду. Время для сна, но где спать? Понемногу к лагерю подтягивалось местное население, глазело на молодежь, жаждущую тени, пищи, отдыха. Местные и делегаты скапливались группами, разговаривали, спорили, пели под аккомпанемент музыкальных инструментов и пели просто так, обсуждали условия жизни в разных странах. Такие беседы молодежи можно рассматривать как альтернативы законодательным ассамблеям или как их аналоги. Среди делегатов можно было видеть и Джорджа Шербана, и его брата, и других «звезд». Белый старик часто оказывался центром внимания той или другой группы.

Белые делегаты держались анклавом, слитным блоком перемещаясь из своего гетто в столовые, избегая встречаться взглядами с другими, стараясь казаться невидимыми — в общем, вели себя так, как когда-то вели себя покоренные ими народы. Понемногу, однако, их опасения рассеялись.

Наши агенты не теряли усердия. Становилось ясно, что все несколько введены в заблуждение собственным энтузиазмом в погоне за «справедливостью». Говорилось о «полной победе» над белой расой. Но что под этим подразумевалось? Обвинительное заключение логически влечет за собой какой-то приговор и приведение его в исполнение. Но к кому этот приговор применить? К белому старику Джону Брент-Оксфорду? Ко всей его группе? Из сообщений агентов можно заключить, что боевой дух в лагере царил весьма высокий, но несколько безадресный.

Я обратил внимание на разницу тональности ранних и более поздних сообщений наших агентов. Следует ли на основании того, что мы можем считать неверной оценкой ситуации, сделать вывод об ошибочности их заключений по тем или иным вопросам?

На второе вечернее заседание белых сопровождала в амфитеатр охрана, назначенная

организаторами и включавшая обоих Шербанов, Шарму Пател и других «звезд». Их усадили всех вместе как раз напротив нашей делегации. Возникло впечатление конфронтации, ибо, как я уже отмечал, ни одна другая делегация не выделялась по расовому или национальному признаку.

Ясно, что наша делегация не могла не осудить этого противопоставления белых китайцам (именно так все и выглядело), чувствуя, что наш авторитет (справедливый, оправданный, заслуженный, вызванный нашим благотворным влиянием) подвергся осмеянию и издевке, ибо ненавидимые и презираемые всеми белые оказались равным с нами образом выделенными, хотя и по иным причинам.

И снова на арене противостоят друг другу две группы: обвинителей и обвиняемых, возглавляемые, соответственно, Джорджем Шербаном и белым стариком.

Снова поздний вечер, темнота, дети с факелами, постоянное хождение между ареной и битком набитым амфитеатром.

Второе вечернее заседание посвятили допросу свидетелей из Южной Америки, молодых людей, женщин и мужчин, представителей разных индейских племен. Всего тридцать человек. Не-

которые из них были явно больны. Удивительно, как они выдержали путешествие.

Опущу детали.

В данном случае обвинение выглядело еще более внушительно, чем когда речь шла об индейцах из Соединенных Штатов, так как поминали события не столь далекого прошлого. Некоторые из жертв предстали перед присутствующими.

Вторжение европейцев в Южную Америку. Падение блестящих цивилизаций под напором хищной жадности и подлости. Дикость христианства. Покорение индейцев. Ввоз черных рабов из Африки, работорговля. Опустошение континента, разграбление ресурсов, уничтожение его богатства и красоты.

Целенаправленное или «попутное» истребление индейских племен — сгон их с земель, страшные болезни, лишение средств к существованию — эти преступления еще продолжаются, ибо до сих пор сохранились неосвоенные районы, а известно, что если что-то где-то обещает прибыль, то короли чистогана доберутся дотуда. Истребление животных, вырубка лесов, отравление воды и почвы…

Один за другим выходили индейцы и выкрикивали обвинения. Белые, в особенности испанцы,

окруженные охраной, чувствовали, что обвинения адресованы непосредственно им, на них направлена ненависть тысяч собравшихся здесь делегатов, — в общем, пожинали то, что посеяли их предки. Белый старик оказался забытым.

Когда индейцы завершили показания, двое испанцев, прорвавшись сквозь охрану, выбежали на арену и остановились перед белым стариком, распростерши руки, в позе, напоминающей распятого Христа.

И снова вознесся к небу леденящий кровь шипящий стон.

Как раз напротив испанцев стояла немногочисленная группа индейцев, некоторые из них были настолько слабыми, что приходилось поддерживать. И тут по сигналу обвиняющей стороны дети принялись гасить факелы. Амфитеатр погрузился во тьму, рассеиваемую лишь светом звезд и поднимающейся луны. Толпа с шумом вставала с мест.

Наши агенты все до одного отметили, что ожидали гибели этих двоих испанцев, однако их никто не тронул.

В полночь все толпились вокруг палаток-столовых, получая скудный ужин. Белые попросили снять охрану — это произвело хорошее впечат-

ление. Оба испанца вернулись к своим, и вскоре завязалась дискуссия, в которой существенную роль играли эти испанцы и братья Шербаны. Прислушивались и к белому старику. Каждую ночь этого месяца с полуночи до четырех все они, особенно Джордж Шербан, выделялись в той или иной группе. Классы, семинары, учебные группы… — эти слова употребляют все агенты. Белый старик интересовал молодежь как участник лейбористского движения, свидетель последних дней так называемой «британской демократии», а также как фигура, реабилитированная стремлением признать свои преступления перед народным трибуналом и употребить последние дни своей жизни на службу рабочему классу.

В четыре часа утра белые снова появились в амфитеатре под охраной, но, посовещавшись, попросили охрану снять и рассеялись по амфитеатру. У некоторых это, как сообщают наши агенты, вызвало возмущение, но на основную массу делегатов произвело благоприятное впечатление. Апогей возмущения миновал.

В этот день, к разочарованию и досаде наших агентов, произошло «смещение акцентов». «Расовый накал» спал, так как свидетели перешли к освещению военных приготовлений, гонке

вооружений, наращиванию подводных флотов, в особенности уделяя внимание использованию техники небесной, угрожающей внезапным уничтожением целым континентам. Вспоминали Первую мировую войну как войну европейскую, оказавшую влияние на весь мир, на передел колоний. Затем перешли на Вторую мировую войну, охватившую почти всю планету. Европейцы, затеявшие эту бойню, вовлекли в нее почти весь мир. Кульминацией варварства оказались атомные бомбы, сброшенные белыми на Хиросиму и Нагасаки. Затем варварская Корейская война, гнусная авантюра американских империалистов, французы во Вьетнаме, американцы во Вьетнаме, попытки Африки освободиться от европейского гнета. Должен признать, что прозвучали упреки в наш адрес, наряду с критикой политики Советского Союза.

Таким образом прошли три дня, в течение которых луна увеличивалась и давала все больше света, затмевая факелы. На пятый день, можно сказать, восторжествовала регулярность, рутина, установилась некая самоналоженная дисциплина.

В первую очередь это относилось к алкоголю. Имели место неприятные инциденты. Местные

жители все время роились вокруг лагеря, предлагая крепкие напитки и даже пищу. Молодые люди стали покидать лагерь после «завтрака» (агенты констатировали, что трапезы становились все более «невидимыми», исчезающе малыми). Они направлялись к морю, за несколько миль. Там пили вино, ели, что могли добыть, ловили рыбу, хотя и знали, что она отравлена. Плавали, занимались сексом и к пяти возвращались в лагерь. Это снимало напряжение.

Джордж Шербан, казалось, никогда не спал. Почти не покидал лагеря, оставался доступным для всех, часто появлялся вместе с белым стариком. Брат его Бенджамин много внимания уделял детям, которые явно выбивались из-под контроля, грозя превратиться в настоящую шайку.

На пятую ночь хлынул непродолжительный, но сильный ливень, прибил пыль, охладил воздух.

После осуждения войн перешли к Африке, заслушали свидетелей из разных ее концов. Их показания снова резко изменили атмосферу. Как бы мне это сформулировать? Разнообразные, разноаспектные, они, тем не менее, представляли живую, яркую, запоминающуюся, боевую даже картину. Не надо забывать, что иные из правительств континента проявляют такую, мяг-

ко говоря, некомпетентность, что лишь боевой настрой помогает гражданам этих стран выжить. Разнообразило их показания и то что, хотя на белых африканцам есть за что пожаловаться, ничуть не меньше, если не больше, чем жителям других континентов, они подвергали критике также и действия других небелых.

Первая свидетельница — молодая товарищ из Зимбабве. Выслушали ее внимательно и молча, без шипящего стона, упомянутого нашими агентами. Это тоже один из признаков изменения настроя; кроме того, реакцию слушателей можно также объяснить текущей обстановкой в Африке, раздираемой гражданскими и межнациональными войнами, экономическими неурядицами. То, что рассказала делегатка, звучало древней историей, что само по себе вызвало удивление, ибо завоевание Матабеле и Машона Родсом и его прихвостнями имело место лишь сто с небольшим лет назад, о чем она неустанно напоминала слушателям.

Ее выступление затянулось с четырех до восьми утра шестого дня слушаний, хотя в течение последнего часа африканке помогал белый юрист, наглядно иллюстрировавший соответствующие места ее выступления цифрами из документов.

Выделялось оно, в частности, еще и потому, что столетие, в течение которого разыгрывались упомянутые события — всего лишь миг в сравнении с тысячелетиями истории человечества.

Во главу угла своего обвинения африканка, как ни странно, поставила не то, что белые варвары силой оружия покорили беззащитный гостеприимный народ, не ожидавший подлого обмана, с готовностью предложивший свою страну этим мерзавцам только для того, чтобы подвергнуться истреблению и порабощению. Она выделила то, что следовало бы спокойно проанализировать в менее парадной обстановке.

На этой обширной территории британское правительство в 1924 году предоставило белым «самоуправление» во всех вопросах, кроме двух. Первый — оборона. Второй, гораздо более существенный — дела туземцев, оставленные за империей на том основании, что британская нация несет ответственность за покоренное местное население, следит за соблюдением его законных прав, за тем, чтобы белые не притесняли цветных. Ибо белые рассматривали себя как носителей прогресса и просвещения. Белые, которым доверили управление территориями, без промедления отобрали у черных земли, пра-

ва, свободы и превратили их в рабов, используя в этих целях самые отвратительные приемы, не гнушаясь применением грубой силы, но чаще прибегая к обману, запугиванию и всяческим жульническим уловкам. В Британии это не вызвало никакой реакции. Никто не протестовал, никто ничего не замечал. Ни парламент, ни правительство не слышали жалоб местного населения. Ни один британский губернатор ни разу не возмутился многочисленными нарушениями обязанностей, принятых на себя белым меньшинством Южной Родезии. Правительство Британии и ее народ просто забыли о своих обязательствах, потому что презирали народы, отличающиеся от них. Более того, даже когда Африка вздрогнула в своих оковах (эта фраза доставила особое удовольствие агенту Ци Куань), когда отдельные белые «либералы» подняли в Британии голос против жестокостей колонизаторов, даже они, казалось, не знали, что британское правительство приняло на себя обязательства по защите черных. И даже когда черное население поднялось на борьбу против поработителей и британское правительство вынуждено было занять какую-то позицию, даже тогда никто не оказался в состоянии вспомнить, что главным виновником сложившейся ситуа-

ции был не некий Смит, не его предшественники, а сама Британия, предавшая интересы черного населения, забывшая принятые на себя обязательства.

И по какой же причине это стало возможным?

— Я вам скажу, по какой, — раздался голос из публики. — Это произошло потому, что британское правительство и народ Британии не видели нас, черные в счет не шли. Англичане заметили бы страдания собак или кошек, но что им чернокожие… Во время освободительной войны эти филантропы рыдали, когда убивали белого, но гибель полусотни черных, даже детей, проходила незамеченной. Если мы не шли в счет, то с чего же им было огорчаться из-за нарушенных обязательств?

Возможно, мне не следовало бы описывать это столь подробно. Ведь ты и сам интересовался Африкой, в молодости провел два года с силами сопротивления Мозамбика. Я останавливаюсь на этом, лишь чтобы подчеркнуть удивительную устойчивость некоторых тенденций и явлений в данной географической области. Надеюсь, что во имя нашей старой дружбы ты простишь мне некоторую расплывчатость мысли и фразеологии, возможно, даже некоторую неуместность

моих рассуждений относительно целей борьбы за освобождение народов; но уже четыре утра, за окном штаб-квартиры я слышу шаги патруля — это наши солдаты, но кто может полагаться на постоянство чего-либо в эти ненадежные времена…

Нет конца обвинениям в адрес белого человека. Какую ни назови страну, и сейчас же всплывают в памяти многочисленные обличающие факты. И без процесса все ясно.

Но эта молодая женщина выделяла не то, что другие. Глупость, невежество, самодовольная заносчивость — эти слова встречались почти в каждом выступлении свидетелей обвинения. Она же сделала упор на другом. Как случилось, что громадная территория, равная по площади провинции Хэнань, оказалась захвачена горсткой авантюристов и забыта империей? Да, жестокость. Да, невежество. Да, да, да. Но подобных фактов в истории множество. А вот передать громадную территорию в нечистые руки горстки белых — их число никогда не поднималось выше полумиллиона — и забыть… О, конечно, высылались туда губернаторы, представители короны. Наверняка финансисты иногда толкались в правительство с напоминаниями о соответствующих

интересах — и все. Наиболее важного же просто не замечали. Были слепы до такой степени, что, когда родезийский кризис вызрел и его приняли всерьез обсуждать, о самом важном никто и не вспомнил.

Теперь к моему замечанию об устойчивости тенденций.

Этот «процесс» с точки зрения участников имеет целью дать выход возмущению бывшими колониальными притеснителями, агрессорами и империалистами. Американская девушка четыре часа изливала свои жалобы, воспользовалась помощью юриста, ее слушали с большим вниманием. И все же она не достигла цели. Смысл сказанного ею, что большая империя может забыть такую территорию, не дошел до слушателей. Не удивительно ли? Но можно заметить, что именно это характерно именно для этой территории. А в нескольких сотнях миль к северу, в Северной Родезии, ставшей ныне Замбией, народ поднялся на борьбу по той же самой причине. Там успешно. Здесь — нет. Почему?

Что ж, хоть я на эту тему поразмышляю. Все-таки имеют географические ареалы какую-то свою ауру, определяющую их судьбу, их историю. Взять хотя бы прискорбно известный Советский Союз,

многострадальную Россию. События там идут заведенным порядком, независимо от того, как эта страна называется, какая в ней господствует идеология, образ мыслей. Можно сослаться и на другие примеры. Думаю иногда, что с этой мысли следует начинать в школе курс географии. Или сделать ее вводной в курсе истории? Извини, если начинаю заговариваться. Уже заря занимается, хочу закончить это длинное письмо, вечером отбывает гонец.

Возвращаюсь к событиям в амфитеатре. Африка заняла несколько дней. В лагере между тем росла напряженность, порядка становилось все меньше. Голод, грязь, жара, спать невозможно. На день почти все торопились к морю, путь не близкий, уставали.

С процессом как будто спешили. Полная луна упраздняла необходимость в факелах. Скорым шагом прошли Тихоокеанский бассейн, уничтожение старых родовых обществ, насильственное насаждение христианства, разрушение островов в интересах западной индустрии и сельского хозяйства, использование островов для ядерных испытаний, как будто океан принадлежал лишь белым. Затем обратились к Ближнему Востоку, к взаимоисключающим обещаниям и заверениям,

адресованным арабам и евреям, и опять: презрение, глупость, заносчивость, невежество…

Хочу отметить мимоходом, что бывшие заклятые враги арабы и евреи во время «процесса» продемонстрировали полное единение, не упускали возможности подчеркнуть для всех интересующихся свои общие корни, схожесть религий, культур и единство целей на будущее.

Обсуждалось на «процессе» также и поведение белых в Австралии, Новой Зеландии, в Канаде, в Антарктике.

Ты заметил, конечно, что Россию я едва помянул. Основная причина — отсутствие русских, хотя колонии их — Польша, Болгария, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Куба, Афганистан, ближневосточные — были представлены.

Далее делегаты сменяли друг друга через каждые десять минут, стоя в проходах в очередях, выходя на арену, чтобы перечислить свои обиды, изложить свои мысли, провозгласить свои обвинения и вернуться на места.

Процесс дошел до половины: пятнадцатый день. В донесениях всех агентов сквозит досада, они дышат разочарованием. Наши агенты — сплошь члены тех или иных организаций, не какие-нибудь отщепенцы-одиночки. Они работа-

ют на нас, как правило, безвозмездно, движимые чувством благодарности за наше благотворное влияние. Они члены молодежных армий и не могут избежать влияния господствующих в этих организациях настроений.

Снова спрашиваю себя: чего ожидали эти молодые люди, чего им не дали? Ибо на первый взгляд они получили именно то, ради чего прибыли.

Цитирую Ци Куань:

«Неверный дух царит здесь. Организаторы мероприятия не в силах преодолеть сложности ситуации. Разброд, шатания, много ошибок. Не чувствуется достаточной готовности дать бой буржуазным искажениям, использовать ценный опыт искренней молодежи…» И несколько страниц в том же духе. Все наши агенты в те дни записывали примерно одно и то же.

А вот мнение Бенджамина Шербана:

«Центр не выдерживает, на мир спускается анархия». Мне сказали, что этим строкам тысячи лет. Хотел бы я услышать этот источник целиком, ибо высказывание представляется весьма поучительным в данной обстановке.

Ясно, что делегаты достигли предела выносливости, что лишь гибкость и терпимость организаторов спасает процесс. Алкоголь посту-

пает в лагерь во все больших количествах. Секс, поначалу стыдливо скрываемый и лишь «между своими» теперь нагло выпирает на передний план, причем активно участвуют и местные жители. В лагере беспокойное движение: все копошатся, снуют среди палаток, от места проведения одного семинара к другому, между лагерем и берегом.

В качестве транспорта используются ослы и древние армейские грузовики, откуда-то добывается горючее. Полный разброд в настроениях, попадаются сломленные духом, рассуждающие о самоубийстве; цветет буйным цветом трагическая любовь обреченных расстаться навсегда.

Все это, однако, не означает оттока участников заседаний. Амфитеатр полон внимательных слушателей, внимание присутствующих устремлено на арену, с четырех до восьми, затем с пяти вечера до полуночи. Сейчас все, однако, стали активнее, иной раз перебивают выступающих, дополняют их, исправляют. Можно сказать, что публика и… чуть не сказал «актеры»… полностью понимают друг друга.

Кажется, поток свидетелей никогда не иссякнет, однако кое-кто уже интересуется, когда наконец белый старик начнет «отбиваться». От

частных вопросов в перерывах Брент — Оксфорд, однако, не увиливает, охотно беседует со всеми желающими, пользуется популярностью, и заметно, что эпитеты, которыми награждают его наши агенты, утратили язвительную остроту.

Открыто говорится, что на месяц процесс никак не растянуть.

А тем временем случилось нечто новое. Над амфитеатром появился летательный аппарат, очевидно, наблюдатель. В свете полной луны прямо над ареной на несколько минут завис вертолет без опознавательных знаков, став причиной вынужденного перерыва в заседании. Все агенты отмечали возмущение, даже ярость делегатов. Гадали, кто шпионит с воздуха. Русские? Китайцы? (Привожу без комментариев.) В следующую ночь повторилось то же самое. Снова возмущенная реакция делегатов. В дальнейшем самолеты и вертолеты без опознавательных знаков (в основном летящие низко, хотя иногда поднимающиеся так высоко, что превращались в крохотную точку; иной раз летательные аппараты каких-то неизвестных типов) стали появляться по нескольку раз в сутки, днем и ночью. Делегаты шутили насчет инопланетян, международной полиции, неизвестных террористов.

Эти полеты привлекли внимание к теме неизбежности войны. Не исключено, что именно это и было целью пославших воздушную разведку.

Луна пошла на убыль, стала появляться в небе позже, факелы снова заняли достойное место в ночных бдениях.

Неожиданно для всех на девятнадцатую ночь выступил вперед до этого упорно хранивший молчание Джордж Шербан и как-то мимоходом, к раздражению всех без исключения агентов, заметил, что, мол, пора бы и закругляться. Этого, конечно, никто не ожидал, но едва Шербан закрыл рот, как все поняли, что он прав. Что еще можно добавить к услышанному?

От него ожидали какого-либо итогового, подводящего черту заявления, но он просто сказал:

— На этом я завершаю обвинение и призываю Джона Брент-Оксфорда ответить.

Первая реакция — недоумение, но она тут же вылилась в гул одобрения. Молодые люди считали, что обвинитель верно выбрал момент, да и подход его считали правильным.

В наступившей тишине белый старик, не вставая — никто от него этого и не ожидал, все знали, насколько он слаб здоровьем, — но очень четко произнес:

— Я признаю белую расу виновной по всем пунктам обвинения. Что я могу еще сказать?

И снова тишина. Затем бормотание, смех, возмущенные возгласы. Раздался перекрывающий шум шутливый вопрос:

— Ну и что теперь? Линчевать его, что ли?

Смех. Хотя некоторые агенты записали, что лично они не видят в этом моменте ничего смешного. Ци Куань отметила «недостаток уважения к историческим решениям».

Через несколько минут белый старик поднял руку и заговорил снова:

— Хочу спросить всех присутствующих: почему вы, обвинители, столь рьяно перенимаете повадки обвиняемых? Конечно, у некоторых из вас нет выбора. Например, у индейцев Северной и Южной Америки. Но остальные могли выбирать. Почему столь многие из вас, вовсе к этому не понуждаемые, скопировали материализм, алчность, потребительское отношение к жизни, хищность — словом, все недостатки технократического общества белого человека?

Он замолчал, вслушиваясь в возмущенную реакцию амфитеатра.

И тут снова заговорил Джордж Шербан:

— Поскольку уже почти полночь, предлагаю

прерваться и продолжить завтра в четыре часа, как обычно.

Ярусы амфитеатра быстро опустели. В эту ночь мало кто покинул лагерь. Повсюду жужжали голоса; преобладающее настроение, на основании тщательного анализа агентских донесений, я бы назвал несколько несерьезным.

Четыре часа прошли в энергичных дискуссиях. Повсеместно гадали, что же кроется за тем, что они услышали от белого старика. Никто не мог припомнить, чтобы хоть раз выяснилось, что он ошибся. Полагали, что Брент-Оксфорд обвинит их, особенно те из небелых наций, которые усвоили технологические достижения белых — включая и китайцев — во многих преступлениях, которые приписывались белым. Составлялись варианты таких обвинительных речей, и кое-кто даже предлагал их для использования белому старику.

Наши агенты единогласно осудили такой поворот событий, называя его несерьезным и оскорбительным.

Ближе к рассвету прошел сильный дождь, затем, перед самым зажжением факелов, еще один. Утро ожидалось влажное и даже прохладное. Прошел слух, что заседание откладывается, что-

бы дать время амфитеатру просохнуть. Многие улеглись спать, пользуясь наступившей прохладой и общим спадом напряжения.

Утром и днем дебаты продолжались, но без задора и напряжения, однако более серьезно, без шуточек. Выдерживался общий спокойный и дружелюбный тон. Стало ясно, что фактически процесс подошел к концу, однако всех терзало любопытство, что же случится дальше.

В пять делегаты снова заняли места в просохшем амфитеатре. Все ждали выступления белого старика, но в центр арены вышел Джордж Шербан, поднял руки, призывая к тишине, и начал:

— Вчера обвиняемый привел контрдоводы. Понимаю, что вы живо обсуждали его заявление. Сегодня я хочу выступить с самообвинением, не выходящим за рамки тематики нашей встречи.

Этого никто не ожидал. К Джорджу подошла и остановилась рядом с ним Шарма Пател. А он продолжил:

— Вот уже много дней мы слышали обвинения в адрес белой расы — ее обвиняли в преступлениях против небелых рас, к коим, как вам известно, специально для целей нашего процесса, имею честь принадлежать и я.

Это высказывание встретили громким смехом

— причем смех этот был разного оттенка, от простодушно веселого до сардонического. С разных сторон послышалось: «Мой бабуля хиндустани.... Мой дедуля иудей...»

Джордж Шербан чуть выждал, поднял руку.

— Дед мой польский еврей. Одна из бабушек родом из Индии. Стало быть, два неевропейских предка из четырех. А еще во мне по двадцать пять процентов ирландской и шотландской крови, то есть двух порабощенных Британией наций.

Снова взрыв смеха. Запеть, однако, не успели, ибо он продолжил:

— Я хочу привести одно наблюдение. В течение трех тысячелетий Индия жестоко преследовала и преследует часть собственного населения. Я имею в виду касту неприкасаемых. Варварски, жестоко, бессмысленно — знакомые эпитеты, не правда ли? И сейчас многие миллионы индийцев терпят такое, чего не выпадало на долю черного южноафриканского населения. И это не временное порабощение, не результат британской колонизации, не десятилетний взрыв дикости гитлеровского режима, не пятьдесят лет злодеяний русского коммунизма, а нечто настолько неразрывно связанное с религией, культурой, образом жизни, что люди, живущие по канонам

кастового общества, просто не замечают его дикости и жестокости.

Шарма Пател продолжила без паузы:

— Я родилась и выросла в Индии, во мне течет индийская кровь. Я не принадлежу к неприкасаемым, иначе я не могла бы стоять здесь перед вами. Но я заверяю вас, что все жестокости, о которых мы здесь слышали, применяются индийцами против индийцев на протяжении тысяч лет. До сих пор мы не можем избавиться от этого зла. Что не мешает нам осуждать других.

Она отошла назад, в группу обвинителей, за ней последовал Джордж Шербан.

Наступившую тишину через минуту нарушили признаки зарождающейся активности слушателей, но тут раздался голос Джона Брент-Оксфорда:

— Мы знаем, что сейчас на планете есть небелые нации, подавляющие силой другие, среди которых как белые, так и небелые.

Молчание.

— Могу привести множество примеров из истории, когда черные, коричневые, желтые с варварской жестокостью обходились с покоренными народами вне зависимости от цвета их кожи.

Молчание.

— К примеру, кто не знает, что работорговля в Африке, сосредоточенная главным образом в руках арабов, не могла бы приобрести такого размаха без активного содействия черного населения?

С места раздался чей-то выкрик:

— Самое время для семинара «Человек человеку друг»!

— Хватит уже твердить о жестокости человека к человеку! — выкрикнул женский голос. Кричала девушка из Германии.

— Понятно, почему тебе хватит! — через весь амфитеатр закричала ей в ответ полька. — Расскажи лучше о зверствах немцев во время Второй мировой!

— Ой, хватит!.. Ради бога!.. Давайте кончать!.. — раздались выкрики с разных сторон.

Забурлила неразбериха голосов, народ зашевелился, частично двинулся к выходам. Кто-то призывал воздержаться от перехода к личным сварам. Немка с торчащими в стороны косичками бросилась на арену, где уже возвышалась ее крупная польская оппонентка, одетая в костюм, который все агенты определили как «безнравственный»: грязные белые шорты и бюстгальтер.

Столь непристойным костюмом, однако, могла похвастаться не она одна.

Джордж Шербан поспешно объявил заседание закрытым. И сразу же низко над амфитеатром, мигая странным набором огней, навис тяжелый вертолет. Все возмущенно заорали, грозя кулаками, покидая места, отступая к палаткам. Всю эту ночь над голодными, немытыми делегатами, уже обсуждающими как результаты процесса, так и способы возвращения домой, кружили и проносились самолеты и вертолеты. Спать под их грохот оказалось невозможным. С рассветом почти все направились к морю.

Почти, но не все.

Около семи утра над лагерем появился одинокий летательный аппарат и с большой высоты сбросил точно нацеленную бомбу, полностью разрушившую амфитеатр. Осколки посыпались на палатки. Белый старик, одиноко сидевший неподалеку, получил камень в висок и упал замертво. Больше никто не пострадал.

Вернувшиеся с моря делегаты тут же начали покидать лагерь. Палатки снимали, сворачивали; засыпали вонючие ямы сортиров. За китайской делегацией прибыли автобусы, в них доставили питание. Многие тут же принялись утолять

голод.

На следующее утро по опустевшей территории бродили лишь тощие собаки.

Так закончился «процесс».

Еще в течение «процесса» я получал сообщения о слухах, распространяемых, по большей части, в Индии и Африке, что существуют планы массового переселения населения во все части Европы. Подразумевалось, что эта миграция должна сопровождаться погромами, экспроприациями и тому подобным. Красной нитью проходила тема виновности белого человека, показавшего себя «недостойным занимать почетное место в братстве народов».

Предполагалось, что мы должны занять позицию благожелательного невмешательства.

Вскоре после того, как делегаты покинули Грецию и рассеялись по планете, слухи эти угасли.

Следует ли на основании вышеизложенного считать, что все это громогласное сотрясание воздуха, все эти несколько примитивные и прямолинейные, но верные по сути «обвинения», высказанные на «процессе», исчерпали потребность в проявлении эмоций, утолили жажду мщения? Или же эти молодые люди, вернувшись домой и отчитавшись перед пославшими их,

перечтя аргументы и контраргументы сторон, отрезвили тех, кто вынашивал страшные планы?

У меня нет рационального объяснения, но факт остается фактом: уж по случайному совпадению или нет, но истребление населения Европы планировалось на официальном уровне, хотя сейчас об этом ничего не слышно.

Этот курьез, событие по сути незначительное и подозрительное, этот «процесс» широко обсуждается и комментируется, несмотря на отсутствие там представителей СМИ. Конечно, отчеты об этом мероприятии появились в разных газетах мира, включая и официальные органы Воли Народа, но всегда публиковались где-то на втором плане, как бы между прочим. Телевидение обошло «процесс» своим вниманием, по радио тоже упоминаний почти не встречалось.

Теперь что касается Джорджа Шербана.

Этот «процесс» способствовал укреплению его позиции как бесспорного лидера, несмотря на то что в ходе данного мероприятия он произнес всего десятка два фраз. Чего Шербан добивался, выдвигаясь таким образом на передний план? Оставляя этот вопрос открытым, напоминаю, что он исчез сразу после процесса. Исчезли и многие

делегаты, а также лица, тесно с ним общавшиеся. Не могу сделать определенных выводов и из докладов о его контактах в лагере. Джордж Шербан ловкий оратор, остроумный собеседник, умелый спорщик, но при этом не похоже, что он стабильно придерживается какой-то определенной точки зрения. Более того, этот человек сторонится классовой точки зрения, политической позиции. И тем не менее ему доверяют в высшей степени политизированные молодые кадры.

Агент Ци Куань, на которую он произвел сильное впечатление, отмечает: «Делегат Джордж Шербан не соответствует возвышенным устремлениям боевого духа Народа. Ему не присущ революционных размах. Он не способен действовать в интересах широких трудящихся масс. Шербан страдает идеалистической расплывчатостью взглядов и оторванностью от конкретных требований момента. Его следует разоблачить и подвергнуть перевоспитанию».

Я вновь отдал распоряжение устранить Джорджа Шербана по обнаружении.

Посылаю тебе свой братский привет. Воспоминания о старой дружбе скрашивают мне досуг в здешней ссылке.

(Вскоре после отправления данного письма это-

го Надзирающего отозвали. Его друг Ку Юань был смещен еще раньше. Обоих арестовали и направили на «перевоспитание», в процессе которого они и скончались. — Примечание архивариусов.)

«История Шикасты», том 3014. «Период между Второй и Третьей мировыми войнами».

Это был период бешеной активности. Нельзя сказать, что поглощенные процедурами самоуничтожения обитатели Шикасты не ощущали приближения конца. Зловещими предчувствиями, казалось, был напитан сам воздух, однако они не ассоциировались с конкретной обстановкой. Внимание уделялось частным проблемам, то и дело возникавшим кризисам локального значения, и лишь немногие были способны представить себе общую картину грядущего.

Жители какой-либо страны или местности, подобно обитателям муравейника или пчелиного улья, бросались заделывать ту или иную брешь, в отличие от насекомых сопровождая свои действия всяческими конференциями, советами, консилиумами, дискуссиями. Участники этих в высшей степени осмысленных действий пытались подняться над узкоместными устремлениями, но чаще всего не обладали необходимыми для этого данными.

О существах из космоса никто ничего толком не знал. Подозревали, что правительствам было известно больше о посещениях инопланетян, но власти утаивали информацию от населения, среди которого постоянно ходили толки о всяческих «видениях», «посещениях», «летающих тарелках» и «неопознанных объектах» в атмосфере и звездном небе. Между тем прямо под носом у непосвященных разыгрывались драматические события.

Прежде всего, наш бывший враг, а ныне беспокойный союзник Сириус. За долгую историю Шикасты Сириус, по большей части с нашего ведома и согласия, проводил всевозможные эксперименты в южном полушарии планеты, выводил новые виды животных, которых, в случае успеха, расселял на других планетах в пределах своей сферы влияния.

Благодаря все большей доступности перемещения по поверхности Шикасты усилились контакты между расами, усилилось смешение рас, результатом чего стало сворачивание Сириусом многих экспериментов. Об этом своевременно сообщалось нам. Обмен информацией происходил постоянно, и при планировании своей деятельности мы учитывали полученные

данные. Сириус постоянно высылал на Шикасту самые современные суда своего космофлота, как для наблюдения, так и для того, чтобы держать в узде зловредную планету Шаммат.

Хотя Шаммат стала тем временем наиболее могущественной планетой в системе Путтиоры, однако она ради собственного удобства сохраняла видимость подчиненного положения. На Шаммат было известно, что неблагоприятное стечение обстоятельств, приведшее к истощению потока ВС на Шикасту, должно когда-то претерпеть изменения к лучшему, и тогда влиянию их агентов придет конец. Но на Шаммат не знали, когда это произойдет. Не знали там и наших планов. Они вообще не могли понять наших устремлений. Будучи по натуре паразитами, неспособными усвоить никаких устремлений, кроме «хватать» и «разрушать», обитатели сей зловредной планеты и других считали подобными себе.

Всё усилившаяся и вышедшая на первое место в системе Путтиоры Шаммат, населенная расово однородными жителями, представляла собой как бы широко распахнутую пасть в центре Путтиоры, опасность для развития всей галактики. Планета Шаммат, самая большая из известных, суха и бесплодна, не обладает никакими ресурса-

ми, туда все нужно завозить извне. Без поддержки извне невозможно также поддержание баланса энергетических потоков. Захваченная горсткой преступников, Шаммат развилась в злобную силу, паразитирующую на чем только можно. Какое-то время она процветала за счет энергетического пиратства, в основном, за счет Шикасты. Шаммат тянула все что можно и как только возможно. Но они, эти злодеи с Шаммат, не были способны понять, что происходит, вредили, как могли, в надежде, «авось что-нибудь да получится». Они знали, что мы, обитатели Канопуса, их враги, что мы мощны, наше присутствие постоянно ощущается, но не знали, чего ожидать. Они не могли распознать нас в многообразии нашей маскировки.

До самого конца они там на Шаммат надеялись, что «как-нибудь» удастся удержать связь с Шикастой, что «все образуется». Не такой была Шаммат в дни, когда ее агенты просчитывали последствия ослабления нашей связи с Шикастой и выгоды, проистекающие из этого ослабления. Но Шаммат опустилась, дегенерировала. Бесстыдная эксплуатация чужих ресурсов, разнузданное поведение на своей планете и во Вселенной привели к плачевным результатам. К тому же эманация

Шикасты в последней фазе оказалась ядовитой. И Шаммат охватили раздоры, на планете разгорелась дикая, бессмысленная, разрушительная гражданская война.

События развивались не только в дальнем небе над Шикастой. Вокруг планеты носилось множество различных объектов, как мирного, так и военного назначения. Метеорологические, астрономические, навигационные станции связи, и, конечно, военные станции кружили над головами жителей Шикасты, ослабляя космические потоки, о существовании которых «ученые умы» планеты лишь гадали по той же методике, что и досужие домохозяйки или завсегдатаи питейных заведений. Ученые умы Шикасты за тысячелетия существования на ней науки обзавелись надежными шорами, позволяющими видеть результаты их изысканий лишь на фоне кормушки. Они не замечали даже таких очевидных фактов, как неизбежность безумия или дисбаланса психики для проживающих на Шикасте в определенных типах зданий. Естественно, они не заметили и сражений инопланетных сил над Шикастой, не заметили, как звездолеты Канопуса и Сириуса уничтожали мелкие автоматические станции Шаммат, усиливающие давление на

обитателей Шикасты.

Навещали Шикасту и корабли Трех Планет. Их благоприятный, в высшей степени удачный баланс нарушался возмущениями, сотрясавшими Шикасту. Война XX века, столь полезная для Шаммат, причиняла вред Трем Планетам. Они навещали Шикасту для наблюдения и прогнозирования. Мы всегда оказывали им всемерную поддержку, а они, как и мы, с нетерпением ожидали окончания долгой шикастинской ночи, возврата этой многострадальной планеты к свету.

Но где было шикастянам заметить корабли посетителей, когда небо над ними усеяло множество собственных агрегатов, аппаратов, конструкций, принадлежащих разным правительствам и зачастую окутанных ореолом секретности.

На Шаммат тоже чаще всего не имели представления, что за корабли и с какой целью посещают Шикасту. Многого они не понимали и потому немало причинили вреда. В результате собственного невежества агенты Шаммат уничтожали множество народу, чей срок на Шикаете не подошел к концу, больше всего вредя этим себе самим. Нам приходилось возвращать их через Зону 6. Примеров такой топорной работы Шаммат во

вред себе не счесть.

По всей Шикаете в те последние дни передвигалось множество наших агентов, наших слуг, наших друзей, осененных Сигнатурой, которая запечатлелась на них, в них, в их сути, и все, заметившие отблеск Сигнатуры, следовали за ней, следовали за нами. Или пытались. Не хочу приукрашивать обстановку. Борьба велась в отчаянных условиях, с большими потерями, с допущенными впопыхах ошибками. Но свет Сигнатуры внушал надежду, обещал лучшее в тот период истории, именуемый Последними Днями.

Замечания, добавленные Джохором, Тофиком, Усселом и другими эмиссарами

Перед лицом столь всеобъемлющего опустошения мы прилагали неимоверные усилия к сохранению репрезентативного генетического фонда планеты. Частично это достигалось путем оказания давления на индивидов и группы индивидов, способных пренебречь собственными интересами во имя будущего. Перемещение их в места более безопасные производилось в первую очередь не в целях личного их выживания. Некоторые сразу же реагировали весьма адекватно. Но положительные черты в этих существах всегда

тесно переплетены с отрицательными. Сириус и колонии, Канопус и колонии, Шаммат, другие планеты… словом, все интересовались Шикастой и ее перспективами. Население подвергалось воздействию местной и космической радиации, его окружала отравленная атмосфера, поверхность планеты покрывали ядовитые химикаты. По-разному реагировали на эту изменившуюся среду обитания жители планеты.

Вот лишь один из примеров, как благодаря точному прогнозу и тщательному планированию удалось преодолеть одну из многочисленных трудностей. Пример приводится, потому что он отражен в данных записях, а не по причине его большей — или меньшей — важности.

Мы предвидели, что последует мощная вспышка возмущения белой расой, технология которой уничтожила столь значительную часть мира. Возникли опасения, что вспышка эта приведет к потере генетического материала. Эта так называемая «белая раса» представляла собой комбинацию всевозможных сочетаний. В некоторых частях планеты население еще сохранялось относительно однородным, но центральная и западная части Основного Материка, особенно его Северо-Западные Окраины, вобрали в себя

невообразимое количество различных наций. Такой материал, разумеется, жалко было терять. Как и повсюду в северном полушарии, да и по всей планете, здесь предпринимались попытки, иной раз своеобразные и причудливого свойства, обеспечить выживание этого генетического материала.

К сожалению, состояние морали белой расы не способствовало успеху наших попыток. Наплыв «желтых», вымирание «белых» из-за притеснения их «цветными» (что представляло с их стороны своего рода месть за прошлые унижения и притеснения), а также то, что сами «белые» смирились со своим положением, забыв о былом чувстве превосходства над остальными расами, — все это сказывалось не только на их воле к жизни, но и на эманациях из населенных ими областей. «Белые» сами считали себя разрушителями планеты, и в этом мнении их утверждала пропаганда, столь же узколобая и однонаправленная, как и в те дни, когда она провозглашала этих же «белых» благодетелями планеты. Обе точки зрения отказывались учитывать взаимозависимости, сложные связи реального мира. Оскорбленные, обездоленные, голодные «белые», используемые «цветными» в качестве источ-

ника дешевой рабочей силы, чувствовали себя изгоями, чужими на планете. Этой точке зрения противостояли лишь наши агенты, неустанно работавшие над восстановлением баланса.

ТАФТА, ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ШИКАСТЫ ВЕРХОВНОМУ НАДЗИРАЮЩЕМУ ПРАВИТЕЛЮ ЗАРЛЕМУ, ШАММАТ

Приветствую!

Слава Правлению Шаммат!

Повиновение!

Повиновение Путтиоре!

Все склоняется перед Путтиорой, о всевеликолепнейшей!

Шикаста распростерта под пятою Твоей, Шикаста покорна Твоей воле!

От Зоны до Зоны, от полюса до полюса.

Всецело повинуется нам Шикаста. Жалкая мелочь, ее населяющая, корчится в муках под нашим всевидящим взором.

Повсюду эти жалкие твари бьются, убивают, страдают. Ароматы боли и крови сладким дымом вздымаются над всей планетой, щекочут ноздри достойной Шаммат.

И все мощнее с каждым днем поток, питающий Шаммат, все прочнее связь, удерживающая Шикасту в повиновении, ибо в нашу сторону

склоняется чаша галактических весов.

Достойно положение сие, да пребудет Шикаста источником силы и благоденствия Шаммат, да способствует она сохранению нашего могущества.

День и ночь да снабжает нас Шикаста энергией умирания своего, воплями воинов, скрежетом машин убийства, звоном мечей. Нижайшая планета сия да послужит возвышению возвышенной Шаммат, славе славной Путтиоры.

Червь в пыли придорожной, Шикаста, снабжай нас силой своей ненависти.

Всё видим мы, ничто не ускользнет от нашего взора, везде наши глаза и уши.

Остерегайся неповиновения, Шикаста, ибо страшен будет гнев наш!

Видим мы происки врагов наших, и страшны кары, постигающие их.

Поток вечен, Поток неиссякаем, Поток растет и крепнет…

К официальному донесению прилагается также записка частного характера.

Эй, Зарл!

Требую отпуск по болезни. Здесь какой-то трюханый вирус, в душу его мать. Надо бы его подвести под какое-нибудь Предательство под-

ходящего ранга. И сколько мне еще ждать ввода в Правительство? Где благодарность? Вы там все офонарели, что ли? Смотри, как бы вам там собственной кровушкой не упиться. Я помогу, не сомневайся…

Линда Колдридж (см. (№ 17 «Персоналии») Бенджамину Шербану

Ваш брат велел мне Вам написать. Сказал, что Вас предупредит. Надеюсь, предупредил, иначе Вы мне не станете доверять. Трудное дело в эти дни — просить. Вы должны поверить мне ради людей, которые к Вам идут. Иначе они погибнут. Умрут. Если вы полагаете, что хуже уже некуда, уверяю Вас, Вы заблуждаетесь. Я давно уже знала, что такое случится. Но все равно, даже ожидаемое, подобное вызывает потрясение. Джордж сказал, что эти люди должны обратиться к Вам. Он сказал, что Вы в Марселе. Нелегко, должно быть, сейчас там, где Вы. Люди эти заслуживают доверия. Они все из лечебниц, в которых я побывала. По большей части пациенты, но есть также сестры и врачи. Настолько больных, что могут оказаться проблемными, среди них нет. Подобрать их помог доктор Герберт. Он хорошо в этих вещах разбирается. Мы с ним долгое время сотрудничали. Уж и не помню, сколько. Я хочу его отправить

вместе с остальными, но он упирается. Говорит, что, мол, уже слишком стар, помирать пора. Я с ним не согласна. Он знает много полезного, но не страдает безумием, как я. Я спросила насчет доктора Герберта Вашего брата, но он сказал, что доктор Герберт должен поступить так, как считает нужным. Как ему велит совесть. Это его право. Я тоже уже немолода. Ваш брат попросил меня остаться. Он сказал, так будет больше пользы. Все равно кто-то выживет, несмотря на ужасы. Мало того, есть укрытия под землей. Бункеры для шишек и толстопузов. Наши друзья соорудили где-то такой бункер человек на двадцать. Попыталась установить с Вами контакт, но не смогла. Может быть, у нас разная длина волны. Шутка. Двадцать человек разного возраста, есть и дети. У них Способности. Они ко всему готовы. И еще есть гнев. Иногда думаю, что, знай они, к чему их готовят, то не были бы, пожалуй, готовы. Поскорей бы уж все закончилось. Мы собираемся взять в бункер больше народу, чем положено. Я долго не проживу. Доктор Герберт тоже. И еще там два старика. Доктор Герберт — единственный врач с нами, если не считать еще одного студента. Он способный. Доктор Герберт умрет, я умру, остальные чему — то

научатся. Доживут, дотянут до тех пор, пока появятся спасатели. Англию снова откроют. Не знаю, что Вам сказал Джордж. Он много не говорит, только что нужно. Очень занят. Я вышла на него случайно. Думала, мой внутренний голос со мной беседует, не знаю, поймете ли вы меня. Твой собственный ум может к тебе обратиться. Ты думаешь, что это кто-то другой, ан нет… Я чрезмерно многословна. Это потому что я долгие годы пыталась спасти людей, не зная, смогу ли. Иногда очень трудно. Сначала нам с доктором Гербертом никто не верил. А потом вдруг — в Марсель! Ужасно. Мы все бумаги собрали… подделали. Форменная одежда… Все, что нужно. Но я все равно беспокоюсь. Но то, что хотели, сделали. Сказали, что спасем, и спасли. Вот они. И все, больше никаких связей, никаких контактов. Если не преуспеете в Способностях. Итак, всего Вам доброго. Хорошо бы это письмо добралось раньше людей. Такое доверие — смех, да и только. Я имею в виду сообщение «по воздуху». До свидания.

Линда Колдридж

Доктор Герберт Бенджамину Шербану

Настоящим препровождаю список лиц, отправляющихся в опасный путь, к Вам. Миссис Колдридж полагает, что краткое описание каждого

не повредит, ияс ней согласен. Описываю профессиональные характеристики, даю выписки из историй болезни пациентов. В разных лечебницах мы обнаруживали людей, одаренных в зародыше или в потенциале. Способностями, вследствие непонимания воспринятыми как аномалии. К счастью, назначенные процедуры им не повредили. Нелегко было убедить этих людей в наличии у них таких способностей, ибо весь образ нашего мышления приспособлен к восприятию подобного рода информации как антинаучного бреда. Но помогли терпение, кропотливая долголетняя работа за спиной начальства. Психлечебницы на этой планете никоим образом не лучшие места. Все эти люди привыкли встречать непонимание со стороны окружающих, испытывать трудности — это лишь повышает их ценность. Сужу по собственному опыту. Когда я обнаружил в себе Способности, первой моей реакцией было: враг у ворот! До встречи с миссис Колдридж, до того, как понял ее, я остерегался блуждать в совершенно новой и незнакомой мне области, воспринимал ее как вражескую территорию.

Пишу и дивлюсь несовершенству нашего языка. Наша теперешняя жизнь хуже, чем предупреждали нас худшие из кошмаров. Но мы все же выжили,

некоторые продолжат жизнь. И это все, что нам, людям, надо. В данном случае меня вдохновляет пример миссис Колдрилж. А ведь что пришлось испытать этой женщине! Если день за днем существовать в нескончаемом аду и пережить все это, то что потом окажется недостижимым? Когда я впервые встретил ее в больнице Ломаке, в безобразном пригороде безобразнейшего из городов мира, она представляла собой настоящий скелет с испуганными голубыми глазами, в котором никак нельзя было заподозрить какие-либо способности, кроме способности умереть. Но она научила меня стойкости, смелости, и не меня одного. А без смелости у нас сейчас ничего не выйдет. Примите мои наилучшие пожелания и надежды на счастливый исход Вашей попытки. Доверяю Вам этих людей. Расстаюсь с ними с тем чувством, с каким малыш запускает в ручей бумажный кораблик. Буду молиться за Вас и за них. Замечу в скобках, что миссис Колдридж к религии относится без почтения. Учитывая, что этой женщине пришлось пережить, я ее не осуждаю.

Бенджамин Шербан Джорджу Шербану

Привет, братишка!

Мы в сборе, в полном порядке, нас пять сотен.

Побережье Тихого океана — кошмар неописуемый. Но пресная вода здесь удовлетворительная, пищи хватает, местных жителей нет, двадцать лет назад их выгнали перед испытаниями водородных бомб. Пока все в порядке, не считая мелких заболеваний, для борьбы с которыми у нас достаточно и лекарств и медиков. Уже обустроились, и даже с удобствами, хотя и не вполне люкс. Мелкий раишко — надолго ли? Все еще дивлюсь, что мы живы. Борюсь с соблазном сунуть это письмо в бутылку и бросить в океан, отсылаю свое послание с каноэ, затем его ждет калоша побольше, ну а потом — авиапочта. Остатки цивилизации, которой мы были столь недовольны. Прими заверения в совершеннейшем… Остаюсь твоим покорным слугой,

Бенджамин.

P. S. Полагаю, что Сюзанна в лагере 7 в Андах, ты, наверное, уже знаешь. С ней Касем и Лейла.

Джордж Шербан Шарме Пател

Дражайшая Шарма, прежде всего, приветствую!

В любом стиле, на любой манер, как прикажешь. Уверяю, что вовсе не смеюсь над тобой. Пишу в спешке, впопыхах, ибо у меня создалось впечатление, что планы твои изменились. Пом-

ню, что обычно на мои заявления подобного рода ты отвечаешь смехом. Печалюсь, ибо хочу тебе кое-что сказать, но чувствую, что ты и слушать не захочешь. Но вдруг… Поэтому я настаиваю: прошу тебя не меняй намерений, отбудь в намеченное ранее время. Заклинаю тебя не посещать Восьмой лагерь. И возьми с собой столько народу, сколько сумеешь, как можно больше. Не оставайся там, где ты сейчас, и избегай Восьмого лагеря! Как мне тебя уговорить? Знаю, что ты не послушаешься, но не могу не пытаться.

Поверь мне, Шарма. Если я скажу тебе: брось пост лидера своей армии, оставь свои привилегии и откажись от ответственности, ты в ответ прочитаешь мне лекцию о моей неспособности оценить равноправие, о роли женщин. Но в то же время ты вдруг сама все бросаешь, неожиданно для себя самой и сама себе удивляясь, и слепо следуешь за мной. И вот ты улыбаешься мне — и с этого мгновения ни в чем со мной не соглашаешься, ни в чем мне не доверяешь. Вся твоя жизнь превращается в спектакль под названием «Он меня не понимает!» Тебе это по душе? Прошу тебя, Шарма, прошу… Послушай меня, любовь моя, послушай…

(См. «Историю Шикасты», том 3015 «Век Разру-

шения; Война XX века: третья (последняя) фаза».)

Сюзанна из Седьмого лагеря в Андах Джорджу Шербану

Дорогой мой!

Сегодня холодно. Трудно привыкнуть к этой высоте. Касем и Лейла здоровы, это главное. Многим здесь трудно, у них проблемы с дыханием. У врачей работы по горло. К счастью, лекарств хватает. Однако надолго ли? Прибыли 63 человека из Франции. Говорят, от Европы мало что уцелело. Новеньким есть что рассказать, но я не хочу слушать. Что сделано, то сделано. Поэтому я оставила их, вернулась в нашу лачугу. Хорошо бы разжиться теплыми вещами для детей. Их у нас уже почти 1200. Как ты сказал, так я и сделала, поручила детей Хуаните. Она привлекла мужа, и у них неплохо получается. Детям они нравятся. Сегодня 94 человека прибыли из Северной Америки. Они хотят остаться с нами, но я сказала, что лагерь переполнен. И это действительно так. Как всех прокормить? Это моя главная забота. Я разрешила им пока остаться передохнуть, а потом пусть идут в Четвертый. До него всего 200 миль. Тех, кто совсем ослабел, и детей могут оставить. Говорят, в Северной Америке плохо, но я опять не стала слушать. У меня своя работа.

Можешь достать детскую обувь? Надо основать еще лагеря, если поток беженцев не ослабнет. Касем хочет отправиться к тебе, но я возражаю, мал он еще. Хотя ему уже пятнадцать. И Лейла туда же. Я наотрез отказала, но пообещала спросить у тебя. Как скажешь, так и будет.

Когда проводишь зиму на севере — это хорошо с точки зрения предотвращения эпидемий, но людям приходится несладко. Опять мрачные мысли.

Вернулся Филипп, сказал, что видел тебя, что ты погружен в работу, что прибудешь через неделю. Когда приедешь, нам придется пожениться, потому что я беременна. Конечно, все говорят, что в теперешние времена это неважно, но мы должны быть образцовой парой.

Беременности моей уже два месяца и два дня. Надеюсь, это мальчик, но с моим везением должна непременно получиться девочка. Впрочем, я и на девочку не обижусь.

Педро отлично починил крышу нашей халупы. Славный мальчишка. Хочу предложить тебе его усыновить. Просто сказать Педро, что мы его считаем своим ребенком. Это его поддержит. Нехорошо для восьмилетнего ребенка расти без родителей. Можно устроить в честь усыновле-

ния небольшой праздник. А потом довести число детей до дюжины. Многое с шутки начинается.

Но Педро я ничего не скажу, пока ты не согласишься.

В центре лагеря горит большой костер, в небе луна, вид прекрасный. Люди сидят, делятся историями, рассказывают, что с ними приключилось. Поют, в основном что-то печальное, иногда про любовь. Детей скоро нарожают уйму, придется кормить. Врачи следят за беременными и за детьми.

Все делается, как ты велел, дорогой.

Очень без тебя скучаю, хотя знаю, ты не любишь таких слюнявых признаний. Скучаешь ли ты, не спрашиваю, все равно отделаешься улыбкой.

В общем, с Богом, до свидания на следующей неделе.

Твоя Сюзанна

Письмо от Касема Шербана

Здравствуйте, дорогая Лейла и дорогая Сюзанна! Привет Педро, Филиппу, Анки, Шошоне.

И поцелуйте за меня маленькую Рэчел, самую главную и знаменитую. Скажите ей, что у меня есть для нее красивая желтая птичка.

В общем, всем приветы и пожелания. Понимаю,

что Сюзанна ждет, что я расскажу ей о Джордже, но рассказывать мне нечего, потому что я застал его уже отбывающим на север, и он мне сразу всего напоручал и выпихнул прочь. Но сообщил приятную новость, и я надеюсь, что на этот раз у тебя, Сюзанна, наконец появится мальчик. А как же иначе!

Городишко совсем новый. Я прибыл сюда на прошлой неделе. Странно выглядит. Конечно, камень, дерево, вощеная бумага… Но вот формы… Я еще толком не осмыслил. Я сюда пришел, как во сне. Что еще хуже, поджилки тряслись. В конце концов, я молодой, этого не скроешь, на мне старая армейская форма, а они гнали юнармейцев и даже убивали их до Третьей мировой. Короче охотники охотились. Как в старой песне:

Охотники охотились, Вся птица улетела; Пока они охотились, Деревня их сгорела.

Больше не помню. И вспоминать не хочу. И как выжили — не постигаю. Сколько раз решал больше об этом не думать, а вот, снова лезет в голову.

В общем, в город я спустился, стуча зубами от страха. Не знал, чего ждать. Надеялся уговорить их, что я хороший. У них на центральной площади фонтан. Каменный бассейн. Я подошел к этому

фонтану, там люди были. Но почему-то убеждать их не пришлось, никто и не считал меня плохим. Странно?

Есть в городишке гостиница. Приблудных туда пускают на неделю, кормят. Найдешь за это время работу — можешь оставаться, нет — топай дальше. Поиском работы я не озадачивался, мне Джордж велел искать факты. Для этого нужно задавать вопросы, чем я и занялся. Где? В той же гостинице, в кафе, в лавке, на площади у фонтана. Кому? Людям, самым разным. И люди не отказывались отвечать на мои вопросы. Факты… Сейчас в мире меньше фактов, чем было до катастрофы. Женщина с севера, из Аргентины, пригласила меня к себе домой, рассказала о пережитом, устроила мне встречи со своими знакомыми. Что-то вроде смутного воспоминания забрезжило в моем сознании; ночами я лежал без сна, пытаясь понять, о чем же вспоминаю. Как будто Рэчел, Ольга, Симон рассказывали мне, как они учились у других людей, учились у времени. Я встречаюсь с людьми, и они почему — то сразу понимают, кто я и что меня интересует, знают, что мне сказать. Очень странное чувство. Многое странно, иногда и не знаю, что именно.

Взять, к примеру, форму, планировку этого

поселения. Да и нет никакой у него планировки. И архитектора тоже нет. Но, если взглянуть на него с высоты птичьего полета, видно, что город растет в форме шестиконечной звезды. Я понял это, когда однажды утром вышел на прогулку и взобрался на холм. Кого я ни спрашивал, никто не смог мне ничего сказать о планировке, о плане развития или генеральном плане — ни о чем подобном здесь и представления не имели.

И еще одно я заметил. Когда я зашел в город, я понимал как нечто само собой разумеющееся, что в нем есть партии и правители, и войска, и полиция, и что я должен следить за каждым своим шагом, за каждым словом. Как все мы привыкли. Я не имею в виду маленькую Рэчел, или даже Педро или Филиппа. Следить за собой — в нас это вдолбили. Но, проведя в городе день-другой, я почувствовал облегчение. Как будто зевнул и потянулся, расслабился. Я понял, что не боюсь не так шагнуть, не то ляпнуть и оказаться за это за решеткой, а то и под землей с отделенной от тела головой. Не верилось. Да и теперь не верится. Я ни разу не видел драк. Не видел, чтобы кто-то швырял камни, бил стекла, витрины, чтобы волокли куда-то вопящих людей. Живет здесь один очень старый индеец,

мы с ним беседовали, я поделился с ним своим изумлением, а он ответил, что я дитя большой беды и должен менять свои привычки. Знаете, оказывается, когда сюда давным-давно пришли путешественники, здесь жили гиганты? Старый индеец сказал мне это. Он сказал, что учился в Белой Школе, его предки знали о старых временах. Что ж, лучше не будем заострять внимание на фактах, зарегистрированных мною в этом городе. Завтра я его покидаю. Я надеялся, что люди, которые были ко мне столь добры, скажут: в следующем городе обрати внимание на то-то и то-то, — но не дождался. Со мной идут еще шестеро: старик-ученый из Тель-Авива, девушка из Объединенных Арабских Эмиратов, старуха из Норвегии и женщина с Урала с двумя детьми. Говорят, в соседнем городе нужны рабочие руки.

Прошла неделя. Спускаясь в долину, где раскинулся следующий городок, я всмотрелся, стремясь определить его форму. Граница города представляла собой волнистую окружность. Волнистость эта вызывалась окружающими городок садами. Как и предыдущем городке, здесь есть вымощенная камнем центральная площадь с фонтаном, неглубокий бассейн которого сложен из какого-то желтовато-розового минерала.

Струи фонтана образуют узор, тот же узор повторяется и на дне бассейна, он же украшает стены домов, мостовые, кровли домов. Прекрасное место! И здесь тоже никто ничего не знает о планировке. Как будто этот городок вырос сам по себе, как куст на лугу. Нас разместили в гостинице, женщина с детьми нашла работу в поле, а ученый в лаборатории. Остальным пока не повезло.

Снова люди рассказывают мне, что я хочу знать, отвечают на мои вопросы. Я узнаю, что это за местность, кто живет в городе, чем они занимались до войны, о чем они думают, мечтают. Собственные мысли меня пугают, но это мои мысли, и я должен с ними сладить. Завтра я ухожу, и со мной девушка-арабка и старая норвежка. Они пока не нашли работу. И еще один попутчик появился у нас — ягуар, пришедший в гостиницу вечером и оставшийся до утра. Никто здесь его не знает. Мы предложили зверю миску кукурузной каши и миску простокваши. Думали, что он с отвращением отвернется, но он вылизал обе миски. Кроме ягуара с нами также путешествуют птица крошки Рэчел — не настоящая, сделанная из соломы — и симпатичная дворняга, которой я весьма приглянулся. Собака и ягуар

бросились вперед, когда мы зашагали по дороге дальше.

Прошла еще неделя.

Чтобы попасть в следующий город, мы карабкались вверх по склону холма. Город оказался восьмиугольным, но мы это поняли, лишь когда прошли по нему. Его составляли сомкнутые шестиугольники. Шестиугольники — сады, заборы — дома. Странные дома, если сравнить с обычными, привычными, из кирпича обожженного и необожженного, из сушеной травы и лакированной бумаги. Все здесь легкое, воздушное. Центральная площадь в виде звезды, на ней фонтан, камень и вода которого перекликаются друг с другом. Узоры на стенах иные, чем в предыдущем городе. Старая норвежка нашла работу при гостинице, на кухне. Девушка из ОАЭ осталась с мужчиной, с которым познакомилась у фонтана. Так что теперь у меня лишь двое попутчиков — ягуар и пес. Разговаривал с местными жителями.

Ну а сейчас попытаюсь сформулировать то, о чем я думал, шагая по дорогам, взбираясь на холмы. Мы полагали, что Джордж особенный — и это так, не спорю. Но я встретил многих таких же, как Джордж. Можете вы это понять,

Сюзанна и все вы, там? Люди, которых я встречал в городах и с которыми шагал по дорогам, с которыми встречался в пути, эти люди той же породы, что и Джордж. Они такие же. Понимаю, что этого не может быть, и тем не менее я пришел к такому выводу. Все больше становится таких людей, как Джордж.

В этом городе все то же самое. Привыкаю входить в город, расслабившись, не сжавшись в пружину, не на цыпочках, не чувствуя себя до смерти испуганным при встрече с группой молодых людей. Что ж, я и сам пока еще не старик. Полагаете, что так же жилось в городах и раньше? И народ был спокоен, и все шло по порядку без законов и правил, без приказов и армий? И тюрем, тюрем, тюрем... Могло ли такое быть? Невероятная мысль, но, может, верная?

Четыре месяца прошло. Еще в четырех городах я побывал, все новые. Построены в виде геометрических фигур: треугольника, квадрата, еще одного круга, шестиугольника. Люди покидают старые города и строят новые в новых местах по-новому. Значит ли это, что они и мыслят по-новому? Они вспоминают о старых городах, как об аде. Не значит ли это, что и в сердцах у них тоже ад?

Новые попутчики, новые рассказчики. Со всех концов света. Сюзанна, полагаю, ты была абсолютно права, когда не желала слушать ужасы о событиях в Европе и в мире. А ведь раньше я не думал, что ты права, я тебя даже презирал. Я говорю тебе это, потому что ты добрая, Сюзанна, ты не обидишься. Я тут кое-что заметил. Я иду по дорогам с верными своими псом и ягуаром, иногда с какими-либо попутчиками. И когда речь заходит о чем-то ужасном, люди как будто не слышат. Нет, они слушают. Но не слышат, просто не в состоянии услышать. Они не верят в это. Иногда я и сам не верю. Как будто ужасное не из этого мира. Не знаю даже, как это выразить. Когда случается что-то ужасное, наш ум не воспринимает его. Между улыбкой, предложением стакана воды и падающими с неба бомбами, испепеляющими лазерными лучами — пропасть. Поэтому никто не в состоянии предотвратить ужасы. Никто не в состоянии оценить эти ужасы.

Я понял, что этот рассеянный пустой взгляд остался от прошлого. Он не принадлежит настоящему. Сейчас мы намного более живые, бодрые, нам не надо все время спать. Мы стали цельными, гармоничными натурами, мы больше не скроен-

ные из обрывков тряпичные куклы. Понимаете, что я имею в виду?

Увы, лишился я своих верных друзей — ягуара и дворняги. Поднимаясь по узкой тропе мимо лугов, мы встретили пастуха с собакой и ослом. Я сразу забеспокоился насчет ягуара. Собака-то меня слушалась, а вот ягуар... Пастух, молодой человек живущий с женой и с двумя детьми в маленьком домишке на склоне холма, тоже насторожился и занервничал. Но собака моя сразу подружилась с его собакой, а ягуар улегся рядом с обоими псами. Жена пастуха вьшесла миску молока, ягуар ее залпом осушил. Я переночевал там, а утром отправился дальше один, потому что мои спутники решили остаться с пастухом и его женой. Отойдя подальше, я обернулся и увидел, что ягуар помогает пастуху и собакам направлять овец.

Более двадцати миль я прошагал один, а затем увидел впереди человеческую фигуру и подумал, что это Джордж. И действительно, это оказался Джордж.

Он сообщил мне, что ты родила мальчика, Сюзанна. Я очень рад. Джордж сказал, что его назовут Бенджамином, из чего я заключил, что наш Бенджамин умер. Бенджамин и Рэчел,

Весь долгий свой путь, в гостиницах и на дорогах, я размышлял, о чем спрошу Джорджа. И я спросил его о городах, почему они такие, и он ответил, что города эти функциональны.

Он сказал, что вы строите там, наверху, город и что этот город будет похож на старую звезду Давида. Я спросил, как узнать, где и какой город следует строить. Джордж ответил, что я сам это пойму, когда повзрослею.

Он завел меня в один из небольших старых городов на притоке Риу-Негру. Неприятное чувство охватило меня, как только мы туда вошли. Этот город умирает, люди бегут из него. Постройки обрушиваются, их никто не ремонтирует. Центр совсем вымер.

Я спросил:

— Почему?

И вновь он ответил:

— Новые города функциональны.

Я понял, что подробного объяснения не дождусь, что придется соображать самому.

Ночь мы провели в полуразвалившемся отеле. Народ там держался настороженно. Мне стало не по себе, да и Джордж чувствовал себя не лучшим образом. На следующий день мы бесцельно бродили по городу. Люди замечали Джорджа,

обращались к нему с вопросами, и он отвечал. Некоторые молча следовали за нами. Выглядели все тут задерганными и усталыми.

Вечером мы покинули город, около трехсот человек без приглашения последовали за нами. Ночью сильно похолодало, сгустился туман, ощущение было паршивое, но все шагали без жалоб, не отставая, не растягиваясь.

Поднялось солнце, но теплее не стало. И мучил голод.

Джордж остановился на крутом скалистом склоне перед выходом на плато. Над нами кружили уже освещенные солнцем птицы. Не помню, чтобы я когда-нибудь в жизни ощущал подобный холод.

Джордж заметил совершенно обыденным голосом, что неплохо бы основать здесь город.

— Где? Где именно начать строительство? — спрашивали его. Но он не ответил.

Голод становился нестерпимым. Тут из-за скалы вышел пастух со стадом, мы купили несколько овец, развели костры, стали готовить завтрак.

Человек двадцать из нас принялись обследовать склон и плато, и вдруг все поняли, где следует начать строительство. Мы наткнулись на ключ, питавший ручей. Здесь должен был зародиться

новый город, город пятиконечной звезды. Нашли сырье для производства кирпича, начали разбивку садов и полей. Каждый день группа уходила в старый город за провизией и материалами. Росли первые дома, мостилась центральная площадь, приобретал очертания бассейн фонтана. Сами собою под нашими руками появлялись узоры, как будто кто-то обучил нас этому искусству. Чудесное место, высокое небо, большие птицы придирчиво следят за работой.

Через несколько дней Джордж покинул нас. Я проводил его.

— Что происходит, почему все так меняется? — спросил я его.

И он сказал мне.

Он сказал, что отправляется в Европу. Сказал, что ты знаешь это, но не думала, что это произойдет так скоро. Он велел мне передать тебе, Сюзанна, что, когда он закончит работу в Европе, задача его будет выполнена. И лишь когда Джордж уже ушел, я понял, что тогда он умрет и мы его больше не увидим.

Я пишу эти строки, сидя на низкой белой стене, расписанной синим узором. Вокруг меня работают люди. Живем пока в палатках, много трудностей, но это никому не мешает. Все про-

исходит по-новому, без споров и раздоров, без обвинений, драк, убийств. Все это в прошлом, забыто и похоронено.

Как мы жили тогда, раньше? Как мы это переносили? Мыкались во тьме, жаркой и душной, полной врагов и опасностей; слепые, подозрительные, боязливые.

Бедные люди минувших дней, ничего не ведавшие на протяжении тысячелетий, блуждавшие, спотыкавшиеся, к чему — то тянувшиеся, не знавшие, что с ними происходит, к чему они стремятся.

Не могу не думать о них, о наших предках, несчастных человеко-животных, убивающих и разрушающих, неспособных к иному.

А мы продолжаем подъем, омывает нас пение ветра, затягиваются раны, умы проясняются и заполняются новым знанием, новым стремлением.

И мы вместе. Мы все вместе.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ

1. Краткая история Канопуса.

2. Контакты между Канопусом и Сириусом: том 1. Война, том 2. Мир.

3. История Сириуса.

4. История Путтиоры.

5. Шаммат Постыдная.

6. Тофик. Воспоминания.

7. Назар, Уссел, Тофик, Джохор. Избранное.

8. Эксперименты Сириуса на Шикасте.

9. Период Предпоследних Дней.

10. Шикаста накануне катастрофы.

11. Раса «малышей»: торговля, искусство, металлургия.

12. Деятельность последних эмиссаров: краткий курс.

13. Сказания Трех Планет.

Более подробно информацию об узах Канопуса (на Шикасте — ВС): свойства, плотность, воздействие на различные виды, полное отсутствие (Шаммат) — см. в учебнике физики в соответствующем разделе.